

天
下
萬
物
皆
有
理

理
之
所
在
不
同
而
理
之
一
也

理
之
一
也

理
之
所
在
不
同
而
理
之
一
也

理
之
所
在
不
同
而
理
之
一
也

理
之
所
在
不
同
而
理
之
一
也

理
之
所
在
不
同
而
理
之
一
也

理
之
所
在
不
同
而
理
之
一
也

理
之
所
在
不
同
而
理
之
一
也

ТЗН
001
1-400
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ

СЕВЕРНАЯ АФРИКА

В IV-V
ВЕКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ

СЕВЕРНАЯ АФРИКА

В IV-V
ВЕКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — 1961

Ответственный редактор
Е. М. ШТАЕРМАН

ВВЕДЕНИЕ

Проблема гибели античного общества и развития феодальных отношений в Средиземноморье продолжает привлекать в наши дни внимание историков. В 1953—1956 гг. эта проблема подверглась в советской историографии оживленному обсуждению, которое показало, что наиболее спорным и неясным в истории поздней античности является вопрос о характере социально-экономического строя Римской империи IV—V вв. Если среди историков-марксистов не вызывает сомнения тот тезис, что падение Западной империи было обусловлено кризисом рабовладельческого способа производства, то формы проявления этого кризиса, его социальные и экономические последствия и степень развития феодальных отношений в рамках римского общества продолжают составлять предмет дискуссий. С другой стороны, хотя со времен Гиббона в исторической литературе прочно укоренилось представление о внутренней слабости Поздней империи как важнейшем условии, предопределившем ее завоевание «варварами», причины этой слабости получают самые разнообразные объяснения и нередко служат в Западной Европе и Америке пищей для тенденциозных исторических параллелей или модных философских спекуляций. Это лишний раз подчеркивает необходимость тщательного изучения тех процессов экономического и общественного развития, которые подготовили распад и гибель Римской империи.

В течение последних десятилетий проделана немалая работа по изучению отдельных сторон экономической жизни Поздней империи, в особенности форм труда, налоговой системы, торговли и денежного хозяйства. Ряд исследований по этим вопросам, опубликованных советскими

и зарубежными историками, позволил значительно пополнить и обновить научные представления об экономической структуре позднеримского общества. Однако, поскольку в большинстве исследований изучаемые вопросы рассматриваются применительно ко всей империи (или к ее западной либо восточной половине), они не позволяют в достаточной мере выявить особенности социально-экономического развития отдельных районов римского мира. Между тем достаточно обоснованные и конкретные выводы, относящиеся к Поздней империи в целом, возможны лишь на базе изучения истории отдельных провинций.

История Римской Африки периода Поздней империи предоставляет сравнительно благоприятные возможности для исследования указанного круга проблем. Мы располагаем большим количеством местных литературных источников, главным образом произведений церковных писателей, которые позволяют воссоздать хотя и неполную, но все же в ряде случаев довольно детальную картину хозяйственной жизни, общественных отношений, социальной и религиозной борьбы IV—V вв. Относительно богат также эпиграфический материал, относящийся к Африке этого времени. Кодексы Феодосия и Юстиниана содержат много императорских распоряжений, касающихся специально африканских провинций, что нередко позволяет уяснить особенности политики позднеримского государства в этом районе и расширяет круг сведений о социально-экономическом строе Римской Африки.

Настоящая работа не претендует на последовательное и полное изложение политической истории африканских провинций в IV—V вв. Ее основная цель, как это видно уже из сказанного выше, состоит в изучении экономических и общественных отношений и классовой борьбы. В связи с этим автор считал также необходимым рассмотреть более подробно те явления политической и религиозной жизни, которые позволяют в той или иной мере установить характер основных социальных противоречий и позиции различных общественных групп. Вместе с тем задача изучения кризиса античного общества в Северной Африке потребовала выйти за рамки истории собственно римских провинций и привлечь материал, относящийся к периоду господства вандалов в этом районе. В данном случае мы не ставили своей целью изучение истории Вандальского королевства в Северной

Африке во всех ее аспектах, но лишь пытались оценить социально-экономические последствия «варварского» завоевания, его роль и место в процессе перехода от античного рабовладельческого строя к феодализму. Попытка рассмотрения этого вопроса представлялась тем более целесообразной, что в последние годы к фрагментарным данным литературных источников о Вандальском королевстве присоединился такой интересный документ по аграрной истории, как найденные в Алжире акты продажи земли конца V в. (так называемые «Таблички Альбертини»)¹.

Проблемы истории поздней Римской Африки не являются новыми для марксистской историографии. Ими много и плодотворно занимался Н. А. Машкин, который еще в 1935 г. опубликовал большую статью, посвященную классовой и религиозной борьбе IV—V вв.² Изложенная в этой работе концепция движения агонистиков и его связей с определенными течениями в африканском христианстве в настоящее время является наиболее обоснованной. Впоследствии Н. А. Машкин продолжил изучение этих вопросов, а также рассмотрел некоторые существенные особенности развития африканских городов в III—IV вв.³ Историей народных движений в поздней Римской Африке занимался также А. Д. Дмитриев⁴. Ряд интересных соображений по поводу социально-экономического строя Вандальского королевства высказала З. В. Удальцова⁵.

История Северной Африки в период Поздней империи и Вандальского королевства все больше привлекает в последнее время внимание западных историков. В 1954 г. была опубликована монография Уормингтона, в которой едва ли не впервые в историографии была сделана попытка

¹ «Tablettes Albertini. Actes privés de l'époque vandale (fin du V siècle)» (далее «Tablettes Albertini»), éd. par. Chr. Courtois, L. Leschi, Ch. Ferrat, Ch. Saumagne. Paris, 1952.

² Н. А. М а ш к и н. Движение агонистиков (из истории Римской Африки IV в.). «Историк-марксист», 1935, № 1, стр. 28—52.

³ Н. А. М а ш к и н. Агонистики, или циркумцеллионы, в кодексе Феодосия. ВДИ, 1938, № 1, стр. 82—92; е г о ж е. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке. ВДИ, 1949, № 4, стр. 51—61; е г о ж е. Городской строй Римской Африки. ВДИ, 1951, № 1, стр. 65—82.

⁴ А. Д. Д м и т р е в. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах. ВДИ, 1948, № 3, стр. 66—78.

⁵ З. В. У д а л ь ц о в а. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане. ВВ, т. VI, 1953, стр. 88—112

сочетать изложение политической истории африканских провинций Поздней империи с очерком их социально-экономического строя⁶. Автор уделит значительное место истории африканских городов, что позволило ему пересмотреть традиционный взгляд об их полном упадке в этот период, дал содержательную характеристику аграрных отношений, удачно исследовал вопрос о социальном составе массового религиозного движения донатистов. Значительный интерес и по проблематике, и по результатам исследования представляет книга Кристиана Куртуа «Вандалы и Африка»⁷. В отличие от своих предшественников, рассматривавших историю Северной Африки после вандалского завоевания только как историю Вандалского королевства, автор стремится показать возросшую в V в. роль туземных берберских племен и уделяет в связи с этим значительное внимание процессу завоевания ими ряда районов бывших римских провинций. В книге Куртуа содержатся также интересные наблюдения по отдельным вопросам социально-экономической истории поздней Римской Африки и государства вандалов⁸. Весьма существенный вклад в изучение религиозной борьбы в Римской Африке внесли капитальные работы Френда и Бриссона⁹, в которых особенно примечательным является стремление авторов выяснить социально-политическое содержание этой борьбы.

Мы назвали лишь те работы западных историков, которые представляют наиболее непосредственный интерес для нашей темы. Перечисление многих книг и статей, в той или иной мере затрагивающих историю поздней Римской Африки либо посвященных анализу отдельных более частных вопросов, заняло бы слишком много места. Необходимо, однако, указать на некоторые наиболее типичные для западной историографии концепции истории Северной Африки IV—V вв.

Кризис и падение римской власти в Африке рассматриваются в подавляющем большинстве работ западноевропей-

⁶ B. H. Warmington. The North African Provinces from Diocletian to the Vandal Conquest. Cambridge, 1954.

⁷ Chr. Courtois. Les Vandales et l'Afrique. Paris, 1955.

⁸ Рецензию на работы Уормингтона и Куртуа см. в ВДИ, 1956, № 1.

⁹ W. H. C. Friend. The Donatist Church. A Movement of Protest in Roman North Africa. Oxford, 1952; J.-P. Brisson. Autonomisme et Christianisme dans l'Afrique Romaine. Paris, 1958.

ских и американских историков не как этап перехода от старого общественного строя к новому, но прежде всего как деталь в общей картине гибели римской цивилизации и возвращения к варварству. Отрицательное значение этого процесса обычно не вызывает сомнений у исследователей. Для Куртуа «дероманизация» Африки — это «драма», захват дикой природой территории, оставленной людьми. В тех же мрачных тонах рисуют упадок римской власти многие другие авторы. При этом весьма характерно, что в работах последних лет, особенно во французских, как наиболее отрицательный факт рассматривается не столько завоевание Африки вандалами, сколько связанное с ним расширение территории, захваченной берберами. Куртуа видит секрет «драмы Африки» в том, что благодаря религиозным противоречиям римлян с арианами-вандалами оказалось невозможным слияние римского и германского миров во имя спасения римской цивилизации от варваров-берберов. Эти идеи Куртуа развил впоследствии Ж. Каркопино¹⁰, который упрекает вандалов в том, что они не смогли установить контакт с более цивилизованными и романизованными берберами и открыли поэтому дорогу диким кочевникам. Вандалы, с точки зрения Каркопино, несут также ответственность за вытеснение латыни семитическим пунийским языком, что облегчило впоследствии завоевание Африки семитами-арабами.

В этих рассуждениях весьма отчетливо проступает влияние настроений определенных кругов французского общества, заинтересованных в сохранении колониального господства Франции в Северной Африке. В римском господстве в Магрибе пытаются найти историческое оправдание современной колониальной политики, а вандальское завоевание рассматривают как событие, которое могло бы при более благоприятном совпадении обстоятельств сохранить «западное влияние» в этой стране. Поскольку вандалам это не удалось, произошло худшее: захват Африки берберами, а потом и арабами. Эта тенденция определенной части современной французской историографии откровеннее всего выражена в книге А. Бертье «Алжир и его прошлое». «Самое неприятное, — пишет автор, — это слишком легко допу-

¹⁰ J. Carcopino. Les Vandales et l'Afrique. «La revue des deux mondes», janvier 1956.

скаемая мысль, что Северная Африка стала частью Востока, населенной арабами... и управляемой исключительно мусульманской религией, которая ведет к игнорированию всего, связывающего население Магриба с нашим западным миром, т. е. солидарности интересов и возможностей сообщества»¹¹. Таким образом, обычное для западной литературы по истории империи акцентирование «цивилизаторской роли» Рима усиливается, поскольку речь идет о Северной Африке, выдержанным в духе империалистической идеологии противопоставлением Запада Востоку. Разумеется, далеко не во всех работах западных историков эти идеи занимают столь доминирующее место, как в книге Бертье, но в той или иной степени они оказывают влияние на большинство исследователей. Даже в таком серьезном труде, как книга Френда, ценность наблюдений автора, относящихся к социальным предпосылкам оппозиционного империи движения донатистов, снижается из-за его стремления представить донатизм одним «из движений, которые вели к уничтожению классической культуры в Западном Средиземноморье»¹². В то же время некоторые авторы (например, Каркопино, Уормингтон) рассматривают историю берберов только с точки зрения влияния на них римской культуры и римских политических учреждений, совершенно не пытаясь выяснить внутреннее содержание развития берберских племен.

Вопрос о судьбах классической культуры и латинского языка в Северной Африке, несомненно, заслуживает изучения, но это не означает, что можно подменять этим вопросом всю проблему перехода от античности к средневековью, которая прежде всего является проблемой социально-экономической истории.

Тенденция к идеализации римского господства в Африке нередко ведет к игнорированию острых классовых противоречий и проникновению в историческую литературу предвзятых схем, находящихся в серьезном противоречии с фактами. Так, Ш. Сомань¹³ в своих работах в неоправ-

¹¹ A. Berthier. *L'Algérie et son passé*. Paris, 1951, p. 19.

¹² Friend. *Op. cit.*, p. 335.

¹³ Ch. Saumagne. *Observation sur deux lois byzantines relatives au colonat dans l'Afrique du Nord*. R.Afr., 1936, p. 485—490; ег о ж е. *Du rôle de l'«origo» et du «census» dans la formation du colonat romain*. «Byzantion», 12, 1937, p. 487 sqq.; ег о ж е. *Le droit*. — «Tablettes Albertini», p. 81—188.

данно розовых тонах рисует юридическое и экономическое положение африканских колоннов и отрицает социальную и антиримскую направленность выступлений трудящихся слоев, Хейвуд объясняет эти выступления чисто религиозными мотивами¹⁴, а Уормингтон вообще отрицает наличие «сколько-нибудь глубоких антиримских настроений среди туземного населения».

При таком подходе к вопросам социальной истории, разумеется, трудно дать в какой-либо мере убедительное объяснение причин падения римского господства. Уормингтон, характеризуя упадок Римской Африки в V в., ссылается на «неодолимые трудности», с которыми столкнулись императоры этого времени, но в чем эти трудности состояли, не разъясняет¹⁵. Каркопино видит причину упадка римской цивилизации в нежелании римлян колонизовать менее доступные районы, что обуславливало проникновение на их территорию нероманизованных берберов¹⁶. Ссылки на те или другие особенности политики Поздней империи преобладают и в других работах, где так или иначе ставится данная проблема. В то же время современные западные авторы отказываются видеть какие-либо иные последствия падения римской власти, кроме вытеснения «цивилизации» «дикостью». В социально-экономическом строе Вандальского королевства они не усматривают сколько-нибудь серьезных отличий от отношений, господствовавших в Римской Африке позднего периода и дают весьма одностороннюю интерпретацию аграрным документам конца V в.

Важно вместе с тем отметить, что в последнее время у некоторых западноевропейских историков начинают обнаруживаться признаки несколько иного подхода к основным проблемам истории Римской Африки. Особый интерес в этом отношении представляет упомянутая выше работа Ж.-П. Бриссона. Автор ее подчеркивает эксплуататорский характер экономических отношений в африканских провинциях и критикует в связи с этим взгляды Со-маня на африканский колонат. Он отчетливо понимает социальную природу антиримских религиозных движений и отказывается видеть в них лишь отражение этнических

¹⁴ R. M. Haywood. Roman Africa. ESAR, t. IV. 1938, p. 116.

¹⁵ Warmingt. Op. cit., p. 113.

¹⁶ Carcopino. Op. cit., p. 233.

противоречий. Заключение Бриссона, что вандалы нашли в Африке «ситуацию, уже созревшую для политической автономии по отношению к империи», свидетельствует о том, что его объяснение причин падения римского господства в Северной Африке отличается большей глубиной, чем у его предшес венников. Книга Бриссона показывает, что и на Западе тенденциозная идеализация римского владычества в Африке начинает наталкиваться на определенное сопротивление¹⁷.

* * *

К середине III в. н. э. Северная Африка представляла собой в экономическом отношении одну из наиболее развитых областей Римской империи¹⁸. Широкое развитие зернового хозяйства, а также культур оливок и винограда прочно закрепило за ней положение важнейшего источника сельскохозяйственных продуктов в западной половине империи. Рост сельскохозяйственного производства в I—II вв. сочетался с интенсивным развитием городов, представлявших собой в социальном отношении коллективы средних и мелких муниципальных землевладельцев¹⁹. Городское землевладение было тесно связано с рабством — к началу III в. рабовладельческая вилла стала типичной формой хозяйства в африканских провинциях. Вместе с тем на землях императора и сенаторской знати широкое распространение в I—II вв. получил другой тип хозяйственной организации — крупное имение, обрабатывавшееся колоннами и обычно сдававшееся в аренду съемщику-кондуктору. По мере расширения возделывавшейся территории, захваченной у туземных племен, обе эти формы проникали во все новые районы. Однако и древние местные формы социально-экономической организации не были целиком вы-

¹⁷ Еще до Бриссона в основном свободное от указанных тенденций изложение древней истории Северной Африки было дано в популярной работе Ш.-А. Жюльена (Ch.-A. Julien. *Histoire de l'Afrique du Nord* (Tunisie — Algérie — Maroc). Paris, 1951, 2 éd.).

¹⁸ О социально-экономическом развитии Римской Африки в I—III вв. см. Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М.—Л., 1957, стр. 204—226; Н а у о о d. *Op. cit.*, p. 33—120.

¹⁹ Ср. Н. А. М а ш к и н. Из истории африканских городов во II—III вв. н. э. ВДИ, 1951, № 2, стр. 70—83.

теснены римским завоеванием. Даже в пределах римских границ, в горных районах Мавретании и Нумидии, сохранялись поселения берберских племен, живших еще в значительной мере в условиях родоплеменного строя. В целом внутренние отношения в африканских провинциях представляли собой весьма сложную и пеструю картину. Экономический расцвет достигался здесь ценой эксплуатации различных категорий тружеников: рабов, колонов, туземного берберского населения, сгоняемого с лучших земель или используемого как рабочая сила в имениях. На плодородной африканской земле сталкивались интересы различных групп господствующих классов: сенаторской аристократии, куриалов, военных слоев. Каждая из этих групп обладала в африканских провинциях достаточно сильными позициями и была кровно заинтересована в их защите и расширении. Кроме того, благодаря своему экономическому значению Африка составляла один из важнейших элементов прочности римской императорской власти в Риме и Италии.

Естественно в этих условиях, что рост внешних и внутренних трудностей империи, приведший к кризису III в., не мог не сказаться на положении в Африке. Политика Максимиана (235—238), как никогда ранее задевавшая интересы имущих слоев, вызвала в африканских провинциях наиболее сильную реакцию. Характерно, что именно в Африке был выдвинут первый из «провинциальных императоров» III в. — проконсул Гордиан, ставленник земельной знати и верхушки африканских городов, недовольных земельными конфискациями и налоговыми поборами Максимиана. С восстания Гордианов в Римской империи начинается период наиболее острой внутривластной борьбы, столь характерной для середины и второй половины III в. Но сама Африка, где разгорелся первый этап этой борьбы, в дальнейшем не принимает в ней заметного участия. После Гордианов местные провинциальные круги не проявляют сколько-нибудь значительных попыток выдвинуть собственных императоров, здесь отсутствуют явные признаки политической активности крупноземельно-владельческих либо военных слоев. Как удачно показала Е. М. Штаерман, причину этого явления следует искать в резком усилении натиска на романизованные и урбанизованные районы африканских провинций туземных

берберских племен²⁰. Наиболее острый характер он имел на западе — в Мавретании, но в отдельные периоды мятежные племена захватывали значительные районы Нумидии, а по некоторым данным, доходили даже до Карфагена²¹. Эти племена — бавары, бакватии, квинквегентанеи — объединялись в сильные военные союзы и нередко действовали, по-видимому, при поддержке местного сельского населения. Борьба с ними составляет основное содержание истории африканских провинций данного периода. Поскольку центральная императорская власть, обессиленная внутренней борьбой и войнами на Дунае, Рейне и на Востоке, не могла оказать значительной военной поддержки африканским провинциям, защиту от племен часто приходилось брать на себя непосредственно гражданскому населению городов и различным слоям землевладельцев. Все это, несомненно, требовало максимального напряжения сил и не оставляло места для какой-либо политической активности.

Бурные события периода восстания Гордианов, опустошительные набеги берберов, наконец, общее напряженное военное и экономическое положение империи — все эти факторы способствовали развитию в африканских провинциях определенных явлений экономического упадка. Если этот упадок и не был столь глубоким и всеобщим, каким его считают некоторые современные исследователи²², то все же экономическое положение страны, несомненно, представлялось современникам весьма тяжелым. Известный фрагмент Киприана²³, в котором говорится о бесплодии полей и деревьев, о том, что рудники не доставляют серебра и золота, на полях нет земледельцев, а в море — моряков, как бы ни были преувеличены его характери-

²⁰ Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 469 сл.

²¹ SHA, Prob., IX, 1. О войнах с берберами в III в. см. R. Cagnat. L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire d'Algérie sous les empereurs. Paris, 1892, p. 53 sq.; P. Romanelli. Storia delle province Romane dell'Africa. Roma, 1959, p. 474 sq.; J. Carcopino. Le Maroc antique. Paris, 1943, p. 233 sq.; Pavis d'Escurac-Doisy. M. Cornelius Octavianus et les révoltes indigènes du troisième siècle. «Libyca», I, 1953, p. 181 sq.

²² Например, Наувоод. Op. cit., p. 174. Критику этих взглядов см. Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 400—401.

²³ Cypri., Ad Demetrianum, 3.

ки, все же не может не отражать в какой-то мере реальной картины хозяйственной жизни. Судя по эпиграфическим данным о взносах куриалов на городские нужды, в этот период значительно ухудшилось экономическое положение средних и мелких муниципальных землевладельцев²⁴. Этому соответствовал и общий упадок городской жизни, выразившийся, в частности, в резком сокращении строительства в городах. Здания, разрушенные или поврежденные набегами берберов, не восстанавливались вплоть до конца III — начала IV в., городские курии были настолько обессилены, что не имели средств даже на производство незначительных ремонтных работ²⁵. Что касается крупных землевладельцев, то они, по-видимому, не только сохранили, но и расширили свои позиции²⁶.

К периоду кризиса III в. относятся серьезные сдвиги в идеологической жизни широких слоев провинциального населения. В городах растет число христиан: резкое ухудшение привычных условий жизни, войны и конфискации, распространявшееся сознание непрочности земных благ и земного бытия создавали благоприятную почву для успеха христианской проповеди в муниципальных кругах. В то же время христианство, очевидно, все шире распространяется среди эксплуатируемых слоев сельского населения: иначе трудно объяснить значительную роль этих слоев в религиозной борьбе, развернувшейся в IV в. внутри христианской церкви. Усложнение социального состава христианских общин вело к развитию внутренних противоречий, которые особенно ярко обнаруживались во время гонений.

Вплоть до самого конца III в. римским силам в Африке удавалось одерживать лишь временные и непрочные победы над берберскими племенами²⁷. Перелом наступил при тетрархии. В 296 или 297 г. август Запада Максимиан

²⁴ A. Bourgalet-Musso. *Recherches économiques sur l'Afrique romaine*. RAfr., 75, 1934, p. 354—414, 491—520.

²⁵ Ср. J. Toutain. *Les cités romaines de la Tunisie*. Paris, 1895, p. 159.

²⁶ О крупном землевладении в Африке в этот период см. ниже, стр. 84—85.

²⁷ Так, презид Мавретании Аврелий Литуа нанес в начале 90-х годов поражение квинквентанеям (CIL, VIII, 8924), однако через несколько лет Максимиану вновь пришлось сражаться с ними.

предпринял крупную военную экспедицию в Африку²⁸. Впервые для борьбы с мятежными племенами в Африку были брошены крупные воинские части из других провинций: в состав войск, находившихся под командованием Максимиана, входили легионы из Аквилеи, Нижней Мезии, Египта, германские и галльские вспомогательные части, ветераны²⁹. Это, очевидно, и определило успех экспедиции. В Мавретании войска Максимиана разгромили квинквентанеев³⁰; возможно, поражения были нанесены и другим племенам. Подробности военных операций Максимиана в Африке нам неизвестны, но в целом их итог оценивался и современниками, и более поздними авторами как полная победа над маврами и установление прочного мира³¹. На монетах запечатлен триумфальный въезд Максимиана в Карфаген, в Риме его победа была отмечена постройкой терм на Квиринале³². В дальнейшем правительство Диоклетиана и Максимиана провело значительные работы по укреплению границ африканских провинций, призванные обезопасить их от новых нападений берберов. Система оборонительных зон — лимесов — подверглась реорганизации: в каждой провинции был учрежден собственный лимес, на границах была сооружена сеть *centenaria* — военных постов с гарнизоном по сто солдат в каждом³³. Все эти мероприятия, закреплявшие решительные победы, одержанные над берберскими племенами, по всей видимости, дали довольно прочный эффект. Во всяком случае вплоть до 60-х годов IV в. мы ничего не слышим о каких-либо вторжениях берберов на римскую территорию; внешний мир в африканских провинциях был обеспечен более чем на полстолетия.

Сравнительно мирная обстановка позволила провести в Африке крупные работы по восстановлению дорог, ирригационных сооружений, общественных зданий в городах.

²⁸ См. W. Seston. *Dioclétien et la Tétrarchie*. Paris, 1946, p. 115 sq.; Romanelli. *Op. cit.*, p. 501 sq.

²⁹ Seston. *Op. cit.*, p. 119.

³⁰ CIL, VIII, 8836.

³¹ Paneg. VI (VII), 8 (XII Panegyrici Latini, rec. G. Baehrens. Leipzig, 1911); Eutrop., IX, 23; Corippus. *Johan.*, I, 478 sqq.; IV, 822 sqq.; VII, 530 sqq. (MGH AA, t. III, p. 2).

³² CIL, VI, 31242; cp. Seston. *Op. cit.*, p. 120.

³³ L. Leschi. *Le Centenarium «Aqua Viva»*. ЕЕАНА, p. 47—57; cp. Seston. *Op. cit.*, p. 120 sq.

В значительной мере эти работы осуществлялись на средства городских курий и богатых горожан, но в большинстве случаев они стимулировались провинциальными властями, которые иногда также принимали участие в их финансировании³⁴. С политической точки зрения такие мероприятия, несомненно, носили реставраторский характер. Правительство тетрархии стремилось восстановить городскую жизнь, во всяком случае в ее внешних формах, пыталось показать муниципальным слоям, что отныне закончилась эра внутренних беспорядков и неуверенности, и продемонстрировать свое покровительство городам. Поддержка муниципальных землевладельцев была немаловажным фактором прочности позиций императорской власти в такой провинции, как Африка, известной гарантией для нее в случае возникновения новых сепаратистских мятежей.

При тетрархии была введена новая структура административного деления африканских провинций, в основном сохранявшая свое значение в течение всего периода Поздней империи³⁵. Из Проконсульской Африки были выделены две новые провинции: Бизацена на юге и Триполитания на востоке, Нумидия и Мавретания подверглись разделению на две провинции каждая (Нумидия впоследствии была воссоединена в одну провинцию; *Mauretania Sitifensis* и *Mauretania Caesariensis* существовали в границах, определенных при Диоклетиане, вплоть до конца римского господства в этом районе). Новое провинциальное деление было связано с разукрупнением как гражданского управления, так и военного командования в Африке: учитывая опыт провинциальных мятежей III в., правительство тетрархии стремилось таким образом уменьшить военную и экономическую мощь провинциальных правителей и верхушки армии.

Упрочение военного положения африканских провинций и подавление мятежей туземного населения развязало

³⁴ C. E. Van Sickle. *The Public Works of Africa in Reign of Diocletian*. «Classical Philology», 25 (1930), p. 173—179, см. также ниже, стр. 41—42.

³⁵ Об административной реформе Диоклетиана в Африке см. R. Cagnat. *La réorganisation de l'Afrique sous Dioclétien*. «Mélanges offerts à L. Havet». Paris, 1909, p. 65—75; Seston. *Op. cit.*, p. 322, 325 sq.; Romanelli. *Op. cit.*, p. 510 sq. О причинах реформы: E. Albertini, G. Marçais, G. Yver. *L'Afrique du Nord française dans l'histoire*. Paris, 1937, p. 107—108.

руки местной земельной знати и позволило ей принять активное участие в той внутривластной борьбе, которая развернулась в империи после отречения Диоклетиана (305 г.). Власть Максенция, провозглашенного в 306 г. августом в Риме, первоначально была признана в Африке³⁶. Однако в 308 г. африканские провинции отпали от империи, а викарий (наместник) Африки Луций Домиций Александр был провозглашен императором. Зосим (II, 12) связывает узурпацию Домиция Александра с мятежом африканских легионов, вызванным якобы популярностью в их среде имени Максимиана, с которым к тому времени порвал Максенций. Однако этот рассказ Зосима содержит ряд совершенно фантастических деталей, что ставит под сомнение его достоверность в целом³⁷. Роль африканской армии в узурпации Александра недостаточно ясна. Во всяком случае в войне с Максением Александр не располагал сколько-нибудь значительными военными силами и в первой же битве потерпел полное поражение от немногочисленных отрядов (*paucissimis cohortibus*) противника³⁸.

Максенций, судя по литературным источникам, смог организовать военную экспедицию для борьбы с Александром лишь в 311 г.³⁹ До этого времени власть последнего распространялась либо на все африканские провинции, либо на их большую часть⁴⁰. Для выяснения социально-политических предпосылок его узурпации следует учитывать общую направленность политики Максенция, которая должна была достаточно четко проявиться в Африке

³⁶ Один из мильных камней с именем Максенция (CIL, VIII, 10382 a, b = 22423) относится еще к 308 г.

³⁷ Ср. G r o a g. Maxentius. RE, Hb. 28, 1930, Sp. 2441; P. S a l a m a. À propos de l'usurpateur africain L. Domitius Alexander. «Bulletin van de Vereeniging tot bevordering der Kennis van de antieke beschaving te's Gravenhage», Jahrgang XXIX, 1954. Leiden, s. 69; E. A l b e r t i n i. Les troupes d'Afrique et leur prétendu mouvement vers l'Égypte en 308. «Mélanges Maspero», II, 2. Paris, 1935—1937, p. 251 sq.

³⁸ A u g. V i c t., Caes., XL, 18; ср. Z o s i m., II, 14.

³⁹ S a l a m a (op. cit., p. 72—73) в качестве конечной даты правления Александра предполагает — на основании сопоставления нумизматических данных — вторую половину 309 г.

⁴⁰ Известны надписи с именем Александра из Проконсульской провинции (CIL, VIII, 22183), Бизацены (CIL, VIII, 231=21959), Нумидии (CIL, VIII, 7004 — Цирта; RAfr., 1951, p. 250 — Куикюль; ILAI, I, 3921). Ср. S a l a m a. Op. cit., p. 70 sq., где опубликованы подобные надписи из Гиппона-Регия и Циртенской Нумидии.

в первые годы его правления. Литературные источники единогласно приписывают Максенцию антисенатскую политику: конфискации, смертные казни представителей знатных родов и т. п.⁴¹ Аврелий Виктор сообщает о введении Максенцием нового денежного налога на сенаторов⁴². Имеются также эпиграфические данные о крупных денежных обложениях римской знати в период его правления⁴³. Подобные мероприятия не могли не затрагивать членов сенаторского сословия, имевших владения в Африке: налоговым поступлениям из африканских провинций в Рим всегда придавалось особое значение. В этих условиях африканская земельная знать, естественно, была заинтересована в выдвижении «своего» императора, чья власть не была бы связана с обременительными материальными жертвами. Предположение о подобном происхождении мятежа Домиция Александра подтверждается характером репрессивных мер, предпринятых Максенцием после его подавления. По сообщению Зосима, преследованию в Африке подверглись прежде всего люди, выделявшиеся знатностью или достатком (ὅσοι κατὰ τὴν Λιβύην ἦσαν γένους ἢ περιουσίας εἴ ἔχοντες)⁴⁴. В период правления Домиция Александра Африка не направляла в Рим обычных натуральных поставок⁴⁵, что значительно облегчало, конечно, налоговое бремя с различных категорий земель, в том числе и с крупных частных имений.

Узурпация Домиция Александра во многом напоминает восстание Гордианов. В обоих случаях центральной императорской власти, проводящей антисенатскую политику и пытающейся упрочить свое финансовое положение и поддержку армии за счет материальных ресурсов земельной знати, противостоят «императоры», тесно связанные с крупнособственническими кругами африканских провинций. При этом Александр, так же как и Гордианы, не проводил сознательной сепаратистской политики. Монеты, выпущенные

⁴¹ Paneg. XII (IX), 4; Euseb., Hist. eccl., VIII, 14, 4; Eutrop., X, 4.

⁴² Aug. Vict., Caes., XL, 24.

⁴³ См. Groag. Op. cit., Sp. 2454 ff.

⁴⁴ Zosim., II, 14; cp. Aug. Vict., Caes., XL, 17—19.

⁴⁵ Euseb., Hist. eccl., VIII, 15; Paneg. IV (X), 4; MGH AA IX p. 148 — о голоде в Риме в период восстания Домиция Александра

в период его правления, свидетельствуют о том, что Африка не отделялась в его политической фразеологии от Рима — *invicta Roma fel(ix) Karthago; Romae aeternae*—и африканский август пытался связать свою власть с римским сенатом—*s(enatus) p(opulus)q(ue) R(omanus) optimo principi*⁴⁶. Мильный камень Александра, где он выступает вместе с Константином — *Imp. dd. nn. L. Domitio Alexandro et Fl. Constantino Augg.* (CIL, VIII, 22183)—подтверждает, что его политической целью было не отделение Африки от империи, а, скорее, консолидация всех сил, враждебных «тирану» Максенцию. Соответственно те африканские senatorские круги, которые поддерживали власть Александра, очевидно, еще не отделяли себя в тот период от имперского senatorского сословия в целом.

Правление Домиция Александра было последним проявлением в Африке политического кризиса, начавшегося в III в. После разгрома Максенция в 312 г. Константин послал в Африку его отрубленную голову⁴⁷. Эта демонстрация, несомненно, была рассчитана на те провинциальные круги, которые преследовал Максенций, мстя им за поддержку Александра⁴⁸. При Константине и его преемниках отсутствуют какие-либо признаки серьезной оппозиции императорской власти со стороны правящих слоев африканских провинций. В течение пяти или шести последующих десятилетий Африка жила в условиях внешнего и внутреннего мира, не прерываемого ни вторжениями берберов, ни войнами претендентов на императорский престол. Но в недрах африканского общества и в этот период зрел выливающийся в различные формы протест эксплуатируемых масс против господствующего строя. События, развернувшиеся в Северной Африке в середине и в конце IV в., показали всю непрочность и относительность этого мира и той консолидации господствующего класса империи, которая была характерна для первых десятилетий домината.

⁴⁶ J. Maurice. *Numismatique Constantinienne*, I. Paris, 1908, p. 361 sq.; ср. S a l a m a. *Op. cit.*, p. 70.

⁴⁷ Paneg. IV (X), 32.

⁴⁸ Ср. W a r m i n g t o n. *Op. cit.*, p. 9.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭКОНОМИКИ АФРИКАНСКИХ ПРОВИНЦИЙ

В IV в. африканские провинции продолжали сохранять значение основного сельскохозяйственного района западной половины империи. С того времени, как Константинополь стал вторым центром империи, долина Нила, ранее дававшая треть хлеба, потребляемого Римом¹, превратилась в базу снабжения хлебом новой столицы. В связи с этим провинции Северо-Западной Африки стали играть роль основного поставщика хлеба для Рима и Италии. Высшие власти империи придавали первостепенное значение своевременному поступлению хлеба из Африки². Всякий раз, когда по тем или иным причинам подвоз зерна из африканского диоцеза прекращался, Рим оказывался перед угрозой голода и волнений плебса³.

Африка была также важнейшим центром производства оливкового масла. В анонимном географическом трактате IV в. говорится, что провинция Африка доставляет масло почти всем народам⁴. Начиная с правления Септимия

¹ Fl av. J os., *Bel. Jud.*, II, 383; ср. H a y w o o d. *Op. cit.*, p. 42—43.

² Сбором и доставкой африканской анноны ведал специальный чиновник высокого ранга — *praefectus annonae Africae*, независимый от местных властей и подчинявшийся непосредственно префекту претория Италии (*«Notitia dignitatum occidentis»*, II, 41).

³ E u s e b. *Hist. eccl.*, VIII, 15; S y m m., *Ep.*, IV, 5; IV, 74; X, 18; C l a u d i u s C l a u d i a n u s. *De bello Gildonico*, I, 34—69; O r o s., VII, 42, 12.

⁴ *«Expositio totius mundi et gentium»*, 61 (*«Geographi latini minores»*, ed. A. Riese.) Helbronn, 1878.

Севера, масло ежегодно привозилось в Рим в качестве составного элемента африканской анноны⁵.

Наряду с земледелием в Северной Африке продолжало сохранять свое значение скотоводство, наиболее распространенной отраслью которого было, очевидно, разведение овец. Скотоводческое хозяйство было характерным главным образом для гористых местностей, где возможности земледелия ограничивались условиями рельефа⁶.

В целом у нас нет оснований полагать, что характер африканского сельского хозяйства, соотношение отдельных его отраслей, их географическое распределение претерпели какие-либо серьезные изменения по сравнению с временем Ранней империи. Во всяком случае наши источники не сообщают никаких сведений на этот счет. В целом отрывочные и крайне суммарные данные римских авторов IV в. и кодексов в основных чертах соответствуют тем выводам, которые вытекают из изучения археологического и эпиграфического материала, относящегося ко времени Ранней империи либо не поддающегося датировке каким-либо ограниченным периодом истории африканских провинций⁷. Эти выводы могут быть вкратце сведены примерно к следующим. Для африканского земледелия было характерным сочетание зерновых культур с возделыванием винограда,

⁵ R. Cagnat. L'annone d'Afrique. «Mem. de l'Inst. Nation. de France, Acad. des Inscr. et B.-L.», 40 (1916), p. 247 sq; ср. CTh, XIV, 15, 3.

⁶ Aug., Ep., 93, 19; ср. 33, 5; 91, 5.

⁷ Наиболее полную сводку археологических данных содержат «Atlas archéologique de Tunisie» par E. Babelon, R. Cagnat et S. Reinach. Paris, 1892—1913; «Atlas archéologique de l'Algérie» par St. Gsell. Paris, 1902—1913. Обзор наиболее характерных археологических памятников, в том числе относящихся к сельскому хозяйству: St. Gsell. Les monuments antiques de l'Algérie. Paris, 1901. Из обобщающих работ по сельскому хозяйству африканских провинций основные: Haudoud. Op. cit.; T. Frank. The Inscriptions of the Imperial Domains of Africa. AJPh, 47 (1926), 1, p. 55—73, где дается обзор отдельных сельскохозяйственных зон провинции Африки; по культуре оливок и производству оливкового масла — H. Camps-Fabrer. L'olivier et l'huile dans l'Afrique Romaine. Alger, 1953; по ирригации — P. Gaudier. Enquête sur les installations hydrauliques romaines en Tunisie. Tunis, 1897—1912; J. Baradez. Fossatum Africae. Paris, 1949; по географии Северной Африки — М. Б. Горнунг. Алжирия. М., 1958; J. Despois. L'Afrique du Nord (Géographie de l'Union française, I). Paris, 1949.

оливковых и плодовых деревьев. Среди незерновых культур олирки занимали ведущее место (в ряде районов — основная культура). Хлеб возделывался всюду, где для этого выпадало достаточно осадков и местность была достаточно ровной. К числу основных хлебных районов принадлежали нижняя (район Карфагена) и — в меньшей степени — средняя части долины Баграда (совр. Меджерда) в Проконсульской Африке и северная часть Мавретании и Нумидии. Оливки были ведущей культурой в Бизацене, в верхней части долины Баграда, в Триполитании, они широко культивировались также в центральной и Юго-Восточной Нумидии. Наряду с этим следует учитывать, что ввиду чрезвычайной пестроты рельефа Северо-Западной Африки производство хлеба могло сочетаться с оливковыми плантациями или виноградниками в пределах относительно небольших районов, где достаточно воды и узкие полосы равнин чередуются с горами. Например, из известной надписи из Хенхир-Меттиха видно, что для средней долины Баграда были типичны имения и села, производившие одновременно хлеб, оливки, виноград и другие культуры. Вместе с тем в истории Римской Африки обнаруживается тенденция к постепенному изменению соотношения между хлебными культурами и оливками в пользу последних⁸. В значительной мере эта тенденция объясняется тем, что вновь осваиваемые южные районы были в большинстве случаев слишком засушливыми для возделывания хлеба, но она проявлялась и в «старых» хлебных районах. По-видимому, здесь сыграла свою роль неизбежная в сильно всхолмленной или гористой местности эрозия почвы, тем более, что, как указывают некоторые исследователи, в романизованных районах Северной Африки слабо применялось террасирование⁹. Одной из важнейших особенностей африканского сельского хозяйства являлось вызванное скудостью осадков широкое применение различных ирригационных устройств как для сбора и распределения дождевой воды, так и для подведе-

⁸ См. W. H. C. F r e n d. *North Africa and Europe in the Early Middle Ages*. «The Transactions of the Royal Historical Society», 5th series, vol. V, 1955, p. 61—80.

⁹ J. D e s p o i s. *La culture en terrasses dans l'Afrique du Nord*. «Annales. Economie — Sociétés — Civilisations», 1956, № 1, p. 42—50.

ния к полям и деревьям воды из источников. Строительству и восстановлению акведуков, бассейнов для сбора дождевой воды и тому подобных сооружений придавалось большое значение как в ранней, так и в поздней Римской Африке. Проблема водоснабжения принадлежала к числу наиболее острых, и распределение воды нередко являлось причиной конфликтов между различными группами землевладельцев.

В африканских провинциях IV—V вв., несомненно, существовало развитое ремесленное производство. «*Expositio totius mundi et gentium*» сообщает об экспорте из Африки различного рода одежды¹⁰. В эдикте Диоклетиана о ценах перечисляются многие виды африканских тканей¹¹. С другой стороны, осуществление в поздней Римской Африке значительных строительных и художественных работ предполагает наличие в городах многочисленных строителей, резчиков по камню, ремесленников, занятых изготовлением мозаик, и т. д. Но об организации и технике африканского ремесленного производства мы знаем крайне мало. Из данных юридических источников известны отдельные крупные государственные ремесленные предприятия: ткацкие мастерские в Карфагене, покупавшие пряжу у частных ремесленников, объединенных в коллегии (*corporati*), и мастерские по производству пурпура¹². Каких-либо иных сведений о ремесленных коллегиях, существовавших в Африке в это время, мы не имеем.

Проблема торговли и товарно-денежных отношений в поздней Римской Африке тесно связана с вопросом о том воздействии, которое оказывал на африканскую экономику специфический характер ее связей с центром римского мира и другими провинциями империи. Уже с раннего периода существования римской провинции Африки ее хозяйство развивалось не только под влиянием чисто внутренних факторов, но в значительной мере определялось стремлением римских правящих кругов использовать африканские владения империи в качестве житницы «вечного города». Уже при Августе африканский хлеб пользовался широкой

¹⁰ «*Expositio totius mundi et gentium*», 60.

¹¹ «*Der Maximaltarif des Diocletian*», hrsg. von Th. Mommsen und H. Blümner. Berlin, 1893.

¹² CTh, IV, 6, 3; XI, 1, 24; «*Notitia dignitatum occidentis*», XI, 53.

известностью¹³; в I и особенно во II в. н. э. это стремление оказывает все большее влияние на императорскую политику в Африке. Эта политика была направлена на увеличение площади обрабатываемых земель путем вытеснения кочевых племен и стимулирования различных групп туземного и пришлого населения к освоению под земледельческие культуры все новых площадей. Указанная тенденция проявилась особенно отчетливо в аграрном законодательстве Адриана.

В период Поздней империи эта черта африканской экономики сказывалась в том особом значении, которое придавалось налоговым повинностям с африканских провинций. В кодексах и некоторых других источниках имеется значительное количество данных о налоговой системе, действовавшей в поздней Римской Африке¹⁴. К сожалению, эти источники не содержат сколько-нибудь ясных указаний на общую сумму натуральных и денежных налоговых поступлений из африканских провинций либо хотя бы на примерную долю, которую составляли натуральные налоги по отношению к общему объему производства. Любые попытки выяснения этих цифр на основании различных косвенных данных представляются сомнительными. Вместе с тем не вызывает сомнения правильность распространенного представления о чрезвычайной обременительности для хозяйства налогов Поздней империи. Вся направленность внутренней политики императоров IV—V вв., их стремление подчинить деятельность самых различных социально-экономических институтов интересам фиска наглядно свидетельствует о растущих трудностях, с которыми сталкивался государственный аппарат по сбору налогов. Эти трудности могли объясняться только тем, что сумма требуемых налогов все чаще не соответствовала реальным экономическим возможностям налогоплательщиков. По отношению к североафриканским провинциям можно с уверенностью утверждать, что сумма налогов значительно возросла в IV в. по сравнению с периодом Ранней империи. Впервые, как уже отмечалось выше, начиная со времени Константина, Северо-Западная Африка превратилась в

¹³ Horat., Od., I, 1, 9.

¹⁴ Эти данные собраны в работе А. Делэге. *La capitation du Bas-Empire*. Mâcon, 1945, p. 228 sqq.

единственную базу снабжения хлебом Рима и Италии. Во-вторых, не говоря уже о возросших требованиях центрального правительства, значительно расширились те слои, которые кормились за счет африканского населения: провинциальная армия и местный бюрократический аппарат. При Диоклетиане и Константине численный состав римской армии был увеличен в восемь раз¹⁵; даже если для Африки это число было несколько меньшим, все же количество продовольствия, потребного для содержания африканской армии, должно было возрасти в несколько раз. Что касается бюрократии, то для ее развития в период Поздней империи показательны следующие цифры. Только в канцелярии проконсула Африки служило 400 чиновников¹⁶, а лишь в одном нумидийском городе Тамугади постоянно находилось 70 служащих различных государственных ведомств¹⁷.

Для фискальной системы африканских провинций была характерна множественность сборов, взимавшихся с одних и тех же хозяйств и категорий налогоплательщиков. Основной фискальной повинностью являлся поземельный натуральный налог — аннона, взимавшийся для обеспечения хлебом Рима и африканской армии¹⁸. Весьма характерно, что анноной облагались, за некоторыми исключениями, все основные категории землевладельцев. От него не были освобождены даже представители наиболее привилегированного сословия — сенаторы¹⁹. В одном из указов Валентиниана I настоятельно подчеркивается необходимость неукоснительного сбора анноны с сенаторских земель²⁰. Понятно, что с других категорий землевладельцев, стоявших на более низких ступенях сословной лестницы, например, с куриалов, поземельный налог взимался еще более беспощадно. Единицей налогообложения, применявшейся

¹⁵ A. Piganiol. *L'Empire chrétien (325—393)*. Paris, 1947, p. 331.

¹⁶ CTh, I, 12, 6.

¹⁷ По данным муниципального album 60-х годов IV в. (см. REA, L, 1948, № 1—2, p. 71 sq.).

¹⁸ Ср. Déliege. *Op. cit.*, p. 232 sqq.

¹⁹ См. A. Piganiol. *L'impôt foncier des clarissimes et des curiales au Bas-Empire romain*. «Mélanges de l'Ecole française de Rome», 27 (1907).

²⁰ CTh, XI, 1, 13 (365 г.). Речь идет о лицах, имеющих владения в Африке и проживающих в Риме. Такими лицами могли быть прежде всего сенаторы.

при сборе анноны, была центурия ²¹ (=200 югеров = 50 га). Для столь крупной единицы земельной площади, в пределах которой могли располагаться совершенно разные по характеру почвы и рельефу участки, очевидно, было весьма затруднительным привести размер подати в соответствие с качеством земли, что открывало простор злоупотреблениям при раскладке налогов. Поскольку размер взноса представлял собой постоянную величину и не зависел от урожая, в неблагоприятные в климатическом отношении годы, когда уровень осадков был низок, сбор анноны должен был приводить к катастрофическим последствиям для менее мощных хозяйств. К этому следует добавить, что общая сумма налога определялась, исходя не из реальных хозяйственных условий, а из потребностей города Рима, армии и т. д., а затем распределялась между городами и другими группами налогоплательщиков ²². Положение последних еще более осложнялось тем фактом, что, хотя в принципе и аннону для города Рима (*annona urbis Romae*), и аннону для армии (*militaris annona*) должны были собирать одни и те же сборщики (*exactores*), на практике армейские провиантмейстеры (*opinatores*) сами являлись к землевладельцам требовать налог ²³. Таким образом, землевладелец, только что уплативший — с большим или меньшим трудом — подать, требуемую гражданским сборщиком, на следующий день мог оказаться вынужденным отдать последние остатки своего урожая вооруженным солдатам.

Помимо анноны, африканское население было обязано другими, более мелкими, но в общей совокупности также весьма обременительными натуральными и денежными взносами. Регулярно производились взимание сала и мяса на нужды армии, денежный сбор на ее экипировку, а также специальный «конский сбор» — денежный налог, заменявший поставку лошадей на военные нужды и колебавшийся в различные периоды и в различных

²¹ См. D é l é a g e. Op. cit., p. 230; F. L o f. Nouvelles recherches sur l'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire. Paris, 1955, p. 34; ср. Ch. S a u m a g n e. Un tarif fiscal au IV-e siècle de n. è. «Karthago», I, 1950, p. 109—200.

²² D é l é a g e. Op. cit., p. 238.

²³ CTh, XI, 7, 16; ср. XI, 1, 34; VII, 4, 26; D é l é a g e. Op. cit., p. 242 sqq.

провинциях с 15 до 20 солидов с центурии²⁴. Куриалы были обязаны доставлять, кроме этого, лошадей, фураж и деньги для нужд почтовой службы²⁵. Сенаторы, кроме анноны, платили специальный денежный поземельный налог — фоллис, или *gleba senatoria*²⁶. Городское население, включая рабов, подлежало особой денежной подати²⁷. Помимо прямых постоянных налогов существовали различные экстраординарные сборы и косвенные налоги (*quadragesimae* и *quinquagesimae vectigal*)²⁸.

Множественность налогов, тяготевших над провинциальным населением, ярко иллюстрируется так называемым фискальным тарифом из Карфагена (60-е годы IV в.), разрозненные фрагменты которого были изучены Ш. Соманем. Этот тариф включал, по-видимому, лишь натуральные налоги, вносимые зерном (сумма налога исчисляется в тримодиях) и распространявшиеся на различные категории земельной собственности — как на городские земли, так и на экзимирированные имения (*fundi*). Кроме налогов *paviculariorum pomine* и *limitis pomine*, соответствующих, очевидно, анноне города Рима²⁹ и воинской анноне, мы встречаем здесь еще налоги *augmenti pomine* и *oregantium pomine*. Сомань полагает, что первый из них представлял собой процент с общей суммы налога, взимаемый в пользу

²⁴ CTh, VII, 4, 2; XII, 6, 31; XI, 17, 2 и 3; XI, 1, 29.

²⁵ CTh, VIII, 5, 7; 10; 15; 63; 64.

²⁶ CTh, VI, 2, 15; 23; ср. P i g a n i o l. L'Empire chrétien, p. 125.

²⁷ CTh, XIII, 4, 4 — в указе идет речь об освобождении от налога преподавателей живописи, если они добывают деньги только своей работой. Делеаж (ор. cit., p. 228) полагает, что подушная подать распространялась не только на городское, но и на сельское население. Однако никаких упоминаний в источниках об этом нет. Ср. A. P i g a n i o l. L'Empire chrétien, p. 338.

²⁸ CTh, I, 15, 10; IV, 13, 4; S y m m a c h., Ep. V, 62 и 65.

²⁹ Эта аннона перевозилась коллегией судовладельцев (*pavicularii*), откуда и происходит название налога, которое следует интерпретировать как «предназначенный для передачи навикуляриям». Предположение Соманя, что здесь имеется в виду налог, который платили сами навикулярии, неосновательно, поскольку в остальных случаях существительное в родительном падеже с предшествующим *pomine* обозначает в данном тексте не налогоплательщиков, а цель взимания налога. Кроме того, навикулярии были освобождены от всех налогов, что явствует из CTh, XIII, 5, 5 (326 г.): «...ab omnibus operibus et muneribus...» Последнюю формулировку Сомань почему-то считает не распространявшейся на поземельный налог (см. S a u m a g n e. Un tarif..., p. 160 sqq).

сборщиков, а второй — сбор на содержание лиц, занятых в различных государственных строительных работах.

Тяжесть официально установленных фискальных повинностей была достаточно велика, но она еще более усугублялась злоупотреблениями местных властей и чиновников аппарата по сбору налогов. Об этих злоупотреблениях постоянно говорится в императорских указах IV—V вв. Никакой фиксированной на более или менее продолжительный период нормы отчислений в пользу фиска практически не существовало. Если правительство империи нуждалось в дополнительных средствах в связи с теми или иными обстоятельствами внешнего или внутреннего порядка, сумма налогов намного повышалась. Так было, например, во время подготовки к войне между Констанцием и Юлианом. Аммиан Марцеллин ставит в особую заслугу императору Валенту, что тот не допускал увеличения никаких налогов³⁰. Очевидно, такая политика была редким исключением. Все эти факты свидетельствуют о том, что, несмотря на отсутствие точных данных об объеме налогов Поздней империи, сообщения литературных источников об их чрезвычайной обременительности для хозяйства³¹ имеют под собой известную почву.

Если попытаться использовать данные о налоговой системе IV—V вв. для оценки состояния торговли и уровня развития товарно-денежных отношений, то перед нами встанут весьма сложные проблемы. Преобладание натуральных налогов и натуральных форм жалования чиновникам и военным в данный период обычно служит основным аргументом в пользу тезиса о натурализации экономики. Этой более старой и традиционной точке зрения противостоит разработанная А. Допшем³², Г. Миквицем³³ и некоторыми другими авторами концепция, отрицающая по сути дела какой-либо упадок товарно-денежных отношений в период Поздней империи. Здесь нет возможности останавливаться

³⁰ Амт. Марс., XXI, 6, 5; XXX, 9, 1.

³¹ Например Zosim., II, 38; Lact., De morf. persecut., XXIII.

³² A. Dopsh. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, I—II, Aufl. 2. Wien, 1923—1924; егo же. Naturalwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1940.

³³ G. Mickwitz. Geld und Wirtschaft im römischen Reich des vierten Jahrhunderts n. Chr. Helsingfors — Leipzig, 1932.

на этой концепции и освещать большой круг вопросов, связанных с данной проблемой. Необходимо лишь напомнить, что в указанных работах — особенно в трудах Допша — проявилась совершенно неправильная тенденция к идеализации экономической жизни Поздней империи и к отрицанию социально-экономического кризиса античного общества в последний период его существования. В то же время в работе Миквица собран интересный материал, иллюстрирующий состояние денежного обмена в африканских провинциях. Этот материал показывает, что деньги применялись в частных коммерческих сделках гораздо шире, чем во взаимоотношениях между государством, с одной стороны, и налогоплательщиками и государственными служащими, — с другой. Мы полагаем, что при оценке значения системы натуральных налогов в Римской Африке, необходимо учитывать также специфическое назначение этих налогов. Африка была хлебной житницей западной половины империи, Римское государство было заинтересовано в получении из нее прежде всего продуктов сельского хозяйства, которые позволяли прокормить население крупных городов Италии и тем самым в известной мере гарантировать «внутренний мир» в центре империи. Так обстояло дело не только в IV в., но и значительно раньше. Таким образом, в преобладании натуральных налогов над денежными, поскольку речь идет о Римской Африке, сказывались не только чисто экономические факторы, но и определенные особенности социального строя империи — наличие неимущего плебса, находившегося в той или иной степени на иждивении государства. Необходимо в этой связи также учитывать потребности выросшей в IV в. армии.

Для оценки соотношения натуральных и денежных элементов в экономике африканских провинций существенный интерес представляет вопрос о так называемой *adaegatio*, т. е. о практиковавшемся позднеримским государством переводе натуральных повинностей и платежей в денежные. В работах итальянского историка С. Маццарино³⁴ и румынского ученого Э. Кондураки³⁵ вскрывается социальный

³⁴ S. Mazzarino. *Aspetti sociali del quarto secolo*. Roma, 1951.

³⁵ Э. Кондураки, О натуральном и денежном обмене в Римской империи IV—V вв. ВВ, т. XIV, 1958, стр. 27—37.

смысл этой политики: в силу разрыва между постоянно колебавшимся курсом медной монеты и растущей стоимостью золота от нее страдали наименее обеспеченные слои, «в то время как состояния крупных земельных собственников и кучки городских богачей оставались в полной сохранности, ибо в их основе лежало огромное количество накопленных золотых монет»³⁶. Но, идет ли речь о золотой или медной монете, такая политика, очевидно, могла проводиться лишь при наличии каких-то объективных возможностей для изъятия у различных категорий налогоплательщиков денег взамен натуральных платежей. Точно так же, если жалование громадному количеству чиновников могло выдаваться не в натуральной, а в денежной форме, то это означает, что государство располагало определенными источниками получения соответствующих сумм. В этой связи для Африки весьма показательным документом является список пайков (*sportulae*), установленных в качестве жалования различным категориям чиновников. Этот список происходит из нумидийского города Тамугади и относится ко времени императора Юлиана (361—363 гг.)³⁷. После указания количества пшеницы, причитающегося каждому офицеру, в надписи всякий раз следует: *aut pretium frumentii* или *aut pretium modiorum*... и вновь указывается число модиев, составляющих размер *sportulae*. Иначе говоря, жалование чиновникам могло выдаваться как натурой, так и деньгами. Такого рода система вряд ли совместима с абсолютным преобладанием в доходах провинциального населения, составлявших источник содержания бюрократического аппарата, натурального элемента над денежным.

Из всего этого, нам кажется, можно заключить, что, несмотря на ведущую роль натуральных налогов в фискальной системе поздней Римской Африки, эту систему все же вряд ли следует рассматривать как результат интенсивной натурализации африканской экономики в IV в. Может быть, она отражает скорее экономическую ситуацию, которая сложилась в период кризиса III века и повлекла за собой

³⁶ Там же, стр. 33.

³⁷ Цит. по кн.: Th. Mommsen. *Gesammelte Schriften*, VIII (Epigraphische und numismatische Schriften), I. Berlin, 1913, S. 481—482.

в конечном счете налоговую реформу Диоклетиана. К средним же десятилетиям IV в. оказалось возможным, как показывает упомянутый декрет из Тамугади, несколько усилить денежный элемент в этой системе.

Вряд ли может вызвать сомнение тот факт, что налоговая система Поздней империи, при которой государство безвозмездно изымало значительную часть продукции сельскохозяйственного производства, оказывала резко отрицательное влияние на состояние коммерческого экспорта из африканских провинций. Однако — и в этом заключается одна из важнейших проблем, возникающих при изучении данной системы, — представляется существенным выяснить, насколько сильным было это влияние. Приводило ли взимание анноны и других налогов к тому, что в Африке практически не оставалось сельскохозяйственных продуктов для более или менее регулярного коммерческого экспорта в другие провинции?³⁸ Хотя данные источников по этому вопросу крайне немногочисленны, они все же позволяют думать, что в период Поздней империи приток африканских сельскохозяйственных продуктов по ту сторону Средиземного моря отнюдь не ограничивался только поступлениями по натуральным налогам. Выше уже приводилось сообщение «*Expositio totius mundi et gentium*» о том, что Африка доставляет масло почти всем народам. Это, конечно, не может относиться только к вывозу масла, входящего в состав африканской анноны. Сальвиан Марсельский, посетивший Африку в 30-х годах V в., писал, что благодаря изобилию своей торговли (*copiae negotiationis suae*) она «казалась ему наполненной богатствами не только своими, но и всего мира»³⁹. Из одного императорского указа IV в. нам известно, что члены коллегии судовладельцев (*navicularii*) совмещали выполнение государственной повинности по перевозке анноны в Италию с частными коммерческими операциями; причем в том случае, если их корабли не были зафрахтованы другими лицами, такого рода

³⁸ Такую точку зрения выдвинул недавно Бриссон (op. cit., p. 16), по мнению которого Африка все больше и больше развивалась по пути замкнутого хозяйства, поскольку вывоз африканского зерна, масла и других продуктов не уравновешивался сколько-нибудь удовлетворительным «возом».

³⁹ S a l v., De gubernatione Dei, VII, 14.

операции освобождались от ввозных пошлин⁴⁰. Августин определяет навикуляриев как людей, получающих прибыль от перевозки товаров через море⁴¹. Все эти данные позволяют заключить, что частный экспорт из Африки не представлял собой в IV—V вв. какого-то исключительного явления.

В Италии и, по всей вероятности, в некоторых других западных провинциях существовал значительный спрос на продукты африканского сельского хозяйства. У нас нет никаких оснований думать, что потребность Италии в африканском хлебе ограничивалась только тем его количеством, которое поступало через посредство государства. В период Ранней империи в Риме существовала специальная коллегия торговцев африканским хлебом и маслом⁴², что свидетельствует о существовании регулярного коммерческого импорта сельскохозяйственных продуктов из африканских провинций. Потребность в таком импорте сохранялась и в период Поздней империи. Оливковое масло, которым была столь богата Африка, в Италии IV в. было дефицитным продуктом. Августин рассказывает как о необычном для африканца факте о дороговизне оливкового масла в Италии: даже богатые люди там не могут по ночам освещать свои дома⁴³.

Если сопоставить данные о частном экспорте из Африки с тем фактом, что потребность в этих продуктах в Италии времени Поздней империи не только не уменьшилась, но возросла, то характер внешних экономических связей африканских провинций IV—V вв. станет более ясным. Эти связи, сложившиеся в более ранний период, не утратили своего значения и в изучаемое нами время.

Приведенные соображения подкрепляются некоторыми свидетельствами литературных источников, показывающими роль товарно-денежных отношений в африканском сельском хозяйстве. В одной из своих проповедей Августин убеждал куриалов Гиппона-Регия взять в аренду церковное

⁴⁰ CTh, XIII, 5, 24; cp. J.-P. Walzing. Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains, vol. II. Bruxelles, 1896, p. 57 sq.

⁴¹ A u g., Sermon. 302, 18, 16.

⁴² CIL, VI, 1620: mercatores frumentari et oleari Afrari.

⁴³ A u g., De ordine, I, 3, 6; cp. E. Albertini. Un témoignage de St. Augustin sur la prospérité relative de l'Afrique au IV-e siècle. «Mélanges Thomas». Bruges, 1930, p. 1—5.

имение *fundus Victorianensis* на условиях, предложенных церковью. Куриалы считали эти условия невыгодными для себя и настаивали на арендной плате не свыше 40 солидов. Августин, возражая им, подчеркивал, что если съемщик продаст весь урожай по своей цене (*omnes fructus pretiis suis fideliter vendat*), он не понесет убытка⁴⁴. Из этого следует, что доход с земли в Гиппоне выступал обычно в денежной форме, а производство сельскохозяйственных продуктов на продажу было повседневным явлением. Гиппон был центром развитого сельскохозяйственного района, где природные условия благоприятствовали возделыванию хлебных культур, а его приморское положение способствовало вывозу хлеба на внешний рынок. Вместе с тем мы имеем сходные сведения, которые происходят из одного из «глухих углов» Римской Африки — южной части Триполитании (*regio Arzugum*), где не было городов, а население состояло главным образом из берберских племен. Один из корреспондентов Августина — сенатор Публикола — рассказывает, как он вывозит для продажи урожай из своего имения, расположенного в этом районе⁴⁵.

В одной из проповедей Августина упоминается практика покупки землевладельцами городских отбросов, которые затем вывозились на поля⁴⁶. Разумеется, покупка удобрений возможна лишь в условиях развитого товарного хозяйства.

Производство сельскохозяйственных продуктов на продажу было характерно не только для имений сенаторов и куриалов, но и в какой-то мере для хозяйств мелких зависимых земледельцев. Императорский указ 370 г., адресованный проконсулу Африки, требует взимать с колонов императорских имений, продающих свой урожай, «налог с оборота» — *augum lustrale*⁴⁷. Валентиниан указом от 366 г. президу Триполитании запретил собственникам имений взимать оброк с колонов деньгами, «если этого не требует обычай имения», а колонам — выбирать деньги в качестве способа платежа⁴⁸. Подобный запрет обуславливался, очевидно, стремлением правительства получать налоги, выплачиваемые землевладельцами за своих колонов, прежде

⁴⁴ Aug., *Serm.* 356.

⁴⁵ Aug., *Ep.*, 46.

⁴⁶ Aug., *Serm.* 361, 11, 11.

⁴⁷ CTh, XIII, 1, 8.

⁴⁸ CJ, XI, 48, 5.

всего в натуральной форме, дабы обеспечить хлебом и другими продуктами Рим и армию. Но в то же время он свидетельствует о том, что колонны могли обладать деньгами, из которых они выплачивали оброк, и даже предпочитать такой способ уплаты повинностей натуральному.

Об относительно высокой интенсивности торговых операций в Римской Африке говорит тот факт, что здесь существовала особая юридически фиксированная категория дельцов (*negotiatores*), в которую включались торговцы и ростовщики (*studentes fenori*)⁴⁹. Сферой деятельности торговцев были города и сельские территории (*mercantes in territoriis sive civitatibus*). Из этой формулировки кодекса можно заключить, что африканское сельское население было в той или иной степени втянуто в товарные отношения. О *mercantes homines* и *negotiatores*, объединявшихся в общества, неоднократно упоминает Августин⁵⁰. Возможно, что такие общества скупали земледельческие продукты непосредственно на местах их производства, а затем организовывали их вывоз.

Мы можем констатировать значительную распространенность в поздней Римской Африке производства сельскохозяйственной продукции на рынок. Это не означает, однако, что товарное производство играло господствующую роль в африканской экономике или что для нее были типичны хозяйства, которые, подобно современным капиталистическим фермам, целиком ориентировались бы на рынок. В произведениях Августина мы встречаем упоминания о примитивных формах обмена. Некоторые из этих форм вообще не связаны с рынком: ремесленник-сапожник изготавливает обувь по заказу потребителя, заранее получая за нее деньги⁵¹. Обычным был также натуральный обмен: как говорил Августин, человек, желающий приобрести что-либо дорогое, готовит или золото, или серебро, или какие-либо продукты и животных, которые рождаются в его имении⁵². Таким образом, обмен с помощью денег существует наряду и на равных правах с натуральным. Подобные отношения предполагают, очевидно, что значительная часть земледельческой продукции потребляется непосредственно

⁴⁹ CTh, XIII, 1, 18; XVI, 5, 52.

⁵⁰ Aug., *Serm.* 21, 4; 302, 18, 16; *De op. monach.*, 1, 2; 15, 16.

⁵¹ Aug., *Enar. in psalm.*, 70, 17.

⁵² Aug., *Serm.* 127; *cp. Serm.* 80.

в данном хозяйстве и лишь излишки используются для обмена или для получения денежной выручки. Очевидно, дело обстоит по-разному в крупных имениях, обладавших большой массой прибавочного продукта, который можно было реализовать на рынке, и в мелких хозяйствах, где обмен носил более случайный характер. Центрами таких эпизодических обменных операций были, в частности, сельские рынки — нундины. Наличие таких рынков в Нумидии и в некоторых других районах засвидетельствовано в надписях более раннего времени⁵³. Обычно они бывали два раза в месяц в крупных имениях и селах. В IV—V вв. в Нумидии также имелись многочисленные нундины, разбросанные по сельской местности⁵⁴. На таких нундинах сельчане, очевидно, сбывали излишки своих продуктов, приобретали нужные им вещи, которые не могли произвести в своих хозяйствах; здесь, вероятно, появлялись время от времени скупщики — *negotiatores*, покупавшие хлеб, оливковое масло, вино для сбыта в города и на внешний рынок.

Если сделанные выше заключения в какой-то степени верны, они позволяют заключить, что в экономике Римской Африки сочетались различные формы и стадии перехода от натурального хозяйства к товарному. Общие закономерности этого перехода, как известно, вскрыты В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России» и ряде других работ. Как указывал Ленин, исторически первой формой отделения промышленности от патриархального земледелия является производство ремесленных изделий по заказу потребителя. При этой форме нет еще товарного производства, но появляется лишь товарное обращение⁵⁵. Следующей стадией развития товарных отношений является производство ремесленных изделий на узкий местный рынок (мелкий сельский базар или ярмарка). Ленин связывает эту стадию с *докапиталистическими* способами производства, с преобладанием натуральнохозяйственных отношений, при которых «хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской деревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников...»⁵⁶.

⁵³ CIL, VIII, 270 = 11451 = 23246; 6357; 8280.

⁵⁴ Optat., De schism. donat., III, 4.

⁵⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328—330.

⁵⁶ Там же, стр. 57.

Приведенные выше сообщения источников свидетельствуют о наличии в Римской Африке IV—V вв. некоторых явлений, характерных для указанных двух стадий: производства ремесленных изделий по заказу потребителя и небольших местных рынков. В то же время мы наблюдаем в африканских провинциях данного периода развитие отдельных элементов третьей, более высокой стадии товарного производства, для которой, как отмечал Ленин, типично расширение торговли, появление особого слоя торговцев, «рынком для сбыта изделий служит не мелкий сельский базар или ярмарка, а целая область, затем вся страна, а иногда даже и другие страны»⁵⁷. Подобные черты принимала торговля африканским хлебом и оливковым маслом на внешних рынках.

Ленин указывал, что одной из форм общественного разделения труда, способствующей развитию товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве, является специализация отдельных районов на производстве определенных видов продуктов. В силу ряда условий: естественных факторов, кризиса италийского земледелия в период империи, наконец, специфической экономической политики, проводившейся Римом в Африке, здесь сложилась некая своеобразная разновидность специализированного земледелия. Своеобразие ее заключалось в том, что, в отличие от капиталистической специализации, она была связана не с обменом «между различными продуктами сельского хозяйства»⁵⁸, но с таким явлением, как снабжение областью с развитым земледелием области с многочисленным городским населением и земледелием, все более приходящим в упадок. Но если рассматривать эту специализацию не только с точки зрения ее сопоставления с капиталистическими отношениями, а руководствоваться критериями, более применимыми к исследуемой эпохе, то мы должны будем признать, что она создавала предпосылки для значительного — в тех исторических рамках — развития элементов товарного производства.

Таким образом, развитие товарных отношений в отдельные периоды и в отдельных районах античного мира могло, как это видно на примере Римской Африки, принимать

⁵⁷ Там же, стр. 332.

⁵⁸ Там же, стр. 23.

формы, сходные с теми, которые были характерны для перехода от феодализма к капитализму. Нельзя вместе с тем не видеть и коренного различия между процессами развития товарных отношений в указанные два периода. Характерно, что это различие особенно явно выступает не на ранних стадиях развития товарного производства, когда товарные отношения обеих эпох во многом аналогичны по своему характеру, но на его более высокой степени. В период генезиса капитализма расширение торговли за пределы узких местных рынков неразрывно связано с развитием общественного разделения труда, обусловленного в конечном счете развитием производительных сил.

В африканских провинциях Поздней империи специализация сельскохозяйственного производства не была закономерным результатом определенного уровня развития производительных сил, но порождалась сочетанием разнородных географических и политических факторов. Поэтому те формы товарных отношений, которые были связаны с торговлей продуктами африканского земледелия, не стали господствующими в экономике провинций, но продолжали сосуществовать с более примитивными формами обмена и с натуральным хозяйством. Это был, так сказать, спорадический случай товарного производства в условиях общества, экономический строй которого не содержал предпосылок для сколько-нибудь широкого развития общественного разделения труда и связанных с ним процессов образования внутреннего рынка ⁵⁹.

Этими историческими рамками были обусловлены и некоторые специфические особенности товарно-денежных отношений в африканских провинциях. Мы имеем два интересных свидетельства источников относительно характера африканской торговли, которые, правда, восходят к более позднему времени: одно к периоду вандальского, другое — к периоду византийского господства в Северной Африке, но имеют в виду ту ситуацию, которая — в большей или меньшей степени — существовала и в IV — начале V в. Прокопий Кесарийский, говоря об источниках богатства ван-

⁵⁹ «Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организмах, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является *общей*, а не исключительной, не единичной, не случайной» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 458).

далов, господствовавших в течение 95 лет в Африке, пишет, что поскольку Африка — «страна богатая и в высшей степени изобильная необходимыми продуктами, то денежные доходы, собранные от произведенных там благ, не тратились в других странах для покупки продуктов, но владельцы имений (οἱ τὰ χωρία κητεύμενοι) копили их...»⁶⁰. Арабский средневековый историк Ибн Абд эль Хаким рассказывает, будто во время завоевания Северной Африки арабами один арабский военачальник, захватив много денег, осведомился об их происхождении. Один из местных жителей показал ему оливковый плод и объяснил, что византийцы, у которых нет оливок, покупают оливковое масло у африканцев, давая за него деньги⁶¹.

Таким образом, писатели различных эпох, характеризуя африканскую экономику, обращают внимание на значительную концентрацию денежных средств, обусловленную продажей земледельческих продуктов в другие страны. Иначе говоря, для Северной Африки позднеантичного и раннесредневекового времени было типичным значительное преобладание вывоза над ввозом. В этой торговле, которую Бриссон называет «странной»⁶², на самом деле нет ничего удивительного: ее особенности целиком определялись экономическими условиями изучаемой исторической эпохи. Интенсивная торговля хлебом и оливковым маслом, которую вели африканские землевладельцы, была лишь характерным для начального периода товарного обращения превращением в деньги избытка потребительных стоимостей⁶³. Товаропроизводитель не выступал с той неизбежностью, с какой это имеет место при капитализме, как покупатель товаров. В этом выражался крайне низкий уровень развития общественного разделения труда. Африканский землевладелец получал многие продукты, а нередко также и ремесленные изделия, необходимые для его личного потребления в собственном хозяйстве⁶⁴. Иначе говоря, его

⁶⁰ Прокоп. Caesar., De bello Vandalico, II, 3.

⁶¹ Цит. по J. Toutain. Op. cit., p. 41.

⁶² J.-P. Brisson. Op. cit., p. 16.

⁶³ Ср. К. Маркс. Капитал, т. I, 1952, стр. 137.

⁶⁴ На мозаике IV в. из Карфагена, изображающей имение некоего Юлия, фигурируют колоны, приносящие оброк. Эти изображения свидетельствуют, что на территории имения колоны возделывали оливки и виноград, разводили овец и коз, а также домашнюю птицу (уток) (ср.

хозяйство оставалось в основе своей натуральным. Обращение денежной выручки на расширение или улучшение производства в условиях низкой агрономической техники не могло иметь широкого применения. Для поздней Римской Африки характерен рост числа заброшенных и необрабатываемых земель, что, очевидно, было связано с невыгодностью затрат на улучшение участков, худших по качеству почвы⁶⁵. Более или менее крупный собственник расходовал свои деньги преимущественно на предметы роскоши, строительство вилл и городских домов, либо на украшение города. Богатство частных и общественных зданий, остатки которых рассеяны по всей территории Римской Африки, говорит о значительной величине этих затрат. Остальная часть денежного дохода шла на образование сокровищ, т. е. принимала форму, совершенно естественную для тех условий, при которых золото и серебро являются, по выражению Маркса, «общественным выражением избытка, или богатства»⁶⁶.

Значительная роль товарно-денежных отношений и производства на рынок в экономике Римской Африки способствовала широкому развитию ростовщичества. Ростовщики (*studentes feneratori*) составляли особую официально признанную категорию дельцов и как таковые должны были платить специальный налог (*augur lustrale*)⁶⁷. Произведения церковной литературы IV—V вв. и акты африканских соборов свидетельствуют о том, что ростовщический капитал глубоко проник во все поры африканского общества. В частности, несмотря на многократные запреты, ростовщичество широко практиковали прелаты и клирики ортодоксальной церкви⁶⁸. В условиях накопления денег различными категориями земельных собственников и узких возможностей их производительного использования широ-

М. R o s t o v t z e f f. SEHRE, p. 430). Автор жития св. Мелании сообщает о различных ремесленниках, живших на территории ее африканского имения.

⁶⁵ В начале V в. в Проконсульской Африке и Бизацене только размер необрабатывавшегося императорского земельного фонда составлял соответственно 14 и 20% провинциальной территории (см. CTh, XI, 28, 13, ср. ниже, стр. 101).

⁶⁶ К. М а р к с. Капитал, т. I, стр. 137.

⁶⁷ CTh, XIII, 1, 18.

⁶⁸ A u g., Enar. in psalm., 36, 36; 126, 6; De baptismo c. Do-nat., 4, 9.

кое распространение ростовщического капитала было совершенно естественным явлением. В. И. Ленин, специально исследовавший вопрос о роли ростовщического капитала при преобладании натурального хозяйства, писал, что «необходимой принадлежностью мелких местных рынков... являются... примитивные формы торгового и ростовщического капитала». Преобладание натурального хозяйства порождает редкость и дороговизну денег, благодаря чему «зависимость крестьян от владельцев денег приобретает неизбежно форму кабалы»⁶⁹. С аналогичными явлениями мы встречаемся в поздней Римской Африке. По сообщениям Оптата и Августина, во время восстаний сельского населения особой опасности подвергались землевладельцы (*possessores*) и кредиторы, причем восставшие в первую очередь стремились уничтожить долговые расписки⁷⁰. Эта направленность восстаний нумидийских колонов наглядно свидетельствует о широкой распространенности долговой кабалы в африканской деревне.

Развитие торговли сельскохозяйственными продуктами и таких сопутствующих ей явлений, как ростовщичество и долговая кабала, неизбежно должно было оказывать разлагающее влияние на различные слои и группы африканского общества. Оно усиливало процессы имущественной дифференциации слоя средних землевладельцев, связанных с городской формой собственности, ухудшало экономическое положение мелких зависимых владельцев. Эксплуатация различных групп трудящегося сельского населения должна была принимать здесь особенно острые формы, поскольку для нее существовал такой стимул, как возможность выгодной продажи земледельческих продуктов. Все эти обстоятельства объясняют в какой-то мере остроту социальных противоречий в африканских провинциях Поздней империи и, в частности, развернувшуюся здесь борьбу трудящихся масс против владельцев земли и денег.

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 382—383.

⁷⁰ Aug., Ep., 185. 4 15: Opt., III, 4.

ГОРОДА

В современных исследованиях события периода политического и социального кризиса второй половины III в. и установление домината расцениваются чаще всего как переломный пункт в истории африканских городов, положивший конец их «процветанию», их поступательному развитию и ознаменовавший начало упадка городской жизни — упадка, характерного для всего периода Поздней империи. «В конце III в., — писал Тутен, — муниципальный режим в Африке был мертв, муниципальная жизнь со времени тетрархии находится в полном упадке»¹. На том же тезисе о полном упадке городской жизни в период Поздней империи, об отсутствии каких-либо признаков экономического оживления в африканских городах настаивает и Хейвуд — автор статьи об Африке в *ESAR* ².

Следует отметить, что в работах, основанных на детальном исследовании эпиграфического материала, относящегося к IV—V вв., мы не встретим столь крайних выводов. Так, в статье Ван Сикла показан сравнительно широкий размах строительной деятельности в африканских городах в период правления Диоклетиана³. Автор наиболее обстоятельной работы о поздней Римской Африке Уормингтон приходит к выводу, что действительный кризис африканских городов наступил лишь в конце IV в. (после смерти Грациана). До этого времени, по его мнению, класс куриалов сохранялся и представлял собой зажиточный слой общества⁴.

¹ Toutain. Op. cit., p. 365, 373.

² Haywood. Op. cit., p. 119.

³ Van Sickle. Op. cit., p. 173—179.

⁴ Warmingtton. Op. cit., p. 30 sq.; ср. Ch.-A. Julien. Op. cit., p. 231.

Археологические и эпиграфические данные, относящиеся к различным городам поздней Римской Африки, показывают преувеличенность распространенного представления, что для времени Поздней империи характерен повсеместный упадок и регресс городов. Так, мы знаем о сравнительно интенсивной строительной деятельности в африканских городах, начиная с конца III в. и в особенности в 60—70-х годах IV в. Правда, городское строительство в этот период было по своим масштабам несравненно более скромным, чем во II — первой половине III в., когда в основном сформировались архитектурные ансамбли большинства африканских городов. Однако оно значительно превышало размеры строительной деятельности в первый век империи.

Для периода до 117 г. н. э., т. е. до времени правления Адриана, Тутен смог насчитать только девять строительных надписей. Уормингтон насчитывает на территории лишь Проконсульской Африки, значительно меньшей, чем провинция I в., свыше ста строительных надписей, относящихся к 284—429 гг.⁵ Между тем первый век империи обычно считается периодом, благоприятным для развития африканских городов⁶.

Строительная деятельность в поздней Римской Африке отличалась некоторыми особенностями по сравнению со строительством времени Ранней империи. В ходе событий кризиса III в. общественным зданиям и хозяйственным сооружениям ряда городов был нанесен значительный ущерб; сколько-нибудь значительные ремонтные работы в этот период вряд ли были возможны. Поэтому в городском строительстве конца III—IV вв. важное место занимает восстановление разрушенных или обветшавших зданий и ирригационных систем. Наибольший размах восстановительные работы приняли при Диоклетиане, когда был, в частности, целиком восстановлен город Рипидум, разрушенный во время войн с берберскими племенами⁷; осуществлялись

⁵ Toutain. *Op. cit.*, p. 152—153; Warmington. *Op. cit.*, p. 33. Данные Тутена в настоящее время несколько устарели, однако надписи, открытые после выхода в свет его работы, могут лишь незначительно изменить указанное соотношение.

⁶ T. R. S. Broughton. *The Romanization of Africa Proconsularis*. Baltimore, 1929, p. 111.

⁷ Van Sickle. *Op. cit.*, p. 173 sq.; CIL, VIII, 20836.

они и позднее. Восстанавливались храмы⁸, городские курии и другие общественные здания⁹, архитектурные детали форумов¹⁰, акведуки, бассейны и другие ирригационные сооружения¹¹, термы¹², театры¹³ и даже целые городские кварталы¹⁴.

Невозможно, однако, согласиться с утверждением, встречающимся в некоторых специальных работах, что строительная деятельность в поздней Римской Африке ограничивалась почти исключительно восстановлением старых зданий II—III вв.¹⁵ Этот вывод верен лишь по отношению ко времени правления Диоклетиана, когда города, естественно, стремились в первую очередь залечить раны, нанесенные им войнами второй половины III в.¹⁶ Для более позднего периода сохранилось немало эпиграфических и археологических данных о возведении новых значительных по размерам зданий общественного назначения в городах. В Карфагене имеется много остатков зданий, датируемых первой половиной IV в.¹⁷ Новые здания строились в этот период и в некоторых других городах¹⁸, однако наиболее широкие размеры строительство приняло в 60—80-х годах IV в. Новые термы были построены в Тугге, Thuburbo Maius (летние и зимние), Tubernus, Цезарее и не-

⁸ См., например, CIL, VIII, 17327 (Castellum Ma...—в Проконсульской провинции); 26472 (Thugga); 21665 (Albulae); 11932 (Uzappa); IRT, 55 (Sabratha); CIL, VIII, 2388 (Thamugadi); 2656 (Lambaesis).

⁹ См., например, CIL, VIII, 11774 (Mididi); 25520 (Bulla Regia); 26569 (Thugga); ILT, 1538 (Mustis); IRT, 467 (Leptis Magna).

¹⁰ См., например, CIL, VIII, 608; 14346; 2722; 2735 (Lambaesis); ILAf, 275 (Thuburbo Maius); ILAI, I, 2107 (Madauros); AEp, 1916, № 96—98 (Thubursicum Numidarum).

¹¹ См., например, CIL, VIII, 2660 и 2661 (Lambaesis); 4224 (Verecunda), 4766 (Macomades); 5335 (Calama); 26568 (Thugga); ILAI, I, 2102 (Madauros); AEp, 1920, № 15 (Куикюль); AEp, 1955, № 55 (Карфаген?).

¹² CIL, VIII, 4645 (Thagora); 4878 (Thubursicum Numidarum); ILAI, II, 595 (Цирта); ILAI, I, 2101; 2108 (Madauros).

¹³ CIL, VIII, 1862 (Theveste); ILAI, I, 2107 (Madauros).

¹⁴ CIL, VIII, 4878 (Thubursicum Numidarum).

¹⁵ Например, Toutain. Op. cit., p. 364; ср. H a y w o o d. Op. cit., p. 119.

¹⁶ Ср. V a n S i c k l e. Op. cit.

¹⁷ G.-Ch. P i c a r d. Une schola de collège à Carthage. «Karthago», III (1952), p. 169 sq.

¹⁸ CIL, VIII, 17268 (Zattara); 14436 (район Vaga); AEp, 1955, № 51 (Мактап).

которых других городах¹⁹. Имеются данные о строительстве в ряде городов гражданских базилик, триумфальных арок, портиков, торговых зданий и т. д. и т. п.²⁰

Археологические данные позволяют говорить о значительном росте некоторых африканских городов в IV в. Интересен пример нумидийского города Куикуля. С конца III в. здесь начинаются активные реставрационные работы: чинятся мостовые, сооружается сточный коллектор, восстанавливается акведук, реставрируются многие здания II в. Впоследствии город значительно расширился к югу, заняв целый ранее не заселенный холм. Возникает новый торговый квартал²¹. В старой части города также воздвигается много новых домов²². В 60-х годах IV в. строится здание для торговли одеждой (*basilica vestiaria* — CIL, VIII, 20156), а на месте развалин храма Фругифера воздвигается большая гражданская (судебная) базилика (AEr, 1949, № 107). В позднеримский период в Куикуле было построено не менее трех христианских церквей, причем одна из них, законченная в начале V в., была исключительно обширна по своим размерам и имела пять нефов²³.

Пример Куикуля — не исключение. Так, в IV — начале V в. сильно вырос небольшой город и порт Цезарейской Мавретании — Типаса. По археологическим данным, город значительно расширился за пределы городских стен, построенных в конце III или в начале IV в.²⁴ В IV в. была построена базилика, по словам одного французского археолога, «наиболее обширное христианское здание античного Алжира». Некоторые постройки IV в. поражают своими размерами, не уступающими наиболее крупным зданиям II — начала III в. Таков, например, Капитолий, заново отстроенный в Тамугади в 60-х годах (длина портика этого

¹⁹ ILT, 1500; ILAf, 273; 276; CIL, VIII, 948; 20990 = 9547; ср. CIL, VIII, 16400 (неизв. город Проконсульской провинции) и ILAf, 321 (Vina); CIL, VIII, 25845; 20267 (Satafis).

²⁰ См., например, CIL, VIII, 23849 (*Castellum Biracsaccarensium*); 5341 (Калама); ILAf, 275 (*Thuburbo Maius*); IRT, 468 (*Leptis Magna*); ILAI, I, 2103 (*Madauros*); CIL, VIII, 1860 (*Theveste*); 14346.

²¹ M. Douël. *L'Algérie romaine. Forums et Basiliques*. Paris, 1930, p. 56.

²² L. Leschi et Y. Allais. *Djemila, antique Cuicul*. Alger, 1950, p. 13—14, 48.

²³ Leschi et Allais. *Op. cit.*, p. 50.

²⁴ J. Baradez. *Tipasa. Ville antique de Maurétanie*. Alger, 1952, p. 42.

здания достигает 62 м)²⁵, громадная церковь конца IV в. в Тевесте²⁶.

Следует отметить, что строительная деятельность, восстановление и строительство городских общественных зданий не ограничивались ни какими-либо определенными районами, ни отдельными наиболее крупными городами. Больше всего строительных надписей конца III, IV и начала V в. происходит из Проконсульской провинции, несколько меньше из Нумидии, затем следуют Бизацена и обе Мавретании²⁷. Эти количественные отношения соответствуют исторически сложившемуся распределению городов между различными районами Римской Африки.

Внешние черты быта и культурной жизни африканского города IV в., какими они предстают в надписях и свидетельствах церковных писателей, также не позволяют усмотреть признаков серьезного упадка. Театральные и цирковые представления — по-прежнему повседневное явление в жизни городского населения²⁸, несмотря на ожесточенную агитацию, которую ведет против них христианская церковь. Дети куриалов обучаются греческому языку и красноречию²⁹. Не только в Карфагене, но и в небольших городах вроде Тагасты и Мадавра функционируют риторские школы³⁰. Судя по религиозно-полемическим произведениям Августина, писатели «золотого века» римской литературы пользуются широкой известностью. В больших городах развивают активную деятельность различные философские школы, разворачиваются бурные философские диспуты. В таких диспутах принимал горячее участие молодой Августин — сын небогатого гражданина Тагасты³¹.

Мы можем констатировать для IV в. не только сохранение внешних форм городской жизни, но и известный рост африканских городов. Для суждения о предпосылках этого развития обратимся к сообщаемым надписями сведениям об источниках финансирования строительных работ.

²⁵ E. Boeswillard et R. Cagnat. *Timgad. Une cité africaine sous l'empire romain*. Paris, 1892, p. 54.

²⁶ S. de Roch. *Tébessa, antique Theveste*. Alger, 1952, p. 14.

²⁷ Cp. W a r m i n g t o n. *Op. cit.*, p. 33.

²⁸ См., например, A u g., *Contra acad.* (PL, 32), I, 1, 1; IRT, 564; 567; 568; 578; A u g., *Serm.* 11, 3.

²⁹ A u g., *Confessiones*, I, 14, 23; II, 3, 5.

³⁰ A u g., *Conf.*, II, 3, 5; III, 8, 15; IV, 2, 2.

³¹ Cp. A u g., *Conf.*, II, 3, 5; *Contra acad.*, II, 2, 3.

Во II—III вв. строительство общественных зданий осуществлялось в большинстве случаев по решению декурионов на городские средства (*decreto decurionum pecunia publica* или *sumptu publico*), а также за счет различных ассоциаций или коллегий граждан. Строительство на частные средства отдельных куриалов в этот период также имело место, но не преобладало³². Иная картина наблюдается в поздней Римской Африке. Строительство только на городской счет становится теперь исключением³³. Большинство известных нам городских сооружений, построенных с конца III по начало V в., возведено на средства муниципальных должностных лиц: кураторов, пожизненных жрецов императорского культа (*flamines perpetui*), дуумвиров, а также отдельных состоятельных куриалов. Курия как коллектив редко выступает в качестве инициатора строительства: чаще инициатива принадлежит лицу, финансировавшему строительные работы, либо правителю провинции³⁴. Указанные особенности в финансировании городского строительства прослеживаются на протяжении всего изучаемого

³² T o u t a i n. Op. cit., p. 162—165.

³³ CIL, VIII, 11774 (Mididi, восстановление здания сената на средства курии); 25520 (Bulla Regia); 17327 (Castellum Ma... в Проконсульской провинции) — все упомянутые выше надписи относятся ко времени Диоклетиана; ILAI, I, 2101 (восстановление летних терм в Мадавре *pecunia publica*). Восстановление на общественный счет базилики в *Leptis Magna* (317 г. — IRT, 467; ср. CIL, VIII, 23849 — *Castellum Bira saccarensium*). В некоторых случаях источники финансирования строительства неясны: CIL, VIII, 948 (Tubernuc); 20990 (Цезарея); IRT, 468 (*Leptis Magna*).

³⁴ Невозможно согласиться с мнением Хейвуда (op. cit., p. 119), что для времени Поздней империи характерно главным образом строительство в городах на средства императорского правительства. Лишь весьма незначительная часть строительных надписей отражает непосредственное участие провинциальных властей в городском строительстве, причем речь часто идет о сооружении стен (IRT, 562; 563; 565; 569 — строительство стен Лептиса президом Триполитании в 50—60-х годах IV в., когда эта провинция подвергалась набегам берберских племен), арок в честь императоров (CIL, VIII, 1860; 14346), статуй (АЕр, 1946, № 108). Те надписи, которые сообщают о строительстве императорскими чиновниками городских общественных зданий, лишь в некоторых случаях позволяют заключить, что строительство финансировалось государством (АЕр, 1916, № 96—98; CIL, VIII, 2656; 2735, 25845). В остальных случаях правитель провинции выступает лишь как инициатор строительства либо дедикант, а работы финансируются городскими магистратами (См., например, CIL, VIII, 2388; 20156; АЕр, 1946, № 107; АЕр, 1955, № 55; АЕр, 1917/18, № 58; АЕр, 1920, № 15).

периода в различных районах Римской Африки. Так, надписи, фиксирующие строительство за счет куратора, известны для городов Проконсульской провинции, например для Карфагена (АЕр, 1955, № 55), Тугги (ILT, 1500); Zattara (CIL, VIII, 17268 = 5178) и др.; Нумидии: Тамугади (CIL, VIII, 2388; ср. RAfr., 1913, стр. 163 сл.), Каламы (CIL, VIII, 5335; 5341), Ламбесиса (CIL, VIII, 18328), Мадавра (ILAI, I, 2107; 2108), а также для Мавретании (Albulae — CIL, VIII, 21665: *curator et dispunctor rei publicae*). В Тугге (Проконсульская провинция) на средства одного из «пожизненных фламинов» был восстановлен водопровод (CIL, VIII, 26568) и осуществлено строительство какого-то общественного здания за счет дуумвира Напция Феликса Антониана (CIL, VIII, 26569). Сооружения, воздвигнутые на средства *flamines perpetui*, известны также для Chardimau (Проконсульская провинция — CIL, VIII, 14728); Curubis (там же — CIL, VIII, 24104), Куикуля (Нумидия — АЕр, 1946, № 107). В Сатафе (Ситифенская Мавретания) неизвестным нам лицом (надпись не сохранилась полностью) были построены термы и восстановлена после пожара мастерская (*fabrica* — CIL, VIII, 20267). В Куикуле на средства *vir clarissimus* Рутилия Сатурнина, очевидно, занимавшего какую-то муниципальную должность (... *pro editione muneris debiti*), была построена базилика для торговли одеждой (CIL, VIII, 20156; ср. 8324). Гражданин Thuburbo Maius Габиний Сальвиан, *patronus almae Karthaginis*, построил в своем родном городе в конце IV или начале V в. зимние термы (ILAf, 276). В Vina (Проконсульская провинция) бывший куратор *rei publicae* Покагуппин украсил термы (ILAf, 321).

В некоторых случаях издержки частных лиц на строительство общественных сооружений достигали, по-видимому, весьма значительных размеров. Например, в 323 г. в муниципии Thubursicum Numidarum некий Ноний Марцелл Геркулий, очевидно, богатый куриал, не занимавший определенных должностей в городе, восстановил на свои средства разрушенный во время внутренних войн III — начала IV в. городской квартал, термы и другие разрушенные здания (CIL, VIII, 4878). Надпись из Thuburbo Maius (Проконсульская провинция) посвящена «преданнейшему гражданину» Сальвиану за его заслуги перед городом, в частности за строительство на собственный счет зим-

них терм (ILAf, 276). В ряде случаев строительство финансировалось совместно куратором и городом (*curator rei publicae cum ordine*), например в Thuburbo Maius (Проконсульская провинция — ILaF, 273 и 275). Mustis (ILT, 1538), Мадавре (ILAI, I, 2102 — *cur. rei p. cum ordine splendido et universo populo*), Мактаве (AЕр, 1955. № 51 и 52)³⁵.

Весьма интересный материал для характеристики внутренней жизни африканских городов в IV в. содержат надписи в честь отдельных магистратов. Они показывают, что представители экономически наиболее сильных городских семей, занимавшие различные почетные должности в муниципиях, довольно активно участвовали в жизни своих городов, выполняя разного рода литургии и пополняя из своих средств городские кассы. В городе Saradi (Проконсульская провинция) *ordo et populus* поставили надпись в честь куратора Марка Валерия Целиана за проявленную им заботу о республике и народе в условиях скудости городской казны (*in fisci penuria*) (ILAf, 210). Сохранился ряд подобных надписей из Leptis Magna. В одной из них восхваляется любовь к своей родине и согражданам римского всадника, куратора Луция Домиция Юста Эмилиана (IRT, 561). Другая поставлена в честь одного из *flamines perpetui*, имя которого не сохранилось (IRT, 581). В одной из надписей говорится об услугах, которые оказывал родине и согражданам *flamen perpetuus*, жрец и дуумвир Вибий Аниан Геминий, об устройстве им различных развлечений (*voluptates* — IRT, 578). В четырех надписях из Leptis Magna прославляются заслуги представителей семейства Гераклиев, отправлявших различные почетные культовые и административные должности в городе и провинции Триполитании и обладавших достоинством римских всадников. Один из них, Тит Флавий Фронтин Гераклий, *augur, sacerdos Laurentium Labitantium*, устраивал на свои средства различные развлечения (IRT, 564). Другой член этой семьи дуумвир, *sacerdos provinciae Tripolitaniae, flamen perpetuus, куратор, sacerdos Laurentium Labitantium, sacerdos Matris Deum, praefectus omnium sacrorum* — Тит Флавий Вибин — также устраивал публичные игры,

³⁵ Ср. CIL. VIII, 16400 — неизвестный город Проконсульской провинции.

для которых доставил 10 «ливийских зверей», и оказывал другие благодеяния своим согражданам (IRT, 567 и 568).

Приведенные данные позволяют более конкретно поставить вопрос о природе известной интенсификации городской жизни в поздней Римской Африке. В основе этой интенсификации лежало не укрепление экономического положения основной массы городского населения или муниципальной организации в целом, но главным образом литургическая деятельность городских магистратов.

Внешние признаки городской жизни: количество строительных работ, степень развития литургий и т. п., являются лишь косвенным отражением тех внутренних социальных отношений, которые определяли существование античного города³⁶. Поэтому вопрос о «подъеме» или «упадке» городов не может быть решен только на основании такого рода данных. Решающее значение для выяснения подлинного состояния городов и тенденций их развития имеет исследование той совокупности социально-экономических явлений, которая характеризует городскую жизнь в данный исторический период.

Изучение социальных отношений в городах чрезвычайно затруднено из-за ограниченности данных источников. Эпиграфический и юридический материал содержит лишь весьма косвенные сведения, с другой стороны, мы не располагаем для африканских городов таким богатым литературным источником, каким являются, например, для Антиохии того же периода речи Либания.

Некоторый материал для характеристики внутренних отношений в городах дают произведения Августина, в особенности его «Проповеди» (*Sermones*). *Sermones* относятся к периоду епископской деятельности Августина в Гиппоне-Регии (395—430). Будучи проповедями, произносившимися епископом в городских церквях, они, в отличие от других произведений Августина, обращены непосредственно к широкой массе верующих горожан. Значительное место

³⁶ В подавляющем большинстве западных исследований изучение истории провинциальных городов сводится к установлению той или иной степени «просперити» либо упадка, определяемой главным образом при помощи подсчета строительных и посвятительных надписей. Эта методика характерна и для цитированной выше работы Уормингтона. В главе, посвященной африканским городам IV—V вв., автор лишь бегло касается вопроса о социальных отношениях, совершенно не связывая его с развитием городов.

в проповедях занимают проблемы христианской этики и морали; необходимые для иллюстрации выдвигаемых им тезисов примеры Августин, естественно, черпает из условий жизни своей аудитории. Так, осуждая стяжательство, любовь к мирским благам, он в ряде случаев объясняет, в чем именно проявляются эти греховные качества у его паствы. Проповедуя любовь к ближним, он указывает, в каких поступках должна выражаться эта любовь у граждан его города и, таким образом, неизбежно затрагивает вопрос о взаимоотношениях различных групп городского населения. Важное значение имеет в этой связи то обстоятельство, что большинство жителей Гиппона были в данный период христианами³⁷. Поэтому примеры, приводимые Августином, нельзя считать относящимися лишь к какой-то незначительной части населения города.

Необходимо вместе с тем учитывать ограниченность и односторонность такого рода данных «Проповедей». Во-первых, социальные отношения в городе отнюдь не находятся в центре внимания Августина, но лишь используются им главным образом как иллюстративный материал при толковании тех или иных мест священного писания. Далее, в «Проповедях» в полной мере сказываются социально-политические позиции этого крупнейшего христианского писателя поздней античности: признание им законности и справедливости существующего общественного строя. Будучи далек от осуждения социального и имущественного неравенства как такового, Августин выступал лишь против эксцессов во взаимоотношениях между «сильными» и «слабыми», рекомендовал богачам не притеснять бедняков, но заботиться о них через посредство церкви, а бедняков призывал не завидовать богачам, проявлять терпение и кротость. Подобные высказывания в какой-то мере отражают реальную картину внутренних отношений в городах, но в то же время они свидетельствуют о стремлении Августина принизить значение социальных противоречий внутри христианской общины, свести их к чисто этическим проблемам. Понятно, что эта тенденция оказывала определенное влияние и на самый характер трактовки этих противоречий. Осуждая насилие и несправедливости, совершаемые «сильными», Августин совершенно не склонен

³⁷ A u g., Serm. 302, 21, 19.

связывать их с социальным положением «неправедных людей», рассматривать эти явления как типичные для взаимоотношений определенных общественных групп. Он избегает в своих проповедях каких-либо высказываний, способных возбудить в его пастве чувство протеста против власти «сильных», будь то власть императора, городских магистратов или *patris familias*; для него беспрекословное подчинение установленной власти — одна из важнейших христианских добродетелей³⁸.

Указанные особенности «Проповедей» придают рассуждениям Августина о жизни и стремлениях его паствы крайне абстрактный характер. Наиболее острый в жизни городов Поздней империи вопрос о налогах и их неравномерном распределении, подробно трактуемый и языческими и христианскими авторами (например, Сальвианом Марсельским), не находит в «Проповедах» никакого отражения. У Августина часто трудно отличить упоминания о действительных фактах городской жизни от чисто умозрительных дидактических примеров. Все же мы можем опираться на некоторые данные «Проповедей». Частое упоминание Августином одних и тех же явлений, сообщаемые им иногда конкретные факты, наконец, характерная для «Проповедей» социально-экономическая терминология — все это позволяет в какой-то мере воссоздать некоторые черты внутренних отношений в одном из африканских городов.

Отметим прежде всего, что городское население резко разделяется в представлении Августина на две группы: имущих людей и бедняков. Бедняки — это те, кто «не имеют денег, с трудом находят ежедневное пропитание, так нуждаются в помощи других и в милосердии, что не стыдятся даже просить милостыню» (Serm. 14, 1, 1). Призыв к милосердию, к раздачам в пользу бедных оставляет, пожалуй, наиболее распространенный мотив в «Проповедах»³⁹. Дарения в пользу церкви — это одно из проявлений милосердия к беднякам. Августин подчеркивает, что владения церкви служат для помощи бедным. «У церкви не хватает денег для всех просящих и нуждающихся» (Serm. 355, 4, 5). Бедняк — это, как правило, гражданин города. Призывая к христианскому милосердию, Августин особенно наста-

³⁸ A u g., *Confessiones*, III, 8, 15; Serm. 62, 8, 13; 302, 14, 13.

³⁹ См., например, A u g., Serm. 11; 14; 108; 210; 345; 349 и др.

ивает на необходимости оказывать помощь своим соплеменникам (*liceat vobis humana charitate diligere cives vestros* — Serm. 349, 2, 2; ср. Serm. 108, 7, 7). Бедняк — это плебей, средний, рядовой человек (*plebeius, mediocris, gregalis*), иногда он обладатель небольшого, с трудом нажитого имущества (пекулия), на которое покушается богатый сосед (Serm. 107, 8, 9; 108, 7, 7). Однако чаще всего бедняки, о которых говорит Августин, — это совершенно неимущие люди, целиком зависящие от частной или церковной благотворительности. Положение свободных бедняков нередко хуже, чем положение рабов (*nonne videmus multos servientes non egentes et liberos mendicantes?* — Serm. 159, 4, 5).

Sermones Августина свидетельствуют о наличии в африканских городах конца IV — начала V в. многочисленного слоя неимущего плебса, живущего в значительной мере за счет раздач. Характерно, что в этих раздачах иногда были вынуждены участвовать не только богатые горожане и церковь, но и само императорское правительство. К середине IV в. значительная часть африканских христиан примкнула к оппозиционной императорской власти донатистской церкви. С целью ликвидации церковного раскола и подрыва влияния донатизма император Констант направил в 347 г. в Африку специальную миссию, в программу действий которой входила массовая раздача денег бедным христианам⁴⁰. Очевидно, правительству приходилось считаться с политическими настроениями африканского плебса.

Что же представляет собой в социальном отношении имущий слой городского населения? Почти во всех тех случаях, когда Августин говорит о греховной любви к мирским благам либо прибегает к аллегории, выражающей понятия владения или приобретения, он упоминает виллу⁴¹. Слушатель Августина — владелец виллы, он, по мнению проповедника, или излишне дорожит своей виллой, или жаждет приобрести еще лучшую. «Если скажут тебе, — упрекает его Августин, — продай свою виллу, ты содрогнешься как бы от ругательства, сочтешь, что тебе сделана несправедливость» (Serm. 32, 21, 21).

⁴⁰ Optat., De schism. donat., III, 3.

⁴¹ Aug., Serm. 11,3; 16, 2, 2; 20, 4; 32, 21, 21; 82, 11, 14; 85, 1, 1; 107, 5, 6; 112, 2, 2; 177, 6; 339, 5, 5; 345, 2.

Вилла, по определению Августина, — это скромная по размерам небольшая земля (... *modicam terram habes, id est villam* — *Serm.* 345, 2). Владелец виллы — небогатый человек, он часто ведет трудную, полную испытаний жизнь (*ibidem*). Однако обладание виллой доступно далеко не всем жителям городов, чьи доходы связаны с сельским хозяйством. В 356-й проповеди Августин рассказывает об имущественном положении клириков гиппонской церкви — граждан Гиппона-Регия и других городов. Некоторые из них — диаконы Валент, Север, племянник Августина субдиакон Патриций — собственники небольших земельных участков (*agelli*). Диакон Гераклий, происходящий из более богатой семьи, купил виллу, но для этого он вынужден был занять значительную сумму, так что весь доход с урожая уходил на уплату долга. Остальные клирики — бедняки, не имеющие никакого имущества (*Serm.* 356, 3; 5; 7; 8).

Интересно, что Августин очень редко употребляет в *Sermones* понятие «имение», *fundus*. При этом лишь один раз *fundus* упоминается в том же смысле, что *villa*, т. е. как элемент мирского благополучия, которым дорожат слушатели Августина (*Serm.* 29, 4, 5). В других случаях речь идет о вызывающих зависть имениях богатых людей («часто переходим дорогу и видим приятные и плодородные имения» — *Serm.* 113, 6, 6) о статуях богов в имениях язычников (*Serm.* 62, 11, 17) или же об имениях церкви (*Serm.* 356, 15). В то же время в других произведениях Августина довольно часто упоминаются различные *fundi*, принадлежащие к его епархии либо связанные с какими-либо эпизодами религиозной борьбы. Очевидно, редкое использование этого термина в *Sermones* объясняется тем, что положение собственника имения (*dominus fundi*) не было типичным для той социальной среды, к которой обращался в данном случае Августин.

Наряду с неимущими бедняками, с небогатыми мелкими и средними землевладельцами в проповедях Августина довольно четко выступает еще одна социальная группа — *divites*. Это люди, «на которых бедняки пристально взирают, о которых шепчут, сетуют, восхваляют и которым завидуют, хотят уравниаться с ними и скорбят, что неравны» (*Serm.* 345, 1). Частое возвращение Августина к теме богатства и бедности, к фигуре сильного и несправедливого богача

во многом связано с весьма характерным для проповедей мотивом противопоставления земных благ благам духовным. Однако было бы неправильным видеть в *dives* и *potens* проповедей только некую дидактическую абстракцию. Этот персонаж сплошь и рядом выступает в тесных и весьма конкретных взаимоотношениях со средними, рядовыми и бедными людьми. Он может быть для них патроном, защищающим их в судебных тяжбах либо против притеснений со стороны других сильных людей (*Serm.* 9, 2, 2; 130, 5), но гораздо чаще он выступает как притеснитель своих более слабых сограждан (...*qui premit civem suum.* — *Serm.* 108, 7, 7; ср. *Serm.* 8, 9, 12; 17, 4, 4; 18, 3, 3; 41, 2; 50, 5, 7; 60, 9, 9; 81, 5; 107, 8, 9; 113, 2, 2; 177, 4; 178, 2, 2; 359, 2).

В произведениях Августина можно найти немало конкретных фактов, подтверждающих то общее впечатление, которое создают рассуждения обогатстве и бедности в проповедях. Отец Августина был небогатым гражданином небольшого нумидийского города Тагасты (*municipis Thagastensis admodum tenuis*). Его решение отправить сына учиться в Карфаген не соответствовало его денежным возможностям (*ultra rei familiaris sui.* — *Conf.*, II, 3, 5). В том же месте Августин упоминает о многих гораздо более состоятельных гражданах Тагасты (*multorum... civium longe opulentiorum*). Так, родители его друга и земляка Алипия, принадлежавшие к городской верхушке (*parentibus primatibus municipalibus*), не только отправили своего сына в Карфаген, но и, считая необходимым для него дальнейшее путешествие, послали его изучать юриспруденцию в Рим (*ibid.*, VI, 7, 11; 8, 13). В некоторых произведениях Августина упоминается еще один гражданин Тагасты (*complices poster*) Романиан, который оказывал ему материальную поддержку в годы учения (*Contra acad.*, II, 2, 3; *Conf.*, VI, 14, 24). Романиан принадлежал к числу чрезвычайно богатых людей (*praedivites.* — *Conf.*, VI, 14, 24). В своем городе он устраивал невиданные ранее представления для сограждан, в частности медвежий цирк (*munera ursorum*). Не только сограждане, но и жители соседних городов избирали его патроном, он обладал властью, выходящей за пределы муниципального положения (*potestates, quae municipale habitum supercrescerent*). Романиан славился устройством бесплатных раздач и пиршеств, причем его состояние оказывалось, по словам Августина,

вполне достаточным для таких расходов (*Contra acad.*, I, 1, 1—2).

Приведенные примеры показывают, насколько сильно могло различаться имущественное положение граждан сравнительно небольшого города и каких размеров достигало состояние отдельных представителей городской знати. В Гиппоне-Регии, с которым связаны многие годы епископской деятельности Августина, имущественная дифференциация среди муниципальных землевладельцев была не менее резкой. Выше уже говорилось о небогатых гражданах Гиппона, с трудом сколачивавших средства на приобретение виллы или небольших участков земли. В то же время отдельные представители городской знати (*honorati*) обладали такими владениями, что могли приносить в дар церкви виллы и даже целые имения⁴².

Данные, которые можно извлечь из *Sermones* и из некоторых других произведений Августина, создают впечатление о существовании в африканских городах определенного слоя граждан, резко отличавшегося по своему имущественному положению от всех остальных групп городского населения. Этот факт получил свое отражение также в императорском законодательстве. По указу Гонория и Феодосия от 412 г. (*CTh*, XVI, 5, 52), устанавливавшему наказания для лиц, исповедывавших донатизм, декурионы, а также коммерсанты (*negotiatores*) и плебеи должны были платить штраф в пять фунтов золота, а городские магистраты (*principales*) и *sacerdotales* (жрецы провинциального культа, звание которых являлось высшей ступенью муниципальной карьеры) — соответственно 15 и 20 фунтов, т. е. в три-четыре раза больше. Таким образом, существование весьма значительных различий в имущественном положении между представителями городской знати, с одной стороны, и остальными слоями населения городов — с другой, признавалось официально. Это наблюдение вполне соответствует приведенным выше эпиграфическим данным, свидетельствующим, что в IV в. только узкая группа членов курии, совпадающая в основном с *principales* указа 412 г., имела возможность участвовать в финансировании городского строительства. Надо думать, что богачи, о которых говорит Августин, столь резко отделяя их от рядо-

⁴² *Aug.*, *Serm.* 365, 15; *Possidius*, *Vita s. Augustini*, 23.

вых и бедных людей, — это прежде всего возглавлявшие муниципальную организацию представители городской знати.

Судя по проповедям Августина, довольно многочисленную группу городского населения составляли небогатые собственники вилл и еще более мелких земельных участков. Этот вывод подтверждается данными известного муниципального *album*⁴³ нумидийского города Тамугади, относящегося к 60-м годам IV в. Та часть надписи, которая содержала список рядовых — не занимавших никаких должностей — куриалов, сохранилась не полностью, однако и дошедший до нас фрагмент включает довольно значительную группу из 73 имен. Как известно, в IV в. к курии приписывались землевладельцы, обладавшие на городской земле участком не менее 25 югеров.

К числу землевладельцев принадлежали не только куриалы, но и городские плебеи. Упомянутый выше указ 412 г. предусматривает для плебеев такой же размер штрафа, как для рядовых декурионов, что, очевидно, предполагает наличие какой-то собственности по крайней мере у части этой группы. Такое же впечатление создают упоминания Августина о бедных гражданах — обладателях небольших земельных участков. В целом, для африканских городов изучаемого периода можно считать характерным наличие значительного слоя парцеллярных владельцев, не принадлежавших к сословию куриалов. Наряду с этим мелкое землевладение сохраняло, очевидно, ведущую роль в поселениях сельского или квазимуниципального типа, расположенных на территориях, принадлежавших более крупным городам. В отличие от коллективов муниципальных землевладельцев с характерным для них имущественным неравенством и ведущей ролью крупных собственников,

⁴³ CIL, VIII, 2403; 17903 и L. L e s c h i. L'Album municipal de Timgad et «l'ordo salutationis» du consulaire Ulpian Mariscianus. — REA, L, 1948, № 1—2, p. 71—100. Album содержит список официальных лиц и куриалов Тамугади. Вначале перечисляются сенаторы — патроны города, затем perfectissimi, sacerdotales, куратор, дуумвиры, flamines perpetui понтифики, авгуры, эдилы, квестор, бывшие дуумвиры, эдилы и квесторы, наконец рядовые (non honores functi) куриалы. Отдельно даются списки клириков и чиновников различных ведомств: викария Африки, консулара Нумидии, префекта анноны и рационала Нумидии. Подробнее об album см. ниже, стр. 69 сл. Леши датирует надпись между 363 и 365 гг. (ср. T. M o m m s e n. Gesammelte Schriften, VIII, S. 315; около 367 г.),

эти поселения в социальном отношении представляли собой более или менее внутренне однородные коллективы мелких владельцев. Несколько таких небольших муниципиев было расположено, например, на территории Гиппона-Регия. Августин, рассказывая о жителе одного из них — *municipium Tullienae* — некоем Курме, говорит, что он был *curialis pauper, vix illius loci duumviratibus et simpliciter rusticanus*⁴⁴. Иначе говоря, куриал этого муниципия, имеющего собственных дуумвиров, является в представлении Августина просто крестьянином. Из контекста фразы следует, что положение дуумвира такого местечка было довольно скромным. Свидетельством бедности Курмы служит для Августина тот факт, что он не достиг даже этого положения. Очевидно, все куриалы такого рода муниципиев, в том числе и возглавлявшие их магистраты, были людьми небольшого достатка, владельцами относительно мелких участков.

С подобными небольшими городками или селами, расположенными на территориях, принадлежавших более крупным городам, мы встречаемся также в некоторых эпиграфических памятниках. Так, в надписи второй половины IV в. из Куикуля (АЕр, 1946, № 108) упоминаются некие *Pisidiaci* — жители села, расположенного близ Куикуля, которые имели в городе собственный трибунал для разбора их дел⁴⁵. Такого рода поселения, очевидно, подчинялись юрисдикции властей того города, на территории которого они находились, но сохраняли при этом свою обособленную сельскую или квазимуниципальную организацию. Экономические взаимоотношения этих поселений с городами недостаточно ясны.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о тех группах городского населения, которые не были непосредственно связаны с землевладением. Как отмечалось выше, мы почти не имеем конкретных данных об организации африканского ремесленного производства, его роли в социальной жизни

⁴⁴ A u g., De cura pro mortuis gerenda, 12, 15.

⁴⁵ Ср. АЕр, 1957, № 72 — 383 г. (vicus Bobius на дороге Карфаген — Theveste); АЕр 1920, № 46 — конец III или IV в., район Siftis: *mag(istri) Median(orum)*; CIL, VIII, 17313 — время Диоклетиана, район Thagaste: *universi seniores Mas... rensium*; ILAI, I, 1241 — время Диоклетиана, Thubursicum Numidarum: посвящение какому-то боже-ству, в котором участвовали *universi pagi*.

городов. Хейвуд, отмечая аналогичное явление для Африки времени Ранней империи, высказал предположение, что оно объясняется распыленностью африканского ремесла, преобладанием мелкого производства⁴⁶. Это предположение представляется вполне возможным и для поздней Римской Африки. В одном из произведений Августина говорится о людях низкого положения, переходящих в монашество. Наряду с рабами и отпущенниками здесь упоминаются бегущие в монастыри от «убогой и тяжелой жизни» рустики и ремесленники (*orifices*), причем труд последних характеризуется как «плебейский»⁴⁷. Перечисляя различные виды деятельности, связанные со стремлением к наживе, Августин называет управителей и арендаторов земельных владений и торговцев, которых он противопоставляет живущим физическим трудом ремесленникам (*ibid.*, 15, 16). По-видимому, представление о занятии ремеслом ассоциировалось в Африке не с богатыми собственниками крупных мастерских, но главным образом с малоимущими самостоятельно трудящимися работниками.

Мы обладаем лишь крайне незначительными данными о составе и положении городского плебса. Очевидно, в значительной своей части он состоял из ремесленников, а также владельцев мелких земельных участков. Как отмечалось выше, среди плебеев было немало пауперизированных граждан городов, живших за счет частной и церковной благотворительности.

Цитированный выше указ 412 г. подтверждает факт существования в Африке особой — отличающейся от землевладельцев-куриалов — категории *negotiatores*. Однако у нас нет оснований относить эту категорию к наиболее состоятельной группе городского населения либо приписывать ей ведущую роль в жизни городов. В ином положении находились судовладельцы (*navicularii*), которые входили в высший слой городского населения и при Константине были возведены во всадническое сословие (СТh, XIII, 5, 16). Характерно в то же время, что в юридических источниках навикулярии выступают, подобно куриалам, в качестве земельных собственников; правительство даже рассматривает их земли как главное условие их успешной

⁴⁶ H a y w o o d. Op. cit., p. 58.

⁴⁷ A u g., De opere monachorum (PL, 40), 22, 25.

деятельности и стремится воспрепятствовать отчуждению этих земель (CTh, XIII, 6: De praediis naviculariorum). Таким образом, эта имущая группа городского населения не принадлежала по своему социально-экономическому положению к чисто торговым слоям.

В целом мы можем заключить, что основу материального благосостояния имущих слоев городского населения составляло чаще всего не ремесло и не посредническая торговля, но землевладение, сельское хозяйство. В одной из проповедей Августин прямо называет своих слушателей земледельцами (*agricolae* — Serm. 87, 1, 2). Размер земельного владения гражданина города являлся главным фактором, определявшим его имущественное и общественное положение. Земледелие было источником существования и для более или менее обеспеченных людей, и для многих бедняков (Serm. 356). При этом следует учитывать, что в портовом городе Гиппоне, к которому относятся данные Августина, роль торговых элементов должна была все же чувствоваться сильнее, чем в городах внутренних областей. Следовательно, эти данные, очевидно, достаточно типичны для Римской Африки в целом.

Итак, мы не можем рассматривать африканские города IV в. как преимущественно торгово-ремесленные центры, хотя ремесло и торговля и достигали в них значительного развития. Преобладающей сферой производственной деятельности, лежащей в основе существования городов такого типа, было сельское хозяйство. Эксплуатация труда работников, занятых в земледелии (сельских рабов, колонов), делала возможным накопление прибавочного продукта, обеспечивавшего поддержание материальных и культурных форм городской жизни (строительство, городское благоустройство, зрелища и т. п.). Город и деревня выступали, таким образом, не как различные социально-экономические понятия, но как единое неразрывное целое.

Этот вывод нуждается в некоторых разъяснениях. Признание аграрного характера экономики африканских городов отнюдь не означает отрицания их роли как центров товарно-денежных отношений. Напротив, самый факт существования интенсивной городской жизни, расходования крупных средств на строительство, украшения, зрелища, образование предполагает концентрацию в городах товарного производства и обращения.

Если сопоставить данные о значительном объеме торговли африканских провинций хлебом и оливковым маслом с наличием крупных денежных богатств в городах, то создается впечатление, что муниципальные землевладельцы играли значительную роль в производстве сельскохозяйственных продуктов на экспорт. Естественнее всего предположить, что центрами соответствующих торговых операций по сбыту этих продуктов и организации их дальнейшего продвижения на внешние рынки были города. Вместе с тем они являлись, разумеется, местом реализации ремесленной продукции (ср. CIL, VIII, 20156: *basilica vestiaria*). С этим, очевидно, связано присутствие в городах особого слоя *negotiatores*, а также то значение, которое придавалось строительству торговых зданий. В Мадавре для заключения торговых сделок был приспособлен даже храм Фортуны, в котором перестали отправлять культ (ILAI, I, 2103).

Таким образом, решающее значение земледелия в экономической жизни африканских городов совершенно не связано с явлениями натурализации хозяйства. Можно целиком согласиться с румынским историком Э. Кондураки, который характеризуя современное состояние вопроса о товарно-денежных отношениях в Поздней империи, отмечает, что, «когда речь идет о процессе обращения в тех местностях Римской империи, где в IV—V вв. продолжала существовать городская жизнь и присущие ей формы рабовладельческого хозяйства, экономические отношения характеризовались денежным, а не натуральным обменом»⁴⁸.

Подчеркивая аграрный характер экономики африканских городов, мы имеем в виду не слабую роль в них ремесленного производства и торговли, но вопрос о специфических условиях существования городов изучаемого нами типа, о сущности их как определенных явлений общественной жизни. В нашей литературе при оценке состояния городов поздней античности в качестве решающего критерия обычно выдвигается степень развития товарно-денежных отношений. Однако существование города, базирующегося на сельском хозяйстве, невозможно объяснить только экономическими факторами. Аграрный строй экономики совсем не обязательно предполагает наличие центров городского типа.

⁴⁸ Э. Кондураки. О натуральном и денежном обмене... ВВ, т. XIV, 1958, стр. 34.

Существование и развитие городов на подобной основе является в значительной мере результатом действия определенных социально-политических факторов — потребности землевладельцев в объединении, в некоей организации для защиты своих общих интересов: господства над эксплуатируемыми слоями, обороны от возможных внешних врагов либо от посягательств на их землю со стороны более сильных собственников. С этим объединением, принимающим форму городской общины, связаны и определенная муниципальная организация, и специфическая система земельной собственности, предполагающая наличие фиксированной городской сельскохозяйственной территории, и обусловленность права владеть землей на этой территории, принадлежностью к коллективу граждан данной общины (*civitas*).

Особенности подобного типа социальной организации, в той или иной мере свойственные любому античному городу, достаточно широко известны. Здесь важно отметить, что в Римской Африке в силу аграрного характера ее экономики, этот тип города получил особенно полное развитие. Большинство африканских городов возникло вследствие эволюции местных земледельческих поселений либо в результате римской аграрной колонизации, причем часто оба эти фактора действовали совместно ⁴⁹. Во всех этих случаях социально-экономической основой городов являлось землевладение. Как мы видели, это положение не изменилось в IV в.

Самое понятие «город», поскольку речь идет о Римской Африке, неразрывно связано с определенной социальной организацией землевладельческого населения. Поэтому вопрос о положении городов, характере их развития в изучаемый период можно решить, лишь установив, в каком состоянии находилась эта организация, насколько она была прочной и действенной.

Судя по *album* из Тамугади, городской строй в основном сохранял в IV в. свои традиционные формы. Здесь мы находим обычных городских магистратов: дуумвиров, эдила, квестора, а также куриалов, ранее выполнявших эти должности. При назначении магистратов на очередной год продолжала применяться процедура народного голосования

⁴⁹ Broughton. Op. cit., p. 97 sq.

(CTh, XII, 5, 1—326 г.: *populi ... suffragiis nominatio in Africa consuetudine celebretur*). В IV—V вв. сохранялся и такой важный элемент самостоятельной городской политической организации, каким являлись вооруженные отряды курий (*amminicula ordinum, civitatum auxilia*)⁵⁰. Вместе с тем мы можем отметить живучесть в IV—V вв. определенных правовых представлений, связанных с пониманием города как гражданской общины. Августин (Serm. 108, 7, 7) четко противопоставляет гражданина города не обладающему гражданскими правами паломнику (*nam qui premit civem suum, quomodo habet suscipere peregrinum*). Города по-прежнему обладали фиксированной сельскохозяйственной территорией, подлежащей юрисдикции муниципальных властей (CJ, X, 32, 53). Таким образом, формальные принципы муниципальной организации и свойственная ей система земельной собственности продолжали сохранять свое значение.

Тем не менее мы можем констатировать значительные изменения в социальной структуре этой организации по сравнению с периодом Ранней империи. Как показывают данные строительных и посвященных надписей, резко снизилась степень участия основной массы куриалов в городской жизни. Прежнее коллегиальное управление городским хозяйством в рамках *ordo* все более вытесняется властью немногочисленной группы городской знати. Такие ведущие должности городского управления, как, например, дуумвират, могли в IV в. делаться достоянием отдельных семей (например, надпись из Лептиса IRT, 595 посвящена мальчику из знатной семьи Гераклиев, который был коллегой своего отца по дуумвирату). В расходах на строительство и другие городские нужды усиливается роль частных пожертвований представителей городской знати, функции *ordo* как коллективного владельца и распорядителя городских средств выражены крайне слабо. Значительные литургические пожертвования магистратов на городские нужды характерны и для Африки II—III вв., однако в этот период они приобретали форму не только строительства на частный счет, но и определенных денежных взносов — *summae legitimaе* или *honorariae*, которые

⁵⁰ A u g., *Adversus Fulgentium*, 24; *Contra lit. Petiliani*, III, 39, 45; *Contra Cresconium*, IV, 47, 57.

вносились в городскую кассу и попадали, таким образом, под контроль *ordo*. В IV—V вв. мы почти не встречаемся с *summae legitimae*, магистраты предпочитают расходовать суммы, пожертвованные ими в связи с выполнением той или другой должности, самостоятельно, без посредства *ordo*⁵¹.

Указанные особенности в социальном строе африканских городов IV—V вв. предстают как результат длительного процесса имущественной дифференциации сословия муниципальных землевладельцев. Этот процесс выступает в Африке достаточно явно уже с конца II в.⁵² Его экономической предпосылкой, очевидно, была сравнительно тесная связь африканского сельского хозяйства с рынком. В IV в. в африканских городах еще сохранялся значительный слой средних муниципальных землевладельцев, но резкое ослабление его роли в городской жизни является одним из показателей его экономического упадка. Наличие в городах многочисленного неимущего плебса и промежуточной группы парцеллярных владельцев достаточно ярко свидетельствует о процессе разложения муниципального землевладения. На другом полюсе городского населения мы видим немногочисленные наиболее состоятельные семьи, уже отделившиеся в социальном отношении от основной массы куриалов.

В современной научной литературе упадок городов обычно объясняется главным образом политическими условиями Поздней империи, политика позднеримского государства по отношению к городам признается крайне неблагоприятной для сословия куриалов и противопоставляется с этой точки зрения политике Ранней империи (кончая Северами). Так, по мнению Хейвуда (op. cit., p. 119), политика поздних императоров была губительной для среднего муниципального класса. Пиганьоль объясняет упадок городов борьбой государства «против буржуазии (так автор называет муниципальных землевладельцев.— Г. Д.) с тем, чтобы заставить ее перестать быть паразитическим клас-

⁵¹ См., например, CIL, VIII, 26568 и 26569 (Thugga): восстановление канала *pro splendore flamonii perpetui* и здания курии *ob honorem duoviratus*.

⁵² Н. А. М а ш к и н. Из истории африканских городов во II—III вв. н. э.; А. В о у г а г е л - М у с с о. Op. cit., p. 354 sq., 491 sq.

сом». По его мнению, «императоры несут громадную ответственность за жалкое состояние городов»⁵³.

Указанное мнение, несомненно, не лишено основания. В системе взимания африканской анноны главное внимание уделялось повинностям городов, причем с особой полнотой и последовательностью был проведен принцип круговой поруки куриалов в уплате податей. Лица, ведавшие взиманием налогов (*exactores, susceptores*), избирались из числа куриалов, избравшая их курия несла материальную ответственность за исправное поступление всей суммы податей (СТh, XII, 6, 1; 9; 20). Императорские распоряжения требуют неукоснительного выполнения африканским куриалами этой обязанности, запрещают им оставлять свои города, либо переходить в другие сословия⁵⁴.

В первой половине IV в., в особенности при Константине, был нанесен значительный ущерб доходам городов. Константин даровал христианской церкви крупные земельные угодья, изъятые из территорий, принадлежавших африканским городам⁵⁵. Одновременно производились широкие распродажи частных земельных владений куриалов, задолжавших фиску (СТh, XI, 7, 4). При Константине или одном из его ближайших преемников городские общественные земли были окончательно экспроприированы государством (ср. СTh, X, 3,1). Таким образом, к середине IV в., очевидно, имело место известное сокращение земельных площадей, закрепленных за городами.

Превращение муниципальной организации в важнейший элемент государственной машины по сбору налогов неизбежно должно было повлечь за собой усиление контроля со стороны императорской администрации, что требовало известной перестройки традиционных муниципальных учреждений. С этим связано развитие в период Поздней империи института городских кураторов (*curator rei publicae*). Должность куратора появляется в африканских городах еще в начале III в., повсеместное распространение она

⁵³ А. Р i g a n i o l. *L'Empire chrétien*, p. 355, 358. Противоположное мнение см. V a n - S i c k l e. *Op. cit.*, p. 173 sq., автор считает, что упадок городов объяснялся не политикой императорского правительства, а «объективными условиями». Ср. W a r m i n g t o n. *Op. cit.*, p. 113.

⁵⁴ CJ, X, 19, 1; 21, 1; XII, 55, 1; СTh, XII, 1, 60; 1, 64 и др.

⁵⁵ *Le liber pontificalis*, ed. L. Duchesne, I, Paris, 1886, p. 175.

получает в IV в. ⁵⁶. В IV в. куратор — высшее должностное лицо в городе. В надписях, поставленных городами в честь императоров, он выступает как единственный официальный представитель города ⁵⁷, причем *ordo* города часто упоминается в качестве инициатора сооружения надписи лишь на втором месте после куратора (*curator rei publicae cum ordine, curator... et ordo, curator... cum omnibus decurionibus*), а иногда упоминание об *ordo* и вовсе отсутствует ⁵⁸. Августин говорит о кураторе как о лице, чья власть в городе уступает лишь власти правителя провинции (*Serm. 62, 8, 13*). Хотя куратор был ответственен непосредственно перед императорскими властями, он не был государственным чиновником. Кураторы являлись высшими городскими магистратами, вербуемыми из числа городской знати ⁵⁹, причем эта должность носила в значительной мере литургический характер ⁶⁰.

Весьма отрицательно отражалась на положении городов их возросшая зависимость от чрезвычайно раздувшейся в IV в. императорской гражданской и военной бюрократии. Рядовые куриалы и плебс испытывали двойной гнет городской знати и многочисленных чиновников. Города во многом зависели от произвола провинциальных властей — например при раскладке фискальных повинностей или в случае необходимости военной защиты от нападений варваров (ср. *Ann. Magc., XXVIII, 6, 1—24*).

Одним из показателей растущей зависимости африканских городов от императорской администрации является изменение характера традиционного института городского патроната в IV в. Исследование соответствующих надписей IV в. позволяет думать, что в этот период гораздо чаще, чем прежде ⁶¹, патронами городов были представители граж-

⁵⁶ См. Toutain. *Op. cit.*, p. 160 и Appendice II (p. 399—400): подавляющее большинство надписей, упоминающих куратора, относится к IV—V вв.

⁵⁷ Ср. Toutain. *Op. cit.*, p. 365, not. 2.

⁵⁸ Различные случаи см.: CIL, VIII, 1636, 5337, 11805—11808, 23116, 23123; ILT, 622, 752; AEp, 1955, № 51; 52 и др.

⁵⁹ Ср. Toutain. *Op. cit.*, p. 365; L. Leschi, in REA. L, 1948, № 1—2, p. 76 sq.

⁶⁰ О литургическом характере должности куратора см. Н. А. Машкин. Городской строй Римской Африки, стр. 65 сл.

⁶¹ О патронате в Африке в I—III вв. см. Н. А. Машкин. Городской строй..., стр. 74.

данской и военной провинциальной бюрократии⁶²: правители провинций, комиты, дуки⁶³. Города были заинтересованы в покровительстве провинциальных властей, от которых зависело распределение фискальных повинностей, а также других влиятельных чиновников (ср. надпись из Лептиса IRT, 519, поставленную в честь чиновника ведомства префектуры претория Цецилия Севера «за многообразную умеренность его решений относительно Лептиса»). Предоставление патроната представителям провинциального управления и военного командования в то же время в какой-то мере увеличивало их заинтересованность в военной защите городов⁶⁴. В целом эволюция городского патроната в IV в. отражает усиление роли императорской бюрократии в государственной системе империи и окончательное исчезновение каких-либо признаков бывшей автономии городов.

Таким образом, не приходится сспаривать того факта, что экономическое и политическое положение городов в государственной системе Поздней империи значительно ухудшилось по сравнению с периодом II — первой половины III в. Однако было бы неверным считать, что политика домината по отношению к городам была исключительно негативной. Уже с конца 50-х годов IV в. в законодательстве начинает появляться тенденция к известному

⁶² Наряду с этим звание патронов продолжали предоставлять сенаторам, обладавшим имениями в районе данного города, с которыми городу важно было сохранить хорошие отношения, и представителям муниципальной знати — в благодарность за оказанные городу услуги. Так, в Тамугади, по данным *album*, было шесть патронов, из них пятеро — сенаторы (*viri clarissimi*) и один — провинциальный жрец (*sacerdotalis*). Уже после издания *album* звание патрона было присвоено одному из *flamines perpetui* — Элию Юлиану за услуги, оказанные городу (J. S a r c o p i n o. *La table de patronat de Timgad*. RAfr., 1913, p. 163 sq.). Характерно, что один из патронов *viri clarissimi* — Вулкарий Руфин, дядя императора Юлиана, был ранее правителем Нумидии (Leschi. L'Album... p. 78). Ср. CIL, VIII, 210, 25525; AEр, 1922, № 16—17.

⁶³ IRT, 103, 522, 526, 529, 544, 562, 563, 566, 576; CIL, VIII, 1860; 7012. Та же тенденция в развитии патроната наблюдается в данный период и в других районах империи. См. L. H a r t m a n d. *Le patronat sur les collectivités publiques des origines au Bas-Empire*. Paris, 1957, p. 447 sq.

⁶⁴ Ср. W a r m i n g t o n. Op. cit., p. 31. Автор отмечает преобладание патронов — провинциальных правителей в Нумидии и Мавретании, где жизнь городов в большей мере зависела от армии. Еще более заметно это преобладание в Триполитании.

облегчению экономического положения городов. В 358 г. Констанций распорядился выделять $\frac{1}{4}$ косвенных налогов с Африки на строительство городских стен (CTh, IV, 13,5). Юлиан в 362 г. возвратил городам их земли (CTh, X, 3,1). По-видимому, это мероприятие относилось не ко всем ранее конфискованным городским землям, но лишь к тем из них, которые к этому времени еще находились в собственности императора и не были проданы частным владельцам⁶⁵. Известным облегчением для городов явилось проведенное Юлианом включение христианских клириков в число налогоплательщиков-куриалов (CTh, XII, 1, 50—362 г.). В 375 г. Валентиниан I указом на имя проконсула Африки ввел новый порядок распределения городских доходов: $\frac{2}{3}$ общей суммы доходов должны были поступать фиску, $\frac{1}{3}$ — городу (CTh, IV, 13,7). При Валентиниане, по-видимому, усиливается участие провинциальных властей в городском строительстве (особенно в нумидийских городах, где консуляр Публилий Цейоний Цецина Альбин упоминается в ряде строительных надписей: CIL, VIII, 2388, 2656, 2735, 20156; AEp, 1917/18, № 58; AEp, 1946, № 107).

Внимание, уделяемое императорами второй половины IV в. строительству в африканских городах, частично объясняется стремлением укрепить их обороноспособность ввиду усилившейся в данный период угрозы вторжений берберских племен⁶⁶. Что касается сравнительно широких мероприятий, проведенных в интересах городов Валентинианом I, то они, очевидно, были связаны не только с военными соображениями, но и с общим направлением внутренней политики этого императора: его стремлением укрепить позиции государства, ограничивая влияние крупных землевладельцев, преодолеть их растущую независимость от центральной власти⁶⁷. Валентиниан пытался, в част-

⁶⁵ Аммиан Марцеллин (XXV, 4, 15) сообщает, что Юлиан возвратил отдельным городам их налоги вместе с земельными имуществами, кроме тех, которые были по праву проданы прежними императорами.

⁶⁶ В связи с ослаблением городов, вызванным политикой Константина, строительные, в том числе фортификационные, работы в городах в его правление резко сократились. Уормингтон (op. cit., p. 33) насчитывает для 306—337 гг. 16 строительных надписей, а для 284—306 гг. — 52.

⁶⁷ A m m. M a r c., XXX. 8, 10: [Valentinianus] bene vestitos oderat e. eruditos et opulentos et nobiles. Cp. P i g a n i o l. L'Empire chrétien, p. 198—199; A. N a g l. Valentinianus I. RE, 14 Hb, 2, Sp. 2190 sq.

ности, ликвидировать привилегированное положение некоторых групп сенаторов в налоговой системе (CTh, XI, 12,3). Эдикт 365 г. викарию Африки, требующий строго взимать фискальные повинности с сенаторских земель (CTh, XI, 1,13), показывает, что по отношению к африканским сенаторам эта политика проводилась довольно интенсивно. Идя на конфликт с крупными землевладельцами, Валентиниан, естественно, пытался опереться на иные социальные силы, которые можно было бы противопоставить сенаторскому сословию, и прежде всего на города.

Необходимо в то же время подчеркнуть, что указанные мероприятия Валентиниана не означали какой-либо коренной реформы налогообложения африканских городов. Вряд ли можно признать сколько-нибудь обоснованным мнение Уормингтона (op. cit., 53—54 и 113), что политика Валентиниана резко отличается в этом отношении от политики предшествующих императоров, поскольку он будто бы пытался ликвидировать ответственность куриалов за сбор налогов. Этому мнению явно противоречит рескрипт Валентиниана на имя викария Африки, в котором речь идет о порядке назначения сборщиков натуральных податей (*susceptores specierum apponarium*). Рескрипт запрещает применять к Африке относящееся к иллирийским провинциям распоряжение императора, согласно которому должность *susceptores* отныне должна была возлагаться не на куриалов, а на государственных чиновников. В Африке сохранялся прежний порядок, поскольку, говорится в рескрипте, «если сборщики, выделенные из курии, растратят что-либо по небрежности или обманом, для пополнения продуктов можно, согласно обычаю, привлечь *ordo*, которое их избрало» (CTh, XII, 6,9). Таким образом, Валентиниан не считал возможным освободить африканских куриалов от коллективной ответственности за сбор налогов, хотя такая льгота и была предоставлена муниципальным землевладельцам других провинций⁶⁸.

Попытки установления некоего «равновесия сил» между сенаторами и муниципальными землевладельцами имели

⁶⁸ Уормингтон (op. cit., p. 53—54) ссылается на то, что аннона будто бы составляла лишь меньшую часть государственных налогов. Это утверждение не выдерживает критики: аннона отождествлялась с основным поземельным налогом и рассматривалась как главная фискальная повинность африканских провинций.

место и при преемниках Валентиниана. Грациан и Валентиниан II, а впоследствии Аркадий и Гонорий запрещали возлагать ответственность за сбор податей с сенаторских земель на куриалов (CTh, XI, 7, 12—383 г.; VI, 3,2 и 3—396 г.), «чтобы не предоставлялось случая для нанесения ущерба куриалам» (CTh, VI, 3,2). Однако в условиях резкого ухудшения внешнеполитического положения империи государство не могло справиться с растущей независимостью от фиска крупных землевладельцев и вновь решило пополнить свою казну за счет куриалов. Уже через год после издания декрета 396 г. Аркадий и Гонорий распорядились, чтобы налоги с сенаторских земель вновь взыскивались куриалами, ссылаясь на трудность сбора этих налогов (CTh, VI, 3,4). Эти колебания императорской фискальной политики весьма характерны: они показывают, как мало зависело направление этой политики от субъективных стремлений правительства и как сильно определялось оно общей ситуацией внутри империи и на ее границах.

В целом мы должны признать, что, независимо от этих колебаний, африканские города испытывали в IV в. жестокий гнет налогов. Возникает вопрос, в какой мере этот гнет отражался на положении различных слоев городского населения. В современных исследованиях те или иные налоговые мероприятия Поздней империи обычно рассматриваются как относящиеся к городскому сословию в целом. Между тем императорское правительство явно учитывало социальную неоднородность сословия муниципальных землевладельцев и в известной мере строило на ней свою политику по отношению к городам. Интересно отметить, что именно при Константине, с именем которого связаны политические мероприятия, наиболее неблагоприятные для городов, был сделан решающий шаг, обеспечивающий подъем экономического положения африканской городской знати.

В 335 г. Константин запретил привлекать африканских магистратов, жрецов и *flamines perpetuos* к выполнению повинностей, которыми принято облагать куриалов более низкого ранга (CTh, XII, 1, 21). В 337 г. декретом, направленным *ad concilium provinciae Africae*, он предписал освободить *sacerdotes*, *flamines perpetuos* и *duumvires* от всех обязанностей по анноне (CTh, XII, 5,2). Таким образом, налоговый иммунитет предоставлялся не только жрецам провинциального культа, представлявшим города

в столице провинции (*sacerdotales*), и лицам, исполнявшим когда-либо должность дуумвира, но и значительно более широкой группе — пожизненным жрецам императорского культа (*flamines perpetui*). Судя по данным африканской эпиграфики, можно думать, что коллегия почетных жрецов императорского культа объединяла наиболее состоятельных куриалов, финансировавших различные расходы и занимавших ведущие должности в муниципальном управлении. Из их среды, в частности, вербовались *sugatores rei publicae*.

Предоставление налогового иммунитета африканской городской знати в конце правления Константина, видимо, было связано с острой внутренней борьбой, развернувшейся в этот период в африканских провинциях. Освобождение христианских клириков от участия в выплате налогов, взыскиваемых с городов, вызвало активное сопротивление куриалов. Вопреки императорским распоряжениям декурiony и городские магистраты (*primores civitatum*) приписывали клириков к куриям и заставляли их платить налоги⁶⁹. В этом движении, очевидно, выразился протест городского населения против обременительной для городов фискальной политики Константина. Предоставление городским верхам привилегированного положения в налоговой системе должно было расколоть оппозиционное правительству движение и упрочить социальную базу императорской власти в африканских городах.

Если Константин только к концу своего правления силою обстоятельств был вынужден проводить более гибкую политику по отношению к африканским городам, то при его преемниках привилегии городской знати, видимо, не вызывают сомнения, а во второй половине IV в. даже упрочиваются. Ярким доказательством тому является муниципальный *album* из Тамугади, сохранившийся не полностью; до нас дошел список 156 куриалов (не считая лиц, принадлежащих к сенаторскому и всадническому сословию, государственных чиновников, а также клириков). Имена членов *ordo* располагаются в нисходящем порядке соответственно их положению в городе. Вначале идут *sacerdotales*, затем дуумвиры, *flamines perpetui*, городские жрецы (*pontifices*), авгуры, эдилы и квестор. Далее

⁶⁹ PL, 11, col. 796 (петиция африканского духовенства Константину); ср. CTh, XVI, 2, 7 (330 г.).

следуют бывшие магистраты: *duovirales*, *aedilici*, *questorici* и, наконец, остальные куриалы (*non honores functi*). *Album* для всех категорий куриалов, начиная с *aedilici* и включая рядовых членов *ordo*, указывает, являются ли они налогоплательщиками: *aedilici non excusati* (в количестве шести), *questorici non excusati*, 30 *non honores functi excusati* и 43 *non honores functi non excusati*. Отношение возглавляющих список лиц к фискальным повинностям не указано: оно, очевидно, не могло вызывать сомнений. Действительно, мы находим здесь категории, перечисленные в декретах Константина от 335 и 337 г. — двух *sacerdotales*, 32 *flamines perpetui* и 15 *duovirales* (= *duovirales*). Остальные являются действующими магистратами или жрецами. Общее число членов *ordo*, пользующихся налоговым иммунитетом, составляет по меньшей мере 92, из них 62 — действующие или бывшие магистраты и *flamines perpetui*. Мы не можем определить численного соотношения между этим привилегированным слоем и остальными куриалами в виду фрагментарности надписи, однако совершенно очевидно наличие в Тамугади 60-х годов IV в. весьма внушительной прослойки муниципальных землевладельцев, официально освобожденных от фискальных повинностей.

Характерно, что именно из этих людей назначались лица, ведавшие сбором налогов с других куриалов: в числе *flamines perpetui* упоминаются двое сборщиков ⁷⁰.

Политика Поздней империи способствовала укреплению не только экономического положения городской знати, но и ее господствующей роли в муниципальных учреждениях. Куратор республики, подчиняющийся непосредственно провинциальным властям, единолично решает в IV в. вопросы, составлявшие ранее компетенцию коллектива муниципальных землевладельцев — *ordo*. Олигархический характер носили и провинциальные собрания (*provincialia consilia*) — совещания представителей городов каждой провинции, собиравшиеся в поздней Римской Африке, по-видимому, довольно регулярно ⁷¹. Основная функция

⁷⁰ *ex(alt)(or)*. Cp. *Leschi*. *L'Album...*, p. 72—73.

⁷¹ *CTh*, XII, 12, 1 (355 г.); XII, 12, 6 (369 г.); *Атм. Марс.*, XXXVIII, 6, 7 (провинциальное собрание в Триполитании в период правления Валентиниана I). Cp. *Piganiol*. *L'Empire chrétien*, p. 320.

этих собраний заключалась в защите интересов городов от притеснений провинциальной бюрократии: они обладали правом направлять посольства с жалобами к императору (CTh, XII, 12: *De legatis et decretis legationum*). В состав провинциальных собраний входили, по выражению одного из императорских указов (CTh, XII, 12, 12 — 392 г.), лица, *qui primatum honorantur insignibus*, т. е. высшие городские магистраты.

Предоставляя экономические и политические привилегии городской знати, позднеримское государство в то же время стремилось сохранить и упрочить ее связь с курией. Любой магистрат считался прикрепленным к курии в такой же степени, как рядовой куриал, его бегство из города рассматривалось как государственное преступление (CTh, XII, 1,29: *magistratus desertores* Цирты). Императорское законодательство IV в. проводило принцип обязательного участия представителей муниципальной знати в городской жизни. Богатые куриалы, добившиеся сенаторского достоинства или каких-либо почетных званий, дававших право на выход из курии, принуждались к выполнению муниципальных должностей. Только в правление Констанция и Константа было издано пять императорских указов, посвященных такого рода куриалам и относящихся специально к Африке ⁷².

Только куриал, прошедший весь муниципальный *cursus honorum*, включая должность куратора республики, и достигший звания провинциального жреца (*sacerdotium*), получал полное освобождение от всех литургий. В 371 г. таким лицам было присвоено почетное звание *excomes* (CTh, XII, 1,75). Таким образом, государство, освобождая представителей городской знати от фискальных повинностей, в то же время требовало от них активного участия в расходах на городские нужды.

В целом у нас нет оснований приписывать Поздней империи политику, направленную против городов как определенного социального института. Напротив, императоры IV в. стремились сохранить городскую организацию и сословие муниципальных землевладельцев. Эта политика диктовалась отнюдь не симпатиями отдельных императоров к «муниципальному классу», но объективной необходи-

⁷² CTh, XII, 1,24; 26, 27; 29; 41; 44 (с 338 по 358 г.).

мостью. Муниципальная организация составляла один из главных элементов, обеспечивавших действенность поздне-римской фискальной системы. Запрещение куриалам покидать свои города было лишь одним из проявлений тенденции к консервированию исторически сложившейся муниципальной организации. В том же направлении действовали и мероприятия, в какой-то мере укреплявшие экономическое положение городов: возвращение им общественных земель, осуществленное Юлианом; законодательное закрепление за ними определенного минимума доходов, проведенное Валентинианом; строительство общественных зданий в городах на государственный счет. Таким образом, принудительное прикрепление к курии дополнялось поддержанием традиционных городских институтов, сохранением внешних форм городской жизни⁷³. Ставя в привилегированное положение муниципальную аристократию, правительство Поздней империи пыталось с ее помощью приостановить упадок городской жизни. Выполнение представителями городской знати различных литургий должно было создавать иллюзию сохранения города как единого коллектива граждан, помешать стремлению куриалов переходить в другие сословия.

Но фискальные интересы, разумеется, не были единственным фактором, определявшим политику Поздней империи по отношению к городам. Города продолжали в значительной мере сохранять свое значение опоры власти империи в ряде провинций. Ослабление нумидийских и мавретанских городов значительно затруднило бы борьбу с учащающимися вторжениями берберских племен. В то же время в связи с общим обострением социальных противоречий и внешних трудностей правительство было заинтересовано в сохранении в городах преданного Римскому государству верхушечного слоя. Короче говоря, империя не могла существовать без городов, а сохранение городов в условиях жестокого налогового гнета, давившего на основную массу куриалов, покупалось ценой предоставления иммунитета и иных привилегий городской знати.

Налоговая политика поздне-римского государства, увеличивая различия в материальном положении между

⁷³ В указе от 395 г. (CTh, XV, 1, 32), подтверждавшем распоряжение Валентиниана о выделении $\frac{1}{3}$ городских доходов городу, отмечается, что часть этих доходов должна идти на строительство терм.

привилегированной верхушкой муниципального сословия и рядовыми куриалами, тем самым усиливала естественный процесс имущественного расслоения внутри курий. Следует учитывать, что освобождение части муниципальных землевладельцев того или иного города от поземельного налога соответственно увеличивало податное бремя, тяготеющее над остальными куриалами. Сумма налога определялась пропорционально размеру приписанной к городу территории (по числу центурий), независимо от того, что значительная часть этой территории, принадлежавшая знатым семьям, фактически в уплате податей не участвовала⁷⁴. Таким образом, чем больше земли находилось в собственности этих семей, тем тяжелее были повинности рядовых членов курий. Но не только налоги подрывали их экономическое положение. Этому же содействовало усиление позиций городской знати.

Наиболее состоятельные куриалы, действующие или бывшие магистраты, используя свое господствующее положение в городе, свои привилегии, усиливали давление на маломощных муниципальных землевладельцев. В «*Sermo*» Августина постоянно возвращается к теме притеснений, которые испытывают бедняки и «рядовые люди» со стороны своих богатых и сильных сограждан⁷⁵. Захват богачами чужих владений, присоединение к своим имениям соседних вилл более слабых куриалов — обычное явление в жизни города⁷⁶. Августин даже жалуется, что о похищении чужой виллы (*de tollenda aliena villa*) часто советуются с епископом и добиваются от него совета (*Serm.* 137, 11, 14).

Богатые куриалы имели много возможностей притеснять своих сограждан. Судя по произведениям Августина, к услугам любого состоятельного гражданина были многочисленные клиенты, с помощью которых он упрочивал свое

⁷⁴ CTh, XI, 1, 10; ср. D é l é a g e. Op. cit., p. 230, 239. Сохранившиеся фрагменты фискального тарифа из Карфагена (fr. 51—53, 55, 59, 89; CI, VIII, 10530, 12552) подтверждают, что размер налога, уплачиваемого городами, определялся числом приписанных к ним центурий. См. Ch. S a u m a g n e. Un tarif fiscal..., p. 129 sq.

⁷⁵ A u g., Serm. 108, 7, 7: ...qui premit civem suum; ср. Serm. 8, 11, 12; 17, 4, 4; 18, 3, 3; 41, 2; 50, 5, 7; 60, 9, 9; 81, 5; 113, 2, 2; 137, 11, 14; 177, 4; 178, 2, 2; 302, 14, 13; 359, 2.

⁷⁶ A u g., Serm. 41, 2; 60, 9, 9; 137, 11, 14; 178, 2, 2; 359, 2.

влияние в городе⁷⁷. Пауперизация значительной части городского населения должна была только способствовать развитию частной клиентелы. С помощью клиентов и подкупленных либо запуганных лжесвидетелей богачи добивались выгодного для себя исхода судебных тяжб⁷⁸.

Господствующее положение аристократических семей в городах позволяло им извлекать дополнительные выгоды из управления муниципальным хозяйством. Будучи официально освобождены от основного общегосударственного налога, представители городской знати уклонялись и от уплаты местных налогов, взыскивавшихся на городские нужды, перелagая всю их тяжесть на рядовых куриалов. В 397 г. Аркадий и Гонорий издали специальный указ, осуждающий распространенную в африканских городах практику принуждения одних куриалов к «выполнению уже выполненной повинности», в то время как другие «еще нимало не вложили в святыни курии» (CJ, X, 32, 52 — *proconsuli Africae*). Можно полагать, что члены аристократической верхушки захватывали себе немалую часть доходов с общественных городских земель, возвращенных городам Юлианом.

Яркую характеристику африканской городской знати — куриалов, выполнявших ранее магистратуры и пользовавшихся, в соответствии с императорским законодательством, иммунитетом, дает Сальвиан Марсельский, посетивший Африку в 30-х годах V в. Говоря о лицах, «ранее выполнявших почетные должности», он отмечает, что «почесть дается им однажды только для того, чтобы они всегда имели право разбойничать... Слабых принуждают повиноваться, бедняков вынуждают подчиняться приказаниям, и если они не подчиняются, их наказывают. В этом отношении такой же порядок, как и в платеже податей: они (т. е. бедняки. — Г. Д.) одни выполняют государственные распоряжения, одни платят подати, их вынуждают свято выполнять то, что с чем бóльшие (*maiores*) не считаются» (*De gub. Dei*, VII, 21).

Мы можем констатировать, что политика позднеримского государства, углубляя имущественную и социальную дифференциацию внутри курий, вела тем самым к разложению

⁷⁷ *A u g.*, *Serm.* 62, 8, 9; 102, 2, 3; 130, 5; 302, 21, 19; 311, 14, 13; *Contra acad.*, I, 1, 2.

⁷⁸ *A u g.*, *Serm.* 9, 2, 2; 50, 5, 7; 60, 9, 9; 107, 8, 9.

коллектива муниципальных землевладельцев, составлявшего социальную основу африканского города. Известные нам факты внутренней жизни городов в IV в. свидетельствуют о глубоком кризисе античной муниципальной организации. Но эта организация все же продолжала существовать. В значительной мере здесь сказывалось консервирующее влияние политики домината, его стремление, эксплуатируя города, в то же время не допустить их полного упадка. Эта внутренне противоречивая политика, разумеется, могла достигать своей цели лишь какое-то ограниченное время, но все же в изучаемый нами период она приносила известные плоды.

Было бы, однако, неверным думать, что сохранение городского строя объяснялось исключительно применением принудительных мер: прикреплением куриалов к курии, принуждением к выполнению литургий. Вряд ли можно целиком согласиться с Пиганьолем, полагающим, что в условиях Поздней империи магистратуры — это только дорогие литургии, а муниципальная организация — нереальное здание⁷⁹. Приведенные выше данные позволяют заключить, что выполнение литургий не было особенно обременительным делом для богатых куриалов. То положение, которого они достигали в городе, выполняя те или другие магистратуры, давало им самые широкие возможности с лихвой компенсировать свои расходы по финансированию раздач, представлений и строительства городских зданий. Чрезвычайно характерно в этом смысле замечание Августина о сильных людях, которые похищают чужую собственность и затем раздают что-нибудь бедным, считая, что они делают то, что предписано (Serm. 113, 2,2). Мы можем предполагать, что принуждение со стороны государства не было для богатых куриалов единственным побудительным мотивом выполнения литургий, так же как увещания церкви не могли быть единственным стимулом частной благотворительности. Расходы на благотворительность или городские нужды, отнюдь не разоряя какого-нибудь богатого дуумвира или «пожизненного фламينا», могли только повысить его популярность, обеспечить ему дальнейшее продвижение по муниципальному *cursus honorum* вплоть до его высших ступеней, что сулило и большие

⁷⁹ P i g a n i o l. L'Empire chrétien, p. 356.

материальные выгоды. Именно опираясь на свое господствующее положение в муниципальной организации, представители городской знати укрепляли и расширяли свои экономические позиции. Это обстоятельство привязывало их к городу и к участию в городской жизни сильнее, чем самые строгие императорские распоряжения.

Несмотря на обострение социальных противоречий внутри курий, в муниципальной организации были заинтересованы и объединяемые ею средние и мелкие землевладельцы. Эта организация, обладавшая своими вооруженными отрядами, в какой-то мере гарантировала различным слоям куриалов эксплуатацию рабов и зависимого сельского населения. Как показывает рассказ Аммиана Марцеллина (XXVIII, 6, 1—24) о событиях в Триполитании в конце 60-х годов IV в., города нередко были вынуждены сами заботиться об организации своей обороны от вторжений берберских племен. В 368 г. население Лептиса во главе с магистратами успешно отразило нападение племени австуриан. Наконец, в ряде случаев города выступали как единое целое в своих взаимоотношениях с иными социальными и политическими силами. Так было, например, во время конфликта триполитанских городов с комитом Романом, когда видные представители местной знати обратились от имени своих городов с жалобой к Валентиниану и впоследствии были казнены в результате происков комита. Мы не можем также игнорировать значение муниципальной организации для сохранения средних и мелких владений от их поглощения крупной экзимирированной земельной собственностью, очень сильной в Африке IV в.

Решающей предпосылкой существования античного городского строя в африканских провинциях Поздней империи было сохранение значительного слоя средних муниципальных землевладельцев — собственников вилл и тому подобных небольших хозяйств. Этот слой в IV в. был серьезно ослаблен, и упадок его усиливался, но все же он продолжал составлять основную массу землевладельческого населения городов.

С начала V в. симптомы кризиса городского строя становятся все более явными, а изменение общих социально-политических условий, связанное с завоеванием Северной Африки вандалами, как будет показано ниже, повлекло за собой полный упадок большинства городов.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1. Структура земельной собственности

Сельское хозяйство являлось решающей отраслью экономики африканских провинций, с ним были связаны доходы подавляющего большинства не только сельского, но, как мы видели, и городского населения. Поэтому характер аграрных отношений, тенденции их развития в изучаемый период следует рассматривать как решающий фактор, определявший особенности социального строя и классовой борьбы в поздней Римской Африке. Одним из важнейших в этом плане является вопрос о структуре земельной собственности, удельном весе различных типов владений и связанных с ними социальных групп в экономической жизни.

В IV—V вв., как и в предшествующий период, в Африке существовало несколько категорий земельной собственности, различающихся по своему юридическому статусу. Наиболее распространенными из них были земли городов, территории, входящие в императорский домен, и частные экзимирированные владения сенаторов. О структуре городской земельной собственности говорилось выше; что касается императорских и сенаторских имений — *fundi*, то они, несомненно, как правило, представляли собой более или менее крупные владения. В произведениях Августина нередко упоминаются различные *fundi* с многочисленным зависимым населением¹. Во многих из этих *fundi* имелись собственные церкви (*basilica fundi*), иногда даже несколько

¹ A u g., *Contra Cresconium*, III, 42, 46; 46, 50; *Contra lit. Petilliani*, I, 24, 26; *Ep.*, 43, 8, 24; 46; 105, 2, 4; 139, 2; 247; *De civ. Dei*, XXII, 8.

церквей². Судя по данным африканской христианской литературы IV—V вв., обычным явлением были имения, которые, подобно городам, обладали собственными епископствами³. Все это позволяет считать, что речь идет об имениях довольно крупных размеров, во всяком случае значительно больших, чем скромные виллы муниципальных землевладельцев. Следует, однако, отметить, что указанные данные источников далеко не всегда позволяют установить, является ли то или другое имение императорским или частным.

Представление о громадном росте частного сенаторского землевладения в период Поздней империи получило в исторической литературе весьма широкое распространение. Однако во многих случаях оно восходит, скорее, к общему впечатлению, возникающему при знакомстве с литературными и юридическими памятниками IV—V вв., чем к каким-либо более или менее точным данным. Это обстоятельство иногда вызывает обратную реакцию: попытки коренного пересмотра тезиса о росте крупного землевладения⁴. Действительно, источники IV—V вв. не содержат скольконибудь определенных данных об удельном весе крупного частного землевладения среди других видов собственности. Это, однако, не означает, что вообще никакие выводы по данному вопросу невозможны. Структура земельной собственности в поздней Римской Африке в значительной мере определялась развитием земельных отношений в течение всего периода римского господства в этой стране. Если удастся выяснить тенденцию этого развития в предшествующий период, то станет более ясной и картина распределения земли в интересующее нас время.

В I в. до н. э. и первой половине I в. н. э. в Северной Африке широкое распространение получило латифундиальное землевладение римской знати. Известное сообщение Плиния Старшего (NH, XVIII, 35) свидетельствует о том, что значительная часть этих латифундий была конфиско-

² A u g., Ep., 65, 1; 139, 2; Contra Cresconium, III, 42, 46; De civ. Dei, XXII, 8.

³ Данные о таких епископствах собраны в работе P. M e s n a g e. L'Afrique chrétienne. Evêches et ruines antiques. Paris, 1912, p. 503 sq.

⁴ Так, например, А. П. Каждан выдвинул точку зрения, согласно которой крупная земельная собственность в Африке, «ослабленная при Нероне, не была в дальнейшем восстановлена» (А. К а ж д а н. О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи.— ВДИ, 1963, № 3, стр. 95).

вана Нероном. Вместе с тем соответствующую фразу Плиния (*sex domini semissem Africae possidebant, cum interfecit eos Nero princeps*) вряд ли можно понимать в буквальном смысле: выражение «половина Африки», скорее всего, является стилистическим приемом, призванным подчеркнуть обширность владений казенных Нероном лиц, и не имеет математически точного значения. Фронтин упоминает о частновладельческих африканских сальтусах, нередко превышавших по своим размерам территории, принадлежащие городам⁵. Поскольку это сообщение относится ко времени Домициана⁶, оно подтверждает факт сохранения значительной части латифундий римской знати и после нероновых конфискаций. Наличие крупных частных имений в период после Нерона констатируется даже в средней части долины Баграда (между Vaga и Thugga) — т. е. в районе наиболее многочисленных императорских сальтусов, образовавшихся в результате конфискаций⁷.

Развитие крупного частного землевладения в Северной Африке в I—III вв. н. э. обстоятельно изучено польским историком Т. Котулой⁸. Используя многочисленные эпиграфические данные, Т. Котула убедительно показал, что вплоть до середины III в. в Африке продолжался процесс роста частной экзимирированной земельной собственности. Вполне обоснован также его вывод о том, что наряду с расширением владений римской знати в этом процессе значительную роль играло развитие местной городской аристократии, представители которой постепенно становились крупными земельными собственниками. Исследование Т. Котулы построено в основном на использовании тех надписей, которые происходят непосредственно из крупных имений. Нам представляется, что нарисованную им картину можно несколько пополнить путем привлечения более широкого круга данных, относящихся к связанным с

⁵ Frontinus. De controversis agrorum. Gromatici veteres ex recensione C. Lachmanni, I. Berlin, 1848, p. 53.

⁶ Kappelmacher. Iulius Frontinus. RE, X, 1919, Sp. 596.

⁷ T. Frank. Op. cit., p. 67. Нельзя признать сколько-нибудь обоснованным тезис М. Ростовцева («Studien zur Geschichte des römischen Kolonates», Leipzig, 1910, S. 378) об исчезновении ко времени Флавиев большинства частных владельцев экстерриториальных доменов.

⁸ T. Kotula. Rozwój terytorialny i organizacja latyfundiów w rzymskiej Afryce w okresie wczesnego cesarstwa. «Eos», 46 (1952/1953), 2, str. 113—139.

Африкой членам сенаторского сословия. Надписей из частных имений сохранилось сравнительно немного, между тем мы располагаем значительным количеством происходящих из Африки посвященных, строительных и надгробных надписей, упоминающих сенаторов (*virī clarissimi*) либо членов их семей. За исключением тех случаев, когда речь идет о лицах, находящихся в провинции в связи с выполнением какой-либо государственной — военной или гражданской — должности (такие случаи не учитываются в данной работе), подобные данные позволяют довольно твердо предполагать, что упоминаемый в надписи сенатор обладал в Африке какими-то владениями. В противном случае его присутствие здесь трудно объяснить. К тому же большинство подобных надписей относится к сенаторам, являвшимся патронами или кураторами африканских городов, что предполагает либо их происхождение из данного города, либо по меньшей мере территориальную связь их имений с городской землей.

Надписи, упоминающие лиц сенаторского достоинства, встречаются в самых различных районах Римской Африки. В Проконсульской провинции⁹ они распространены главным образом в нижней и средней части долины Баграда, где имелись благоприятные природные условия для развития земледелия. Ряд надписей происходит, например, из города Булла Регия. Уроженцем этого города был сенатор и консуляр Меммий Фид Юлий Альбий; он сам, его жена и дочь выполняли по отношению к Булле функции патронов (ILAf, 453, 454; АЕр, 1921, № 45). Патроном города был также сенатор Росций Руфин Сатурнин — население Буллы поставило надпись в честь его дочери (CIL, VIII, 14470). В период Поздней империи патронами города в течение нескольких поколений являлись члены сенаторской семьи Цейониев (CIL, VIII, 25525), при Диоклетиане куратором Буллы был *vir clarissimus* Мунаций Сабина (CIL, VIII, 25520; другой куратор сенаторского происхождения — *ibid.*, 25523). Подобные надписи мы встречаем в ряде городов этой части Проконсульской провинции: в Утике (CIL, VIII, 1181—1183; 25382), Тугге и окружающем ее районе¹⁰

⁹ Здесь имеются в виду территории провинций в границах IV—V вв.

¹⁰ Надпись ILAf, 591 содержит данные о споре между общиной Аупогаис в районе Тугги и Юлием Региллом — очевидно, собственником экзимированного имения.

(CIL, VIII, 25990 — IV в.; 26472 и 26566, 26567 — все конца III в.; 26583), в Sicca Veneria (CIL, VIII, 1633 — конец III в. или начало IV в.), Thubursicum Bure (CIL, VIII, 1438) и в других. Далеко не все эти надписи поддаются датировке, но из числа датированных многие, как мы видели, относятся ко времени Поздней империи. Одна из надписей района между Туггой и Thubursicum Bure поставлена управителем имения, принадлежавшего сенатору Цейонию Руфу Волюзиану, известному как praefectus urbi 365 г. (CIL, VIII, 25590; ср. CIL, VI, 512).

На территории провинции Бизацены (южная часть Проконсульской провинции Ранней империи) надписи, упоминающие сенаторов и сенаторские имения, более или менее равномерно распределяются между теми районами, для которых в римское время было характерным интенсивное земледелие (главным образом культивирование оливок). Они встречаются в Суфетуле (CIL, VIII, 11335—11337 = 236—238; все относятся к сенаторской семье Servaei, две надписи поставлены их отпущенниками; 11338), Аммедаре (CIL, VIII, 450 — христианское надгробье; 11536)¹¹, Cillium (CIL, VIII, 210 — время Константина), Ногреа Каелиа (CIL, VIII, 11152), Гадрумете (CIL, VIII, 61), Тиздре (ILAf, 42), Мактапе (CIL, VIII, 11834; 23601), Таенае (ILT, 83). На равнине к северо-западу от Суфетулы был расположен saltus Beguensis, принадлежавший в 138 г. н. э. сенатору Луцию Африкану (CIL, VIII, 270 = 11451 = 23246), далее на запад, по ту сторону хребта Тебесса, — императорский saltus Massipianus, к северу от которого (в районе совр. Кальат-эс-Сенам) для времени Траяна фиксируется крупное имение Валерии Аттицилы (AEp, 1923, № 26), а для конца II — начала III в. н. э. — имение консулара Юния Фаустина Постумиана (CIL, VIII, 597 и комментарий Вильманса; 11763)¹².

Для территории Гиппона-Регия, представлявшей плодородную, хорошо орошаемую равнину, помимо упомянутых выше данных Августина о крупных имениях, мы обладаем также аналогичными эпиграфическими свидетельствами.

¹¹ О сенаторских имениях в районе Аммедары см. также Broughton. Op. cit., p. 102.

¹² Ср. Ch. Tissot. Géographie comparée de la province Romaine d'Afrique, II, Paris, 1888, p. 631 sq.; Broughton. Op. cit., p. 98; Kotula. Op. cit., p. 131.

Сенаторы упоминаются здесь, в частности, в надписях ILA1, I, 8=CIL, VIII, 17411 и ILA1, I, 82=CIL, VIII 17414, относящихся к Поздней империи¹³. Много подобных надписей происходит из различных нумидийских городов: Каламы (CIL, VIII, 5332 = ILA1, I, 247—283 г.; ILA1, I, 279; CIL, VIII, 7977; ILA1, I, 280; 281; 283—все II—III вв.), Рузикаде (ILA1, II, 29; 30; 375); Милева (CIL, VIII, 8209), Thibilis (CIL, VIII, 18908), Мадавра (AEP, 1922, № 16, 17 — время Поздней империи), Theveste (CIL, VIII, 27953 = ILA1, I, 3636)¹⁴, Тамугади (CIL, VIII, 2391; пять сенаторов-патронов города упоминаются в *album* IV в.— REA, L, 1948, p. 78), Ламбесиса (CIL, VIII, 2754), Арсакала (CIL, VIII, 6048), Куикуля (CIL, VIII, 8344; 8345 — надписи, очевидно, позднего времени).

Особенно много эпиграфических данных о сенаторах происходит из Цирты и окружающей ее области. Цирта обладала в римское время громадной сельскохозяйственной территорией, составлявшей примерно $\frac{1}{4}$ всей площади Нумидии¹⁵ и представлявшей собой плодородную равнину. Это обстоятельство, а также тот факт, что императорская земельная собственность не получила здесь сколько-нибудь широкого развития, создавало благоприятные условия для расширения земельных владений наиболее состоятельных граждан Цирты. Уже в I в. императоры включают представителей циртенской земельной знати в состав сената, в дальнейшем этот процесс приобретает все более широкий характер¹⁶. В надписях из Цирты II—III вв. н. э. и ее кастеллей фигурируют различные представители местных сенаторских семей, многие из которых занимали высокие государственные должности: Пактумеи (ILA1, II, 642—647), Невии (ILA1, II, 639—641), Помпеи Сосии (ILA1, II,

¹³ См. также AEP, 1958, № 137—138 (сенатор Бабурий Ювенис, принадлежавший к старой гиппонской семье); ср. Broughton. *Op. cit.*, p. 107.

¹⁴ Надпись происходит из района южнее города и поставлена в честь сенатора Анния Ануллина Геминия Перценниана его колоннами, жителями села Veasat... (первая половина III в.).

¹⁵ A. Schulten. *Die römischen Grundherrschaften*. Weimar, 1896, S. 2; ср. Kotula. *Op. cit.*, p. 133.

¹⁶ Ср. P. Lambrechts. *La composition du sénat romain de l'accession au trône d'Hadrien à la mort de Commode*. Gent, 1936, p. 196—200.

652), Аррии (CIL, VIII, 7032, 8241, 8280), Лоллии (ILAI, II, 3446, 3563, 3605)¹⁷.

Как показывают данные межевых камней, частные экзимирированные имения непосредственно граничили либо с общественной землей Цирты, либо с участками ее граждан. Например, в непосредственной близости друг от друга были найдены камни с надписями l(imes) p(ublici) C(irtensium) и limes fundi Sallustiani (ILAI, II, 1959 и 1960). В другом районе надпись, происходящая из имения Целии Максимы (CIL, VIII, 8209 = 19328), находилась недалеко от камня с обозначением границы a(gri) a(csepti) C(irtensium). Имение сенаторской семьи Лоллиев, судя по местонахождению фамильного мавзолея (ILAI, II, 3563), было расположено в районе кастелля Цирты Caldis.

В Ситифенской и Цезарейской Мавретаниях, насколько позволяют судить сравнительно немногочисленные надписи из этих провинций, также располагались крупные имения римской знати. В районе Ситифа находилось имение правителя провинции Hispania Citerior, имя которого не сохранилось в надписи (CIL, VIII, 8421; ср. 8378, 8690). Из того же города происходят надгробья лиц сенаторского происхождения CIL, VIII, 8630 и 20410, относящиеся к V в. (см. также 8397 — Sataf; 20908 — Типаса; 9585 — Цезарея). Надпись CIL, VIII, 8993 из района Saldae поставлена управителем имения его госпоже, consulari feminae. Из переписки Симмаха мы знаем, что одно из его имений было расположено в Цезарейской Мавретании¹⁸.

Приведенные данные, резюмируется, весьма неполны и фрагментарны, однако, несмотря на это, они позволяют утверждать, что в Римской Африке крупное сенаторское землевладение было распространено всюду, где было возможно и выгодно земледельческое хозяйство. Эти данные в большинстве относятся ко II — первой половине III в.; они показывают, что для этого периода в основном был характерен рост сенаторских земельных владений. Надписи из Бизацены и Южной Нумидии свидетельствуют о том, что по мере колонизации империей новых районов там образовывались

¹⁷ См. также ILAI, II, 634, 638, 648, 1996, 3621; CIL, VIII, 7062, 7063; L a m b r e c h t s. Op. cit., № 103, 381, 384, 467, 686, 689, 737, 1023, 1071.

¹⁸ S y m m., Ep., VII, 66.

все новые салтусы римской знати¹⁹. Наряду с этим в течение всего указанного периода происходил постоянный рост числа крупных землевладельцев-сенаторов, вышедших из зажиточной муниципальной знати (особенно ярко это видно на примере Цирты). По весьма приблизительным подсчетам Ламбрехта, для 117—138 гг. известно 12 сенаторов, происходивших из Африки, для 138—161 гг. — 19, для 161—180 гг. — 25. При Септимии Севере известно уже 32 африканских сенатора²⁰. На самом деле эти цифры были значительно более высокими, поскольку место происхождения большинства членов senatorского сословия вообще неизвестно, но и эти далеко неполные данные отражают общую тенденцию развития крупного senatorского землевладения в Северной Африке.

Это развитие могло несколько замедляться императорскими конфискациями. Однако в течение всего II в., вплоть до правления Септимия Севера, мы ничего не знаем о каких-либо экспроприациях африканских сенаторов. Что же касается антисенатских мероприятий Севера, то они, как видно из сообщения его биографа (SHA, Sever., 12—13), были направлены против представителей италийской знати — сторонников Клодия Альбина, а также части галльской и испанской аристократии. Какие-то конфискации имели место и в Африке²¹; по всей вероятности, им подверглись владения оппозиционных Северу представителей римской знати, однако связанное с этим сокращение объема senatorских земель, очевидно, вполне компенсировалось проводимой Севером политикой широкого включения в сенат выходцев из африканской муниципальной среды.

У нас нет оснований полагать, что указанная тенденция в развитии земельной собственности была сколько-нибудь серьезно ослаблена событиями кризиса III века. Правда, экспроприации, которые имели место в правление Максимиана и особенно после подавления Капеллианом мятежа

¹⁹ Saltus Beguensis и имение Валерии Аттицилы (см. выше) находились на земле, захваченной у племени мусуламиев. Ср. B r o u g h t o n. Op. cit., p. 100.

²⁰ L a m b r e c h t s. Op. cit., p. 183—187; е г о ж е. La composition du sénat romain de Septime Sévère à Dioclétien. Budapest, 1937, p. 79—80.

²¹ В ILS², 1421 упоминается procurator Augusti ad bona cogenda in Africa (ср. CIL, VIII, 9360). Дессау относит эту надпись к правлению Коммода, Хейвуд (op. cit., p. 85 sq.) — ко времени Севера.

Гордианов, в значительной степени затронули крупных землевладельцев-сенаторов²². Однако в правление Гордиана III конфискованные имения, по-видимому, были возвращены владельцам²³. В целом же социально-политическая обстановка второй половины III в. (слабость центральной власти, упадок городов) способствовала расширению владений крупных собственников. О размерах этого процесса дает представление известное сообщение Киприана (Ep. ad Donat., 12) о богачах, которые присоединяют сальтус к сальтусу, изгоняя из соседних мест бедняков и безгранично расширяя свои поля.

Таким образом, к началу IV в. крупное сенаторское землевладение обладало значительными позициями во всех африканских провинциях. Наиболее сильными эти позиции были, очевидно, в Нумидии²⁴, в особенности в области Цирты, но и в других провинциях сенаторские владения составляли значительную часть сельскохозяйственной территории. Для понимания характера социально-экономических взаимоотношений между частными экзимирированными fundi и другими видами владений важно учитывать, что сенаторские имения не составляли каких-то территориально обособленных земельных комплексов, группирующихся в отдельных районах, но в большинстве случаев вклинивались в городскую или императорскую землю²⁵. В силу определенных исторических условий развития аграрных отношений в Римской Африке (значительная роль императорской и городской земельной собственности) здесь вряд ли были возможны сколько-нибудь крупные районы, характеризующиеся преобладанием сенаторских имений²⁶.

Значительная часть приведенных выше эпиграфических данных о сенаторах относится к IV—V вв. В условиях

²² Herod., VII, 6—10; SHA, Maxim. duo, 14; 19; Gord. tres, 7. ср. М. Rostovtzeff. SEHRE, p. 399; Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 392 сл.

²³ Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 399 сл.

²⁴ Ср. Kotula. Op. cit., p. 135.

²⁵ Ср. Aug., De civ. Dei, XXII, 8: fundus Zubedi, принадлежавший народному трибуну Гесперию, находился на территории Fussala.

²⁶ В данном вопросе нельзя согласиться с Котулой, который (op. cit., карта) считает возможным выделять районы сплошных «императорских и частных латифундий». К последним он относит, например, область Цирты, забывая, что даже здесь сенаторские имения были окружены городской землей и участками граждан Цирты.

Поздней империи появились новые факторы, способствовавшие развитию крупной частной земельной собственности. Для этого периода характерны значительные земельные дарения императоров своим приближенным²⁷. Как отмечалось выше, императоры первой половины IV в. широко практиковали продажу городских земель и владений куриалов, задолжавших фиску. Разумеется, покупателями таких земель были наиболее экономически мощные землевладельцы. По-видимому, в этот период не ощущалось недостатка в спросе на землю. Характерный в этой связи эпизод рассказывается в «Житии св. Мелании». Мелания и ее муж, которые принадлежали к наиболее богатым членам сенаторского сословия начала V в., решили, руководствуясь религиозными соображениями, продать свои владения. Значительная часть этих владений была расположена в африканских провинциях. Несмотря на их размеры, они были сразу раскуплены, правда, в ряде случаев не за наличные деньги, а за письменные обязательства (*cautiones*). Биограф отмечает, что покупателями земель Мелании были знатные люди (*nobiles essent qui emerent*)²⁸.

Помимо государственных продаж городских земель, росту крупной земельной собственности способствовало общее ухудшение экономического положения мелких и средних муниципальных землевладельцев, которые, очевидно, нередко оказывались вынужденными продавать свои участки. Напомним, что в IV в. продолжалось, хотя и в меньшей степени, чем раньше, выделение крупных землевладельцев из муниципальной среды и их переход в сенаторское сословие.

Об интенсивности процесса расширения крупного землевладения свидетельствует его распространение в IV в. на недавно освоенные окраинные районы африканских провинций, где располагались римские оборонительные зоны — *limes*. Вслед за военным колонистом в этих районах появлялся богатый и влиятельный сенатор, который в обход правительственных запретов стремился приобрести здесь землю и использовать труд местного племенного населения. В 409 г. в специальном указе на имя викария Африки

²⁷ Аммиан Марцеллин (XVI, 8, 11—13) говорит о Констанции, что он кормил своих приближенных «до отвала самым мозгом провинций».

²⁸ «*Vita s. Melaniae senatricis Romae*», 15.

(CTh, VII, 15,1) император Гонорий отмечал, что «земельные пространства, уступленные предусмотрительно предков племенам для попечения и укрепления лимеса и fossatum..., удерживаются другими лицами». Этих «других лиц» указ обязывал взять на себя заботу об охране и поддержании в порядке оборонительных сооружений. Пример крупного имения, расположенного вблизи лимеса, мы находим в переписке Августина. Один из его корреспондентов — сенатор Публикола (отец упомянутой выше Мелании) — владел имением в районе триполитанского лимеса, населенном берберским племенем арзугов. О размерах этого имения можно судить по тому, что оно сдавалось в аренду нескольким съемщикам. Из письма Публиколы Августину видно, что в том же районе находились владения других поссессоров, также сдававшиеся в аренду (Aug., Ep., 46). Недавно в районе триполитанского лимеса были обнаружены остатки больших укрепленных вилл, а также роскошный монументальный мавзолей IV в., в котором был, очевидно, похоронен крупный землевладелец (на одном из рельефов мавзолея он изображен окруженным толпой слуг) ²⁹.

О значительном удельном весе senatorского землевладения в африканских провинциях Поздней империи свидетельствует также ряд косвенных данных. Известные из источников крупные senatorские патримонии IV—V вв. (Мелании, Симмаха) включали имения, расположенные в Африке. Владения Мелании, по словам ее биографа, находились в Проконсульской провинции, Нумидии, Мавретании. Одно из ее имений, расположенное в районе города Тагасты, превосходило по своим размерам самый город, в нем постоянно находились два епископа: ортодоксальной и донатистской церковей ³⁰.

Характерно, что императорская власть уделяла серьезное внимание senatorским имениям в Африке. В 365 г. был издан указ на имя викария Африки, предусматривавший экстренные меры по взиманию фискальных платежей с тех лиц, которые, проживая в Риме, имеют владения в Африке (CTh, XI, 1, 13). Речь, разумеется, идет о сенаторах. Симмах в период исполнения им должности *praefectus urbi* специально писал проконсулу Африки Пробину

²⁹ O. Brogan, in: «Illustrated London News», 22 и 29. I. 1955. Ср. АЕр, 1955, № 140.

³⁰ «Vita s. Melaniae...», 21.

о сенаторах, проживающих в Африке, которые отказываются выполнять претуру — одну из почетных должностей сенаторского сословия (Symm., Ep., IX, 126).

В произведении Августина сенатор — владелец населенного колонами имения — обычная и часто встречающаяся в повседневной жизни фигура. В письме к сенатору Паммахию, владевшему имениями в Нумидии, Августин говорит о множестве сенаторов-христиан, которые не препятствуют своим колонам в Африке исповедывать донатизм³¹. Поскольку в среду римской знати христианство проникало, как известно, с особым трудом, это замечание Августина особенно наглядно свидетельствует о распространении в Африке крупного сенаторского землевладения.

* * *

Интересные сведения об экономическом положении и организации крупного африканского имения мы находим в переписке Симмаха. Имение Симмаха сдавалось в аренду съемщикам, которые должны были уплачивать ежегодный денежный взнос (*pensio*) в размере, установленном арендными договорами (*locationibus adscripta*). Сам Симмах не имел непосредственных отношений со съемщиками и вообще никак не вмешивался в ведение хозяйства. Арендные платежи получали управители отдельных сдаваемых в аренду частей имения (*actores locorum*), являвшиеся рабами Симмаха³². Эти платежи поступали весьма нерегулярно: в письме к проконсулу Африки Гелпидию Симмах жалуется, что он не получил ни прежних недоимок, ни платежей за прошлый год, и просит Гелпидия оказать помощь его человеку, которого он послал для взыскания с управителей не выплаченных ему сумм (Ep., V, 87). С подобной просьбой он обращается также к другому представителю африканских властей, которому он сообщает, что послал в Африку своего секретаря с поручением взыскать с рабов-управителей деньги, необходимые для прохождения претуры его сыном. В связи с этим Симмах сетует, что «управители отсутствующи-

³¹ Aug., Ep., 58: *O quam multorum tecum pariter senatorum pariterque sanctae Ecclesiae filiorum tale opus desideramus in Africa, de quali tuo laetamur.*

³² Symm., Ep., V, 87; IX, 6.

щих лиц, которым вверяются отдаленные имения, живут как бы не связанные законами, так как, находясь далеко, не испытывают никакого страха перед господами» (Ер., IX, 6).

Другой мотив, характерный для писем Симмаха к африканским должностным лицам, состоит в жалобах на тяжесть налогов. Так, в письме от 378 г. викарию Африки Алипию, он сообщает, что неоднократно обращался к правителю Цезарейской Мавретании с просьбой прекратить чрезмерное взимание налогов с его земель. Но, — пишет Симмах, «так как меньшие средства не помогают, мы прибегаем к большим. Примени — я прошу тебя — свое влияние, чтобы не погибло имение, истощенное столькими беззакониями» (Ер., VII, 66, ср. IX, 11). В письме к Гелпидию, Симмах также жалуется на то, что ему тяжело выплачивать государственные повинности (*functiones publicae*) за свои имения.

Те методы эксплуатации крупных имений, которые применял Симмах, были в достаточной мере характерны для африканских владений римской земельной знати. В императорских распоряжениях IV—V вв. кондукторы и управители имений фигурируют в качестве лиц, фактически осуществляющих административные функции в имениях и ответственных за выполнение тех или иных законов³³. Как явствует из рассмотренного выше письма сенатора Публиколы Августину, сдача крупных имений в аренду была типичным явлением в Триполитании. Как заметил Гзель, в поздней Римской Африке совершенно исчезает термин *vilicus*, который уступает свое место терминам *astor* и *procurator*. Гзель справедливо связывает это явление с тем, что в условиях сдачи имений в аренду управители уже не руководили хозяйством, что было характерно для вилика, а лишь осуществляли контроль над съемщиками³⁴.

Таким образом, специфическую особенность крупной земельной собственности составляла передача арендатору основных хозяйственных функций. Практически это означало, что любое значительное по размерам имение могло

³³ См., например, CTh, XVI, 5, 52 и 54.

³⁴ St. Gsell. *Esclaves ruraux dans l'Afrique romaine*. «Mélanges Glotz», I, 1932, p. 410—411.

быть разделено на ряд самостоятельных арендных держаний. Поэтому, говоря о концентрации земельной собственности в период Поздней империи, следует учитывать, что это в значительной мере была лишь концентрация дохода с земли, но не укрупнение имения как целостного хозяйственного организма. Производство в крупных имениях осуществлялось главным образом в небольших хозяйствах колонов, причем эти хозяйства находились в непосредственной зависимости не от собственника обширной сельскохозяйственной территории, а от арендатора данного имения или даже его части. В этой раздробленности позднеримской экзимирированной земельной собственности и в ее фактическом разделении между получателем ренты и арендаторами, непосредственно осуществляющими собственнические функции (организацию эксплуатации непосредственных производителей), состоит ее существенное отличие от феодальной собственности, которая не знала такого разделения. В этой ее особенности сказывались условия происхождения и социального положения слоя крупных земельных собственников.

Для римской знати, потребности которой определялись условиями жизни, издавна сложившимися в крупных городских центрах, земля была прежде всего источником денежного дохода. С другой стороны, многие представители знатных семей стали собственниками обширных провинциальных земель в результате своего господствующего положения в империи, которое позволяло им различными путями приобретать землю в любой провинции. Поэтому многие сенаторские патримонии состояли из имений, расположенных в весьма отдаленных друг от друга областях империи. Например, Симмах владел имениями в Италии, Сицилии, Африке³⁶, Мелания — в Италии, Сицилии, Галлии, Испании, Британии, Проконсульской Африке, Нумидии, Мавретании и в других провинциях. В этих условиях, понятно, исключалось личное руководство собственником хозяйством в каждом имении, и денежная аренда оказывалась наиболее подходящим средством для получения фиксированного дохода.

³⁶ O. Seeck. Vita Symmachi.— In: MGH AA, VI, 1883, p. 45—46; «Vita s. Melaniae», 10; ср. A m m. M a r c., XIV, 6, 10: (сенаторы) patrimonium sua..., quae a primo ad ultimum solem se abunde jactitant possidere.

Но такая форма использования крупных владений означала, что каждое имение эксплуатировалось не только собственником, но и арендатором, который, разумеется, также стремился обеспечить собственный доход. К этому прибавлялось давление налоговых повинностей, которые, судя по письмам Симмаха, поглощали немалую часть урожая. Хотя сенаторские имения обладали некоторыми привилегиями в налоговой системе (освобождение от *sogdida mupaga* — CJ, XII, 1, 4), они выплачивали основной общегосударственный поземельный налог³⁶. Пример Симмаха, занимавшего ряд высоких должностей в Риме (в 391 г. он достиг звания консула) и обладавшего обширными политическими связями, показывает, что даже весьма влиятельные сенаторы не могли предохранить свои провинциальные владения от фискальных поборов. Таким образом, хозяйства колонов испытывали фактически тройной гнет: собственника земли, арендатора и государства, что подрывало их экономическое положение и не могло не нарушать нормального хода производства, приводя в конце концов к истощению почвы, падению урожайности и тому подобным кризисным явлениям. Характерна в этой связи жалоба Симмаха (Ер., I, 5), что «имение, которое обыкновенно кормило, теперь само нуждается в кормлении» (*rus, quod solebat alere, nunc alatur*).

Из всего сказанного можно сделать тот вывод, что в условиях Поздней империи действовали определенные факторы, ограничивавшие экономическую целесообразность крупной земельной собственности. Концентрация земли приводила во многих случаях не к образованию более крупных хозяйств, но лишь к увеличению гнета, давившего на непосредственных производителей, в конечном счете к хозяйственному упадку. Сдача в аренду крупных патримониев препятствовала реализации экономических преимуществ крупного хозяйства. Тот класс, в руках которого сконцентрировались обширные земельные владения в провинциях, в значительной своей части не был способен использовать новые экономические отношения и содействовать их развитию. Представители этого класса не могли взять на себя функции хозяйственного руководства в своих имениях, как это рекомендовал в свое время Колумелла,

³⁶ См. выше, стр. 24.

ибо в силу обширности территории империи это потребовало бы от них разрыва с городской жизнью и, так сказать, перехода из центра римского мира на его периферию. Но они были все еще слишком связаны с этим «центром», для многих из них империя продолжала оставаться лишь громадной сельской территорией, окружавшей «вечный город». Сенаторская знать не была в состоянии порвать с обременительным и изжившим себя Римским государством, ибо только в рамках этого государства она могла сохранить свои разбросанные по всей территории империи владения.

Следует вместе с тем отметить, что в провинциях Поздней империи, и в частности в Африке, получал все более широкое распространение несколько иной тип крупной частной земельной собственности, выражавший в конечном счете объективные потребности экономического развития. Уже с середины II в., как упоминалось выше, в состав сенаторского сословия вливается значительное число выходцев из африканской муниципальной знати. В связи с этим постепенно образуется слой сенаторов, опиравшийся на земельные владения, сосредоточенные преимущественно в африканских провинциях. Впоследствии, по мере роста абсентеистских настроений в среде римской знати и упадка политической роли сената, многие сенаторы покидают Рим и переселяются в свои провинциальные имения. В III в., как явствует из одного фрагмента Павла, это явление рассматривалось императорским правом как ненормальное: сенаторам, пребывающим в провинциях, предписывалось сохранять местожительство в Риме (Dig., L, 1, 22, 6). В период Поздней империи уже официально признавалось существование двух категорий сенаторов: представители одной из них постоянно жили в Константинополе или в Риме, «имея различные владения в отдаленных провинциях», другие же обитали в провинциях постоянно (CTh, VI, 2, 16). Как известно, в этот период принадлежность к сенаторскому сословию уже не была связана с обязательным пребыванием в Риме и участием в заседаниях сената. В письме одному из проконсулов Африки Симмах (Ep., IX, 126) осуждает уклонение многих африканских сенаторов от выполнения магистратур в Риме (*municipia Romana detrectant*). Интересным свидетельством переселения многих сенаторов в их африканские владения является указ

Юлиана от 362 г. (CJ, VIII, 10, 7), запрещающий переносить статуи и колонны, принадлежащие частным лицам, из других провинций в Африку.

Процесс формирования слоя крупных земельных собственников, связанных исключительно или главным образом с африканскими провинциями, стимулировался прежде всего определенными экономическими факторами. Рост сенаторского землевладения, трудности и экономическая невыгодность использования расширяющихся имений с помощью арендаторов и управителей, мало доступных контролю со стороны далеко находящегося от них собственника, побуждали крупных землевладельцев к личному участию в руководстве хозяйством. Характерны в этом отношении некоторые африканские мозаики IV в., на которых собственник крупного имения изображается живущим в различные времена года на своей вилле и лично принимающим оброк у колонов³⁷. Развитие крупной земельной собственности вступало в непримиримое противоречие с унаследованным от старого Рима характером класса, который был носителем этой собственности. Это противоречие приводило к разложению сенаторского сословия и к выделению из него слоя провинциальной земельной знати, уже мало связанной с Римом и с империей как целостным политическим организмом.

* * *

В период Ранней империи в Римской Африке были довольно широко распространены формы земельного владения, не связанные непосредственно ни с городской, ни с экзимирированной земельной собственностью.

Отдельные районы на территории римских провинций находились во владении туземных племен³⁸. Наряду с селами (*vici*), расположенными в императорских сальтусах или частных имениях³⁹, существовали, судя по эпиграфическим данным, и села, не находящиеся в непосредственной зависимости от крупных земельных собственников и

³⁷ Rostovtzeff, SEHRE, табл. 58, 1.

³⁸ Например Musulamii, Numidae, Sabarbares, Cinithii и др. См. Broughton. Op. cit.

³⁹ CIL, VIII, 270=11451 = 23246; 8280; 11470=280; 23398; 26473; ILT, 625; ILAf, 198; 547; 548; 550; ILA1, I, 928; AEp, 1949, № 109 и др.

арендаторов ⁴⁰. Сравнительно часто упоминается в надписях также такая форма сельской организации, как паг ⁴¹. Часть сел представляла собой сохранившиеся от доримского периода поселения туземных земледельцев, еще не поглощенные крупными имениями. Точно так же термин *pagus* нередко служил для обозначения территориальной организации групп туземных землевладельцев ⁴². В то же время многие села и паги были первичной формой поселений римских колонистов и ветеранов ⁴³. В ряде случаев (особенно в Нумидии и Мавретании) земледельческие поселения являлись одновременно укрепленными пунктами и носили наименование *castellum* ⁴⁴. При всем разнообразии происхождения и статуса этих поселений — от земледельческих общин берберских племен до территориальных организаций римских посессоров — всем им была свойственна одна общая черта: пресобладание мелкого и среднего землевладения, обладавшего самостоятельной организацией ⁴⁵.

Дальнейшая эволюция этих форм землевладения могла протекать в различных направлениях. Ряд племен, сел, пагов и кастеллей развились в обычные городские общины и в конце концов получили муниципальный статус ⁴⁶. Значительная часть ранее свсвободного земледельческого населения по мере развития крупного землевладения пополни-

⁴⁰ Ср. АЕр, 1942/43, № 35 — размежевание земли между жителями двух сел (*Suppenses et Voircenses*). Ср. Е. М. Штаерман, указ. соч., стр. 216 сл.; Вroughton. Op. cit., p. 198 sq.

⁴¹ CIL, VIII, 5683, 5705, 6267—6288, 9196, 14445, 15520, 19262, 19265—19268, 19270, 20834 сл., 21452, 23326, 25423, 25485, 26276; ILA I, 883; ILA f, 422 и др.

⁴² CIL, VIII, 68; ILA f, 422. Ср. Вroughton. Op. cit., p. 185 sq; Frank, in AJPh, 47 (1926), 1, p. 62.

⁴³ См., например, CIL, VIII, 885 (*pagus Mercurialis veteranorum Medelitanorum*); ILA f, 301 (*cives Romani pagani veter(ani) pagi Fortunalis*); CIL, VIII, 20834 сл., (*veterani et pagani consistentes apud Rapi-dum*); 25423; 2438 (*possessores vici Lambafundensium*); 4199 (*possessores vici Verecundensis*).

⁴⁴ См. Вroughton. Op. cit., p. 177 sq.

⁴⁵ Эта организация выражалась, в частности, в наличии совета старейшин (*seniores*) и магистра *vici*, пага или кастелля.

⁴⁶ Так например, муниципий *Thubursicum Numidarum* возник из поселения племени *Numidae*. Аналогично происхождение городов *Turris Tamalleni* (от племени *Nybgenii*), *Gightis* (от *Cinithii*). См. Вroughton. Op. cit., p. 148—149 и 195. *Vici Verecundensis*, *Lambaesis*, *castella Tiddis*, *Thibilis*, *Tigisi*, *Sigus* и ряд других получили муниципальный статус во II—III вв. (CIL, VIII, 4220, 18767, 22276, 23849, ILA I, II, 3589 и др.).

няла собой ряды колонов крупных имений⁴⁷. Именно этими процессами объясняется, очевидно, почти полное отсутствие упоминаний о самостоятельных *vici* и *pagi* в эпиграфических памятниках IV—V вв.

Тем не менее у нас нет оснований предполагать полное исчезновение самостоятельного мелкого землевладения в IV—V вв. Выше уже приводились данные о роли парцеллярного землевладения в городах и о коллективах мелких землевладельцев, существовавших на городских землях. Сохранялось в условиях Поздней империи и самостоятельное землевладение ветеранов. В императорском указе 400 г. на имя проконсула Африки отмечается, что «ветераны притязают на земли, подлежащие цензу, и пренебрегают уплатой податей с этих земель». Указ предписывает принудить таких ветеранов к уплате податей (CTh, XI, 1, 28). В данном случае речь не может идти о ветеранах, приписанных к курии: тогда они рассматривались бы не как особая категория землевладельцев, а как обычные муниципальные посессоры.

В целом села свободных земледельцев или поселения ветеранов все же были несравненно менее типичны для поздней Римской Африки, чем для африканских провинций I—II вв. Развитие крупной земельной собственности, а также стремление позднеримского государства к расширению состава курий путем включения в них всех лиц, обладавших определенным минимумом земли [к куриям приписывались сыновья ветеранов (CTh, XII, 1, 15—327 г.), владельцы участков более 25 югеров (*ibid.*, 33—342 г.), «подходящие люди» из плебса (*ibid.*, 96—383 г.)], вело к тому, что бывшие сельчане становились либо куриалами, либо колонами крупных имений.

Однако один вид мелкого землевладения получил в Африке IV в. даже более широкое распространение, чем ранее. Это было связано с развитием римских оборонительных зон — *limes*.

Как известно из юридических памятников, солдатам пограничных войск (*limitanei*) предоставлялись в

⁴⁷ Например, *vicus Casae*, являвшийся, очевидно, одним из сел племени мусуламиев (*territorio Musulamiorum*), вошел в состав имения (*saltus Beguensis*) сенатора Луция Африкана (CIL, VIII, 23246 = 270). Ср. *Frontinus*, *Gromatici veteres*..., p. 53; CIL, VIII, 8280; ILT, 778; Штаерман, Указ. соч., стр. 208 сл.

пользование земельные участки на условии, несения военной службы⁴⁸. Эти участки были освобождены от всех фискальных повинностей⁴⁹. Развитие африканских *limes* началось еще при Адриане, но именно в период Поздней империи оно приняло особенно значительные размеры. Это подтверждается как данными источников о широко разветвленной военной организации африканских границ⁵⁰, так и результатами археологических исследований и аэрофотосъемок территорий *limes*, интенсивно проводившихся в последние годы⁵¹. Не касаясь значения этих исследований для военной истории, необходимо указать на те данные, которые значительно расширили наши знания о социально-экономической структуре *limes*.

Съемки с воздуха района лимеса Нумидии на протяжении 750 км позволили установить, что непосредственно за зоной оборонительных укреплений, опиравшихся на *fossatum*, тянулась широкая полоса обрабатываемых земель. Эта полоса хорошо прослеживается благодаря многочисленным остаткам ирригационных сооружений: резервуаров, каналов и сети распределительных канав, подводящих воду на участки⁵². На этих территориях были обнаружены также прессы для оливок и мельницы для перемола зерна, позволяющие судить о характере возделываемых культур. *Limitanei*, обрабатывавшие эти земли, жили в укрепленных селах, расположенных недалеко от *fossatum*⁵³. В це-

⁴⁸ CTh, VII, 15; ср. R. Cagnat. L'armée romaine d'Afrique, p. 741 sq.

⁴⁹ CJ, XI, 60, 3: *agros limitaneos.... limitanei milites ab omni munere vacuos... arare consueverant.*

⁵⁰ По данным *Notitia dignitatum occidentis*, XXX, XXXI, *limes* Цезарейской Мавретании состоял из восьми, а триполитанский — из 12 укрепленных районов.

⁵¹ См. J. Guéy. Note sur le «limes» romain de Numidie et la Sahara au IV-e siècle. «Mélanges», 57 (1939), p. 178—248; L. Leschi. Le Centenarium... EEAHA, p. 47—57; J. Baradez. Fossatum Africae. Vue aérienne de l'organisation romaine dans le Sud-Algérien. Paris, 1949; R. G. Goodchild and J. B. Ward-Perkins. The «Limes Tripolitanus» in the Light of Recent Discoveries. JRS, 29 (1949), p. 81—95; 30 (1950), p. 30—38; J. B. Ward-Perkins. Gasr Es-saq El-Oti. A Desert Settlement in Central Tripolitania. «Archeology», 3 (1950), № 1, p. 25—30; O. Brogan, in: «Illustrated London News», 22 и 29. I. 1955.

⁵² Baradez. Fossatum... p. 165, 193, 200, 227 sq., 238, 357 sq.

⁵³ Ibid., p. 360.

лом результаты аэрофотосъемок позволили французскому исследователю Барадэ заключить, что *limitanei* были сельскохозяйственным населением, о плотности которого не подозревали до настоящего времени. Такой характер сплошной военной зоны, опиравшейся на массу пограничных земледельцев, *limes* Нумидии приобрел, по-видимому, только при Диоклетиане ⁵⁴.

Лимес Триполитании, получивший развитие лишь в IV в., был организован несколько иначе. Костяк оборонительной линии здесь составляла цепь укрепленных вилл. В большинстве случаев эти виллы стояли обособленно, иногда несколько вилл образовывали небольшие поселения с церковью, причем каждая вилла внутри этого поселения обладала своим хозяйством с надворными постройками. Здесь также были найдены остатки прессов для выжимания масла. Значительный интерес представляют рельефы из этих вилл с изображениями хозяйственных работ: *limitaneus*—владелец виллы, сидя на стуле, наблюдает, как его работники собирают урожай хлебных культур или винограда. ⁵⁵

Военное и земледельческое население лимесов происходило, по данным ряда источников, от туземных племен, получивших землю для обработки на условии выполнения ими обязанностей по охране римских границ. В конституции Гонория от 409 г. говорится о землях, уступленных предками племенам (*gentiles*) для попечения и укрепления лимеса и *fossatum* (CTh, VII, 15, 1) ⁵⁶. Процесс привлечения племен для охраны границ продолжался еще в конце IV—начале V в. Августин (Ер., 199, 12, 46) пишет о замиренных (*pacati*) племенах, которые поселялись вблизи границ. Эти племена, по словам Августина, уже не имели своих царей, римская власть ставила над ними префектов из состава того же племени.

Интересный материал для суждения о происхождении *limitanei* дают латинско-ливийские надписи из Триполитании (надписи на ливийском языке, транскрибированном в основном латинскими буквами), исследованные

⁵⁴ Ibid., p. 361.

⁵⁵ См. указанные в сн. 51 работы Гудчайлда, Уорд-Перкинса, Брогана.

⁵⁶ Ср. АЕр, 1946, № 38: наделение при Септимии Севере *agri et pascua et fontes* в районе нумидийского лимеса; АЕр, 1940, № 124: [M]aurosi [I]emitani (вместо *limitani*).

Гудчайлдом⁵⁷. Надписи относятся к IV в. и происходят из района *limes Tripolitanus*. По своему содержанию (строительные и надгробные надписи) они аналогичны римским, многие лица, упоминаемые в надписях, имеют римский помет (*Flavius, Julius*) или воинское звание (трибун). Надписи показывают, что население лимеса, несмотря на влияние римской военной организации, не подверглось романизации и сохраняло свой язык, что является ярким свидетельством его недавнего происхождения от туземных племен⁵⁸.

Хотя мы почти не имеем прямых данных о земельных отношениях в лимесах, наши сведения о характере колонизации африканских границ позволяют представить в общих чертах тенденцию развития этих отношений. Первоначально племена, селившиеся на территории лимеса, очевидно, сохраняли общинные формы землевладения. Однако, поскольку пользование землей складывалось под влиянием римских норм, обычно применявшихся к солдатам-колонистам, оно со временем все более принимало индивидуальный характер. Триполитанские *limitanei*, экономическая жизнь которых лучше известна благодаря рельефам, были владельцами более или менее замкнутых хозяйств, в которых нередко использовался труд зависимых работников, скорее всего рабов. Интересно, что надписи, найденные в *limes Tripolitanus*, поставлены от имени отдельных лиц, а не каких-либо коллективов. Основной тенденцией, таким образом, было разложение общины и развитие индивидуального мелкого землевладения, что, конечно, не исключало существования общинных отношений у недавно привлеченных на римскую службу племен⁵⁹. Своеобразную особенность этого военного землевладения, отличавшую его от подобных отношений более раннего периода, составляет отсутствие каких-либо признаков эволюции в сторону муниципальной формы. Муниципальный статус уже не был

⁵⁷ R. G. Goodchild. The Latino-Lybian Inscriptions of Tripolitania. «Antiquaries Journal», 30 (1950), № 3—4, p. 135—144.

⁵⁸ В северной, приморской части Триполитании ливийский, или неопунический, язык полностью уступил место латинскому еще в период Ранней империи. См. Goodchild. Op. cit., p. 141 sq.

⁵⁹ Как отмечалось выше (стр. 86 сл.), в IV в. в районах лимесов довольно интенсивно развивалось крупное частное землевладение. Однако, судя по имеющимся данным, оно не было здесь преобладающим.

в данный период единственно мыслимым и единственно возможным способом организации землевладельческого населения. Племенная организация, разлагаясь, перерастала не в муниципальную, как это было в период Ранней империи, но в систему более или менее независимых мелких частных владений, никак не связанных с городской формой собственности.

* * *

Процесс развития в Римской Африке I—III вв. императорской земельной собственности, ее организация и способы эксплуатации достаточно обстоятельно исследованы в историографии⁶⁰. В целом для этого периода был характерен постоянный рост императорских владений, расширявшихся как за счет конфискаций имений частных лиц, так и путем освоения новых территорий и захвата земель, принадлежавших берберским племенам. К середине III в. обширные императорские салтусы или отдельные имения, изъятые из городских территорий, имелись во всех африканских провинциях.

Начало IV в. является переломным пунктом в истории императорской земельной собственности в Северной Африке. С этого времени мы не замечаем более сколько-нибудь явных признаков стремления государства к расширению принадлежащей ему сельскохозяйственной территории. Уже в правление Константина в Африке производится раздача части государственных земель в собственность частным лицам. О значительности этих раздач свидетельствует изданный в 319 г. специальный указ, которым подтверждалось, что имения и рабы, изъятые из патримония фиска, принадлежат их новым владельцам на основе «прямого и вечного права» (CTh, X, 1, 2).

Для IV—V вв. в особенности характерна практика продажи императорских имений. Сложная внешнеполитическая обстановка и финансовые трудности, испытываемые римским государством, нередко заставляли его прибегать к этому средству, чтобы получить в короткий срок крупные

⁶⁰ См. указ. соч. Шультена, Ростовцева, Хейвуда, Браутона, Котулы; см. также J. J. Van Nostrand. *The Imperial Domain of Africa Proconsularis*. Berkeley, 1925.

денежные суммы. Например, император Валент, нуждаясь в деньгах (в связи с варварским нашествием), продал, по сообщению Гесихия Милетского, почти все государственные земли в восточных провинциях (FHG, IV, p. 155). Тем лицам, которые соглашались уплатить несколько большую сумму за продаваемые имения, предоставлялось полное освобождение от налогов с этих имений. Этот вид владения носил, по словам Гесихия, название *ῥελέβατον*. Из данного сообщения, по-видимому, следует, что в принципе были возможны два юридических статуса купленных у фиска земель — *relevatum*, связанный с полным иммунитетом, и другой, менее льготный вид владения — *ius privatum salvo canonе*. Государство получало с владений, находящихся на этом статусе, определенную, твердо установленную ренту (*canon*), выплачивавшуюся наряду с обычными податями⁶¹. На практике *ius privatum*, так же как и *relevatum*, приближался к частной собственности; в императорском праве подчеркивалось его отличие, с этой точки зрения, от аренды императорских земель на основе эмфитевзиса⁶².

В IV в. был разработан ряд правовых положений, регулировавших порядок продажи императорских земель и права покупателей. Продажа производилась правителями провинций под контролем специальных правительственных уполномоченных *palatini monitores*. Купленные земли не могли быть отняты обратно у лиц, их купивших; подтверждалось право передачи этих земель по наследству⁶³. Такими гарантиями правительство пыталось заинтересовать лиц, обладавших денежными капиталами, в покупке императорских земель. Издание подобных указов свидетельствует, что продажа государственных земельных владений широко практиковалась в период Поздней империи и Африка, несомненно, не была исключением. В указе Аркадия и Гонория от 422 г. (CTh, XI, 28,13) говорится о *conlocata ac relevata praedia* в Проконсульской Африке и Бизацене и подчеркивается незыблемость и вечность права собственности их владельцев.

⁶¹ Nov. Theod., V, 3; cp. R. H i s. Die Domänen der Römischen Kaiserzeit. Leipzig, 1895, S. 94 ff.

⁶² CJ, XI, 62; 9; cp. E. L e v y. West Roman Vulgar Law, the Law of Property. Philadelphia, 1951, p. 44.

⁶³ CTh, I, 10, 2 — 385 г.; V, 13, 1 — 341 г.

Состояние государственной земельной собственности в период Поздней империи характеризуется громадным количеством необработанных или заброшенных земель. В только что упомянутом указе 422 г. приводятся цифры — своеобразный итог эволюции африканских доменов римских императоров. По приводимым в указе данным земельных кадастров, общая сумма императорских владений в Проконсульской Африке составляла 14 703 центурии и 85,5 югера (примерно $\frac{1}{5}$ территории провинции), из которых платежи поступали только с 9002 центурий 141 югера. В Бизацене из 15 075 центурий 183,5 югеров императорских земель ($\frac{1}{7}$ территории провинции) ⁶⁴ повинности выплачивались с 7460 центурий 180 югеров (т. е. менее, чем с половины государственного домена). Столь высокий процент необработанной земли, несомненно, объяснялся несоответствием размеров императорской земельной собственности в Африке реальным возможностям ее хозяйственной эксплуатации. В указах IV—V вв. бесконечно повторяются жалобы на нежелание арендаторов императорских владений обрабатывать худшие земли. Размер арендной платы и налогов, взимаемых государством, очевидно, делал нерентабельным хозяйство на землях, требовавших значительных затрат труда на ирригацию, расчистку почвы и т. п. либо просто дававших относительно низкий урожай. Проблема освоения пустующей земли стояла перед императорским правительством еще во II в. н. э., о чем свидетельствуют положения *lex Manciana* и *lex Hadriana de rudibus agris* ⁶⁵. Однако эта проблема никогда не приобретала такой остроты, как в IV—V вв. Здесь, очевидно, сказались как определенные кризисные явления в африканском сельском хозяйстве, для анализа которых у нас слишком мало данных, так и растущие требования государства, постоянно ощущавшего недостаток в деньгах и материальных ресурсах для военных нужд и содержания бюрократического аппарата.

С этими трудностями эксплуатации обширного государственного земельного фонда связаны и определенные изменения в формах аренды. В период Ранней империи, насколько позволяют судить данные африканской эпиграфики,

⁶⁴ Подсчеты даются по W. Barthel. *Römische Limitation in der Provinz Africa*. «Bonner Jahrbücher», CXX (1911). S. 50—51.

⁶⁵ CIL, VIII, 25902 и 25943.

применялась главным образом сдача императорских имений в аренду крупным съемщикам, юридически определявшаяся как *conductio*. Это была срочная аренда прекарного типа, при которой размер арендной платы за каждое имение юридически не был сколько-нибудь твердо определенной величиной и мог произвольно повышаться государством. В IV в. все более широкое распространение получают виды аренды, предоставляющие съемщикам значительно более широкие владельческие права и гарантии: *эмфитевзис* и *jus perpetuum salvo canone*, в данный период фактически слившиеся в единую форму владения⁶⁶. Для императорских владений в Африке *эмфитевтическая* аренда была, по-видимому, особенно типична и широко применялась уже в начале IV в. В 323 г. условия *эмфитевзиса* в Италии предписывалось установить «по образцу африканских *поссессоров*» (CTh, XI, 16,2).

Основные особенности *эмфитевтической* аренды и *jus perpetuum* достаточно хорошо известны. Арендная плата с *эмфитевтических* владений представляла собой постоянную, раз и навсегда установленную величину (CJ, XI, 65,2), характеризующую в кодексах как *canonica* и *consuetas* (CTh, XI, 16,2). В ряде указов подчеркивалась прочность *эмфитевтического* владения. *Эмфитевт* имел право передавать арендуемую землю по наследству (CJ, XI, 59,7; XI, 62,4; XI, 62,5; CTh, V, 14,30). Законодательство провозгласило принцип, в соответствии с которым владение *эмфитевта* не может быть у него отнято даже в силу императорского распоряжения (CJ, XI, 59,7). В указе 365 г. (CJ, XI, 62,3) говорится, что *эмфитевтическое* имение не может быть отнято у владельца, если другое лицо не предложит большую цену, но должно навечно остаться у того, кто его приобретет, и у его потомства. *Эмфитевт* обладал также правом отчуждения своего владения⁶⁷.

В законодательстве специально подчеркивалась большая прочность и широта владельческих прав *эмфитевтов* и *перпетуариев* по сравнению с правами обычного съемщика-кон-

⁶⁶ Levy. Op. cit., p. 45, cp. L. Mitteis. Zur Geschichte der Erbpacht im Altertum. «Abhandlungen der philolog.-hist. Klasse d. sächsischen Gesellschaft d. Wissenschaften», 20. Leipzig, 1901, S. 42 ff.; A. Berger. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia, 1953, p. 531.

⁶⁷ Cp. Berger. Op. cit., p. 452.

дуктора. Так, в указе Феодосия и Валентиниана от 429 г. отмечалось, что у держателя имения по *jus perpetuum* оно не может быть отнято, независимо от того, сам ли он его снял или оно ему досталось в наследство, получил ли он его в дар от предшествующего владельца или купил. Имение, снятое в срочную аренду, может быть отнято у арендатора по истечении срока и передано другому лицу (CJ, XI, 71, 5, ср. CJ, VII, 3),²⁾.

Эмфитевзис использовался государством в качестве средства расширения обработанной земли. Традиционный для Африки кондукторат, при котором съемщик не был гарантирован от повышения арендной платы или лишения его владельческих прав, не давал достаточного стимула для производства затрат на освоение целины. Уже в аграрном законодательстве Адриана предусматривались определенные гарантии права владения на вновь обработанную землю: *jus possidendi ac fruendi hereditique suo relinquendi*. В литературе справедливо отмечалось, что в тот период эти гарантии, в отличие от позднего эмфитевзиса, распространялись главным образом на мелких арендаторов-колонов императорских имений⁶⁸. В надписях, цитирующих *lex Hadriana de rudibus agris*, речь идет об освоении менее удобных — лесистых и болотистых — участков императорских сальтусов. В дальнейшем римское государство столкнулось с проблемой хозяйственного использования более обширных земельных массивов, что заставило пересмотреть также и формы крупной аренды. Пертинакс разрешил оккупировать пустующую императорскую землю в любых размерах и предоставил освобождение на 10 лет от платежей тем лицам, которые обработают эту землю⁶⁹. Распространение эмфитевзиса в западных провинциях, и в частности в Африке, отражало ту же тенденцию: главной обязанностью эмфитевта являлось освоение необработанной земли.

Распространение эмфитевтической и перпетуарной аренды приводило к определенным изменениям отношений собственности на императорской земле. Расширение владельческих прав арендаторов, естественно, означало сужение прав государства как высшего собственника земли. Поскольку эмфитевтический статус сохранялся за однажды

⁶⁸ M. Weber. Die römische Agrargeschichte. Stuttgart, 1881, S. 178; Rostowtzev. Studien..., S. 390.

⁶⁹ Herod., II, 4, 6; ср. Rostowtzev. Studien..., S. 391.

освоенным имением в принципе навечно и не терялся с его переходом — по наследству или путем продажи — в другие руки, количество императорской земли, находившейся на этом статусе, должно было постоянно расти. В законодательстве второй половины IV в. нередко упоминаются эмфитевты, которые уклонялись от возделывания пустошей или плохой земли, предпочитая наживаться лишь на плодородных и обработанных землях (CTh, V, 14,30 — 386 г.; V, 14,33 — 393 г.; CJ, XI, 59,9 — 394 г.).

В целом распространение эмфитевтического и перпетуарного права означало разложение государственной собственности на землю. Как показал Э. Леви⁷⁰, для позднеимперского права характерно отсутствие сколько-нибудь четких граней между перпетуарной и эмфитевтической арендой и частной собственностью на землю (*dominium*); перпетуарии и эмфитевты квалифицируются в кодексах то как *domini*, то как арендаторы (*conductores*). Леви видит в этом явлении лишь следствие вульгаризации римского права, но самая эта вульгаризация имела определенные материальные предпосылки: объективную невозможность хозяйственной эксплуатации государственной земли с помощью «чистой» аренды и вытекающую отсюда неизбежность ее эволюции в сторону частной собственности.

Было бы, однако, неверно считать эту эволюцию в изучаемый нами период уже завершившейся. Подобную точку зрения мы встречаем у Ростовцева, который характеризовал государственный домен Поздней империи как «комплекс частных владений, в большинстве своем очень значительных размеров», рассматривал имения на эмфитевтическом и перпетуарном праве как «новые латифундии», видел в них доказательство приближения империи к феодальному состоянию⁷¹. Прежде всего вряд ли можно связывать эмфитевзис и подобные ему виды аренды исключительно с крупным землевладением, с «латифундиями». Правда, эмфитевтами нередко были крупные землевладельцы — члены сенаторского сословия, представители высшей бюрократии (CTh, V, 15, 15; X, 5,1). Однако наряду с ними весьма значительную категорию эмфитевтов, очевидно, составляли люди среднего положения и достатка, арендовавшие сравнительно небольшие владения. Об этом свидетельствует,

⁷⁰ L e v y. Op. cit., p. 45 sqq.

⁷¹ R o s t o w t z e w. Studien..., S. 391, 395—396.

например, введенное в 364 г. правило, что лица, получающие эмфитевтические имения, должны представлять в качестве поручителя курию (CJ, XI, 59,3). Можно полагать, что куриалы, которым было запрещено арендовать городскую общественную землю (CTh, X, 3,2), были заинтересованы в аренде государственной земли как средстве увеличить свои доходы. Мы встречаем в кодексах упоминания об эмфитевтических имениях, либо «разделенных между различными господами», либо таких, «которыми владеют многие» (CJ, III, 38, 11; CTh, XI, 19,1). Из этого можно заключить, что эти имения нередко разбивались на более мелкие участки, сдаваемые по отдельности разным владельцам. Таким образом, социальное положение эмфитевтов и перпетуариев было весьма неоднородным, и арендуемые ими владения далеко не всегда представляли собой обширные латифундии.

Вместе с тем мы не можем рассматривать эмфитевтическое и перпетуарное право как уже сложившуюся частную собственность. Те сравнительно широкие владельческие права, которыми пользовались эмфитевты и перпетуарии, обуславливались выполнением ими определенных обязанностей перед высшим собственником земли — государством. Наряду с уплатой ренты, налогов и некоторыми другими повинностями⁷² сохраняла свою силу обязанность обработки целинных или низших по качеству земель. Тот факт, что в рассматриваемый период многие эмфитевты были владельцами давно обработанной и высококачественной земли, отнюдь не означает, как полагали некоторые исследователи⁷³, что в IV в. эмфитевзис предоставлялся не обязательно на плохую или заброшенную землю. Полнее всего связь позднего эмфитевзиса с обязанностью освоения необработанной земли выступает в указе Валентиниана, Феодосия и Аркадия от 386 г. (CTh, V, 14, 30). В этом указе рассматриваются различные категории эмфитевтов. Те из них, кто владеет не совсем удобными, но и не полностью запущенными землями, получают — при условии приведения этой земли в хорошее состояние — освобождение от арендной платы на два года. Тем лицам, которые

⁷² В указе Константина проконсула Африки от 319 г. (CJ, XI, 65, 1) подчеркивалось, что эмфитевтов следует привлекать к повинности по ремонту дорог.

⁷³ См. H i's. *Op. cit.*, p. 100 sq.

соглашались взять в аренду землю, не плодородную и не выгодную для съемщиков (*conducibile*), но пустую и покинутую, предоставлялся иммунитет на три года. Те эфитевты, которые владеют только плодородной и удобной землей, т. е. не участвуют в освоении необработанной или ранее заброшенной части домена, должны в соответствующем размере выплачивать повинности за пустую и истощенную землю. Отсюда следует, что возникновение нового эфитевтического держания было возможно исключительно на невозделанной земле, которую арендатор-эфитевт должен был обработать. Что же касается владений, ранее получивших эфитевтический статус, то и их арендаторы должны были выполнять ту же обязанность, с той лишь разницей, что в данном случае она выступала под видом принудительной приписки пустующей земли — *adjectio* или *unctio*. Еще яснее смысл этого установления виден из указа Феодосия, Аркадия и Гонория от 394 г. (CJ, XI, 59,9), в котором владельцев, не обрабатывающих заброшенные и худшие земли, предписывалось лишать всех их владений.

Таким образом, эфитевтическое владение, каким бы прочным ни провозглашало его императорское право, оставалось юридически таковым лишь постольку, поскольку оно удовлетворяло основной цели, ради которой оно было вызвано к жизни: увеличению фискальных доходов путем расширения обработанной и, следовательно, платежеспособной сельскохозяйственной территории. Интересно в этой связи наблюдение Леви, что императорские указы рассматривают эфитевтов и перпетуариев в качестве простых арендаторов, кондукторов именно в тех случаях, когда речь идет об их обязанностях, т. е. когда надо подчеркнуть условность их владельческих прав⁷⁴.

Стремление позднеримского государства к увеличению фискальных доходов лежало в основе тех явлений в области права земельной собственности, которые характерны для изучаемого периода. С одной стороны, мы наблюдаем расширение владельческих прав арендаторов, призванное мобилизовать средства максимального числа землевладельцев для эксплуатации государственного земельного фонда, с другой — растущую зависимость этих прав от обязан-

⁷⁴ L e v y. Op. cit., p. 47.

ности осваивать необработанную землю. Эта зависимость распространяется не только на эмфитевзис, но и на прекарную аренду — *conductio* (CJ, XI, 59,6 — 383 г.) и даже на *ius privatum salvo canone*, приближавшийся, как мы видели, к частной поземельной собственности (CJ, XI, 59,9—394 г.). Таким образом, было бы не совсем верно рассматривать развитие различных форм аренды государственных земель в IV—V вв. и отмечаемое историками права сближение *possessio* и *dominium* как чистую эволюцию в сторону частной собственности. Несомненно, что в данном случае мы имеем дело с правовыми явлениями, сложившимися под влиянием весьма противоречивых тенденций. С одной стороны, трудности хозяйственной эксплуатации государственного земельного фонда и нужда правительства в деньгах приводили к расширению владельческих прав арендаторов и даже к продаже императорских земель. Подобные мероприятия расшатывали и сужали императорскую земельную собственность. С другой стороны, государство стремилось сохранить свой контроль над всеми категориями сдаваемой в аренду или продаваемой земли с целью их использования в интересах фиска. Какая из этих тенденций одерживала верх, т. е. происходило ли фактическое превращение формально государственного имения в частное владение или сохранялись отношения арендной зависимости, это определялось в конечном счете факторами, действовавшими уже за рамками правовых установлений. В одном из указов Валентиниана и Валента со ссылкой на несохранившийся декрет Юлиана предписывалось вернуть в прежнее состояние эмфитевтические имения, которые перешли в собственность частных лиц или сдаются в аренду за меньшую ренту. В другом указе подтверждалось это распоряжение «дабы они (эмфитевтические имения), будучи изъяты из эмфитевтического права, не удерживались как бы на частном праве» (CTh, V, 15, 17 и 19, 364—365 гг.).

А. Б. Ранович считал, что в этих указах идет речь о крупных эмфитевтах, самовольно присвоивших себе право частной собственности на землю ⁷⁵. Разумеется, среди эмфитевтов могли быть могущественные крупные землевладельцы, уклонявшиеся от уплаты ренты с арендуемых земель, и, вероятно, против них, в частности, направлены эти

⁷⁵ А. Б. Ранович. Колонат в римском законодательстве II—V вв., ВДИ, 1951, № 1, стр. 101.

указы. В то же время распространенным явлением было, вероятно, присвоение земельными магнатами владений мелких эмфитевтов. В 396 г. императоры Аркадий и Гонорий приказали проконсулу Африки отменить действия чиновника, который потревожил эмфитевтов, и возвратить расхищенные земли прежним владельцам. Характерно, что тот же чиновник одновременно уменьшил платежи с земель, переданных им новым владельцам (CTh, XIII, 11,6). Захват могущественными земельными собственниками государственных земель с помощью подкупа чиновников, ведавших императорскими земельными имуществами, либо другими путями, вероятно, был достаточно типичным явлением. Правительство пыталось даже распространить на такого рода незаконных собственников принцип *adjectio*. «Те, кто благодаря своему могуществу (*per potentiam*) займут плодородные имения,— говорится в указе 398 г.,— должны в соответствующей пропорции получить и неплодородные» (CJ, XI, 59, 10).

Императорская земельная собственность была, таким образом, объектом борьбы различных социальных сил. Можно предполагать, что мелкие эмфитевтические владения сознательно насаждались государством с целью предотвратить переход государственных земель в частную собственность. Но в качестве более мощного претендента на императорские земли выступали крупные собственники, которые использовали распродажи и распространение льготных форм аренды для расширения своих владений.

В африканских провинциях конечный результат этой борьбы сложился, очевидно, не в пользу императорской собственности. В упоминавшемся уже указе 422 г. предписывалось уступить необрабатываемые имения «подходящим лицам» на тех же условиях, на которых находились *relevata* *grædia*. Это означало, что государство, пытаясь разрешить проблему необрабатываемых земель, было вынуждено переходить к все более широкому применению форм владения, максимально приближающихся к частной собственности.

* * *

Выше была прослежена эволюция в IV—V вв. тех форм земельной собственности, которые существовали в Римской Африке уже задолго до изучаемого нами периода. В пе-

риод Поздней империи в структуре аграрных отношений африканских провинций появляется также новый элемент, не игравший ранее заметной роли и заслуживающий особого рассмотрения, — земельные имущества церкви.

Признание Константином христианства и его религиозная политика повлекли за собой мероприятия по расширению материальной базы христианской церкви. В *Liber pontificalis* папы Дамасия сохранилось перечисление земельных даров Константина африканской церкви. Всего здесь упомянуто семь крупных земельных комплексов (*massae*), изъятых либо из территорий африканских городов: Цирты, Капсы, *Mustis* и других, либо из императорских земель в Нумидии и приносящих общий доход свыше 4 тыс. солидов, причем каждая отдельная *massa* приносила доход от 400 до 800 солидов⁷⁶. Мы не располагаем какими-либо цифровыми данными, характеризующими объем церковной земельной собственности и ее эволюцию в течение IV—V вв., однако многочисленные упоминания о ней у африканских христианских авторов и в актах церковных соборов позволяют предполагать неуклонный рост церковных земель в рассматриваемое время. Значительные земельные имущества скапливались в руках церкви благодаря пожертвованиям и завещаниям частных землевладельцев. Произведения Августина и Посидия показывают, что только гиппонская церковь располагала в конце IV — начале V в. различными имениями и виллами, частично полученными таким путем⁷⁷. Вопрос о церковных землях занимал неизменно важное место на африканских соборах IV—V вв. В источниках имеются упоминания о колонах и рабах, работавших в церковных имениях, о сдаче этих имений в аренду кондукторам и прекаристам⁷⁸.

Церковные владения занимали особое место в системе аграрных отношений. Они были освобождены от всех налоговых повинностей и, таким образом, находились в гораздо более благоприятных экономических условиях, чем владения большинства куриалов, арендаторов императорских

⁷⁶ *Le liber pontificalis*, ed. L. Duchesne, I, Paris, 1886, p. 175.

⁷⁷ *Possidius, Vita s. Augustini*, 23; *Aug.*, *Serm.* 356, 15; *Ep.*, 35, 4; 185, 9, 36.

⁷⁸ *Aug.*, *Ep.*, 35, 4; 139; 2; *Serm.* 356; *Mansi*, III, p. 893; 954.

земель и даже крупных земельных собственников-сенаторов. Налоговый иммунитет и развившаяся в IV в. автономная юрисдикция церковных властей⁷⁹ способствовали превращению церковных земель в своего рода «государства в государстве» — организмы, находившиеся в минимальной экономической и юридической зависимости от имперского государственного аппарата. С другой стороны, обогащение церкви и развитие ее организации приводили к отходу от коллегиальности в распоряжении церковным имуществом. Фактическим распорядителем церковных земель в каждой епархии был епископ, причем между личной собственностью епископа и церковным земельным имуществом не существовало каких-либо юридических различий⁸⁰. О том, насколько трудно было разграничить эти две категории земель на практике, свидетельствует постановление одного из африканских соборов о епископах и клириках, которые приобрели какую-либо земельную собственность (*agros vel qualibet praedia*) за время выполнения ими должности. В постановлении указывается, что если такие епископы или клирики, как соответствует их положению, не передали приобретенную ими землю церкви — они не должны захватывать церковное имущество⁸¹. Иначе говоря, уже самый факт наличия у епископа собственной земли представлялся опасным, с точки зрения материальных интересов церкви, ибо эту землю можно было легко расширить за счет церковных владений. Другой канон того же кодекса формулирует запрещение подобных действий епископов в таких выражениях, которые свидетельствуют о его чисто декларативном характере: «Епископу не разрешается без нужды (*pec habente ergo necessitatem*) узурпировать имущество церкви в свою собственность»⁸².

Но и без формального присоединения церковной земли к своим имениям епископы имели полную возможность эксплуатировать ее по своему усмотрению. Характерно, что

⁷⁹ J. G a u d e m e t. *L'église dans l'Empire romain (IV-e — V-e siècles)*. Paris, 1958, p. 213—287.

⁸⁰ Ibid., p. 307, 309.

⁸¹ *Codex canonum ecclesiae Africanae*, XXXII (M a n s i, III, p. 729); cp. *Conc. Hipponiregiense*, VIII (M a n s i, III, p. 442); A u g., *Ep.*, 185, 35.

⁸² *Codex canonum eccl. Afr.*, XXXIII, cp. *Conc. Carthag.* (421 г.), X (M a n s i, III, p. 450).

африканские соборы даже не пытались установить какую-либо регламентацию распределения доходов с церковных земель, определить, какая часть этих доходов должна идти на культовые и благотворительные нужды. Насколько свободно епископы распоряжались церковными имуществами, показывает широкое распространение в IV в. практики продажи церковных земель. Поскольку такая практика могла подрывать экономическую базу церкви, высшие церковные круги пытались бороться с ней, но, как свидетельствует частое повторение соответствующих постановлений в актах соборов, без особого результата⁸³.

Таким образом, в социально-экономическом отношении положение епископа в значительной мере приближалось к положению крупного частного собственника. В то же время благодаря независимости от фискальной системы империи он обладал фактически большей свободой распоряжения материальными ресурсами и доходами хозяйства, чем землевладельцы-налогоплательщики, и мог осуществлять эксплуатацию рабочей силы в таких размерах, какие считал экономически наиболее выгодными. Это отличало церковные хозяйства от имений большинства частных земельных собственников, в которых размеры эксплуатации непосредственных производителей зависели не только от воли их владельцев, но и от требований фиска, благодаря чему экономические преимущества колоната по сравнению с рабством реализовались относительно слабо (см. выше, стр. 91). Особые условия, в которых находилась церковная земельная собственность, позволяют нам рассматривать имения церкви и епископов как хозяйства, более близкие в социально-экономическом отношении к раннесредневековому феодальному поместью, чем все другие типы земельных владений, официально существовавшие в Римской Африке. Следует учитывать, что наиболее могущественные земельные магнаты добивались фактической независимости от фиска и юрисдикции имперских властей, преодолевая сопротивление государства, в то время как церковная

⁸³ M a n s i, III, p. 719, 729, 953—954, 969. Продажа церковных земель обуславливалась разрешением примаса провинции или согласием соседних епископов, а в некоторых канонах — согласием клириков данного диоцеза. Понятно, что епископу было нетрудно получить такое согласие от подчиненных ему клириков.

собственность развивалась в том же направлении совершенно свободно, при поддержке государственной власти.

Это не означает, что в церковном землевладении IV—V вв. можно видеть уже сложившийся в своих основных чертах феодальный институт. Судя по одному канону Карфагенского собора 398 г., устанавливавшему процедуру отпуска на волю церковных рабов ⁸⁴, рабский труд широко применялся на церковных землях наряду с трудом колонов. Эксплуатация земельной собственности церкви часто осуществлялась в формах, характерных для императорских и частных владений: отдельные имения и виллы сдавались в аренду крупным съемщикам ⁸⁵, что влекло за собой типичное для римского аграрного строя разделение между собственностью и владением и раздробление крупного домена на ряд хозяйственно не связанных частей. Условия античного общества все еще определяли в значительной мере социально-экономическое положение церкви. В особенно сильной степени это отражалось на ее положении в городах. Ортодоксальное христианство еще не стало в Римской Африке абсолютно господствующей религией; кроме язычества, весьма сильным противником ортодоксальной церкви был донатизм. В борьбе за упрочение и расширение своего влияния в массах, церковь должна была поддерживать свою репутацию «защитника малых и слабых» не только на словах, но и с помощью благотворительной деятельности. В условиях пауперизации значительной части городского населения и обострения социальных противоречий эта деятельность приобретала тем большее значение, что она отвлекала плебс и обедневших куриалов от выступлений против господствующих слоев и власти Римской империи. В принципе церковные имущества считались предназначенными для материальной помощи беднякам ⁸⁶, и как бы далеко ни заходил произвол епископов и

⁸⁴ Ita tamen libertos, quos sacerdotes, presbyteri vel diacones de ecclesia sibi commissa facere voluerint, actis ecclesiae prosequi jubemus: quod si facere contempserint, placuit eos ad proprium reverti servitium (Col. Carth., XXXI. In: M a n s i, III, p. 954).

⁸⁵ A u g., Serm. 356, 15; Ep., 139, 2; M a n s i, III, p. 893.

⁸⁶ Константин в указе от 326 г. (CTh, XVI, 2, 6) подчеркивал, что в городах «бедняков надлежит поддерживать церковными богатствами» (oportet pauperes ecclesiarum divitiis sustentari). Августин, говоря о переходе владений донатистской церкви к католикам (Ep., 185, 9, 36), отмечает, что одновременно к ним перешли бедняки, которые кор-

коррупция клира, им приходилось выделять какую-то часть дохода с церковных земель на благотворительные нужды. В этом отношении церковь в известной мере брала на себя функцию материальной поддержки беднейшей части гражданства, которая в античном городе служила интересам сохранения единства городской общины и обычно выполнялась богатыми литургами. Таким образом, церковь IV—V вв. все еще оставалась тесно связанной в социально-экономическом отношении с основной ячейкой античного общества — городом и играла известную роль в его консервации.

Несмотря на экономические привилегии церкви, она не была еще в тот период настолько сильна, чтобы гарантировать свои земли от покушений со стороны крупных частных собственников. Милевитанский собор 416 г. обратился к императору с просьбой о назначении специальных чиновников — *defensores scholasticos*, которые защищали бы в провинциальном управлении интересы церкви от тех, кто «строит хитроумные козни»⁸⁷. Таким образом, церковь еще была далека от того, чтобы превратиться в феодального магната: для упрочения своего влияния в обществе и своего экономического положения она еще нуждалась в помощи со стороны Римского государства. Это обстоятельство, наряду с социальной эволюцией христианских общин, объясняет политические позиции африканской церкви — провозглашавшуюся ее ведущими деятелями необходимость повиноваться императорским властям и сотрудничать с ними

2. Колонат и рабство в сельском хозяйстве

Уже в I в. н. э. характерной особенностью аграрных отношений в Римской Африке было широкое развитие колоната. Не вдаваясь в обсуждение сложного и дискуссионного вопроса о происхождении колонатных отношений, необходимо лишь подчеркнуть, что в Африке их развитие, несомненно, было связано с быстрым ростом крупного землевладения. Образование обширных сальтусов римской знати (а впоследствии — императора) на завоеванных

мились с этих владений. Ср. *Segm.* 355, 4, 15 («у церкви не хватает денег для всех просящих и нуждающихся»).

⁸⁷ *Mansi*, IV, p. 331.

территориях, занятых местным населением—либо земледельческим, либо переходящим к земледелию под влиянием новых условий — естественно приводило к возникновению отношений экономической зависимости между этим населением и новыми собственниками земли. О типичности такого рода отношений свидетельствует известное сообщение Фронтинуса о селах (*vici*), расположенных в крупных частных сальтусах вокруг виллы владельца, и многочисленном плебейском населении (*populus exiguus populus plebeius*), живущем в этих селах⁸⁸. Надпись из Хенхир-Меттиха и другие происходящие из имений надписи II в.⁸⁹, многократно разбиравшиеся в специальной литературе, позволяют судить о конкретных формах этих отношений зависимости. Данные надписей показывают, что в Римской Африке

⁸⁸ Frontinus. De controversiis agrorum. Gromatici veteres ex recensione C. Lachmanni, I. Berlin, 1848, p. 53.

⁸⁹ CIL, VIII, 25902; ср. 10570=14464; 14428; 25943; 26416. Основная литература об этих надписях: A. Schulten. Die Lex Hadriana de rudibus agris. «Hermes», XXIX (1894), p. 204—230; ег о же. Die Lex Manciana, eine afrikanische Domänenordnung. «Abhandlungen der konigl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», N. F., II (1897), 3, S. 3—51; ег о же. Die römischen Grundherrschaften; ег о же. Zur Lex Manciana. «Rh. Mus. für Phil.», LVI (1901), S. 120—138, 187—201; ег о же. Die «Lex Hadriana de rudibus agris» nach einer neuen Inschrift. «Klio», II, (1902), S. 188—212; Th. Mommsen. Decret des Commodus für den Saltus Burunitanus.—Gesam. Schriften, III. Berlin, 1907, S. 65—145; J. Toutain. L'Inscription d'Henrich-Mettich. «Nouvelle Revue historique du droit», XXI (1897), p. 372—415; XXIII (1899), p. 137—169, 284—312, 401—414; ег о же. Culturae macianae. «Mélanges Martroy», Paris, 1941, p. 93—100; E. Beaudoire. Les grands domaines dans l'empire Romain. Paris, 1899; J. Carcopino. L'inscription d'Ain-el-Djemala. «Mélanges d'archéologie et d'histoire», 26 (1906), 5, p. 366—481; ег о же. Encore l'inscription d'Ain-el-Djemala. «Klio», VIII (1908), p. 154—185; Ф. М. Нахман. Об историческом развитии мелкоарендных отношений в Северной Африке в первые три века Империи. ЖМНП, 1909, кн. 5; Г. М. Пригоровский. Развитие колонатных отношений в Римской Африке. «Уч. зап. Московского университета», 1909, кн. 39; Rostowtzev. Studien..., S. 322 ff.; W. E. Heitland. Agricola. Cambridge, 1921, p. 343 sq.; J. J. Van Nostrand. The Imperial Domain of Africa Proconsularis; T. Frank. The Inscriptions of the Imperial Domains of Africa. AJPh, 47 (1926), I, p. 55—73; ег о же, A Commentary on the Inscription from Henrich-Mettich in Africa. AJPh, 47 (1926), 2, p. 153—170; Haywood. Op. cit., p. 99 sq.; Ch. Saumagne. Inscription de Jenan-ez-Zaytoûna. CRAI, 1937, p. 292 sq.; ег о же. Le Droit.—In: «Tablettes Albertini, Actes privés de l'époque vandale (fin du V-e siècle)», p. 81—188.

уже в ранний период ее истории колонат был преобладающей формой эксплуатации крупных имений. В литературных источниках II—III вв. — у Апулея, Киприана — частновладельческие имения обычно предстают в виде сел, население которых состоит из колонов или крестьян (*rustici*)⁹⁰. Под последним термином у Апулея нередко фигурируют и рабы, но рабы, имеющие собственные хозяйства и дома и живущие примерно в тех же условиях, что и остальные сельчане⁹¹. Еще более типичным было применение колонов в императорских имениях.

Таким образом, к началу изучаемого периода колонат в Северной Африке был широко распространенным и давно уже укрепившимся и оформившимся институтом. Характерный для IV в. процесс концентрации земельной собственности, в частности образование крупных имений на городской земле, расширение сенаторских имений и рост церковного землевладения, очевидно, должны были способствовать еще более широкому развитию колонатных отношений, органически связанных в африканских провинциях с крупным землевладением. Преобладание труда колонов и близких к ним категорий зависимого населения в земледелии Римской Африки в данный период вряд ли может вызвать сомнения. В произведениях африканских авторов IV—V вв. всюду, где речь идет о более или менее крупных имениях — частных, государственных или церковных, — жители этих имений характеризуются как колоны или крестьяне (*rusticani*). Это относится и к сообщениям о крупных восстаниях сельского населения, направленных против посессоров: основную массу участников этих восстаний составляют обремененные долгами жители сел⁹².

Основным источником по истории позднеримского колоната как известно, являются соответствующие положения кодексов Феодосия и Юстиниана. К сожалению, этот

⁹⁰ A p u l., Metham., VII, 22 sq.; VIII, 1; 15, 17; 22, 27, 29; C y r i l., Ep., 55, 13. Подробный анализ этих данных см. Е. М. Ш т а е р м а н. Указ. соч., стр. 213 сл.

⁹¹ Ср. S h a, Maximinus, 14, 1: участие *rusticana plebs* в восстании Гордианов. Интерпретацию этого места см. H e i t l a n d. Op. cit., p. 341 sq.; Е. М. Ш т а е р м а н. Указ. соч., стр. 212.

⁹² A u g., Ep., 35, 2; 46; 58, 1; 65, 1; 105, 2, 4; 108; 139, 2; 185, 4, 15; Contra Cresconium, 47, 51; Contra lit. Petilian, II, 83, 184; Op. cit. III, 4.

источник не дает достаточного материала для выяснения особенностей колоната в отдельных провинциях. К тому же далеко не всегда представляется ясным, отражают ли те или другие юридические нормы, содержащиеся в кодексах, реальное положение вещей на всей территории империи или имеют в виду отношения, существовавшие в каких-либо определенных провинциях. Поэтому необходим максимальный учет местного материала и его сопоставление с общей картиной, рисуемой кодексами.

Значительный интерес в этом отношении представляет выяснение связи между африканским колонатом IV—V вв. и колонатными отношениями более раннего времени, которые известны из эпиграфических памятников II в. В работах конца XIX — начала XX в., подробно исследовавших указанные памятники, этот вопрос не мог быть поставлен ввиду недостаточности материала. Однако открытие в 1929 г. так называемых «Табличек Альбертини», относящихся к самому концу V в., пролило новый свет на эту проблему. Упоминание в актах продажи земли из «Табличек» участков, именуемых *culturae mancipiae*, позволяет, на наш взгляд, установить следующие существенные факты истории африканского колоната.

Во-первых, потеряло всякую почву мнение тех исследователей, которые полагали, что *lex Mancipia*, регулировавший права и обязанности колонов крупного имения, применялся только в ограниченном районе средней части долины Баграды, где были впервые найдены надписи, упоминающие этот закон (в Хенхир-Меттихе и Айн-эль-Джемала)⁹³. «Таблички Альбертини» происходят из пункта, находящегося совершенно в другом конце Проконсульской Африки (в поздней провинции Бизацене) примерно в 270 км от Хенхир-Меттиха⁹⁴.

Во-вторых, тот факт, что обладателем высшей собственности (*dominium*) на *culturae mancipiae* из документов Альбертини является некий Флавий Геминий Катуллин,

⁹³ F r a n k, in: *AJPh*, 47 (1926), p. 56 sq.; Хейвуд (op. cit., p. 99) относил *lex Mancipia* только к данному имению и соседнему императорскому сальтусу; Браунтон (op. cit., p. 162) — к одному сальтусу.

⁹⁴ Около станции *Ad Turres*, в 65 км к западу от Капсы (см. P. S a l a m a. *Les voies romaines de l'Afrique du Nord*. Paris, 1951, p. 49).

целиком подтверждает точку зрения авторов, полагавших, что *lex Manciana* применялась не только в императорских, но и в частных имениях ⁹⁵.

И, наконец, «Таблички Альбертини» показали, что *lex Manciana* сохранял свое значение в качестве правовой основы колонатных отношений не только во II—III вв., но и в течение всего периода Поздней империи и даже после ликвидации римской власти в Северной Африке. Из всего этого следует, что положения «Манциева закона», распространявшиеся на различные категории владений и имевшие широкое применение на территории африканских провинций, не могут не учитываться при изучении колонатных отношений интересующего нас периода.

Наиболее развернутое исследование роли *lex Manciana* в истории позднего африканского колоната было принято в ряде работ Ш. Соманя ⁹⁶. Основной тезис этого исследователя сводится к тому, что положение колонов в Африке определялось своего рода «хартией», вытекавшей из *lex Manciana* и закона Адриана о необработанных землях. Эта «хартия», по мнению Соманя, предоставляла колонам широкие владельческие права на обрабатываемую ими землю (*jus possidendi ac fruendi hereditique suo relinquendi*), вплоть до права ее отчуждения; африканский колонат сохранялся в неизменном виде и не испытывал никакого развития, законодательство же о колонате IV—V вв. не могло уничтожить особых гарантий и прав, которыми якобы обладали африканские колоны. В некоторых работах Соманя проводится даже мысль, что лиц, пользовавшихся землей на основе *lex Manciana*, собственно и нельзя считать колонами, это — землевладельцы, *possessores*.

Аргументацию Соманя нельзя признать сколько-нибудь убедительной. Она основана прежде всего на весьма произвольной интерпретации надписи из Хенхир-Меттиха и связи

⁹⁵ Ср. R o s t o w t z e w. Studien..., S. 324; T o u t a i n. *Culturae mancianaе*. Исследователи, считавшие, что *lex Manciana* действовал только в императорских имениях, не могли удовлетворительным образом объяснить упоминание в надписи *domini aut conductores... eius fundi*. Так, Шультен («Die Lex manciana...», S. 21) считал *domini* и *conductores* синонимами, что совершенно противоречит смыслу этой формулы; V a n N o s t r a n d. Op. cit., p. 21 признавал слово *domini* трудно объяснимым.

⁹⁶ См. S a u m a g n e, in: RAfr, 1936, p. 485—490; е г о ж е. Du rôle de l'origo..., p. 487—581 (см. также прим. 89).

lex Manciana с «Табличками Альбертини»⁹⁷. Автор убежден, что отчуждение колонами своих участков и владение на основе *jus possidendi ac fruendi hereditique suo relinquendi*, зарегистрированное для конца V в., вытекает из правовых норм, действовавших уже во II в. При этом он совершенно не учитывает тех новых условий, которые создались в Северной Африке в результате вандалского завоевания и способствовали укреплению и расширению владельческих прав колонов⁹⁸. С другой стороны, текст самого «Манциева закона», насколько мы можем восстановить его по надписи из Хенхир-Меттиха, не дает оснований полагать, что в соответствии с этим lex колоны пользовались сколько-нибудь четко выраженными владельческими правами. Единственное упоминание об юридическом отношении колонов к земле содержится в начале надписи, где речь идет о колонах, освоивших необработанные участки — *subsiciva*. Такие колоны получают обработанную ими землю в «собственное пользование» (*usus proprius*). В литературе справедливо отмечалось, что этот термин не имел четкого юридического значения и означал лишь, что земледельцу, обработавшему целинный участок, гарантировалось пользование этим участком и после освоения (т. е. он не мог быть согнан с освоенной им земли собственником имения)⁹⁹.

Тезис о некоем особо благоприятном положении африканских колонов высказывался в историографии и до Соманя. Основой подобных взглядов является представление, что колонат развивался в Африке главным образом или исключительно на вновь осваиваемых землях. Земле-

⁹⁷ Так, анализируя указ Константина CJ, XI, 63, 1, где речь идет об африканских колонах, Сомань («Tablettes Albertini», p. 114 sq.) утверждает, что термин *coloni* служит в нем лишь заменителем слова *cultores*, которое он отождествляет с *possessores*.

⁹⁸ Ср. J.-P. Brisson. *Autonomisme...* p. 25 sq.

⁹⁹ По Ростовцеву («Studien...», S. 345), *usus proprius* не совпадает с римским юридическим понятием *usus* и обозначает лишь передачу парцеллы оккупанту для индивидуальной обработки и пользования. Сходно — Van Nstrand. *Op. cit.*, p. 21 и Frank, in: *AJPh*, 47 (1926), p. 159 (*usus proprius* включал *jus colendi*). Наиболее близок к истине, на наш взгляд, Бриссон (*Op. cit.*, p. 25 sq.), который подвергает критике взгляды Соманя и характеризует *usus proprius* как «une garantie de stabilité». Действительно, содержанием права, предоставляемого колонам, освоившим необработанные участки, скорее всего, должна была быть гарантия, что эти участки не будут у них отняты после освоения.

дельцы, освоившие эти земли, приобретали на них широкие владельческие права, благодаря чему африканские колонны представляли собой категорию, подобную поздним эмфитевтам¹⁰⁰. Сомань в одной из своих последних работ пытается доказать широкую распространенность такого рода отношений в Римской Африке с помощью своей интерпретации *lex Manciana*¹⁰¹. По его мнению, этот закон имел в виду исключительно необработанные и незанятые лесистые и болотистые земли. В начале надписи из Хенхир-Меттиха (CIL, VIII, 25902, I, 7—20) речь идет о колоннах, освоивших *subsiciva* (*Qui eorum [in]tra fundo Villae Mag[na]e Variane id est Mappalia Siga [habitabunt?], eis eos agros qui sub[sic]isiva sunt excolere permittitur lege Manciana... ita ut eas qui excoluerit usum proprium habeat*). Далее говорится о повинностях этой категории земледельцев, которые прямо именуются в надписи *coloni*. Следующий раздел надписи (I, 20 sqq.) посвящен обязанностям тех колоннов, которые занимают виллы на территории имения: *Qui in f(undo) Villae Magnae sive Mappalia Siga villas [habe]nt habebunt dominicas eius f(undi) aut conducto-ribus vilicisve eorum in assem partes fructuum et vinearum ex consuetudine Manciane cu[us]usque generis habet, praestare debebunt* (I, 21—25). Вопреки обычной интерпретации этого места, мы не считаем возможным относить к *villas* следующее далее определение *dominicas*. Слово *aut* в данном контексте не имеет смысла: перед ним, несомненно, должно в соответствии с обычной формулой надписи (I, 10; II, 4; II, 9) стоять *dominis*. Издатели надписи (например Dessau в CIL) обычно и включают это слово в текст после *dominicas*. Такое чтение вызывает необходимость объяснения малопонятного выражения *villae dominicae*; что приводит нередко к путанице в интерпретации надписи (см. ниже). Нам представляется более вероятным, что резчик ошибочно поставил *dominicas* вместо *dominis*. Такую ошибку допустить не труднее, чем пропуск целого слова.

¹⁰⁰ См. в особенности Ф. Н а х м а н. Указ. соч., стр. 222 сл. По ее мнению, со времени Адриана все колонны в Африке владели землей на основе *jus possidendi ac fruendi hereditate suo relinquendi*. Схожую точку зрения недавно высказал А. П. К а ж д а н (ВДИ, 1953, № 3, стр. 99), по мнению которого, в Африке в период империи происходил процесс укрепления прав колоннов на свое хозяйство.

¹⁰¹ S a u m a g n e. Le droit, p. 122 sq.

В этом случае правильное чтение будет: ... villas [habe]nt habebunt domini<ca>s eius f(undi) aut conductoribus и т. д.

Еще Шультен с полным основанием видел в этой последней категории колонов, пользовавшихся уже обработанной землей¹⁰². Дальнейшие комментаторы надписи внесли значительную путаницу в этот вопрос. Ф. Нахман утверждала, что в данном разделе речь идет о колонах, осваивающих необработанные участки, на которых находятся дома¹⁰³. Ростовцев усматривал в колонах первого раздела (qui intra fundo habitant ...) обладателей собственных домов, а в колонах, которые в надписи связаны с виллами, — арендаторов господских домов¹⁰⁴. Даже если придерживаться традиционного чтения villas dominicas, неправильность которого мы пытались показать выше, эти предположения все же не могут быть приняты. В римской сельскохозяйственной терминологии вилла — не дом, а хозяйство, включающее обрабатываемую землю и постройки. Совершенно невероятно допущение, что собственники имений строили дома на пустой земле для потенциальных колонов. В первом и втором разделах рассматриваются не различные категории колонов, а случаи использования колонами различных категорий земель: subsiciva, т. е. вновь осваиваемых участков, и вилл, т. е. уже возделанной земли¹⁰⁵. Это видно из того, что колонам, обрабатывающим subsiciva, предоставляются известные формальные привилегии, которые не предусмотрены для тех, кто villas habent: 1) usus proprius, 2) кондукторы и вилики специальными документами (tabellis obsignatis) еще до обмолота урожая должны гарантировать колонам их долю продуктов, qui eo loco nati erunt (т. е. на subsiciva). Не было бы никакого смысла выделять процедуру взимания оброка с subsiciva в особый раздел, если бы под использованием вилл также подразумевалось освоение необработанных участков.

Сомань, как и Нахман, полагает, что в обоих рассматриваемых разделах надписи говорится о лицах, освоивших

¹⁰² Schulten. Die Lex Manciana..., S. 24.

¹⁰³ Нахман. Указ. соч., стр. 222 сл.

¹⁰⁴ Rosfowfzew. Studien..., S. 342; сходно — Van Nost-gard. Op. cit., p. 22.

¹⁰⁵ За пренебрежение этим различием Ростовцева "справедливо критикует" Фрэнк — AJPh, 47 (1926), 2, p. 161.

subsiciva, а различие между этими разделами видит в том, что в первом из них речь идет не о колонах, а о лицах, посторонних имению, а во втором — о колонах. В связи с этим он вынужден не только заменить обычное чтение [in]tra fundo на [ex]tra fundo, но и вычеркнуть из текста первого раздела слово *coloni*, являющееся, по его мнению, случайной вставкой, результатом небрежности составителей надписи. В последней фразе того же раздела (I, 15—20) говорится: «Если кондукторы и вилики этого имения заявят в подписанных ими документах без обмана, что дадут полностью доли, причитающиеся колонам, пусть они обеспечат ту долю урожая, которую они должны предоставить (колонам), колоны должны представить свои доли кондукторам или виликам этого имения» — «Et si conduct[or]es vilic[us] eius f[un]di in assem p[ar]tes col[on]ic[as] daturas renuntiaverint, tabell[is] obsignatis s[ine] f[ra]ude s[ua] caveant, eius fructus partes quas praestare debent, conductores (*conductoribus*?) vilicisve eius f[un]di colloni colonicas partes praestare debeant». Сомань, для того чтобы объяснить присутствие здесь слова *coloni*, противоречащее его толкованию, выделяет конец этой фразы в самостоятельное предложение и приставляет к нему спереди словечко *quas*. Это позволяет ему объявить получившееся сочетание заголовком следующего раздела: *Quas coloni colonicas partes praestare debeant*. Разумеется, подобное насилие над текстом надписи не может усилить аргументацию комментатора.

Сомань утверждает, что права, которыми обладали держатели земли по *lex Manciana*, соответствовали правам римских провинциальных посессоров, т. е. частному владению на провинциальном *ager publicus populi Romani*. Право собственника земли — *dominium* — является всего навсего результатом перенесения права собственности римского народа на *ager publicus* на физическое лицо — императора (если речь идет об императорском имении) или на частного землевладельца (*dominus fundi*). Однако попытка использовать для доказательства столь широких владельческих прав африканских земледельцев, трудившихся в крупных имениях, данные *lex Manciana* явно не удастся. Даже право *usus proprius* на землю, которое, несомненно, было гораздо более узким, чем римское *possessio*, и лишь гарантировало в какой-то степени прочность

пользования земельным участком, распространялось, как явствует из текста закона, не на всех колонов, а лишь на тех из них, кто освоил необработанную землю внутри имения.

Сомань полагает, что владельческие права, якобы предоставляемые по *lex Manциана*, впоследствии были расширены законом Адриана о необработанных землях (*lex Hadriana de rudibus agris*). Действительно в одной надписи, цитирующей *lex Hadriana* (надпись из Айн-Васселя, CIL, VIII, 26416), мы встречаем указание, что в соответствии с этим законом лицо, освоившее необработанную землю, получает *jus possidendi ac fruendi hereditique suo relinquendi*. Однако, во-первых, *lex Hadriana* относился только к императорским землям¹⁰⁶ и, следовательно, никак не мог влиять на положение колонов частных имений. Во-вторых, как обратил внимание еще Хейтленд¹⁰⁷, в надписи из Айн-Васселя не встречается термин «колоны». Лица, занявшие необработанную землю, в соответствии с *lex Hadriana* в течение пяти лет выплачивают повинности арендатору имения — кондуктору, а по истечении этого срока — непосредственно фиску. Сами эти земли фигурируют в надписи как не используемые кондукторами (*pes a conductoribus exercentur*; в сходной надписи из Айн-эль-Джемала — *loca neglecta a conductoribus* — CIL, VIII, 25943). Таким образом, речь идет о категории землевладельцев, еще не входящих в состав подчиненного кондукторам трудового населения сальтусов и отличающихся в этом смысле от императорских колонов¹⁰⁸. Они берут на себя освоение необрабатываемых фискальных земель и являются в конечном счете обязанными лицами лишь по отношению к фиску. Эта категория соответствует эфитевтам Поздней империи. Позднее такие земледельцы могли превращаться в императорских колонов, как предполагают Шульген и Хейтленд¹⁰⁹, или становиться самостоятельными крупными арендаторами императорской земли. Оба эти варианта,

¹⁰⁶ Ср. Broughton. Op. cit., p. 168 sq.

¹⁰⁷ Heitland. Op. cit., p. 349 sq.

¹⁰⁸ Каркопино («L'Inscription d'Ain-el-Djemala...», p. 393 sq.) вилит в авторах петиции из надписи из Айн-эль-Джемала (CIL, VIII, 25943) жителей соседнего муниципия.

¹⁰⁹ Schulten. Die Lex Hadriana..., S. 215, 224; Heitland. Op. cit., p. 351.

очевидно, были возможны, и какой из них осуществлялся в каждом конкретном случае, зависело от ряда местных условий. Ясно лишь, что статус владельца на основе *ius possidendi, fruendi hereditique suo relinquendi* не был, по смыслу закона Адриана, статусом колона, и если его обладатель и превращался со временем в колона, то он попадал в новые условия, определявшиеся зависимостью от крупного арендатора, в которых сохранение этого статуса *de facto* вряд ли было возможно ¹¹⁰.

Каковы же действительное место и значение *lex Manciana* в истории африканского колоната? В настоящей работе не представляется возможным входить в обсуждение многочисленных вопросов, связанных с интерпретацией отдельных положений этого закона, вызвавших оживленную дискуссию в научной литературе. Мы укажем лишь на те аспекты *lex Manciana*, которые представляются нам наиболее существенными для понимания особенностей африканского колоната, сохранивших свое значение и в период Поздней империи.

При определении характера *lex Manciana* наибольшие споры возбудил вопрос о его правовых источниках. Одни исследователи (Шультен, Каркопино, Ростовцев и др.) видели в нем акт публичного права, изданный государственной властью, другие (Тутен) — *lex locationis*, договор об использовании имения, переданного из императорского домена частному лицу и составленный императорскими прокураторами, наконец, третьи (Фрэнк, Хейвуд, В. С. Сергеев) — *lex contractus*, изданный частным владельцем и действующий в определенном имении. Для решения этого вопроса, на наш взгляд, представляет первостепенную важность тот факт, что в одном случае *lex Manciana* именуется в надписи (I, 24) *consuetudo Manciana* — «Манциев обычай». Как справедливо отмечал Тутен, *consuetudo* никак не может быть отождествлен с актом, изданным государственной властью ¹¹¹. С точки зрения римского права, *consuetudo*,

¹¹⁰ Сомань пытается также обосновать свою точку зрения относительно владельческих прав, предоставляемых *lex Manciana*, анализом надписей из Дженан-эз-Зайтуны, отождествляя *cultor manciane* одной из этих надписей (ILT, 629) с *possessores* другой (ILT, 628). О невозможности такого отождествления см. Toutain. *Culturae mancianae...*, p. 93 sq. и Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 209 сл.

¹¹¹ Toutain. *Culturae mancianae...*, p. 97 sq.

в отличие от *lex*, устанавливаемого путем специального решения законодательного органа, основан на «молчаливом всеобщем согласии» (*tacito consensu omnium*)¹¹². Вместе с тем та же статья Дигест признает за старинным, укоренившимся обычаем силу закона (*inveterata consuetudo pro lege non immerito custoditur et hoc est jus quod dicitur moribus constitutum*). Отсюда понятно, что если даже, с точки зрения теории права, *consuetudo* отличался от *lex* лишь своим происхождением, но не юридической силой, то на практике грань между этими двумя понятиями легко стиралась. Одной из причин замены первого из этих терминов вторым могла быть запись *consuetudo*, как это имело место в нашем случае: *consuetudo* обычно понимался как неписаный обычай (*quae sine ullo scripto populus probavit*)¹¹³. Но зато гораздо труднее предположить, что государственный закон, изданный определенным магистратом или императором, мог квалифицироваться как явление обычного права и именоваться *consuetudo*. Таким образом, термин *consuetudo* проливает определенный свет на происхождение *lex Manciana*, во всяком случае он свидетельствует, что этот «закон» не был государственно-правовым актом¹¹⁴. В то же время данный термин не содержит какого-либо подтверждения мнения об издании *lex Manciana* императорскими прокураторами: остается неясным, почему такого рода акт именуется *consuetudo*¹¹⁵. Что же касается гипотезы о, так сказать, местном, индивидуальном характере *lex Manciana* (закон или обычай одного имения), то она, как отмечалось выше, опровергается находкой «Табличек Альбертини». Таким образом, ни одна из указанных точек зрения не может быть признана вполне соответствующей имеющимся у нас данным.

¹¹² Dig., I, 3, 32, 2.

¹¹³ Ibidem.

¹¹⁴ Ростовцев («Studien...», S. 331 f.) думал, что сам *lex Manciana* (государственный) базировался в некоторых своих частях на каком-то *consuetudo*, и предлагал в связи с этим понимать *ex consuetudine Mancianae* надписи как *ex consuetudine legis Mancianae*. Однако представляется более правильным исходить из подлинного текста надписи, не исправляя его произвольными вставками.

¹¹⁵ Кроме того, вообще представляется весьма сомнительной возможность столь детального регулирования императорским аппаратом отношений в частном имении. Ср. Schulten: Die Lex Manciana..., S. 49.

Если исходить из содержания *lex* или *consuetudo Manciana*, насколько оно нам известно по надписи из Хенхир-Меттиха, то следует признать, что этот закон охватывал главным образом сферу взаимоотношений колонов с собственником или арендатором имения: в нем речь идет об обязанностях различных категорий колонов, об условиях использования ими различных видов земли и возделывания определенных культур, о способах выплаты повинностей и т. п. Предположение некоторых исследователей, что *lex Manciana* регулировал также отношения между государством и владельцами имений¹¹⁶, ни на чем не основано: выражение *ad exemplum* надписи совсем не предполагает, что воспроизводилась лишь часть закона. Таким образом, мы имеем дело с *consuetudo*, т. е. с неким обычным, традиционным установлением, определявшим права и обязанности трудового населения крупного имения. Существование подобного установления было связано с определенными особенностями аграрной истории Северной Африки.

Как отмечалось выше, социально-экономическое развитие Северной Африки в конце республики и начале империи привело к образованию крупных частных и императорских имений. Жители туземных сел, расположенных на территориях этих имений, оказались в экономической зависимости от новых собственников земли. Естественным результатом возникновения подобных отношений было появление определенных норм, регулировавших эксплуатацию земледельцев. При выработке этих норм невозможно было руководствоваться примером итальянской мелкой аренды, предусматривавшей заключение арендных договоров с колонами. Уровень экономического развития внутренних районов Северной Африки в начале римского периода, конечно, исключал сколько-нибудь регулярную связь сельского населения с рынком и, следовательно, делал невозможной денежную аренду типа *locatio-conductio*. Кроме того, африканские колоны не были римскими гражданами, и римским землевладельцам не могло и в голову прийти заключать с ними какие-либо правовые акты. Да в этом и не было никакой необходимости: речь шла о завоеванном

¹¹⁶ Ср. Schulten. Die Lex Manciana..., S. 17 f.; Rostowtzev. Studien..., S. 323 f. Эти авторы исходили в данном предположении из представления о государственно-правовом характере *lex Manciana*.

населении, с которого частные землевладельцы и государство стремились получать доход в наиболее удобных для них формах. Установление фиксированного поземельного или подушного обложения колонов было бы связано с проведением различных подсчетов, весьма затруднительных в условиях крупных имений с многочисленным зависимым населением. Самой простой и удобной формой в этих условиях было установление оброка натурой из доли урожая.

Эта форма обеспечивала увеличение дохода землевладельца в случае расширения обрабатываемой колонами земли или ее улучшения путем ирригационных работ и вместе с тем придавала его экономическим отношениям с колонами определенную стабильность, уменьшая возможность конфликтов, связанных с колебаниями в уровне урожая и тому подобными меняющимися условиями. Поскольку собственник земли получал право на продукт труда земледельцев, он был заинтересован в том, чтобы объем этого поступающего ему продукта определялся известными постоянно действующими нормами, что способствовало упрочению существующих отношений. В данном случае действовала та же экономическая закономерность, которая обуславливала в период раннего европейского средневековья господствующую роль традиции и обычая при определении повинностей феодально-зависимых крестьян. Предпосылкой подобных отношений является примитивность хозяйственных условий, составляющих их базис, и прежде всего натуральный характер экономики. «...При том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, — писал Маркс о феодальной ренте, — традиция должна играть преобладающую роль... Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола»¹¹⁷.

Традиционные нормы, регулировавшие повинности африканских колонов, разумеется, сложились не одновременно, а в результате более или менее длительного процесса. Первоначально, очевидно, эти нормы разрабатывались применительно к каждому вновь возникающему крупному

¹¹⁷ К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1951, стр. 806.

имению. Не исключено, что при этом использовался опыт тех отношений, которые существовали в отдельных районах в период карфагенского господства ¹¹⁸. Впоследствии, по мере дальнейшего развития крупного землевладения, новые собственники земли брали за образец те нормы, которые уже действовали в ранее образовавшихся имениях. Благодаря этому традиционные уставы, или *consuetudines*, отдельных имений постепенно приобретали более общее значение. Нам не известны ни обстоятельства, ни время появления *consuetudo Manciana*, но даже те косвенные данные, которыми мы располагаем, позволяют предполагать, что он претерпел эволюцию, подобную описанной выше.

Сочетание термина *consuetudo* с определением *Manciana*, очевидно, восходящим к какому-то латинскому когномену ¹¹⁹, проще всего объясняется, если предположить, что мы имеем дело с установлением, родившимся в некоем частном имении и впоследствии превратившимся в норму обычного права, широко распространившуюся в провинции.

На «Манциев обычай» опирались и прокураторы императорских сальтусов, когда им предстояло провести урегулирование отношений между кондукторами и колонатами. В той же связи следует, как нам кажется, понимать и упоминание *lex Manciana* в надписи из Айн-эль-Джемала, в которой идет речь о предоставлении земли по закону Адриана *de rudibus agris*. Как мы пытались показать выше, оба эти *leges* представляли собой акты совершенно различного характера и назначения: *lex Manciana* определял права

¹¹⁸ Ср. Rostowtzev, *Studien...*, S. 338. Мне была недоступна работа Hesselmeier. *Das vorrömische Karthago in seiner Bedeutung für den spätrömischen Kolonat*. «Korrespondenzblatt für die hohe Schulen Würtembergs», XXIII (1916).

¹¹⁹ Это определение создавало значительные затруднения для тех исследователей, которые пытались трактовать *lex Manciana* как государственный закон. Шультен, датировавший его периодом Республики, вынужден был признать, что наименование *lex* по когномену является исключительным («Die Lex Manciana...», S. 18). Ростовцев, приписывавший *lex Manciana* Веспасиану («Studien...», S. 323 f.), игнорировал тот факт, что все императорские законы носили имя принцепса (ср. Frank, *AJPh*, 47 (1926), 2, p. 156; Haunwood. *Op. cit.*, p. 99). Когномен *Mancia* известен для консула-суффекта 55 г. н. э. Курция (Т а с., *App.*, XIII, 56). Наименование *Manciana* легко объяснить для *lex*, возникшего в частном имении, поскольку такие имения часто назывались по когноменам их собственников.

и обязанности колонов крупного имения, *lex Hadriana* — порядок предоставления в частное владение пустующих императорских земель. Понятно, что при практическом осуществлении закона Адриана возникала необходимость определить размер повинностей, выплачиваемых с вновь осваиваемых земель. Лица, которые в надписи из Айн-эль-Джемала просят предоставить им лесистые и болотистые поля, ссылаются на *lex Manciana*, действовавший в соседнем сальтусе (*rogamus... dare nobis eos agros, qui sunt in paludibus et in silvestribus, instituendos olivetis et vineis, lege Manciana condicione* [сальтус Нерониани vicini nobis]). Этой ссылкой они, как мы думаем, указывали на повинности, которые заранее соглашались выплачивать с полученной земли. Это предположение подтверждается дальнейшим текстом надписи. Прокураторы Адриана, отвечая просителям, указывают, что те должны давать с занятой ими земли третью долю урожая, которая обычно дается: *quase dari solejnt tertias partes fructuum dabit* (CIL, VIII, 25943, III, 4—6). Тот «обычный» размер повинностей, который выплачивают колоны и который распространяется на лиц, занявших землю по закону Адриана, несомненно, определен «Манциевым обычаем» (*consuetudine Manciana*): в надписи из Хенхир-Меттиха говорится об уплате колонами именно третьей части урожая винограда («вина из чана») и олив. В самом конце надписи из Айн-эль-Джемала *lex Manciana* упоминается еще раз: императорские прокураторы указывают, что не следует препятствовать желающим обрабатывать неосвоенные поля *lege Manciana* (т. е. при условии выплаты повинностей, предусмотренных в *lex Manciana*). Таким образом, здесь перед нами еще один случай применения традиционных, обычных норм к регулированию вновь возникающих отношений: *consuetudo Manciana* хорошо знаком и местному земледельческому населению, и императорским прокураторам и служит поэтому естественной основой при определении повинностей новой категории владельцев императорской земли. В целом надпись из Айн-эль-Джемала подтверждает характер *lex Manciana* как образцового поместного устава.

Этот устав, несомненно, не был исчерпывающим сводом всех тех правил, которые могли оказаться необходимыми для регулирования отношений в крупном имении. В *lex*, изданном для имения Вилла Магна Вариана, мы обнаружи-

ваем положения, которые отсутствовали в *lex Maniana* ¹²⁰. Конкретные хозяйственные условия в том или другом имении в тот или иной исторический период требовали дополнения и развития старых норм. Вместе с тем у нас нет каких-либо оснований полагать, что *lex Maniana* был единственно возможной основой регулирования подобных отношений. Вполне допустимо предположить, что если в одних имениях применялся «Манциев обычай», то в других основывались на каком-либо ином образцовом уставе или только на индивидуальном обычае данного имения. Тем не менее надпись из Хенхир-Меттиха дает возможность составить представление о некоторых специфических особенностях африканского колоната.

Одна из этих особенностей состоит в том, что в основе отношений между колонами и собственником земли (или его арендатором) лежит обычай, традиция ¹²¹. Те новые положения, которые добавляются к этому обычаю, не имеют временного или условного характера; мы присутствуем как бы при развитии самой традиции: принцип, которым руководствуются авторы этих положений, заключается в установлении прочного *lex praedii*, обязательного для всех будущих поколений. Мы можем вместе с тем установить наиболее древние элементы этого обычая: во всех тех местах надписи, где речь идет о натуральных повинностях колонов, имеются прямые ссылки на *lex* или *consuetudo Maniana*. Таким образом, доля урожая, которой колоны обязаны собственнику имения, определяется наиболее прочными нормами, в этой наиболее важной области составители

¹²⁰ Например, положение, разрешающее посадку новых виноградников на месте старых и предоставляющее освобождение от повинностей с них на пять лет.

¹²¹ Van Nost rand (Op. cit., p. 72 sq.) справедливо отмечал, что африканский колонат I—III вв. не имел характера официально-правового учреждения; исторической основой колонатных отношений здесь был местный обычай. Добавим, что те положения, относящиеся к колонату, которые мы находим в Дигестах, имеют в виду отношения между римскими гражданами, регулируемые официальным правом. В соответствии с этими положениями отношения между собственниками земли и колонами регулируются договором *lex locationis*. Не исключено, конечно, что при определении норм платежей колонов, обуславливаемых договором об аренде, например в Италии, местный обычай также играл известную роль. Но он не был здесь, в отличие от Африки, правовой основой колонатных отношений.

нового поместного *lex* не производят никаких изменений.

В этой особенности африканского колоната проявлялось его существенное отличие от колоната в Италии. Итальянский посессор сдавал свою землю в аренду — если находил это выгодным — обезземеленным элементам населения; иначе говоря, здесь имел место акт передачи земельного участка в пользование неимущему колону. В Африке — во всяком случае в первое время — колонат возникал в результате захвата римским собственником земли, которой уже пользовались туземные крестьяне, превращавшиеся в силу этого факта в его колонов¹²³. Речь шла поэтому не о сдаче имения в аренду на тех или иных условиях, а об одновременном установлении определенного характера и объема повинностей зависимого населения. Это установление в силу его принудительного характера принимало форму местного, действовавшего в рамках данного имения, закона — *lex dicta*¹²³. Впоследствии состав трудового населения имения мог пополняться за счет пришлых элементов, не обитавших первоначально на его территории: разорившихся римских поселенцев либо согнанных со своей земли берберов. Но и эти новые колоны не вступали в ин-

¹²³ Изложенная здесь концепция происхождения африканского колоната основывается на том засвидетельствованном в источниках (у Полибия, Саллюстия, Аппиана и др.) факте, что долина р. Баграда и восточная Нумидия ко времени римского завоевания были районами развитого земледелия и многочисленных туземных сел. Соответствующие данные собрал и проанализировал Фрэнк (AJPh, 47 (1926), 1, p. 59 sq.; ср. Вroughton. Op. cit., p. 61 sq.). Ростовцев («Studien...», S. 318 f.; 338 f.) связывал развитие колоната прежде всего с постулируемым им массовым притоком в Африку неимущих итальянских иммигрантов, которые становились колонами крупных имений. Однако в источниках нет никаких данных о столь широкой иммиграции из Италии в Африку. Основная масса африканских колонов, несомненно, туземного происхождения (ср. Heitland. Op. cit., p. 348). Наличие в крупных доменах значительного покоренного земледельческого населения освобождало их собственников от необходимости приобретения масс рабов, соответствующих потребностям столь обширных владений. Поэтому вряд ли можно предполагать вслед за Ростовцевым процесс постепенного перехода от рабовладельческого хозяйства к мелкой аренде в таких имениях (как это имело место в Италии).

¹²³ Ростовцев («Studien...», S. 340) считал возможным наряду с *leges dictae* заключение индивидуальных контрактов с колонами. Последнее предположение, однако, не находит подтверждения в источниках.

дивидуальные арендные отношения с собственником земли: они просто подпадали под действие обычая, действовавшего в данном имении. Так, судя по надписи конца II в. из Бурунитанского сальтуса (CIL, VIII, 10570), римские граждане, бывшие в числе его колонов, находились в том же положении, что и остальные колоны, и выполняли повинности в соответствии с неизменными нормами, однажды определенными для данного района (...omnino undique versum vicinis nostris perpetua in hodiernum forma praestitutum).

Некоторые исследователи высказывали удивление по поводу того, что в документах, относящихся к африканскому колонату, не упоминается явление, столь характерное для колоната в Италии: предоставление колонам *instrumentum* собственником земли ¹²¹. Однако в этом, очевидно, в большинстве случаев не было необходимости, поскольку колоны были местными крестьянами, обладавшими своим хозяйством и орудиями производства. Не встречаем мы в Африке и столь острой для итальянского сельского хозяйства проблемы недоимок колонов (*reliqua colonorum*). Этой проблемы и не могло существовать в условиях преобладания ренты натурой из доли урожая. Недаром Плиний хотел ликвидировать задолженность колонов путем перехода от денежной ренты к натуральной, которая в его время давно уже была типичным явлением в Африке.

Особые условия происхождения колонатных отношений в Африке определяли и большую стабильность экономического положения африканских колонов по сравнению с итальянскими мелкими арендаторами. Становление колоната было здесь в несравненно меньшей степени связано с процессом разорения земледельческого населения, повинности колонов регулировались в принципе местной традицией, и для выполнения этих повинностей колоны не нуждались в реализации своей продукции на рынке. Из произведений Колумеллы и Плиния достаточно хорошо известно, какое разлагающее влияние на хозяйство итальянских колонов I—II вв. оказывала денежная форма ренты, ставившая их в зависимость от условий сбыта, приводившая к растущей задолженности колонов и часто лишавшая их необходимых условий производства.

¹²⁴ Ср. Heitland. Op. cit., p. 344 sq.

Другая особенность африканского колоната заключалась в предоставлявшемся колонам праве оккупации неосвоенных участков на территории имений при условии их обработки. Это право было вызвано к жизни специфическими условиями африканского сельского хозяйства (значительная неоднородность рельефа, степени обводнения отдельных участков, характера растительного покрова даже в пределах сравнительно небольших территорий). Понятно, что в обширных частновладельческих имениях, типичных для ранней Римской Африки, имелось немало менее удобных и трудных для освоения земель, которые — в условиях относительно немногочисленного населения — оставались невозделанными. Поэтому в поместных уставах типа *lex Manciana* появляются положения, призванные стимулировать колонов к освоению *subsiciva*, к осушению болот и разработке покрытых лесом крутых склонов под оливковые плантации и виноградники (ср. *agros qui sunt in paludibus et in silvestribus instituendos olivetis et vineis* в надписи из Айн-эль-Джемала). Впоследствии — с ростом императорской крупной земельной собственности — эти положения становятся наиболее характерны для императорских сальтусов. Право оккупации неосвоенной земли в какой-то мере расширяло хозяйственные возможности колонов крупных имений, содействовало укреплению их экономического положения. Однако указанные особенности раннего африканского колоната не дают оснований полагать, что положение колонов оставалось неизменным на протяжении всего периода римского господства в Северной Африке и, тем более, говорить о прогрессирующем укреплении их хозяйств¹²⁵. Несмотря на крайнюю скудость данных, которые позволяли бы судить о характере развития колоната во II—III вв., все же можно проследить общую тенденцию к усилению зависимости колонов от собственников и арендаторов имений. Эта тенденция выражалась, в частности, в развитии системы отработок. В *lex*, содержащемся в надписи из Хенхир-Меттиха, колоны обязываются предоставлять арендатору по шесть рабочих дней в год во время пахоты и жатвы, а также для прополки. Поскольку в соответствующей части надписи нет ссылки на *lex Manciana*, можно предположить, что в более древнем обычае нормы,

¹²⁵ См. указанные выше работы Ф. Нахман, Соманя, А. П. Каждана.

относящиеся к отработкам, отсутствовали ¹²⁶. Несомненно, эти положения отражают большую степень зависимости колоннов, чем уплата оброка: колон рассматривается как лицо, обязанное собственнику или арендатору работой в его личном хозяйстве. Жалобы колоннов императору, известные по надписям конца II в., показывают, что съемщики имений произвольно увеличивали количество отработочных дней, установленное первоначальными нормами. Характерно, что в одной из этих надписей — из Газр-Мезуар (CIL, VIII, 14428) — сами эти нормы равняются уже 12 дням в году. Колонны Бурунитанского сальтуса выступают в надписи как незначительные слабые люди (*homines rustici tenues*), зависящие от произвола съемщика. Но у государственных колоннов все же была возможность апеллировать к императорским властям. Колонны же частновладельческих имений, очевидно, были еще более бесправны.

Приведенные данные показывают, что развитие колоннатных отношений в Африке в период, предшествующий установлению домината, создало в общем благоприятную почву для насаждения крепостного колоната, которое практиковалось позднеримским государством. В тот период, когда колон был юридически прикреплен к земле и тем самым официально признан лицом, подчиненным власти землевладельца, его фактическое отношение к последнему уже представляло собой достаточно явно выраженную личную зависимость. В то же время данные африканских источников не могут подтвердить точку зрения об особо благоприятном положении африканских колоннов IV—V вв., о наличии у них юридического статуса, якобы отличного от статуса колоннов других провинций, и т. п. Наиболее характерные черты позднеримского колоната как юридического института — прикрепление колоннов к земле, подчинение их в правовом отношении собственникам имений — достаточно отчетливо прослеживаются в Африке. У Августина мы находим следующее общее определение колоннов: *coloni, qui condicionem debent genitali solo, propter*

¹²⁶ Ростовцев («Studien...», S. 340) связывает происхождение отработок с карфагенскими традициями, а в другом месте (S.315) с влиянием эллинистических отношений. Однако ни то, ни другое предположение не аргументируется какими-либо документальными данными.

agri culturam sub dominio possessorum ¹²⁷. Таким образом, у африканского церковного писателя не вызывает ни малейшего сомнения ни факт прикрепления колонов к земле, ни то, что землевладельцы являются по отношению к ним господами. Последнее особенно характерно: власть посессора над колоном определяется тем же термином *dominium*, что и власть рабовладельца над рабами. В данном случае представление о колонате, почерпнутое из реальной действительности, вполне совпадает с тем понятием колона, которое развивается позднеримским правом, рассматривавшим его как лицо, подчиненное господину (*dominus*) и не обладающее какими-либо правами собственности ¹²⁸.

Августин говорит о связанности колонов с землей, на которой они родились (*genitali solo*). В этом проявилась особенность, отличавшая прикрепление колонов к земле в Африке от соответствующих отношений в ряде других провинций, в особенности на Востоке. Как отмечалось в литературе, африканские колоны были *coloni originarii*, но не *coloni censiti*, т. е. их принадлежность к тому или иному имению устанавливалась исходя из их происхождения из этого имения, а не на основе их приписки к цензу ¹²⁹. Эта особенность, очевидно, объяснялась отсутствием в африканских провинциях обложения имений в соответствии с количеством работников; как отмечалось выше, здесь существовал только поземельный налог. М. Паллас полагает, что прикрепление к *origo* было менее строгим, чем прикрепление к цензу, и что это обстоятельство будто бы давало африканским колонам возможность уходить со своих участков и даже отчуждать их ¹³⁰. Однако вряд ли можно приписы-

¹²⁷ А u g., De civ. Dei, X, 1.

¹²⁸ В интерпретации к указу Валентиниана и Валента от 365 г. (СTh, V, 19, 1) разъяснялось, что «колон без ведома господина не имеет права отчуждать ничего ни из земли, ни из своего пекулия». Ср. CJ, XI, 50, 2: *nec propria quidem leges sui juris habere* (колоны.— Г. Д.) *voluerunt et acquirendi tantum, non transferendi potestate permissa*.

¹²⁹ М. P a l l a s s e. Orient et Occident, à propos du colonat romain du Bas-Empire. Paris, 1950; е r o ж е. Les «Tablettes Albertini» intéressent-elles le colonat romain du Bas-Empire? «Revue historique du droit français et étranger», 1955, № 2, p. 269 sq.

¹³⁰ М. P a l l a s s e. Les «Tablettes Albertini...», p. 275 sq. Автор ссылается на такие факты, как уход колонов к циркумцеллионам или в монастыри, на свидетельство 13-й новеллы Валентиниана о *garitas colonorum* в Нумидии в период войны с вандалами. Разумеется, отдельные колоны уходили из имений в поисках лучших условий, приче-

вать тем или иным методам фискального обложения столь серьезное влияние на реальные отношения, которые определялись в первую очередь степенью фактической зависимости колона от землевладельца.

В этой связи значительный интерес представляют сведения о положении колонов, которые мы находим в переписке Августина. В письме к некоему Ромулу (очевидно, собственнику крупного имения) Августин порицает его за несправедливости, причиненные им своим колонам¹³¹. Ромул сам не жил постоянно в своем имении. Августин приводит имена трех акторов, замещавших Ромула в управлении хозяйством: Понтикан, Валерий и Агинеzis. Из письма видно, что колоны по требованию Понтикана вынуждены были выплатить двойную сумму своего оброка (*hoc tecum ago, ne... bis reddant, quod debent, cum coloni... actori suo dederint... servientes*). Августин рисует картину отношений между собственником имения, его акторами и колонами. Не только сам Ромул, но и его управители могут эксплуатировать колонов, не считаясь ни с какими нормами. Оправдываясь перед Августином, Ромул заявил ему, что Понтикан взял лишний оброк с колонов по собственному произволу, без его, Ромула, приказа. «Но ты приказал,— возражает ему Августин,— чтобы они подчинялись Понтикану, и они не могут различать, до какой степени они должны подчиняться». Материальное положение колонов Августин описывает в самых мрачных тонах, называя их несчастными и бедными (*miseri et egentes*) людьми и указывая на несправедливость того, что оброк взимается дважды с тех, которые с трудом доставляют его один раз (*ut bis exigantur, qui semel reddere vix sufficiunt*).

В письме Августина говорится только об оброчных повинностях колонов. Часть оброка они вносили деньгами, часть натурой. Из продуктов, вносимых колонами, Августин упоминает вино.

в период дезорганизации римской власти во время вандальского нашествия это явление, естественно, приняло особенно широкие масштабы. Однако подобные факты не доказывают их права на такой уход, так же как бегство рабов к другим господам (A u g., Enarr. in psalm. 138, 10) или их пострижение в монахи (A u g., De op. monach., 22, 25) отнюдь не свидетельствуют о том, что они обладали свободой уходить от своих хозяев.

¹³¹ A u g., Ep., 247.

Разумеется, мы не можем судить о том, насколько приведенные данные Августина типичны для всех крупных имений поздней Римской Африки. Однако они во всяком случае гораздо более показательны и конкретны, чем весьма шаткие гипотезы о существовании неких юридических норм, якобы определявших совершенно особое положение африканских колонов. В то же время эти данные подтверждают то впечатление о совершенно бесправном положении колонов, которое создается при знакомстве с кодексами, об их не только юридической, но и фактической крепостной зависимости от землевладельцев. Эта зависимость, как свидетельствует африканская церковная литература, распространялась не только на сферу экономических отношений (произвольное превышение норм повинностей колонов). Собственники имения часто по своему произволу заставляли своих колонов переходить из ортодоксального христианства в донатизм или наоборот¹³². В Африке IV в., где религиозные убеждения отстаивались трудящимися слоями населения с чрезвычайной стойкостью, это имело немалое значение. В свете всех этих фактов, характеризующих реальное положение африканских колонов, предположение о том, что они будто бы могли свободно уходить из имения и даже отчуждать свои участки, представляется совершенно невероятным.

Вместе с тем мы можем констатировать, что отмеченные выше особенности колонатных отношений в Африке II в. до известной степени сохраняли свое значение и в рассматриваемое время. С этой точки зрения представляет интерес уже упоминавшийся в другой связи указ Валентиниана и Валента от 366 г. президу Триполитании (CJ, XI, 48, 5): «Господа имений (*domini praediorum*) должны получать то, что предоставляет земля, но не требовать денег. Крестьяне (*rustici*) пусть не выбирают деньги (в качестве способа уплаты повинностей), если этого не требует обычай имения (*consuetudo praedii*)». Из данного указа можно заключить, что в период Поздней империи местный обычай продолжал рассматриваться в качестве основы, регулировавшей повинности зависимого населения имений. Интересно, что авторы указа допускают существование *consuetudo*, предписывающего денежную ренту, лишь в виде исключения.

¹³² A u g., Ep., 56, 1; Contra lit. Petilian, II, 83, 184.

Таким образом, типичным способом уплаты повинностей колонов продолжала оставаться натуральная рента. Это подтверждается и конкретными данными Августина¹³³.

Однако в условиях Поздней империи поместные обычаи вряд ли могли служить сколько-нибудь прочной гарантией против увеличения повинностей колонов. Росту эксплуатации всех слоев зависимого сельского населения способствовало усиление налогового гнета, который все в большей степени давил не только на хозяйства куриалов, но и на имения крупных землевладельцев-сенаторов. Собственник имения был обязан внести за счет продукта труда колонов причитающиеся с него фискальные повинности и, кроме того, разумеется, стремился обеспечить собственный доход. Если имение сдавалось кондуктору, то он также выступал в качестве претендента на значительную часть этого продукта. Колоны испытывали, таким образом, двойной или тройной гнет, что, конечно, не могло не приводить к превышению традиционных норм их повинностей. Можно предполагать, что именно с этим явлением были связаны мощные вспышки восстаний сельского населения в Нумидии в IV и V вв. В источниках подчеркивается, что восставшие разрушали амбары и винные погреба в имениях¹³⁴, в чем, очевидно, выражался протест против чрезмерных, противоречащих обычаю, взиманий натуральных продуктов землевладельцами.

Приведенные данные характеризуют положение колонов частнособственнических имений. Значительная часть сельского населения Римской Африки обрабатывала земли, принадлежащие государству. Колоны, составлявшие рабочую силу имений, сдававшихся различного рода держателям императорских земель — кондукторам или

¹³³ Aug., Ep., 247, ср. Ep., 46: колоны сенатора Публиколы в его имении в Триполитании платили повинности хлебом и вином. На знаменитой мозаике IV в. из имения Юлия (см. R o s t o v t z e f f. SEHRE табл. 58, 1) изображены колоны, приносящие различные продукты господину имения. Однако в отдельных районах денежная рента, вносимая наряду с натуральным оброком (как в имении Ромула), по-видимому, была довольно распространенным явлением. Задолженность сельского населения в Нумидии, о которой свидетельствуют выступления восставших крестьян против *creditores* (O p t., III, 4; A u g., Ep., 108, 6, 18; 185, 4, 15), возможно, была связана с денежными платежами колонов. Ср. Н. А. М а ш к и н. Движение агонистиков.

¹³⁴ A u g., Ep., 185, 4, 15.

эмфитевтам, по всей вероятности, находились примерно в тех же условиях, что и колоны частных землевладельцев. Еще из данных эпиграфики раннего времени известно, что крупные арендаторы фактически осуществляли в отношении колонов функции собственников имений. Августин рассказывает о владельце эмфитевтического имения донатистском епископе Криспине, который «не поколебался с помощью угроз вторично крестить (т. е. перевести в донатизм.—Г. Д.) 80 душ в имении католических императоров»¹³⁵. Степень и характер зависимости императорских колонов от арендаторов¹³⁶, очевидно, мало чем отличались от положения колонов частных имений.

Вместе с тем мы можем констатировать наличие в Африке IV в. императорских колонов, не находившихся в непосредственной зависимости от крупных съемщиков. В относящемся к Африке указе Константина от 319 г. (CJ, XI, 63, 1) говорится о колонах, которые притесняют (*gravant*) эмфитевтов, захватывая, вопреки обычаю (*contra consuetudinem*), поля, которые они не освоили никакими культурами, хотя обычай (*solemnitas*) позволяет им присваивать только то, что их трудом засажено оливами или виноградом. «Они пытаются захватить и орошающие воды источников, которыми могут пользоваться только эмфитевты». Указ разрешает колонам пользоваться только таким количеством воды, которое необходимо для орошения в действительности обрабатываемых ими полей, и обязывает их платить эмфитевтам за лишнюю воду.

Данный указ интересен тем, что он свидетельствует о сохранении в поздней Римской Африке обычая, предоставлявшего колонам право оккупации неосвоенной земли для ее обработки, с которым мы впервые встречаемся в *lex Manicipia*. Однако отношения, отраженные в указе, существенно отличаются от тех, которые имеются в виду в надписи из Хенхир-Меттиха. Колоны имения Вилла Магна Вариана, осваивающие *subsiciva*, подчинены съемщикам: вновь осваиваемые участки рассматриваются как новый источник повинностей, выплачиваемых колонами кондуктору или актору имения. Колоны из указа Константина

¹³⁵ A u g., *Contra lit. Petiliani*, II, 83, 184.

¹³⁶ Юридически императорские колоны обладали некоторыми преимуществами. См. А. Р а н о в и ч. † Указ. соч., стр. 99.

являются силой, не подчиненной арендаторам-эмпитевтам, но противостоящей им, угрожающей их экономическим интересам. Хис пытался толковать этот указ, исходя из предположения, что эмпитевтическое имение было разделено на «господское поле», находившееся в личном пользовании эмпитевта, которое он обрабатывал с помощью рабов, и участки колонов. Колоны, поставлявшие оброк эмпитевтам, захватывали, по Хису, землю, принадлежавшую к «господскому полю», и воду, предназначенную для его орошения¹³⁷.

Такое толкование представляется совершенно невозможным. Колоны, обязанные повинностями эмпитевтам и находившиеся от них в прямой экономической и юридической зависимости, не могли, разумеется, отнимать у них землю. На наш взгляд, в эмпитевтах и колонах, фигурирующих в указе 319 г., следует видеть две независимые друг от друга категории землевладельцев. Как отмечалось выше, эмпитевтические имения часто разделялись на ряд более мелких держаний, сдававшихся отдельным эмпитевтам. При этом следует учитывать, что колоны, обрабатывавшие такие имения, были прикреплены к ним и не могли сгоняться с земли эмпитевтами (CJ, XI, 63, 3). Очевидно, на практике часто могло возникать такое положение, при котором часть эмпитевтического имения (*fundus*) была сдана эмпитевтам, а остальная часть самостоятельно эксплуатировалась колонами¹³⁸. В Африке на этих колонов распространялось право оккупации неводеланных участков, расположенных на территории имения, при условии их обработки. Колоны, о которых говорится в рассматриваемом указе, захватывают воду из источников, служащих для обводнения земель эмпитевтов. Поскольку участки, присоединяемые колонами, в данном случае не используются ими для возделывания сельскохозяйственных культур, можно полагать, что речь идет о захвате тех частей имения, которые были необходимы для подведения воды от источников к участкам колонов. Вообще весь контекст указа свидетельствует о том, что он был посвящен прежде всего регулированию использования воды в такого рода имениях. Таким образом,

¹³⁷ H i s. Op. cit., S. 87 f.

¹³⁸ Ср. CJ, XI, 62, 5 (377 г.), где говорится об эмпитевтических имениях, оставленных прежними колонами и ли эмпитевтами.

указ 319 г. имеет в виду крестьян, эксплуатирующих участки, расположенные на императорской земле, соседние с территорией, арендуемой эмпитевтами, и имеющие с ними общие источники орошения.

Отсюда можно сделать тот вывод, что в числе африканских земледельцев, официально рассматривавшихся как императорские колонны, были относительно самостоятельные мелкие землевладельцы. Очевидно, именно такие колонны могли на практике осуществлять продажу своих участков, против чего выступает указ Валентиниана от 387 г. (CJ, VII, 38, 2). Но подобные отношения могли возникать лишь в тех случаях, когда по тем или иным причинам императорская земля не сдавалась в аренду крупным съемщикам. Только в таких условиях императорский колон в Африке действительно мог использовать свое право оккупации неосвоенной земли, чтобы вступить в фактическое владение этой землей. Заключать же (как это делает, например, Пиганьоль), будто все африканские крестьяне IV в., освоившие новую землю, становились чем-то вроде ее собственников ¹³⁹, на основании указа 319 г. не представляется возможным. Определяющими для африканского колоната были все же отношения в частных или арендуемых крупных имениях, а эти отношения не способствовали ни развитию владельческих прав колоннов, ни укреплению их экономического положения. Если в ранней фазе развития африканского колоната зависимые земледельцы находились в относительно более благоприятных условиях, чем, например, итальянские колонны, то в период Поздней империи в их положении трудно усмотреть какие-либо преимущества по сравнению с положением колоннов других провинций. Исторический процесс шел в направлении усиления эксплуатации всех слоев трудящихся и нивелирования различных форм зависимости.

* * *

Значительную сложность представляет вопрос о соотношении между трудом колоннов и рабским трудом в сельском хозяйстве. Наши источники не оставляют сомнения в

¹³⁹ P i g a n i o l. L'Empire chrétien..., p. 9. По мнению автора, lex Manciana давал освоившему землю «некую квази-собственность».

том, что в IV—V вв. рабы составляли многочисленную категорию сельского населения. В распоряжении Константина от 319 г. рационалу Африки говорится об имениях и рабах (*possessiones atque mancipia*) фиска, подаренных частным лицам (СТh, X, 1, 2). В указе Констанция от 346 г. рационалу Нумидии устанавливается порядок использования имуществ, конфискованных у лиц, совершивших государственные преступления. Движимое имущество, в том числе городских рабов (*mancipia urbana*), разрешалось передавать людям, имеющим заслуги перед императором. Сельские рабы, земельная собственность и дома (*mancipia autem rustica et possessiones et domus*) преступников должны были переходить к фиску (СТh, X, 8, 4). Таким образом, в законодательной практике рабы рассматривались как обычная принадлежность африканских имений. В то же время рабы постоянно упоминаются в церковной литературе. Особенно характерны сообщения Оптата и Августина об освобождении рабов агонистиками и восставшими сельчанами; они доказывают наличие рабов в подвергавшихся атакам повстанцев крупных имениях. Августин рассказывает о беглых рабах, которых принимают могущественные люди, не опасющиеся претензий со стороны их прежних господ¹⁴⁰. Эксплуатация рабского труда была распространенным явлением в церковных имениях¹⁴¹. Важно отметить, что в период Поздней империи в Африке в значительных масштабах имел место приток новых рабов. Рабы составляли одну из главных статей экспорта из Мавретании¹⁴². Одним из источников поступления рабов были войны с берберскими племенами. Августин рассказывает о захваченных в плен маврах, которые, находясь в рабстве, смешиваются с римлянами (*Romanorum servitiis iam miscerentur*)¹⁴³.

Труд рабов, несомненно, продолжал широко применяться в сфере домашнего обслуживания, рабы были также управителями имений, казначеями, сторожами и т. п. Однако наличие особой категории *mancipia rustica* и большого количества рабов в сельской местности заставляет думать,

¹⁴⁰ A u g., Enarr. in psalm. 138, 10.

¹⁴¹ Col. Carth. (398 г.), с. XXXI.— M a n s i, III, col. 953.

¹⁴² «Expositio totius mundi et gentium», 60.

¹⁴³ A u g., Ep., 199, 12, 46.

что многие из них были заняты непосредственно в сельскохозяйственном производстве.

Источники не содержат почти никаких данных, которые позволяли бы судить о характере использования труда такого рода рабов, о том, каким образом в крупных имениях рабство сочеталось с колонатом.

Несколько соображений по данному вопросу было высказано Гзелем¹⁴⁴. Этот исследователь полагал, что в крупных имениях рабский труд применялся главным образом при освоении сухих земель под оливы. Поскольку оливы дают урожай через несколько лет после посадки, на таких землях якобы нельзя было применять труд колонов. Однако надписи, содержащие *lex Manciana* и *lex Hadriana*, а также «Таблички Альбертини» свидетельствуют как раз об обратном: оливки упоминаются здесь в качестве одной из основных культур, возделываемых колонами. Далее, по предположению Гзеля, рабы применялись на земле, находившейся в личном пользовании собственника, в отличие от территории, сдаваемой в аренду колонам. Но и сам Гзель считает этот тезис сугубо гипотетическим.

Заслуживает внимания предположение Гзеля о том, что в период Поздней империи рабы часто использовались в качестве держателей земли и, таким образом, практически приближались по своему положению к колонам. Он ссылается в этой связи на следующую эпитафию из Ситифенской Мавретании (CIL, VIII, 20578): *Tarracius verna vectigalis vixit annis X, mensibus X, D. XXII*. Гзель толкует *verna vectigalis* как «раб на оброке». Такое понимание и нам представляется наиболее правильным: речь в надписи идет о десятилетнем мальчике, что исключает предположение о рабе, выполнявшем административные функции (сбор *vestigal*). Очевидно, данный термин обозначает определенную категорию рабов, принадлежность к которой переходит от отца к сыну. Такие рабы выплачивали своему господину какие-то взносы, что предполагает передачу им в пользование земельных участков или каких-либо иных хозяйственных объектов.

Но, и помимо приведенной надписи, мы располагаем для периода Ранней империи довольно отчетливыми дан-

¹⁴⁴ St. Gsell. *Esclaves ruraux...*, p. 397—415 (см. выше, стр. 89, прим. 34).

ными о сельских рабах, самостоятельно ведущих свое хозяйство. О такого рода рабах, живших в одном селе с колонатами, упоминает Апулей в «Метаморфозах»¹⁴⁵. Очевидно, уже в довольно ранний период собственники крупных имений считали выгодным сажать своих рабов на землю, снабжая их необходимыми орудиями. Мы можем с большой долей вероятности предположить, что то же самое явление имело место и в поздней Римской Африке. Вообще, поскольку эксплуатация крупной земельной собственности с помощью земледельцев, ведущих самостоятельное хозяйство, уже давно вошла здесь в обычное, она должна была оказать свое влияние на развитие рабовладельческих отношений.

Помимо земледелия, рабы использовались, как показывают эпиграфические данные, в крупном скотоводческом хозяйстве¹⁴⁶. В «Житии св. Мелании» рассказывается о рабах — внутриместных ремесленниках. По данным Августина, рабы трудились на мельницах¹⁴⁷. Следует учитывать, что столь развитое в Африке производство оливкового масла нередко осуществлялось в имениях на крупных маслодавильнях, требовавших применения значительной рабочей силы¹⁴⁸. В этом производстве, очевидно, была занята специальная группа работников имения, свободных от работы на земле, т. е. скорее всего рабы.

Особого внимания заслуживают данные о рабах, которые содержатся в *Sermones* Августина. Как отмечалось выше, приводимые Августином в «Проповедях» факты социальной и хозяйственной жизни характерны прежде всего для городов и городского землевладения. В связи с этим интересно отметить, что колонаты, или рустики, которых мы довольно часто встречаем в других произведениях Августина, совсем не упоминаются в *Sermones* — этот слой населения был связан с крупными имениями, которые в основном лежали вне сферы непосредственных интересов

¹⁴⁵ A p u l., *Metham.*, VII, 15 sq., VIII, 1 sq. Ср. Е. М. Ш т а е р м а н. Указ. соч., стр. 213 сл.

¹⁴⁶ АЕр, 1903, № 202.

¹⁴⁷ A u g., *Serm.*, 156, 9,9. О труде рабов на мельницах ср. A p u l., *Metham.*, IX, 30.

¹⁴⁸ См. St. G s e l l. *Les monuments...*, II, p. 30 sqq.; H. C a m p s - F a b r e r. *L'olivier et l'huile...*, p. 52 sqq.

городских жителей. Зато весьма многочисленны здесь упоминания о рабах (*servi*, *mancipia*, *familia*). Рабы, так же, как земля и дом, принадлежат к тем земным благам, которыми более всего дорожит паства Августина, они составляют неперенный элемент богатства. Человек, лишившийся своих богатств, по словам Августина, восклицает: «Я потерял золото, рабов (*familiam*), скот» (*Serm.* 21,9). Когда богач умирает, в его похоронах участвуют толпы бьющих себя в грудь рабов и служанок (*agmina servorum et ancillarum* — *Serm.* 102,2,3). Богач,— говорит Августин,— боится собственного раба, который может убить и обокрасть его (*Serm.* 113,4,4). Противопоставляя земные блага духовным, Августин говорит, что верность (*fides*) лучше, чем золото, серебро, имущества (*praedia*), рабы (*familiae*), богатства (*Serm.* 159, 3,3). Жадный человек добывается золота, серебра, рабов (*familiam*), скота, земельных владений (*Serm.* 239, 5,6). В общем, рабы упоминаются Августином во всех случаях, когда он перечисляет внешние признаки богатства¹⁴⁹. Однако рабами владели, как можно судить по «Проповедям», не только богатые люди. Так, в одном случае Августин рассказывает о затруднениях, испытываемых человеком скромного достатка, к которому в гости пришел богач. «Ты не находишь, где остаться тебе самому, где приготовить постель ему (т. е. гостю — Г. Д.), где поместить жену, детей, рабов» (*familia* — *Serm.* 169, 12, 15). В другом месте Августин высказывается еще более определенно. Обращаясь к жителям Гиппона, он указывает, что они должны препятствовать дурным делам, прежде всего оказывая влияние на своих близких: детей, рабов, соседей, клиентов. В этой связи он замечает, что злые дела не могут совершаться, если им препятствуют христиане, так как каждый из них удерживает своего раба (*quia unusquisque teneret servum suum*) от этих дел (*Serm.* 302, 23, 21). Таким образом, христиане Гиппона, независимо от их имущественного положения, являются, в представлении Августина, как правило, рабовладельцами (в данном случае речь, разумеется, идет о свободных людях и главах семей — *patres familiarum*).

Тема отношений господина с рабами чаще всего затрагивается Августином в связи с интересовавшими его рели-

¹⁴⁹ Ср. *Serm.* 78, 9, 13; 260, 8, 7; 311, 14, 13; *Confess.*, I, 19, 30.

гиозно-этическими проблемами. Довольно обычно в «Проповедях» сопоставление бога с *pater familias*, а христианской паствы с членами единой *familiae, conservi*. Верность христианина богу уподобляется той верности (*fides*), которой господа «справедливо требуют» у своих рабов¹⁵⁰. «Если у тебя есть раб (*servus*), ты хочешь, чтобы твой раб тебе служил... Следовательно, раз ты хочешь, чтобы твой раб-человек тебе служил, а сам не хочешь служить своему господу богу, то ты поступаешь с богом так, как не хочешь, чтобы с тобой поступали» (Serm. 9, 10, 16). Эта апелляция проповедника к представлениям и чувствам, типичным для рабовладельческого класса, весьма ярко характеризует социальный облик той аудитории, к которой обращался Августин.

В *Sermones* относительно редки более конкретные упоминания о занятиях рабов и их взаимоотношениях с рабовладельцами. Поскольку в этих взаимоотношениях Августина интересует главным образом тема верности, он говорит преимущественно о таких занятиях рабов, где это их качество может более всего проявиться. Этим объясняется численное преобладание в «Проповедях» упоминаний о рабах-управителях, казначеях, сторожах — вообще, рабах, живущих в доме господина и наиболее близких ему. «Ты любишь раба, который верно сторожит твоё золото» (Serm. 26, 8, 8). «Разве каждый человек не выбирает в качестве казначея верного (раба) из своей фамилии, чтобы поручить ему свои деньги?» (*Nonne dispensatorem unusquisque eligit de familia sua fidelem, cui committat pecuniam suam.* — Serm. 259,5)¹⁵¹.

В других случаях речь идет о рабах-слугах, постоянно живущих в доме господина¹⁵². Верный, хорошо исполняющий свои обязанности раб нередко вознаграждается отпуском на волю¹⁵³. Раба неверного либо просто в чем-либо провинившегося перед своим господином ожидают различные наказания. «Раб боится разгневать своего господи-

¹⁵⁰ См., например, Serm. 18, 3, 3; 21, 6—7; 69, 2, 3; 73, 1, 1; 80, 8; 83, 1, 1; 87, 2, 3; 101, 4, 4; 159, 3, 3.

¹⁵¹ Ср. Serm. 40, 5, 7 (*servus procurator*); 40, 8, 8 (*servus custos*).

¹⁵² Serm. 9, 4, 4; 21, 7; 69, 2, 3; 169, 12, 15; 345, 3; Confess., III, 7, 13.

¹⁵³ Serm. 21, 6; 159, 4, 5.

на,— говорит Августин,— чтобы не приказал его бичевать, заковать его в колодки, заключить в тюрьму, послать молоть на мельницу» (Serm. 161, 9, 9). Данные Августина свидетельствуют о том, что по крайней мере в сфере домашнего обслуживания рабство сохраняло в V в. такое же господствующее положение, как и двумя-тремя веками раньше, и отнюдь не превратилось в «более мягкую» форму зависимости.

Наряду с данными о домашних рабах мы находим в Sermones чрезвычайно интересные, несмотря на их краткость, сведения об использовании рабов в сельском хозяйстве. В 356-й проповеди Августин рассказывает, каким имуществом обладали клирики гиппонской церкви, когда они были еще мирянами. Все они принадлежали к среднему или малоимущему слою городского населения. Один из них — диакон Валент — владел совместно с братом земельными участками (agelli) и рабами (mancipia, servuli). Другой диакон — Гераклий — подарил церкви свое владение (possessio), отпустив на волю несколько рабов, которые у него были. Наконец, третий диакон — «бедный человек..., однако прежде, чем стал клириком, купил из своих трудов нескольких рабов (servulos)» (Serm. 356, 3; 6; 9). Это сообщение свидетельствует не только о том, что рабы использовались в мелком землевладении, но и о хозяйственном значении рабства вообще. Как только владелец небольшого участка достигает той минимальной степени материального достатка, при которой он уже может использовать чужой труд, он стремится приобрести рабов. Таким образом, переход от хозяйства, основанного на собственном труде владельца парцеллы, к мелкому эксплуататорскому хозяйству представляет собой переход к хозяйству рабовладельческому.

В целом «Проповеди» Августина создают впечатление, что рабский труд преобладал в хозяйствах большинства муниципальных землевладельцев¹⁵⁴. Интересно отметить,

¹⁵⁴ Мне была недоступна работа M. M. G e t t y. The Life of North Africans as Revealed in the Sermons of st. Augustin. Washington, 1931, автор которой приходит к выводу, что в эпоху Августина «рабство... было процветающим учреждением» (цит. по P. G a s i c. En Afrique romaine. «Annales. Economie — Sociétés — Civilisations», 1957, № 4, p. 655, not. 4).

что рабы, по-видимому, использовались также в хозяйствах военных колонистов — *limitanei*. Судя по рельефам из Триполитанского лимеса ¹⁵⁵, работники этих хозяйств трудились не на своих участках, а на земле, находящейся в собственном пользовании хозяина виллы. Жили они в хижинах, расположенных, по данным раскопок, группами в непосредственной близости от укрепленного дома. Все это позволяет думать, что в данном случае мы имеем дело не с работниками, наделенными землей, а, скорее всего, с рабами, принадлежавшими *limitanei*.

Очевидно, именно в мелком и среднем землевладении — на небольших виллах и в еще более мелких хозяйствах, где не было возможности для наделения непосредственного производителя землей, — труд рабов использовался в своей «классической» форме. В крупных же имениях рабы — во всяком случае те из них, которые были заняты в земледелии, — трудились на выделенных им индивидуальных участках и составляли вместе с колонами более или менее единый слой сельского населения, часто обозначаемый в источниках как *rustici*.

В поздней Римской Африке, таким образом, продолжала сохранять свое значение характерная особенность античного рабства — его связь с мелким и средним хозяйством, в основном типичным для муниципального землевладения. Для периода Ранней империи эта связь была убедительно доказана Е. М. Штаерман ¹⁵⁶. Весьма характерно, что во внутренних районах африканских провинций рабовладельческие отношения получили наиболее широкое развитие не с начала римского господства, а в основном одновременно с интенсивным ростом городов и появлением широкого слоя средних муниципальных землевладельцев, ветеранов и т. п. До этого времени преобладали крупные имения, обрабатывавшиеся сельским плебсом, причем предположение некоторых исследователей, что эти имения развились из рабовладельческих латифундий ¹⁵⁷, не подтверждается данными источников. Именно из районов городской жизни происходит наибольшее количество надписей, упоминаю-

¹⁵⁵ Goodchild and Ward-Perkins. Op. cit.

¹⁵⁶ Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 26 сл.

¹⁵⁷ Rostowtzev. Studien... S. 318, 339; Heitland. Op. cit., p. 355.

щих рабов ¹⁵⁸. В период Поздней империи позиции муниципального землевладения значительно ослабели, но поскольку на городских территориях, а также в районах лимесов все же продолжали существовать небольшие и средних размеров земледельческие хозяйства, а крупное землевладение еще не стало абсолютно господствующим, то сохранялись и условия для существования античного рабства.

¹⁵⁸ Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 206 сл.

СОЦИАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ БОРЬБА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IV в.

Относительная стабилизация политического положения в африканских провинциях Римской империи в начале IV в. не могла приостановить процесс дальнейшего обострения социальных противоречий. Такие явления, как развитие колоната, прикрепление колонов к земле, растущее давление налогового пресса, приводили к ухудшению экономического положения эксплуатируемых классов. Жестокая сама по себе эксплуатация трудящихся слоев населения должна была принимать особенно разорительные формы в условиях сравнительно высокого развития товарно-денежных отношений. В IV в. продолжался также процесс экономического упадка и пауперизации средних и мелких землевладельцев и роста внутренних противоречий в городах. Сенаторское сословие, которое в значительной своей части в свою очередь не избегло экономических тягот, связанных с ростом армии и бюрократического аппарата, также начало обнаруживать признаки внутреннего разложения. Различные группы господствующего класса были заинтересованы в прочной императорской власти, но в то же время испытывали на себе в той или иной степени бремя растущих требований фиска и злоупотреблений императорских чиновников.

Эта сложная сеть социальных и политических противоречий создала в африканских провинциях Поздней империи основу для острой внутренней борьбы. Характерная черта многих форм и этапов этой борьбы — их связь с религиозной борьбой между двумя направлениями в африканском христианстве: ортодоксальной и донатистской церквами. Два основных обстоятельства определили эту

связь и обусловили широкий размах религиозного конфликта: во-первых, широкое распространение христианства в различных классах африканского общества, в особенности среди эксплуатируемых слоев; во-вторых, изменение социальной и политической роли ортодоксальной церкви, которая в IV в. превратилась в организацию, идеологически оправдывавшую и санкционировавшую власть Римской империи и существующий социальный строй. В этих условиях оппозиция господствующей церкви превратилась не только в средство выражения идеологического протеста против сил и отношений, которые она защищала, но и в орудие организационного сплочения участников различных антиправительственных движений.

В дальнейшем изложении речь будет идти главным образом о борьбе между различными направлениями в африканском христианстве. Необходимо в связи с этим иметь в виду, что при всей распространенности христианства в поздней Римской Африке оно далеко не было здесь в изучаемый период безраздельно господствующей религией. Напротив, как свидетельствует ряд данных, в течение всего IV и начала V в. традиционные языческие культы Целесты, Сатурна, Конкордии, Геракла и другие пользовались широким распространением в африканских провинциях ¹.

Эти культы, особенно оживившиеся при Юлиане Отступнике, сохраняли определенное значение и при «христианских» императорах. В течение всего IV в. в африканских городах строились и реставрировались храмы и алтари языческих божеств, в их честь воздвигались статуи и посвящения ². Еще во времена Августина язычники в ряде мест могли оказывать успешное сопротивление распоряжениям императорской власти, запрещавшим отправление культа. В Каламе, когда местный епископ потребовал у муниципального совета запретить языческие торжества, язычники забросали камнями и сожгли церковь ³. В Суфесе городские власти не допустили, чтобы христиане в соответствии

¹ См. P. Monceaux. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne, III. Paris, 1909, p. 50 sqq.; J. Mesnage. Le christianisme en Afrique. RAfr, 1913, p. 663 sqq.

² Соответствующие данные см. в главе II настоящей работы.

³ Aug., Ep., 91,8.

с императорским законом удалили статуи Геракла, причем несколько христиан было убито ⁴.

Поскольку в настоящей работе мы рассматриваем сферу религиозной жизни главным образом как отражение борьбы различных социально-политических тенденций, закономерно поставить вопрос, какое место занимало язычество в этой борьбе. Эпиграфические данные, а также сообщения литературных источников позволяют сделать в этой связи следующие наблюдения. Прежде всего, мы не имеем для изучаемого периода сколько-нибудь определенных свидетельств о распространенности языческих верований среди основной массы сельского населения африканских провинций. Исключение составляли лишь пограничные берберские племена, многие из которых сохраняли свои старые верования ⁵. Поскольку же в источниках идет речь о сельских жителях внутренних, давно уже подчиненных римской власти районов, они, как правило, связываются с христианством. Язычников мы встречаем в этих районах почти исключительно в городах и прежде всего среди сословия куриалов ⁶. Кроме того, язычество вплоть до самого позднего периода римского господства в Африке остается религией значительной части земельной знати и верхушки провинциального управления: сенаторов ⁷, правителей провинций ⁸.

Для народных масс Северной Африки язычество еще в III в. стало религией господствующих классов и враждебного им Римского государства. Как мы увидим ниже, и после религиозной реформы Константина идеологи демократических слоев продолжали рассматривать Римскую империю как языческую. С другой стороны, для тех социальных групп, которые в большей или меньшей степени были

⁴ Aug., Ep., 50.

⁵ Aug., Ep., 46; 199, 12, 46.

⁶ Ср. Mesnage. Op. cit., p. 687; G. Lapeyre et A. Pélégriп. Carthage latine et chrétienne. Paris, 1950, p. 116; Monceaux. Op. cit., p. 54.

⁷ Salv. Massil., De gub. Del., VIII, 2. Ср. Mansi, III, col. 766: обращение карфагенского собора 401 г. к императору с просьбой приказать убрать изображения языческих богов, находящиеся in possessionibus diversis.

⁸ Почти все проконсулы Африки, а также правители Нумидии и Мавретании периода с 333 г. до конца IV в. были язычниками (Mesnage. Op. cit., p. 665—666).

настроены лояльно по отношению к императорской власти, язычество по мере христианизации позднеримского государства все менее могло служить средством выражения этих настроений. Относительно большое количество язычников в городах, несомненно, объясняется тем фактом, что старые боги связывались здесь с традициями муниципальной жизни и гражданской общиной. Понятно поэтому, что императоры IV в., пытавшиеся консервировать городское устройство, хотя и запрещали отдельные культовые обряды (например, жертвоприношения), не отменяли культа в целом⁹. Религиозная политика Юлиана Отступника была принята в городах с особым энтузиазмом. При Валентиниане I консуляр Нумидий Цейоний Цецина Альбин активно содействовал восстановлению культовых зданий и статуй. Положение изменилось в конце IV в. Со времени Грациана и особенно при Феодосии и Гонории империя перешла в решительное наступление на язычество¹⁰. Поскольку в тот же период, очевидно, усилилась фискальная эксплуатация куриалов, вспышка антихристианских выступлений в африканских городах на рубеже IV и V вв. могла иметь и определенную политическую подоплеку.

Однако в большинстве случаев в борьбе между последователями старой и новой религий трудно усмотреть отзвуки каких-либо политических или социальных столкновений. Среди представителей одной и той же социальной группы мы нередко встречаем как язычников, так и ревностных христиан. Если, например, магистраты отдельных городов не позволяли христианам разрушать статуи и храмы богов, то в других случаях представители той же городской знати всячески поддерживали христианскую церковь. Христиане и язычники нередко бывали среди членов одной и той же семьи (например, родители Августина). То же явление характерно и для религиозных взглядов членов сенаторского сословия. Более того, в сознании многих представителей имущих слоев верность язычеству легко совмещалась с формальной принадлежностью к христианству. По сообщению Сальвиана Марсельского, многие африканцы, которые говорят о вере в Христа, душой служат идолам. Они зовутся христианами, но почитают Целесту после

⁹ СTh, XVI, 10, 2—3.

¹⁰ СTh, XVI, 10, 10—25.

Христа или раньше, чем Христа. Далее Сальвиан отмечает, что так поступают, правда, только самые знатные, могущественные и высшие люди (*nobilissimi, potentissimi ac sublimissimi*), но их святотатственное суеверие загрязняет весь город¹¹. В одном из императорских указов от 426 г. говорится о людях *qui nomen christianitatis indulti sacrificia fecerint* (СТh, XVI, 7, 7).

В христианской Северной Африке язычество в известной мере служило выражением верности традициям муниципальной жизни либо сословным и родовым традициям римской знати. Представителями муниципальной интеллигенции и сенаторского сословия оно воспринималось как известная гарантия духовной независимости от идеологического гнета домината. За эти узкие рамки социально-политическое значение языческого культа в данный период почти не выходило. К началу V в. господствующий класс видел в христианстве официальную идеологию и чрезвычайно мощное орудие идеологического воздействия на массы труженников, языческий культ был для многих представителей этого класса лишь невинным обычаем, унаследованным от предков. Поэтому одни и те же люди могли быть одновременно язычниками и христианами. Главная линия идеологической борьбы проходила в этот период не между язычеством и христианством, а между различными направлениями в христианстве.

Религиозная оболочка, в которой выступала социальная, а иногда и политическая борьба, создает значительные трудности в деле ее исследования. Мы можем судить о стремлениях различных общественных групп во многих случаях лишь по произведениям церковной литературы, в которых социальные мотивы религиозных конфликтов скрыты за догматическими или узкоцерковными спорами. Эти мотивы часто приходится разгадывать путем сопоставления отрывочных сведений и случайных намеков церковных авторов. Отсюда понятно, что многие выводы, полученные в результате подобного сопоставления, могут оказаться приближенными или даже спорными.

В изучение социальной борьбы в поздней Римской Африке значительный вклад внесли Н. А. Машкин и А. Д. Дмитриев. Н. А. Машкин обстоятельно исследовал историю

¹¹ Salv. Massil., De gub. Dei, VIII, 2.

восстаний сельского населения и характер их связи с религиозной борьбой. Выводы его работ за некоторыми исключениями и в настоящее время могут быть приняты в качестве отправного пункта для дальнейших исследований. В работах А. Д. Дмитриева рассмотрены некоторые существенные аспекты идеологии и организации движения агонистиков.

В западной литературе вплоть до недавнего времени изучение религиозной борьбы в поздней Римской Африке шло главным образом по пути выяснения ее фактической истории, которая излагалась исключительно как результат столкновения различных конфессиональных концепций¹². Лишь в последнее десятилетие появились две работы, порывающие с этой традицией. Первая из них — книга Френда¹³ — излагает историю донатизма в плане социально-политического содержания этого движения. Вторая — исследование Ж.-П. Бриссона¹⁴ — посвящена главным образом изучению донатистской доктрины как выражения настроений определенных общественных слоев. Оба автора решают поставленные перед собой задачи далеко не во всем последовательно, некоторые их выводы вызывают решительные возражения, но их труды дают богатый свод материала по данной проблеме и содержат ценное исследование ряда относящихся к ней вопросов.

В 1959 г. в Германской Демократической Республике вышло в свет ценное марксистское исследование по истории движения агонистиков и его отношений с донатизмом, принадлежащее перу Теодоры Бюттнер¹⁵. Наиболее важ-

¹² Иной подход к изучению истории донатизма наметился еще в работе F. Martroye. *Une tentative de révolution sociale en Afrique.* — «Revue des questions historiques», 1904, p. 353 sqq., автор которой рассматривал донатизм как выражение «всеобщего недовольства» политикой империи. Схожно — E. Stein. *Geschichte des spätrömischen Reiches*, I. Wien, 1928, S. 153. Тюммель (W. Thümmel. *Zur Beurteilung des Donatismus*. Halle, 1893) связывал донатизм с «национальной оппозицией» ливийско-пунического населения римскому господству.

¹³ W. H. C. Friend. *The Donatist Church — a Movement of Protest in Roman North Africa*.

¹⁴ J.-P. Brisson. *L'Autonomisme et le Christianisme dans l'Afrique romaine*.

¹⁵ T. Büttner. *Die Circumcellionen — eine social-religiöse Bewegung*. In: T. Büttner, E. Werner. *Circumcellionen und Adamiten. Zwei Formen mittelalterlicher Haeresie*. Berlin, 1959, S. 1—72. К сожалению, я смог ознакомиться с книгой Бюттнер уже после завер-

ную сторону труда Т. Бюттнер составляет исследование религиозной идеологии агонистиков как опосредствованного выражения протеста против господствующего социального строя. Автор изучил этот вопрос значительно глубже, чем его предшественники, и в тесной связи с предшествующей историей африканского христианства, а также с аналогичными религиозными движениями в других районах античного мира. Весьма четкими и аргументированными кажутся нам также взгляды автора на сущность донатистского движения.

В цели настоящей работы не входит ни изложение религиозной истории поздней Римской Африки во всех ее деталях и аспектах, ни пересмотр вопросов, достаточно обстоятельно исследованных в научной литературе. Наша задача ограничивается обобщением тех данных о связи между социально-политической и религиозной борьбой, которые можно извлечь из источников и из предшествующих исследований, а также выяснением некоторых относящихся сюда вопросов, до сих пор не получивших достаточного освещения.

1. Донатистское движение первой половине IV в.

Обстоятельства возникновения раскола в африканской церкви достаточно хорошо известны по многочисленным данным церковной литературы. Мы ограничимся изложением лишь наиболее существенных фактов. Раскол 312 года вырос из событий более раннего времени, связанных с преследованием христиан при Диоклетиане. Большинство африканских епископов в период преследования подчинилось императорскому эдикту о выдаче властям священных христианских книг. Возглавлявший африканскую церковь карфагенский епископ Мензурий проявил большую ловкость, чем многие его коллеги: он выдал чиновникам под видом «священных» еретические книги, что позволило ему избежать преследования, а впоследствии защищаться от обвинения в «предательстве»¹⁶. В то же время, как

шения работы над данной монографией. Тем не менее мне удалось в некоторой мере использовать эту книгу и уточнить с ее помощью некоторые из выводов моей работы.

¹⁶ Appendix ad Opt. I — CSEL, 26, p. 185—197; Acta Saturnini, 17—PL, 8, col. 700; A u g., Brev. collationis cum Donat., III, 13, 25.

убедительно показал Френд¹⁷, основная масса африканских христиан, происходивших из трудящихся слоев населения, продолжала стойко защищать свои религиозные убеждения. Как и во время предшествующих преследований, сопротивление этих рядовых христиан гонениям приняло форму добровольного мученичества. Они сами заявляли властям, что имеют списки евангелия, но не выдадут их¹⁸. Движение мучеников широко распространилось в Карфагене и в некоторых других городах Проконсульской провинции, а также в Нумидии. Только в небольшом городке Абитина, епископ которого подчинился эдикту Диоклетиана, власти арестовали 47 христиан, продолжавших совершать богослужения. Характерно, что только один из них был декурионом, остальные, очевидно, принадлежали к низшим слоям населения¹⁹. В Карфагене толпы собирались вокруг тюрьмы, где были заключены мученики.

Позиция, занятая во время гонений верхушкой клира, встретила резкое сопротивление среди рядовых членов христианских общин. Епископы и клирики, выдавшие «священные книги», были заклеены как предатели (*traditores*); христиане, заключенные в карфагенской тюрьме, заявили, что *traditores* должны быть исключены из христианского сообщества, а общение с ними является грехом, лишаящим христианина возможности попасть в царство небесное²⁰.

Преследование христиан при Диоклетиане лишь обострило внутренние противоречия, которые давно уже созревали в недрах христианских общин Северной Африки. В начале III в. — в период деятельности Тертуллиана — адептами христианства были в основном малоимущие люди, представители трудящихся слоев²¹, среди которых господствовала ригористическая идеология отречения от мирских благ, противопоставления христианской «общины изб-

¹⁷ F r e n d. Op. cit., p. 5 sq.

¹⁸ Aug., Brev. collat. cum Donat., III, 13, 25: *dicerent se habere scripturas quas non traderent.*

¹⁹ Acta Saturn., 2. — PL, 8, col. 691.

²⁰ Acta Saturn., 18. — PL, 8, col. 701: *si quis traditoribus communicaverit, nobiscum partem in regnis caelestibus non habebit.*

²¹ T e r t u l l., Ad uxor., I, 4; II, 8; De idol., 8. Первые известные христианские мученики из Африки, судя по их именам, не были римскими гражданами. См. F r e n d. Op. cit., p. 88.

ранных» всему остальному миру. Этой идеологии соответствовала и та непримиримость, с которой христиане тех времен относились к любому компромиссу с «этим миром», с олицетворявшей его светской властью. «Не может одна душа служить двоим,— писал Тертуллиан,— богу и цезарю»²².

Уже к середине III в. и социальный состав христианских общин, и их организация значительно изменились. Среди христиан появилось много выходцев из зажиточных слоев городского населения. Именно богатые люди, как на это прямо указывает Киприан, боясь конфискаций, наиболее легко отступались от своей веры в период гонений²³. Исчезло бывшее равенство членов общины, церковная организация приобрела иерархический характер. Киприан в своих произведениях отстаивает теорию высшего авторитета епископской власти для верующих. Благодаря пополнению клира за счет новообращенных представителей муниципальной интеллигенции и укреплению материального положения церкви, епископы и клирики нередко сами оказывались богатыми людьми²⁴ и имели, таким образом, гораздо больше общего с христианами-куриалами, чем со скромными ремесленниками или рабами, которые стойко противились гонениям²⁵. Вполне понятна поэтому та примиренческая позиция по отношению к «падшим», т. е. изменившим своей вере, христианам, которую заняло большинство африканского клира во главе с Киприаном после гонений Деция. Но эта позиция не нашла поддержки в демократических слоях христианских общин. Последователи Новациана, выступавшего за непримиримое отношение к «падшим», захватили несколько епископств и на некоторое время значительно подорвали авторитет Киприана в Карфагене²⁶.

Таким образом, социальная и связанная с ней идеологическая эволюция христианства неизбежно приводила к

²² Tertul., *Idol.*, 19; ср. Tertul., *Ad Nationes*, II, 1, где Тертуллиан говорит о враждебности христиан «законам правящих».

²³ Сург., *De lapsis*, 11: *decipit multos partimonii sui amor caecus*.

²⁴ Многие из них занимались ростовщичеством, были управителями имений и т. п.

²⁵ Сург., *Ер.*, 27, 1; 42; ср. Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 418.

²⁶ Сург., *Ер.*, 44, 48; ср. Friend. *Op. cit.*, p. 128.

росту противоречий между различными группами верующих. Если Киприан, порывая с традицией Тертуллиана, заявлял, что ради единства церкви следует терпеть в ее лоне недостойных прелатов и что праведные будут отделены от неправедных самим богом в должное время²⁷, то среди рядовых верующих было распространено убеждение в необходимости «чистоты» церкви, «избранности» и праведности ее членов. В течение второй половины III в. христианство глубоко проникало в среду эксплуатируемых классов сельского населения. Эти новые адепты, которых привлекала в христианстве прежде всего его враждебность римскому миру и официальной идеологии, его демократическая фразеология, могли только усилить позиции противников отхода от первоначальных ригористических принципов и компромисса со светской властью. Гонения Диоклетиана обнажили всю глубину этих противоречий. Если во время предшествующих гонений Киприану удалось довольно быстро одержать победу над новацианами, то в начале IV в. сопротивление епископам-«предателям» приняло гораздо более стойкий и последовательный характер. В то же время более явно и резко обнаружился разрыв верхушки клира с традициями раннего демократического христианства. Так, карфагенский диакон Цецилиан выступил во время гонений против мученичества — этой традиционной для африканских христиан формы борьбы с «силами зла», символизировавшей духовное превосходство «праведных» над «неправедными». Цецилиан препятствовал доставке пищи христианам, заключенным в карфагенской тюрьме, осуждал поклонение мощам погибших мучеников²⁸. В дальнейшем некоторые представители карфагенского духовенства приняли активное участие в политической борьбе, развернувшейся в Африке после отречения Диоклетиана. Один из священников выступил как прямой агент тех кругов африканского общества, которые поддерживали викария Домиция Александра; он опубликовал памфлет, направленный против Максенция. Этому священника поддержал карфагенский епископ Мензурий²⁹. Та-

²⁷ С у р., De lapsis, 6.

²⁸ А u g., Brev. col., III, 14, 26: victum afferi martyribus in custodia constitutis prohibuisse dicebatur; Acta Saturnini, 17; ср. О р t., I, 16.

²⁹ О р t., I, 17.

кого рода деятельность была, конечно, весьма далека от провозглашенного, ранними христианскими идеологами неучастия в делах греховного мира.

В 311 г. в Карфагене был созван собор для избрания преемника недавно умершему Мензурию. В результате интриг различных претендентов на епископскую кафедру собор начал заседать до прибытия епископов из Нумидии. Без участия представителей нумидийского духовенства был избран новый карфагенский епископ — Цецилиан. **Обойденные нумидийские епископы** впоследствии организовали в Карфагене собственный собор, отказавшийся признать Цецилиана епископом и избравший карфагенским епископом Майорина. Часть местных церквей признала **Майорина законным епископом**, в результате чего африканская церковь оказалась расколотой на две самостоятельных церковных организации, во главе каждой из которых стоял собственный карфагенский примас ³⁰.

Некоторые исследователи, объясняя происхождение раскола, придают большое значение соперничеству между карфагенской и нумидийской церквями ³¹. По традиции, существовавшей в Африке, карфагенский епископ посвящался в сан примасом Нумидии, причем в изучаемый период этот обычай, по-видимому, ставился под сомнение карфагенским духовенством ³². После гонений Диоклетиана нумидийский примас Секунд пытался подорвать репутацию карфагенского епископа Мензурия, обвинив его в «предательстве». Очевидно, в возникновении раскола сыграла некоторую роль борьба внутрицерковных интересов и связанные с ней интриги. Источники связывают инициативу сепаратного собора нумидийских епископов с именем богатой женщины Луциллы, урожденной испанки. Луцилла была личным врагом Цецилиана, собор, избравший Майорина, проходил в ее доме, сам Майорин был домашним священником Луциллы ³³. Ортодоксальные церковные авторы

³⁰ Эти события подробнее всего изложены в следующих источниках: O p t ., I; A u g ., C. Cresconium, III; C. ep. Parmeniani, I.

³¹ См. T h ū m m e l. Op. cit., S. 38 ff.; F r e n d. Op. cit., p. 14 sqq.

³² C y p r ., Ep., 67, 5; A u g ., Brev. col., III, 16, 29; cp. F r e n d Op. cit., p. 16.

³³ O p t ., I, 16; 19; A u g ., Ep., 43.

обвиняли сторонников Майорина в том, что они были подкуплены Луциллой³⁴.

Однако каковы бы ни были личные или узкоцерковные интересы карфагенского и нумидийского духовенства, нельзя отводить этим интересам, чуждым массам рядовых христиан, сколько-нибудь существенную роль в возникновении раскола африканской церкви, принявшего сразу же чрезвычайно глубокий характер и затянувшегося более чем на столетие. Нумидийские епископы, собравшиеся на сепаратный собор в 312 г., прекрасно сознавали, что они смогут приобрести массовую поддержку среди верующих, лишь выдвинув программу, отвечающую настроениям широких кругов африканских христиан. Поэтому основным лозунгом этой программы была провозглашена непримиримость к «предателям» и поддержка традиций мученичества. Для доказательства неправомочности Цецилиана нумидийские епископы ссылались не на то, что он был избран без их участия, а на то, что он был посвящен в сан епископом Феликсом Аптунгским, выдавшим будто бы священные книги во время гонений³⁵. С точки зрения радикально-демократических представителей африканского христианства начала IV в. уже простое сообщество с *traditores* в единой церкви было невозможно для истинного христианина, тем менее был мыслим в их среде епископ, принявший сан через посредство «предателя»³⁶. Кроме того, в вину Цецилиану было поставлено его отрицательное отношение к «мученикам», очевидно, достаточно хорошо известное населению Карфагена³⁷.

Весьма характерно, что карфагенские христиане далеко не остались равнодушны к событиям, развернувшимся вокруг выборов нового епископа. По словам Оптата, на стороне Цецилиана была *tota civica frequentia*³⁸. Оптат, очевидно, имел в виду тех, кто представлял в его глазах карфагенское гражданство, т. е. прежде всего куриалов. О соборе, избравшем Майорина, Августин, говорит, что ему

³⁴ A u g., Ep., 43, 6, 17: ...Lucillae pecunia maxime adversus Caecilianum empti.

³⁵ A u g., Adversus Fulgentium, 26; Brev. col., III, 14, 26.

³⁶ Acta Saturnini, 2: Fas enim non fuerat, ut in ecclesia Dei simul essent martyres et traditores.

³⁷ A u g., Brev. col., III, 14, 26.

³⁸ O p t., I, 19.

оказывала поддержку *furiosa et poculo erroris atque corruptionis ebriosa multitudo*³⁹. Эти выражения обычны для его стиля в тех случаях, когда речь идет о плебейских слоях населения. Очевидно, непопулярность Цецилиана и епископов-«предателей» в этих слоях побудила последние выступить в церковных спорах на стороне оппозиционного духовенства. Таким образом, раскол африканской церкви уже при своем возникновении перерос рамки чисто церковного конфликта и охватил широкие слои христиан. За нумидийским духовенством и Майорином пошла та часть верующих, которая отстаивала наиболее радикальные стороны христианской идеологии: ее бунтарский дух, враждебность существующему общественному порядку и светской власти. Эта враждебность находила свое внешнее выражение главным образом в стойкости сопротивления преследователям христианства — «сильным мира сего», поэтому самая эта стойкость в защите своей религии воспринималась как основной критерий подлинной веры. Отсюда понятно то значение, которое приобрел среди африканских христиан вопрос об отношении к «предателям». Именно потому, что борьба внутри африканской церкви развернулась вокруг этого вопроса, она сразу же приняла определенную социальную окраску.

Начало раскола африканской церкви почти совпало по времени с Миланским эдиктом Константина и Лициния. Новая религиозная политика империи столкнулась с фактом существования в Африке двух соперничающих христианских организаций. Весьма характерно, что уже в первых распоряжениях Константина, относящихся к африканской церкви, только церковь, возглавляемая Цецилианом, рассматривалась как законный представитель африканских христиан. Церквам, поддерживавшим Цецилиана, было возвращено их имущество, конфискованное во время гонений Диоклетиана. Клирики этих церквей были освобождены от муниципальных повинностей. В письме к Цецилиану Константин заявлял, что считает его законным представителем «святейшей католической религии», и сообщал о выделении возглавляемой им церкви суммы в 3 тыс. фоллисов, которую в случае необходимости можно было увеличить. Из того же письма явствует, что Константин отдал

³⁹ Aug., Ep., 43, 5, 14.

распоряжение африканским провинциальным властям преследовать «нарушителей церковного мира», т. е. сторонников Майорина⁴⁰

Уже в этот период Константин достаточно четко сознавал связь противников Цецилиана с плебейским слоем христиан, сохранявшим в большей мере традицию непримиримого отношения к светской власти. В 313 г. проконсул Африки Анулин доносил императору, что сторонники Майорина явились к нему с протестом против действий цецилианистов вместе с большой толпой народа (*adunata secum populi multitudine*)⁴¹. Такого рода факты могли рассматриваться Константином только как попытка майоринистов оказать давление на императорские власти с помощью «мятежного плебса».

Тем не менее после этих первых распоряжений, направленных против майоринистов, религиозная политика Константина в Африке приобретает несколько другой характер. Отныне целью императора становится не столько преследование противников Цецилиана, сколько преодоление раскола путем примирения враждующих течений. На наш взгляд, это изменение можно объяснить следующими обстоятельствами. С одной стороны, Константину было ясно, что майоринисты представляют собой значительную силу, поскольку они обладают массовой поддержкой среди африканских христиан⁴². С другой стороны, последующие события показали, что епископы, возглавившие это течение, не проявляют какого-либо враждебного отношения к императорской власти, но лишь стремятся добиться от нее официального признания, дабы получить права на те привилегии, которые были дарованы церкви Константином. В этих условиях император счел наиболее разумным добиться мирного объединения враждующих церквей и тем самым нейтрализовать нежелательные тен.

⁴⁰ Euseb. Hist. eccl., X, 5, 15—17; X, 6; cp. L. Duchesne Le dossier du donatisme. «Mélanges d'archéologie et d'histoire», 1890, p. 589 sqq.

⁴¹ Mansi, II, col. 438; cp. Brisson. Op. cit., p. 256.

⁴² В письме от 313 г. римскому епископу Мильтиаду Константин писал, имея в виду Африку, что ему кажется весьма неприятным разделение христиан как бы на две партии в тех провинциях, где имеется величайшее скопление народа (*in quibus maxima est populi multitudo*) — Mansi, II, col. 440.

денции, которые развивались в майоринистском течении под влиянием агитации против «предателей».

В апреле 313 г. сторонники Майорина обратились к Константину с просьбой о назначении арбитров из числа галльских епископов для рассмотрения их спора с цецилианистами⁴³. В ответ на эту просьбу император постановил созвать в Риме церковный собор, состоявший из галльских и итальянских епископов. В соборе участвовали также на правах тяжущихся сторон по 10 представителей от обеих африканских церквей. Собор оправдал Цецилиана в обвинениях, предъявленных ему майоринистами, однако, никаких репрессивных мер по отношению к последним решениями собора предусмотрено не было. За епископами, поддерживавшими Майорина, были сохранены их епархии. В тех епархиях, где имелось два враждебных епископа, епископская кафедра оставалась за старшим по посвящению епископом, независимо от того, к какому из двух течений он принадлежал, а младшему должна была быть предоставлена другая епархия⁴⁴.

Ко времени Римского собора Майорин уже умер, и на его место был избран епископ Донат из нумидийского города Казы Нигры. По его имени все оппозиционное движение в африканской церкви получило название донатизма⁴⁵. Донат был одним из основных идеологов раскола 312 года. В период после гонений Диоклетиана он прославился своим непримиримым отношением к *traditores*. Донат отвергал карфагенскую церковь, как терпевшую в своем составе «предателей», и распространил на членов этой церкви и вообще на «падших» обычай вторичного крещения, который применялся в африканской церкви времени Киприана к еретикам. Как известно, этот обычай еще в середине III в. был осужден римским духовенством, что вызвало конфликт между африканской церковью, возглавлявшейся Киприаном, и папским престолом. В 313 г. этот вопрос вновь возник благодаря деятельности Доната. На Римском соборе он признался в том, что вторично крестит

⁴³ Opt., I, 22; Aug., Ep., 88, 2.

⁴⁴ Opt., I, 23; 24; Euseb., Hist. eccl., X, 5, 18—20; Aug., Ep., 43, 2, 5; Mansi, II, col. 438—440.

⁴⁵ Мы придерживаемся точки зрения тех исследователей, которые отождествляют Доната из Казы Нигры с Донатом — преемником Майорина. Ср. Fren d. Op. cit., p. 148.

«падших»⁴⁶. Впоследствии вторичное крещение превратилось в один из основных конфессиональных принципов донатизма.

Донатистский клир отказался подчиниться решениям Римского собора⁴⁷. Константин, узнав об этом, предпринял еще одну попытку добиться объединения обеих церквей. В 314 г. он распорядился созвать собор в Арелате, который, по его словам, должен был «после обстоятельного разбора положить конец продолжительным и постыдным спорам и установить всеобщее братское единение»⁴⁸. На собор вновь были вызваны представители обеих африканских церквей. Арелатский собор подтвердил законность избрания Цецилиана епископом и запретил вторичное крещение. Вместе с тем в решениях собора отчетливо видно стремление добиться известного компромисса с донатистами. Собор разрешил прием донатистов в церковь без предварительного покаяния, епископы, присоединившиеся к ортодоксальной церкви, сохраняли право на епископские кафедры в своих епархиях. Константин одобрил решения Арелатского собора и в ответ на апелляцию к нему донатистских представителей приказал задержать их при своем дворе и впредь направлять к нему из Африки застрельщиков раскола⁴⁹.

В том же 314 г. императорскими властями в Африке было организовано расследование обвинений Феликса Аптунгского, посвятившего Цецилиана в епископы, в выдаче «священных книг» во время гонений⁵⁰. В ходе расследования Феликс был полностью реабилитирован, что должно было лишить силы основной довод донатистов, оспаривавших правомочность Цецилиана. Лидеры донатизма тем самым были представлены в глазах африканских христиан «клеветниками».

Решениями Арелатского собора и расследованием дела Феликса Аптунгского заканчивается первый период рели-

⁴⁶ Opt., I, 24: confessus sit [Donatus] se rebaptizasse et episcopis lapsis manum imposuisse.

⁴⁷ Aug., Ad cathol. ep., XVIII, 46; C. Cresc., III, 61, 67; Duchesne. Le dossier..., p. 615.

⁴⁸ Euseb., Hist. eccl., X, 5, 21—24.

⁴⁹ Mansi, II, col. 463 sqq.

⁵⁰ Протоколы расследования (gesta 'proconsularia) см. Appendix ad Opt. II (CSEL, 26, p. 197—204).

гиозной политики Константина в вопросе о расколе в Африке, в течение которого он пытался преодолеть раскол «мирными методами» с помощью решений высших церковных инстанций и моральной дискредитации руководителей донатистского движения. Внимание, которое император уделял данному вопросу, постоянно вмешиваясь лично в религиозные споры в Африке ⁵¹, свидетельствует о том, что эти споры имели серьезное социально-политическое значение. Для Константина христианство было прежде всего орудием идеологического подчинения народных масс власти Римской империи, но использовать это орудие можно было лишь с помощью единой христианской церкви, пользующейся непоколебимым авторитетом у верующих. Раскол африканских христиан грозил не только подорвать авторитет официальной церкви, но и вырвать из-под ее влияния те слои населения, которые представляли наибольшую опасность для существующего порядка.

Мероприятия, осуществленные Константином в 313—314 гг., не дали желаемого эффекта. В 315 г. викарий Африки Домиций Цельс сообщал императору об угрожающем росте влияния донатистов ⁵². Константин решил подавить донатистское движение силой. В 317 г. он отдал распоряжение отнять церкви у клириков, отказывавшихся признать епископом Цецилиана. Многие донатистские епископы были сосланы, некоторые казнены ⁵³. Но преследования, которым подверглись донатисты, только повысили их авторитет среди верующих, окружив их ореолом мученичества. Репрессии Константина, очевидно, живо напомнили африканскому населению гонения на христиан при Диоклетиане. В письме к Цельсу Константин сетовал, что донатисты притязают на «блаженство мучеников» ⁵⁴. В связи с этим была предпринята новая акция, призванная дискредитировать донатистских епископов. Один из этих епископов — Сильван, организовавший в 312 г. раскольнический собор, — был обвинен своим диаконом в «предательстве» во время гонений Диоклетиана. Это дело разбиралось

⁵¹ Константин намеревался сам приехать в Африку для разбора церковного конфликта (D u c h e s n e. Le dossier..., p. 63).

⁵² Appendix ad Opt. VII (CSEL, 26, p. 211).

⁵³ A u g., Ep., 88, 3; 105, 2, 9; Contra lit., Petil., II, 92, 205.

⁵⁴ Appendix ad Opt. VII (CSEL, 26, p. 211).

консуляром Нумидии Зенофилом в 320 г., и обвинение против Сильвана было подтверждено⁵⁵. Таким образом, один из лидеров движения, выступавшего против *traditores*, сам оказался предателем! Но и это разоблачение, вполне возможно, совершенно справедливое, не оттолкнуло от донатизма массы его сторонников. В этих условиях Константин был вынужден отказаться от политики репрессий. В 321 г. он направил викарию Африки Верину распоряжение прекратить преследования донатистов и одновременно обратился с письмом к ортодоксальным африканским епископам, убеждая их терпеливо относиться к представителям враждебной церкви⁵⁶.

В дальнейшем в своей религиозной политике в Африке Константин отказался от мысли об объединении обеих соперничающих церквей. В этот период он пытался, по-видимому, лишь «приручить» донатистскую церковь, превратить ее в силу, поддерживавшую Римское государство. Так, в 330 г. он распространил на нумидийских донатистских клириков освобождение от муниципальных повинностей, ранее предоставленное клирикам официальной церкви⁵⁷. В том же году католический⁵⁸ клир города Цирты обратился к императору с жалобой на донатистов, которые захватили католическую церковь, построенную в этом городе на средства Константина. Константин распорядился оставить эту церковь за донатистами, а католикам предоставить место для постройки новой церкви⁵⁹.

Таким образом, в период правления Константина донатизм отстаивал свое право на существование в борьбе с императорской властью и поддерживаемой ею ортодоксальной церковью. История африканской церкви в 30—40-х годах IV в. почти неизвестна. Очевидно, в этот период продол-

⁵⁵ *Gesta apud Zenophilum* — Appendix ad Opt. I (CSEL, 26, p. 185—197).¹

⁵⁶ *Col. Carth.*, III, 549; *A u g.*, Ep., 141, 9; *Contra partem Donat.*, 31, 54; 33, 56; Appendix ad Opt. IX (CSEL, 26, p. 212—213).

⁵⁷ Appendix ad Opt. X (CSEL, 26, p. 215).

⁵⁸ Здесь и ниже для обозначения ортодоксального, официально признанного христианства мы употребляем принятые в произведениях ортодоксальных церковных авторов IV—V вв. и в современной литературе термины «католики», «католичество». Следует, конечно, отдавать себе отчет в условности этих терминов применительно к той эпохе.

⁵⁹ Appendix ad Opt. X.

жалось усиление позиций донатизма, все более оттеснявшего на задний план ортодоксальную церковь⁶⁰. Об этом достаточно ясно свидетельствует решение императора Константа организовать широкую акцию в поддержку официальной церкви. В 347 г. в Африку была направлена специальная миссия в составе императорских чиновников Павла и Макария. Целью миссии была раздача милостыни бедным христианам, для чего Павел и Макарий везли с собой соответствующую сумму⁶¹. Таким путем императорское правительство пыталось воздействовать непосредственно на широкие слои рядовых донатистов.

В среде донатистов миссия Павла и Макария была воспринята как недопустимое вмешательство императорской власти в религиозные дела. В Карфагене распространился слух, что эмиссары намерены установить в церквях изображение императора. Это позволяло думать, что возвращаются времена гонений на христиан и принудительного императорского культа⁶². Донат Карфагенский занял непримиримую позицию в отношении целей и методов миссии. Он потребовал от местного донатистского духовенства не допустить раздачи милостыни Павлом и Макарием⁶³. Донат, епископ донатистской церкви нумидийского города Багаи, при поддержке местного населения пытался не допустить императорских уполномоченных в город. По просьбе Макария им в помощь был выделен римский военный отряд. Сопротивление донатистов было подавлено вооруженной силой⁶⁴.

В целом миссия Павла и Макария потерпела явную неудачу. Правительство Константа перешло к жестоким репрессиям против донатистов. Императорским указом о единстве церкви, изданным в 347 г., имущество донатистской церкви передавалось католикам, гражданским чиновникам разрешалось применять против донатистов военную

⁶⁰ Cp. F r e n d. Op. cit., p. 168.

⁶¹ O p t., III, 3: Quis negare potest rem... imperatorem Constantem Paulum et Macarium... misisse... cum eleemosynis, quibus sublevata per ecclesias singulas posset respirari, vestiri, pasci, gaudere paupertas?

⁶² O p t., III, 12; cp. B r i s s o n. Op. cit., p. 375.

⁶³ O p t., III, 3: dixit (Donatus) ubique se litteras praemisisse, ne id, quod adlatum fuerat, pauperibus alicubi dispensaretur.

⁶⁴ O p t., III, 4.

силу. Эти мероприятия сопровождались массовыми избиениями и казнями донатистов⁶⁵.

История африканской церкви в первой половине IV в. показывает, что конфликт по поводу кандидатуры нового карфагенского епископа, возникший в 312 г., приобрел чрезвычайно широкий общественный диапазон и перерос в ожесточенную борьбу, в которой принимала активное участие значительная часть населения африканских провинций. Донатистское духовенство, несомненно, пользовалось массовой поддержкой в ряде районов Римской Африки. После отказа Константина решить церковный спор в пользу донатистов последние смогли организовать широкие террористические выступления против католической церкви. В одном из писем Константина от 317 г. упоминается о бедствиях католических церквей, которые они терпят от «бешенства» донатистов⁶⁶. Денежные раздачи, которые предпринял Констант для подрыва авторитета донатистской церкви, показывают, что под влиянием донатистов находились неимущие слои африканского населения. События в Багаи, развернувшиеся в 347 г., свидетельствуют о том, что эти слои готовы были самоотверженно защищать дело своей церкви, оказывая открытое сопротивление императорской власти.

Какие же особенности донатизма снискали ему массовую поддержку африканских христиан, придавшую столь острый характер его борьбе с католической церковью? Идеология раннего донатизма известна значительно хуже, чем донатистские теологические построения конца IV — начала V в., широко излагаемые в полемических произведениях Августина. Произведения донатистских богословов до нас почти не дошли, из антидонатистского сочинения Оптата *De schismate Donatistarum*, написанного в 70—80-х годах IV в., можно извлечь лишь очень мало данных, поскольку в нем уделяется главное внимание фактической истории раскола, а не теологическим спорам. Тем не менее даже немногочисленные сообщения источников позволяют сделать один существенный вывод: в богословском отношении донатизм мало отличался или совсем не отличался от

⁶⁵ *Passio Marculi; Passio Maximiani et Isaaci; Passio Donati* (PL, 8, col. 752 sq., 758 sq., 767 sq.): О p t., II, 14; III, 1—4.

⁶⁶ PL, 11, col. 794: *fides nostra... ab huiusmodi hominum furore patietur*.

ортодоксальной теологии. Весьма показательна в этом отношении характеристика не дошедшего до нас произведения донатистского писателя середины IV в. Вителлия Афра, которая содержится в сочинении католического автора Геннадия *De scriptoribus Ecclesiasticis*. Геннадий пишет, что, если бы Вителлий Афр не называл в своей книге католиков «преследователями», его доктрина была бы превосходной ⁶⁷. Единство веры католиков и донатистов подчеркивал также Опат ⁶⁸. Таким образом, с точки зрения католических авторов, между ними и донатистами не было сколько-нибудь существенных расхождений по основным вопросам христианской теологии. Донатизм не рассматривался в IV в. как ересь, его сторонников обвиняли лишь в схизме, расколе.

Невозможно также обнаружить каких-либо отличий церковной организации донатистов от католической. Власть епископов пользовалась в обеих церквях одинаковым пиететом, донатизм не проявлял никакой тенденции к восстановлению христианской общины, основанной на равенстве ее членов. Таким образом, ни в учении, ни в религиозных учреждениях донатизма не содержалось сколько-нибудь явных элементов, которые придавали бы ему более демократический характер по сравнению с ортодоксальным христианством.

Вожди донатизма вплоть до 347 г. не проявляли какой-либо открытой враждебности по отношению к императорской власти. При Константине они, так же, как и их противники, постоянно апеллировали к императору. Подобные факты показывают, что в своей практической деятельности, если не в теории, донатистское духовенство нередко допускало возможность вмешательства светской власти в церковные дела и признавало императора в качестве верховного арбитра. Все это позволяет видеть в донатистской церкви, скорее, просто клерикальную организацию, борющуюся за свое господство в религиозной жизни и за влияние на верующих, чем объединение сторонников

⁶⁷ G e n n a d i u s. *De scriptoribus ecclesiast.*, 4.— PL, 59, col. 1059: si facuisset de nostro velut persecutorum nomine, egregiam doctrinam ediderat. Cp. F r e n d. *Op. cit.*, p. 185.

⁶⁸ O p t., III, 9: nobis et vobis ecclesiastica una est conversatio... Testamentum divinum pariter legimus, unum deum pariter rogamus, oratio dominica apud nos et apud vos una est. Cp. I, 4; IV, 2.

определенных идейных принципов, последовательно эти принципы отстаивающих.

Причины популярности донатизма в Северной Африке можно понять, лишь учитывая изменения в социальной роли христианства в III—IV вв. Как уже отмечалось выше, эти изменения были подготовлены усложнением состава христианских общин, притоком представителей имущих классов. Благодаря этому процессу христианство в значительной мере утратило характерный для него ранее пафос отрицания существующего мира, непримиримого отношения к представителям этого мира и к тем, кто поддается его соблазнам. По мнению Бриссона, благодаря умеренной религиозной политике ряда императоров III в. христиане мало-помалу привыкли к идее, что между церковью и империей возможен относительный компромисс, и поэтому были готовы благосклонно принять реформу Константина⁶⁹. Это положение до конца верно лишь по отношению к духовенству и к имущему слою христианских общин. Изменения во взаимоотношениях христианства и императорской власти определялись не только поворотом в политике империи, но и социальными изменениями в самом христианстве, которых Бриссон не учитывает. В то же время христиане — представители эксплуатируемых классов — совсем не были расположены к компромиссу с императорской властью и с теми своими единоверцами, которые ей покорились. Именно настроениями этих слоев, ярко проявившимися в Африке в период гонений Диоклетиана, воспользовались в своих интересах нумидийские епископы — противники Цецилиана, когда они превратили непримиримое отношение к «предателям» в основной лозунг своей полемики.

Эти внутренние противоречия в африканском христианстве должны были неминуемо приобрести еще большую остроту, когда религиозная реформа Константина придала новый характер взаимоотношениям христианства с Римским государством. Ни одна из соперничавших африканских церквей не заняла отрицательной позиции по отношению к союзу с империей. Цецилианисты приняли дарения и привилегии, пожалованные им Константином, май-

⁶⁹ B r i s s o n . Op. cit., p. 372.

оринисты пытались убедить императора, что эти блага по праву принадлежат им, а не их противникам. Но демократические элементы христианских общин все же видели в майоринистской (а впоследствии в донатистской) церкви более близкую им религиозную организацию, чем церковь, возглавляемая врагом героев-мучеников и другом «предателей» Цецилианом. Поскольку церковь Майорина не была признана императором, она оказалась не запятнанной союзом с враждебным народным массам государством. Поэтому протест против подобного союза, против превращения христианства в придаток империи естественно вылился в форму поддержки этой церкви, враждебной связанным с империей цецилианистам. Для выяснения тех идей, которые отождествляли с донатизмом массы его сторонников, значительный интерес представляют *passiones* донатистских «мучеников» первой половины IV в., подвергшихся преследованиям римских властей во время репрессий Константина в 317 г. и Константа в 347 г.: Доната, Маркула, Максимиана и Исаака. В этих произведениях донатистской литературы, имевших, очевидно, широкое хождение среди простых верующих, мероприятия римских властей, направленные на преодоление раскола африканской церкви, отождествляются с гонениями на христиан языческих императоров. Сами эти власти представлены как слуги дьявола. Раньше дьявол использовал против христиан силу, теперь пытается одолеть их хитростью ⁷⁰ В *passio* Максимиана и Исаака прославляется как героический акт мученичества поступок Максимиана, разорвавшего императорский декрет о единстве церкви ⁷¹ В *passio* Доната дружба с империей прямо провозглашается орудием дьявола: «он (дьявол) не только улещает несчастных тщетной славой, но и улавливает жадных с помощью царской дружбы и земных почестей» ⁷². В *passio* Маркула миссия Павла и Макария характеризуется как присланная из тиранического дома императора Константа для

⁷⁰ *Passio Donati*, 2 — PL, 8, col. 753: eos, quos aperta persecutione superare non potuit, callida fraude circumvenire mollitus est.

⁷¹ *Passio Maximiani et Isaaci*. Cp. B r i s s o n. Op. cit., p. 317 sqq.

⁷² [Diabolus] non solum oblectans inani gloria miseros, sed et regali amicitia muneribusque terrenis circumscribens avaros (PL, 8, col. 754).

объединения христиан с предателями «с помощью обнаженных мечей воинов» ⁷³.

Подобного рода настроения плохо согласуются с действиями донатистских епископов, добивавшихся поддержки императора в своих претензиях на безраздельное господство в африканской церкви. Очевидно, в донатистском движении наряду с течением, связанным преимущественно с верхушкой клира, не чуждавшейся сближения с императорской властью, существовало и другое направление, рассматривавшее империю как дьявольскую силу и отвергавшее любую форму союза с нею. С точки зрения представителей этого направления, вышедшего из демократического слоя донатистов, нет никакой разницы между императором-язычником и императором, признающим христианство; и тот и другой являются преследователями (*persecutores*) праведников и врагами рода человеческого. Для того чтобы сохранить влияние на массы верующих, донатистские епископы должны были поддерживать идеи, в какой-то степени отвечающие этим настроениям.

Основные особенности донатизма как определенного конфессионального направления отражают (правда, в весьма косвенной форме) эту его связь с демократическими слоями христиан. К числу этих особенностей относится культ мучеников за веру, чрезвычайно распространенный в донатистской церкви. Произведения церковной литературы и эпиграфические данные свидетельствуют о том, что донатисты имели многочисленных святых, не признанных официальной мартирологией ⁷⁴. Весьма характерно, что католический собор, происходивший после разгрома донатистов Константом, принял постановление, запрещавшее воздавать недостойным лицам почести мучеников ⁷⁵. Как и во времена Тертуллиана, африканские христиане из числа эксплуатируемых классов видели в мученичестве высшую форму борьбы с несправедливым миром, с Римской империей, которая не стала им менее враждебной

⁷³ PL, 8, col. 761: *de Constantis regis tyrannica domo... ut populus christianus ad unionem cum traditoribus faciendam nudatis militum gladiis.*

⁷⁴ Донатистские надписи, поставленные в память мучеников, собраны в кн.: P. Monceaux. *Histoire...*, IV, Paris, 1910, p. 437 sqq. Ср. Brisson. *Op. cit.*, p. 289—313, 317—321.

⁷⁵ Mansi, III, col. 145—146.

из-за того, что признала христианство. Донатизм поддерживал эту традицию.

Несомненный антиримский смысл имел также обычай вторичного крещения, отстаиваемый донатистами. С одной стороны, он выражал их непримиримое отношение к «предателям»: крещение, совершенное в «церкви предателей», признавалось недействительным. С другой, поскольку этот обычай был связан с африканской традицией и был отвергнут Арелатским собором, он демонстрировал враждебность донатизма римской церкви, запятнавшей себя союзом с империей.

Хотели того или нет донатистские епископы, логика религиозной борьбы ставила их в положение, все более оппозиционное императорской власти. Преследования 317 и 347 годов способствовали развитию в донатизме идеи отрицания права государства на вмешательство в церковные дела. В 321 г. донатистское духовенство в письме к Константину мотивировало свой отказ вступить в церковное сообщество с католическим карфагенским епископом тем, что он является первосвященником императора ⁷⁶. В 347 г. Донат Карфагенский сформулировал свое отношение к религиозной политике Константа в следующих словах, обращенных к Павлу и Макарию: «Какое дело императору до церкви?» (*Quid est imperatori cum Ecclesia?*) ⁷⁷. Вскоре после этого донатисты оказали в Нумидии открытое сопротивление императорским эмиссарам.

Католическая церковь в тот же период занимала все более сервилистские позиции по отношению к римскому государству. Карфагенский епископ Грат на соборе 348 г. воздал хвалу богу за разгром донатистов Константином и назвал Павла и Макария «слугами святого дела» ⁷⁸. В сочинении Оптата союз церкви с империей получал уже некое теоретическое основание: подчеркивалось, что не государство пребывает в церкви, а церковь в государстве, и эта мысль аргументировалась толкованием одного места из священного писания (*Cant.*, IV, 8), где речь якобы идет о Римской империи ⁷⁹. Ведя борьбу с ортодоксальной

⁷⁶ PL, II, col. 794.

⁷⁷ Opt., III, 3.

⁷⁸ Mansi, III, col. 143.

⁷⁹ Opt., III, 3: *non enim respublica est in ecclesia, sed ecclesia in republica, id est in imperio Romano, quod Libanum appellat Christus in Canticis Canticorum, cum dicit: veni, sponsa mea inventa, veni de Libano.*

церковью, донатисты, естественно, стремились выдвинуть на первый план свое отличие от нее как «церкви гонимых» от «церкви преследователей», что не могло не способствовать все большему развитию антиимперских тенденций в донатизме.

Подводя итог изложению истории раннего донатизма, мы можем заключить, что к середине IV в. донатистское движение в значительной мере выражало настроения эксплуатируемых классов африканского общества, их протест против власти Римской империи и оправдывавшей эту власть ортодоксальной церкви. Однако у высшего клира донатистской церкви отсутствовали признаки каких-либо выступлений, выражавших — хотя бы в опосредствованной религиозной форме — социальные чаяния народных масс. Этот клир лишь использовал антиримские настроения рядовых верующих в интересах своей борьбы с ортодоксальной церковью. Противоречие между этими двумя направлениями в донатизме проявилось особенно ярко в период подъема социального движения эксплуатируемого сельского плебса.

2. Агонистики и восстания сельского населения

Рассказывая о событиях 347 г. в Нумидии, связанных с миссией Павла и Макария, Опат обвиняет епископа города Багаи в том, что, готовясь оказать сопротивление императорским уполномоченным, он разослал глашатаев по окрестным местам (*loca*) и рынкам (*pinclinae*), созывая циркумцеллионов, которых он именовал агонистиками (*circumcelliones agonisticos pinclirans*). Несколько ниже Опат отмечает, что к циркумцеллионам принадлежали те люди, которые «из стремления к ложному мученичеству вызывали себе на свою погибель палачей, а также те, которые бросали свои жалкие души с вершин высоких гор»⁸. Это — первое по времени упоминание в африканской литературе об агонистиках-циркумцеллионах.

Значительное количество данных о циркумцеллионах содержится в произведениях Августина. Он характеризует их как род людей, не занимающихся каким-либо полезным делом, свободных от полевых работ (*ab agris vacans*) и бродящих ради своего пропитания вокруг крестьянских

⁸⁰ О р t., III, 4.

клетей (*cellas circumiens rusticanas*) ⁸¹, откуда они и получили имя циркумцеллионов. Из этой характеристики вытекает, что циркумцеллионы существовали за счет добровольных подаяний сельского населения ⁸². В другом месте Августин замечает, что циркумцеллионы отказываются обрабатывать землю ⁸³. Среди них были и женщины, причем, как можно судить по некоторым характеристикам Августина, для агонистиков был обязателен обет безбрачия ⁸⁴. Об аскетизме агонистиков свидетельствует также сообщение современника и биографа Августина Поссидия о том, что они действовали «как бы под видом воздержанных» (*velut sub professione continentium*) ⁸⁵. Августин передает, что боевым кличем агонистиков был возглас *deo laudes* и что, предаваясь «своим беззакониям», они распевали гимны ⁸⁶.

По толкованию Августином 132-го псалма мы можем судить о том значении, какое имело слово «агонистики» в христианской терминологии того времени. Указывая, что донатисты называют циркумцеллионов агонистиками ⁸⁷, Августин замечает, что и правоверные католики признают это имя почетным, и связывает его со словом *агон* — «состяжание». В африканской христианской литературе III в. это слово служило термином для обозначения борьбы христианина с силами зла ⁸⁸. Сходно понимает его и Августин. «Те, которые состязаются с дьяволом,— говорит он далее,— и одерживают верх над ним, называются воинами Христа, агонистиками». Из этого замечания Августина с несомненностью вытекает, что имя, которым называли себя агонистики, должно было выразить религиозный

⁸¹ Aug., C. Gaud., I, 28, 32.

⁸² Cp. Büttner. Op. cit., S. 42.

⁸³ Aug., C. Gaud., I, 29, 53: *ordine disciplinae colendisq; agris amisso circumcellionum et opere et nomine inserviunt.*

⁸⁴ «Они бесстыдно не желают иметь мужей»,— пишет о женщинах-агонистиках Августин (C. lit. Petil., II, 88, 195; Ep., 35, 2). Идея безбрачия как признака христианской «чистоты» развивалась уже в африканской раннехристианской литературе. См. Tertul., *De cultu feminarum*, II, 9; *Apologet.*, 9, 19; cp. Büttner. Op. cit., S. 29, 43.

⁸⁵ Possidius. *Vita s. Augustini*, 10.

⁸⁶ Aug., Ep., 108, 5, 14.

⁸⁷ Aug., Enar. in psalm. 132, 6: *fortasse dicturi sunt [Donatistae]: vos illos ita appellatis contumelioso nomine; nam nos eos ita non vocamus... Agonisticos eos vocant.*

⁸⁸ Cyr., Ep., 10, 4; cp. Friend. Op. cit., p. 174.

характер их деятельности как непримиримых и воинствующих защитников «истинной веры». В том же толковании к 132-му псалму Августин говорит, что, когда католики насмехаются над еретиками (донатистами) из-за циркумцеллионов, те насмехаются над ними из-за монахов. Августин пытается доказать невозможность такого сопоставления: «сравнивают пьяных с трезвыми, неистовых с осмотрительными, бешеных с безобидными, блуждающих с собранными в одном месте»⁸⁹.

Полемика Августина с донатистами по вопросу о монахах свидетельствует, что роль циркумцеллионов-агонистиков в донатистском лагере представлялась современникам в какой-то мере схожей с тем положением, которое занимали в католическом лагере монахи. Моментом, объединявшим обе эти группы, могло быть, очевидно, только то, что и те и другие рассматривались прежде всего как люди, посвятившие себя определенным религиозным целям и обладавшие своей организацией, обособлявшей их от светского населения. Сравнение циркумцеллионов с монахами, таким образом, явно подтверждает религиозный характер движения агонистиков⁹⁰.

Церковные авторы второй половины V в. единогласно характеризуют циркумцеллионов как религиозных фанатиков, отличающихся экзальтированным стремлением к добровольному мученичеству, доходящему до массовых самоубийств. Филастрий из Бриксии называет их *circuitores* («ходящие вокруг») и, отмечая, что эта ересь распростра-

⁸⁹ A u g., Enar. in psalm. 132, 3, 6.

⁹⁰ Сообщения Оптата и Августина о том, что циркумцеллионы называют себя агонистиками, не оставляет сомнений в идентичности обоих этих терминов в Северной Африке IV—V вв. Противоположную точку зрения отстаивал А. Д. Дмитриев («К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах». ВДИ, 1948, № 3, стр. 64 сл.), но неубедительность его аргументации была достаточно обстоятельно показана Н. А. Машкиным («К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке». ВДИ, 1949, № 4, стр. 58 сл.). В последнее время Ж.-П. Бриссон (op. cit., p. 343) высказал предположение, что агонистиками назывались не все циркумцеллионы, а лишь те, которые принимали участие в восстаниях сельского плебса. Но и это предположение ничем не подтверждается: Августин говорит о термине «агонистики» как об общем наименовании циркумцеллионов. Различие между этими двумя терминами состоит лишь в том, что первый из них был принят в донатистском лагере, а второй употреблялся католиками и рассматривался донатистами и агонистиками как «оскорбительный» (*contumeliosum nomen*, см. прим. 87).

нена в Африке, сообщает, что ее приверженцы, стремясь испытать мученичество, принуждают встречных убивать себя и бросаются в пропасти⁹¹. Эта характеристика почти дословно совпадает с тем, что рассказывает о циркумцеллионах Опат. Донатистский автор Тиконий пишет, что циркумцеллионы, в отличие от прочих братьев (т. е. остальных христиан-донатистов), не живут мирно, но кончают жизнь самоубийством как бы из любви к мученикам. Для спасения своей души они созерцают погребения святых⁹².

Религиозный фанатизм агонистиков сказывался также в их нетерпимом отношении к язычеству. Августин осуждает обычай циркумцеллионов разбивать статуи языческих богов, хотя они не имеют на это законной власти, и **торопиться умереть без причины**⁹³. Подобного рода действия, которые влекли за собой преследования со стороны язычников, были для агонистиков одним из способов принять мученичество за веру⁹⁴.

О религиозном характере движения агонистиков свидетельствуют также данные Августина об их вооружении. В первоначальный период их деятельности для них была характерна мотивируемая религиозными соображениями регламентация вооружения (только деревянное оружие). Дубинки, которыми агонистики были вооружены в то время, они называли термином библейского происхождения *Israheles*. Впоследствии, по словам Августина, они научились потрясать мечами и размахивать пращами, вооружились также копьями и топорами⁹⁵.

⁹¹ Filastrius. Divers. heres. liber, 57 (CSEL, 38). Памятником ритуальных самоубийств агонистиков, как удачно показал Френд (op. cit., p. 171—176), являются находимые на дне пропастей надписи с обозначением имени, месяца и словом *redituri*. Самоубийство рассматривалось агонистиками как возвращение души к богу.

⁹² Цит. по Friend, Op. cit., p. 173. Френд на основании этого фрагмента Тикония и некоторых археологических данных полагает, что *cellae*, от которых получили свое наименование циркумцеллионы, — это не просто клетки или амбары, но алтари, возводимые на могилах мучеников и имевшие также помещение для склада продуктов. Однако это предположение плохо согласуется с выражением Августина *cellae rusticae*. См. также Brissou. Op. cit., p. 332, not. 4.

⁹³ Aug., Serm. 62, 11, 17.

⁹⁴ Aug., Ep., 185, 3, 12: *si quid eis accidisset, possent habere qualemcumque umbram nominis martyrum*.

⁹⁵ Aug., Ps. c. partem Donati, 140—154; C. lit. Petilian., II, 88, 195; Ep., 35, 2. Ср. Н. А. М а ш к и н. Агонистики, или циркумцеллио-

Если отбросить различные отрицательные эпитеты, которыми наделяют циркумцеллионов враждебные им церковные авторы, то в качестве наиболее характерного признака этой группы противников католической церкви выступает ее специфическая религиозная направленность. Уход от мирских дел и обязанностей, и прежде всего от работы в имении или на своем земельном участке, провозглашение адептов своего учения святыми, непримиримость к врагам «истинной веры», проповедь аскетизма и мученичества — таковы характерные черты идеологии агонистиков.

Как известно, проповедь аскетического образа жизни составляет характерную черту многих социальных движений угнетенных классов, особенно тех из них, которые носили религиозную окраску. Эта проповедь ярко выступает в антифеодальных ересьх средневековья. Чрезвычайно глубокий анализ смысла средневекового аскетизма мы находим в работе Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии»: «Эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны, означает выдвижение против господствующих классов принципа спартанского равенства, а с другой — является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение. Для того, чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишить его даже самый суровый гнет»⁹⁶.

Эта характеристика, несомненно, в полной мере применима и к изучаемой нами эпохе. Распространенность христианства среди широких масс трудящихся Северной Африки особенно способствовала развитию аскетических идей. Как мы видели на примере ранней истории донатизма,

ны..., стр. 92. Френд (op. cit., p. 174, not. 9) предполагает, что термин *Israheles* представлял собой искаженное *Azael* — «сила бога».

⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 377—378.

верность раннехристианским идеалам в условиях Римской Африки IV в. была естественной формой протеста против господствующего строя. На этой идейной почве аскетизм и добровольное мученичество должны были пустить особенно глубокие корни, а «обмирщение» официальной церкви и ее союз с «преследователями» еще более повышали социальное значение аскетических и мученических устремлений. В упомянутой выше работе Т. Бюттнер проведено ценное исследование этих аспектов идеологии агонистиков. Автор показывает тесную связь их аскетической проповеди, в частности требование безбрачия, с идеологией раннего демократического христианства, особенно ярким памятником которой в Африке являются произведения Тертуллиана⁹⁷. Вместе с тем Т. Бюттнер убедительно расценивает движение агонистиков как одно из проявлений ранних монашеских движений. По данным, относящимся к Сирии, Палестине, а также к западным провинциям, можно установить, что первые монахи были блуждающими аскетами, выступавшими против оседлого образа жизни и церковной иерархической организации. Для них было характерно стремление к полной отрешенности от «греховного мира», к аскетическому совершенству и добровольному мученичеству. Образование подчиненных церковной дисциплине монастырей, подразумевавшее в качестве обязательного требования оседлый образ жизни монахов, в значительной мере представляло собой реакцию официальной церкви на это антииерархическое движение, выражало ее стремление направить фанатический аскетизм в нужное ей русло⁹⁸. Приведенное выше замечание Августина, противопоставляющее «истинных» «собранных в одном месте» монахов «блуждающим» циркумцеллионам хорошо подтверждает мысль об определенном родстве движения агонистиков с демократическим направлением в монашестве.

Следует отметить, что в условиях IV в. отказ от оседлого образа жизни и от работы в сельском хозяйстве приобретал особый социальный акцент. Эксплуатация сельских тружеников была в этот период тесно связана с их прикреплением к земле. Рост повинностей и долгов, тяготев-

⁹⁷ B ü t t n e r. Op. cit., S. 23 ff., 41 ff.

⁹⁸ Cp. ibid., S. 35—40.

ших над сельским населением, превращал в его глазах труд в проклятие, лишь в средство удовлетворения требований государства и землевладельцев без какой-либо надежды улучшить собственное положение. Проповедь ухода со своего участка ради служения религиозным целям недвусмысленно выражала в этих условиях протест против того жалкого существования, на которое были обречены жители африканских сел.

Бегство агонистиков от полевых работ говорит об их социальном происхождении: в основной своей массе они, несомненно, принадлежали к сельскому населению. Агонистики получали в своей деятельности постоянную поддержку от жителей деревень. Августин пишет, что они «более всего страшны в полях», повсюду изгоняют католических клириков из сельской местности⁹⁹. Об этом же свидетельствует сообщение Августина, что агонистики получали пропитание в крестьянских клетях.

Принадлежа в своем большинстве к сельскому населению, агонистики происходили из различных социально-сословных групп. Очевидно, среди них было немало сельчан, закабаляемых крупными землевладельцами и ростовщиками. Об этом свидетельствует тот факт, что в отдельные периоды агонистики активно выступали против ростовщиков (*creditores*), отнимали у них долговые расписки¹⁰⁰. Несомненно, многие агонистики были по своему происхождению колонами. Так, Августин упоминает о колонах, ушедших из имения и присоединившихся к циркумцеллионам¹⁰¹.

О социальной близости агонистиков к колонам свидетельствует и поддержка, которую они получали от сельского населения, большую часть которого в Нумидии IV—V вв. составляли колоны, и активное участие агонистиков в движениях сельчан *contra possessores suos*. Августин рассказывает также о беглых рабах, присоединявшихся к агонистикам¹⁰². На основании этих данных мы можем предполагать, что в движении агонистиков были представлены различные слои эксплуатируемого сельского населения.

⁹⁹ *A u g.*, *C. Gaud.*, I, 28, 32; *C. lit. Petilian.*, II, 83, 184.

¹⁰⁰ *O p t.*, III, 4; *A u g.*, *Ep.*, 185, 4, 15.

¹⁰¹ *A u g.*, *Ep.*, 35, 2.

¹⁰² *A u g.*, *Ep.*, 108, 6, 18.

Приведенные факты позволяют согласиться с теми исследователями, которые видят в циркумцеллионах-агонистиках демократическую — по своему социальному составу и идеологии — христианскую секту ¹⁰³.

Совершенно иное понимание термина «циркумцеллионы» распространено в современной западной литературе. В 1934 г. была опубликована статья Ш. Соманя, в которой доказывалось, что циркумцеллионы представляли собой особую социально-сословную группу (*ordo*) наемных сельскохозяйственных рабочих ¹⁰⁴. Эта точка зрения была принята в ряде последующих работ по истории Римской Африки, а в последнее время ее вновь попытался обосновать Ж.-П. Бриссон ¹⁰⁵. Те исследователи, которые отрицают конфессиональный характер движения циркумцеллионов и видят в них особую социальную группу — наемных сельскохозяйственных рабочих, — опираются на данные декрета Гонория от 412 г. (CTh, XVI, 5, 52), в котором циркумцеллионы упоминаются в качестве одной из категорий лиц, подлежащих наказанию за приверженность донатизму. Поскольку другие категории донатистов, перечисленные в декрете, представляют собой сословные группы (например сенаторы, декурионы, *negotiatores*, плебеи, а также рабы и колоны), упоминание циркумцеллионов в этом контексте обычно рассматривается как доказательство того, что они составляли особое сословие, официально признанное императорской властью. Декрет подвергает циркумцеллионов, как и различные категории свободных донатистов, денежному штрафу, рабы и колоны, исповедующие донатизм, подлежат первые — «внушению господина», вторые — телесным наказаниям. Из этих положений декрета нередко делается тот вывод, что циркумцеллионы

¹⁰³ Наиболее последовательно в советской литературе развил эту точку зрения А. Д. Дмитриев (указ. соч., стр. 70), который удачно сблизил идеологию агонистиков с монтанистскими взглядами, отражавшими в христианстве идеологию неимущих слоев населения. Религиозный характер движения агонистиков обстоятельно раскрыт Френдом и в последнее время Т. Бюттнер.

¹⁰⁴ Ch. S a u m a g n e. *Ouvriers agricoles ou rôdeurs des celliers? Les circoncillions d'Afrique*. «Annales d'histoire économique et sociale», VI (1934), p. 352 sq.

¹⁰⁵ См. W a r m i n g t o n. *The North African Provinces...*, p. 86 sqq.; C o u r t o i s. *Les Vandales...*, p. 146 sqq.; R. L a t o u c h e. *Les origines de l'économie occidentale*. Paris, 1956, p. 36; J.-P. B r i s s o n. *Op. cit.*, p. 334 sqq.

принадлежали по своему происхождению к свободному населению и обладали имуществом. В декрете устанавливается также ответственность прокураторов и кондукторов имений за взимание штрафа с циркумцеллионов. Свободные люди, объединявшиеся в особое сословие, ведущие бродяжнический образ жизни и подчиненные юрисдикции поместной администрации, скорее всего, могли быть кочушими сельскохозяйственными рабочими.

Нетрудно убедиться, что исследователи, защищающие эту точку зрения, вынуждены в той или иной степени игнорировать прямо противоречащие ей данные церковной литературы. Такой прием вряд ли можно признать оправданным, поскольку произведения Оптата и Августина — при всей их тенденциозности и полемических преувеличениях — обладают неоспоримой ценностью источников, вышедших из-под пера современников и участников описываемых событий. Поэтому одного краткого упоминания о циркумцеллионах в декрете 412 г. недостаточно, чтобы опровергнуть все те довольно подробные сведения о них, которые содержатся в произведениях африканских церковных авторов. Как известно, концепция Соманя подверглась обстоятельному разбору и критике в советской научной литературе¹⁰⁶. В данной работе нет необходимости повторять все те возражения, которые были выдвинуты против этой концепции. Следует лишь напомнить, что она не только противоречит данным литературных источников о циркумцеллионах, но и существенно искажает картину аграрных отношений поздней Римской Африки, допуская массовое применение наемного труда в имениях этого времени. Те сведения по данному вопросу, которые содержатся в источниках IV—V вв., позволяют говорить лишь об эпизодическом использовании наемного труда в сельском хозяйстве¹⁰⁷, что, очевидно, исключает возможность существования постоянных крупных контингентов наемных рабочих. Вместе с тем пониманию циркумцеллионов как

¹⁰⁶ См. Н. А. М а ш к и н. Агонистики, или циркумцеллионы, в кодексе Феодосия, стр. 87 сл.; е г о ж е. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке, стр. 58 сл.; Г. Г. Д и л и г е н с к и й. Вопросы истории народных движений в поздней Римской Африке. ВДИ, 1957, № 2, стр. 89 сл.

¹⁰⁷ O p t., V, 7; A u g., Enar. in psalm. 93, 12; cp. St. G s e l l. Esclaves ruraux..., p. 397 sqq.

сельских поденщиков прямо противоречит приведенное выше сообщение Августина об их отказе обрабатывать землю. Здесь трудно видеть полемическое преувеличение: незанятость циркумцеллионов каким-либо производительным трудом Августин подчеркивает неоднократно и считает ее одной из отличительных особенностей «людей этого рода»¹⁰⁸.

Несомненно, интерпретация контекста, в котором упомянуты циркумцеллионы в декрете 412 г., представляет известные трудности. Н. А. Машкин полагал, что в данном случае мы имеем дело с ошибкой императорской канцелярии¹⁰⁹. Автор настоящей работы пытался показать, что составители декрета учитывали специфику положения циркумцеллионов — их фактическую независимость от имперской администрации — и поэтому выделили их в особую группу. Поскольку циркумцеллионы постоянно кочевали по сельской местности, правительство сочло наиболее удобным возложить ответственность за взимание с них штрафа на управителей и съемщиков имений, на территории которых они могли находиться. Этим представители поместной администрации вовлекались в борьбу с циркумцеллионами, а фиск гарантировал себе дополнительный источник дохода¹¹⁰. Можно принимать или отвергать указанные интерпретации декрета 412 г., но во всяком случае нет никаких оснований делать из него вывод о легальном положении циркумцеллионов. О запрещении деятельности циркумцеллионов императорскими властями совершенно недвусмысленно свидетельствует, например, обращение католического карфагенского собора 404 г. к императору Гонорию, в котором, в частности, говорится: «Отвратительная многократно заклеянная законами шайка безумствующих циркумцеллионов — они были осуждены частыми постановлениями прежних принцев»¹¹¹. Таким образом, у нас нет оснований считать циркумцеллионов-агонистиков особой социальной группой; это были люди, происходившие в основном из эксплуатируемых

¹⁰⁸ Ср. Aug., Contra Gaudent., I, 28, 32: hoc genus hominum... ab utilibus operibus otiosus.

¹⁰⁹ Н. А. Машкин. Агонистики, или циркумцеллионы..., стр. 88 сл.

¹¹⁰ См. Г. Г. Дилигенский. Указ. соч., стр. 90 сл.

¹¹¹ Mansi, III, col. 791 sqq.

слоев сельского населения, посвятившие себя целям религиозной борьбы и организованные в кочующие отряды.

В литературе высказывались различные точки зрения по вопросу о взаимоотношениях циркумцеллионов с донатистской церковью. У исследователей начала XX в. их религиозная принадлежность не вызывала сомнения: в них видели наиболее активных сторонников донатизма¹¹². Сомань, считавший циркумцеллионов особой социальной категорией, соответственно отрицал их обязательную принадлежность к донатизму: по его мнению, среди них были адепты различных религиозных направлений¹¹³. Сходную точку зрения отстаивает Бриссон, хотя он и признает значительную распространенность донатизма среди циркумцеллионов¹¹⁴. В советской литературе против сближения донатистов с агонистиками выступал А. Д. Дмитриев, по мнению которого, эти два течения ни организационно, ни идеологически не были связаны одно с другим и имели разные цели и социальную направленность¹¹⁵. Противоположных взглядов по данному вопросу придерживался Н. А. Машкин, рассматривавший агонистиков как «радикальную и наиболее активную группу донатизма со своей особенной организацией»¹¹⁶.

Писавший в V в. католический африканский епископ Поссидий дает следующую общую характеристику движения агонистиков: «Донатисты имели почти по всем своим церквям неслыханный род дурных людей и насильников..., которые назывались циркумцеллионами. И они пребывали в громадном количестве в шайках почти во всех африканских областях... Вооруженные различным оружием, бродя по полям и виллам, не боясь доходить до кровопролития, часто не щадили ни своих, ни чужих... Благодаря этому, донатисты вызвали ненависть к себе даже у своих сторонников»¹¹⁷.

¹¹² См., например, P. Monceaux. *Op. cit.*, IV, p. 178 sqq.; F. Martroye. *Op. cit.*, p. 353 sqq.

¹¹³ Saumagne. *Op. cit.*, p. 352 sqq.

¹¹⁴ Brisson. *Op. cit.*, p. 342 sqq.

¹¹⁵ А. Д. Дмитриев. Указ. соч., стр. 67.

¹¹⁶ Н. А. Машкин. Движение агонистиков (из истории римской Африки IV в.), стр. 42 сл; его же. Агонистики, или циркумцеллионы..., стр. 83.

¹¹⁷ Possidius. *Vita s. Augustini*, 10.

Указывая, таким образом, подобно Оптату и Августину, что агонистики были организованы в бродячие отряды, Поссидий вместе с тем подчеркивает, что они группировались вокруг донатистских церквей. Зависимость агонистков от донатистского клира явно выступает в событиях 347 года в Нумидии, о которых рассказывает Оптат. Действия агонистиков, которых собрал епископ Багаи Донат, вполне совпадали с целями донатистского духовенства. Сопротивление миссии Павла и Макария было официальной позицией донатистской церкви, сформулированной и предписанной местному клиру Донатом Карфагенским.

Судя по произведениям Августина, агонистики в его время действовали в большинстве случаев совместно с донатистскими клириками или под их руководством. Он пишет, обращаясь к донатистам, о шайках их циркумцеллионов и клириков, указывает, что циркумцеллионы «сражаются свирепыми толпами под вашим (донатистов.— Г. Д.) руководством», называет донатистских епископов *principes circumcellionum* ¹¹⁸. По словам Августина, жестокость агонистиков доставляет донатистским клирикам устрашающую защиту от преследований. Он указывает, что издание законов против донатистов было вызвано террором циркумцеллионов ¹¹⁹. В некоторых письмах Августин пишет о донатистских клириках и циркумцеллионах, подвергнутых суду за убийство католических священников ¹²⁰.

По мнению А. Д. Дмитриева, Августин, желая скомпрометировать своих противников — донатистов, связал их с агонистиками. Разумеется, интересы внутрицерковной борьбы могли побуждать Августина к известным передержкам, тем более что донатистские епископы, полемизируя с католиками, отрицали свои связи с агонистиками ¹²¹. Тем не менее, нельзя целиком отрицать достоверность данных Августина и других источников, характеризующих отношения между агонистиками и донатистской церковью, так как свои обвинения против донатистов Августин подкрепляет конкретными эпизодами церковной борьбы,

¹¹⁸ А u g., C. Crescon., III, 42, 46 и 47, 51; C. lit. Petil., II, 83, 184; Serm. 47, 10, 18.

¹¹⁹ А u g., C. Crescon., III, 43, 47.

¹²⁰ А u g., Ep., 133, 1; 134.

¹²¹ А u g., C. ep. Parmen., I, 11, 17.

наглядно иллюстрирующими характер деятельности агонистиков. «Мы повседневно испытываем невероятные злодеяния ваших клириков и циркумцеллионов,— пишет Августин, обращаясь к донатистам. Вооруженные всевозможными страшными орудиями, они ужасным образом разрушают, не говорю уже церковный, но общечеловеческий мир и покой. Ночными набегами вторгаясь в дома католических клириков, они... бросают клириков, ограбленных, избитых до полусмерти дубинками и израненных железным оружием»¹²². В произведениях Августина мы находим много примеров террористических действий, направленных против католического духовенства, которые осуществлялись донатистами с помощью отрядов агонистиков¹²³.

Донатистское духовенство широко использовало секту агонистиков для террора против католической церкви. Террористические акты были одним из важнейших методов, с помощью которых донатисты подрывали позиции официальной церкви. В обращении карфагенского собора 404 года к императору Гонорию, содержащем просьбу о защите от донатистов, говорилось о жестоких преследованиях, которым подвергается католический клир со стороны циркумцеллионов, о разорении ими католических церквей¹²⁴.

Приведенные данные показывают, что деятельность агонистиков была тесно связана с борьбой донатистов против католической церкви. По-видимому, уже в начальный период этой борьбы донатистский клир широко прибегал к помощи вооруженных сектантов. В письме Константина африканскому духовенству от 317 г. говорится о бедствиях, которые испытывают католики «от бешенства такого рода людей»¹²⁵. Поскольку католическое духовенство могло рассчитывать на поддержку императорских властей, донатисты были заинтересованы в создании своих боевых дружин, способных вести активные действия против официальной церкви.

Мы не имеем данных о времени возникновения секты агонистиков. Возможно, она, как это предполагает А. Д. Дми-

¹²² Aug., C. Crescon., III, 42, 46.

¹²³ Aug., C. Crescon., III, 43, 47; 46, 50; 48, 53; Ep., 29; 133; 134.

¹²⁴ Mansi, III, col. 791 sq.

¹²⁵ PL, 11, col. 794.

трев ¹²⁶, существовала уже в III в. Не исключено также, что непосредственным толчком к ее созданию послужил переход африканской церкви на позицию поддержки римского государства и возникновение раскола ¹²⁷. Как бы то ни было, порожденная определенными историческими условиями религиозная окраска движения агонистиков побуждала их видеть главного врага в освящавшей существующий социальный строй католической церкви. Поскольку против этой церкви вело ожесточенную борьбу донатистское духовенство, агонистики, естественно, видели в нем своего союзника.

Несомненна также связь идеологии донатизма с религиозными взглядами агонистиков. Если агонистики проповедовали добровольное мученичество, то донатистское духовенство активно поддерживало эту идею, пытаясь создать своей церкви репутацию «мученической». Феодорит Кирский, описывая донатистскую ересь, характеризует ее чертами, которые Опат приписывает агонистикам: он пишет, что донатисты склонны к добровольному мученичеству, кончают жизнь самоубийством, бросаясь со скал или, подстерегая по дороге путников, заставляют их убивать себя ¹²⁸. Видимо, современники не проводили резкой грани между донатистами и агонистиками.

Из истории африканской церкви известно, что донатисты вели ожесточенную борьбу с отколовшимися от них сектами, с которыми они расходились по тем или иным вопросам, но агонистики никогда не рассматривались донатистами как еретическая секта. Судя по сообщению Опата, агонистиков хоронили в донатистских церквях; очевидно, они считались адептами донатизма. Рассказывая об обращении к агонистикам донатистского епископа Макробия, Августин сообщает, что он был более разгневан на их дела, чем радовался их послушанию ¹²⁹. Очевидно, агонистики считали донатизм своей религией, а донатистских проповедников соответственно рассматривали как духовных пастырей. В богословском отношении агонистики отличали себя от остальных донатистов только своей ролью

¹²⁶ А. Д. Дмитриев. Указ. соч., стр. 66 сл.

¹²⁷ Ср. Büttner. Op. cit., S. 34.

¹²⁸ Theod. Cyr., Haereticarum fabularum compendium, IV.—PG, 83, col. 423.

¹²⁹ Aug., Ep., 108, 5, 14.

«борцов», «святых», воинствующих защитников «истинной веры». С этим были связаны и другие черты идеологии агонистиков: отказ от работы в собственном или господском хозяйстве, проповедь аскетизма и мученичества. Они как бы отрешались от всех мирских дел и соблазнов, чтобы всецело подчинить себя одному — борьбе за чистоту веры.

Приведенные факты, как нам кажется, достаточно убедительно доказывают тесную связь, существовавшую между движением агонистиков и донатистской церковью. Агонистики наиболее последовательно воплощали то направление в донатизме, которое сохраняло верность традициям демократического христианства. Им была свойственна непримиримая враждебность существующему социальному строю, которая выражалась в решительном отрицании окружавшего их «неправедного» мира и в фанатической готовности отделить, очистить себя от этого мира даже ценой собственной жизни. Агонистики выражали эти тенденции даже последовательнее, чем ранние христианские общины: их деятельность и организация носили более боевой, воинствующий характер, они не ограничивались актами пассивного мученичества, но выступали с оружием в руках в борьбе за «правую веру».

Все эти особенности секты агонистиков, порожденные связью их идеологии с настроениями угнетенного слоя сельского населения, приводили к тому, что в отдельные периоды их деятельность выходила за рамки чисто религиозной борьбы и перерастала в вооруженные выступления против эксплуататорских отношений. Данные об участии агонистиков в восстаниях сельского плебса сохранились в произведении Оптата и в переписке Августина.

В связи с рассказом о сопротивлении донатистского епископа города Багаи миссии Павла и Макария Оптат сообщает о событиях, имевших место в Нумидии незадолго по этой миссии. По его словам, агонистики бродили в то время по разным местам во главе с Аксидо и Фазиром, которые называли себя «вождями святых». В это время ни один землевладелец не чувствовал себя в безопасности в своем имении, ни один кредитор не мог взимать долг. «Всех устрашали их письма, — пишет Оптат, — и если медлили с исполнением их приказаний, внезапно налетала безумная толпа (*multitudo insana*), и кредиторы были окружены опасностью... Каждый спешил лишиться даже

самых больших домов, и прибыль считалась потерянной благодаря их беззакониям». Далее Опат рассказывает, что агонистики выбрасывали на дорогах господ из их колысок, сажали на их место рабов, а господ заставляли бежать впереди, подобно рабам. «Их (агонистиков.— Г Д.) судом и властью взаимно менялось положение господ и рабов» (...inter dominos et servos condicio mutabatur). Опат отмечает, что действия агонистиков вызвали недоброжелательное отношение к донатистскому духовенству. Поэтому донатистские епископы обратились с просьбой к комиту Таурину «об установлении порядка». Агонистики были во множестве перебиты солдатами на рынках (per pundinas) и в местечке Октавензис (in loco Octavensi), причем донатистские епископы запретили хоронить их в своих церквах ¹³⁰.

Сообщение Опата позволяет сделать вывод, что в 40-х годах IV в. агонистики возглавляли в Нумидии массовое движение сельского населения, направленное против землевладельцев и кредиторов. Их деятельность в этот период носила ярко выраженный социальный характер: они выступали с оружием в руках против эксплуататорских отношений, господствовавших в африканской деревне.

Следующее по времени сообщение о восстании сельского населения, происходившем под руководством агонистиков, принадлежит Августину. В одном из писем, относящихся к 409 г., Августин пишет, что дерзость крестьян обратилась против землевладельцев (contra possessores suos rusticana erigatur audacia), беглые рабы отнимаются от господ, угрожают им и грабят их под предводительством циркумцеллионов, которые при возгласах «Deo laudes» проливают чужую кровь. «Вдохновителями, руководителями всего этого и главными участниками самих преступлений,— пишет Августин,— являются ваши (донатистов.— Г Д.) единоверцы агонистики, которые во имя «хвалы богу» украшают честь вашего имени, во имя «хвалы богу» проливают чужую кровь» ¹³¹. В другом письме (к Бонифацию), относящемся к 20-м годам V в., Августин рассказывает, что агонистики разрушали винные погреба, отнимали долговые расписки у кредиторов и возвращали их должникам, «уни-

¹³⁰ О р т., III, 4.

¹³¹ А u g., Е р., 108, 6, 18.

чтожали документы на наихудших рабов, чтобы они уходили в качестве свободных... Некоторые отцы семейств, люди высокого происхождения или благородного воспитания,... привязанные к жернову, влекли его по кругу, подгоняемые бичами, как презренный скот». Августин отмечает, что императорские гражданские власти были бессильны в борьбе с агонистиками, а фискальные чиновники в районах их действий не могли взыскивать налоги. «Чего стоила помощь, оказываемая против них законами, гражданскими властями? Какой сффициал дышал в их присутствии? Какой сборщик податей взыскивал то, чего они не хотели?» Повстанцы избивали землевладельцев, оказывавших им сопротивление, сжигали их дома ¹³². В этом письме Августин говорит, очевидно, о событиях конца IV в., поскольку он относит их к времени, предшествовавшему антидонатистскому законодательству Гонория ¹³³.

Судя по приведенным сообщениям Олтата и Августина, основным социальным слосм, против которого выступали участники движения, были владельцы имений и кредиторы. Восставшие боролись также против налоговой эксплуатации, стремились помешать деятельности государственного фискального аппарата. Из этих данных можно заключить, что основную массу восставших составляли колонны. Об этом же свидетельствует принадлежащая Августину наиболее общая и лаконичная оценка восстания как проявления «дерзости сельчан» (*rusticana audacia*) *contra possessores suos*. Под *rusticani*, восстающими против своих поссессоров, Августин мог иметь в виду прежде всего колоннов ¹³⁴. Противопоставление колоннов — поссессор вообще характерно для терминологии Августина, в то время как рабу (*servus*) обычно противопоставляется *dominus* ¹³⁵.

По мнению Бриссона, участниками африканских восстаний IV в. были безработные сельские рабочие. Землевладельцы предоставляли им займы за повышенные про-

¹³² A u g., Ep., 185, 4, 15.

¹³³ Ibidem: Prius... quam istae leges a catholicis imperatoribus mitterentur.

¹³⁴ Cp. Ep., 247: homines rusticani = coloni.

¹³⁵ См., например, A u g., Ep. ad cathol., 20, 53: nam cotidie videmus et filium de patre tamquam de persecutore suo conqueri et coniugem de marito, et servum de domino, et colonum de possessore...

центы, пытаясь «эксплуатировать их нищету», что и вызвало гнев циркумцеллионов против поссессоров¹³⁶. Не говоря уже о том, что это предположение не подтверждается никакими данными источников, совершенно немыслимо представить себе землевладельца, дающего займы деньги людям, явно не имеющим возможности их отдать. Такие ссуды имели бы смысл, если бы поссессоры стремились закабалить должников, использовать их труд в своем хозяйстве. Но это несовместимо с предположением о «безработице» как причине восстаний. Противоречия между кредиторами и должниками, очевидно, действительно играли значительную роль в восстаниях агонистиков, но порождались они не «безработицей», а отношениями между владельцами денег и земли, с одной стороны, и колонами, обрабатывавшими эту землю, с другой. Займы у поссессоров неизбежно приводили к росту повинностей, взимаемых с колонов, и, таким образом, ухудшали их и без того тяжелое положение¹³⁷. Не исключено также, что кредиторами сельчан были ростовщики — преслика, которая получила в поздней Римской Африке настолько широкое развитие, что понадобился ее специальное ссловно-юридическое оформление (CTh, XIII, 1, 8).

Таким образом, африканские аграрные восстания IV в. были прежде всего движением колонов и близких к ним групп эксплуатируемого сельского населения против крупных землевладельцев, ростовщиков и налогового аппарата империи. В то же время составвшие широко практиковали освобождение рабов, которые затем нередко примыкали к движению. И колонам, и сельским рабам (*mancipia rustica*) противостояла в качестве эксплуататора их труда одна и та же социальная группа — владельцы имений, естественно поэтому, что рабы принимали участие в восстаниях сельского населения против поссессоров.

Оплат рассказывает об «устрашающих письмах», которые руководители восстания 40-х годов IV в. в Нумидии направляли поссессорам. Поскольку далее он сообщает, что в период восстания всякая прибыль считалась потерянной, мы можем заключить, что эти письма содержали требования о выдаче денег и натуральных продуктов, составляв-

¹³⁶ Brisson. Op. cit., p. 340.

¹³⁷ Ср. Н. А. Машкин. Движение агонистиков..., стр. 25 сл.

ших доход собственников имений. В рассматриваемый период основной формой эксплуатации колонов и посаженных на землю рабов был денежный и натуральный оброк. Поссessor противостоял работнику имения прежде всего как претендент на львиную долю его личного хозяйства или его денежного дохода. Понятно поэтому, что борьба колонов против растущей эксплуатации выливалась в первую очередь в требование изъятия у землевладельца той части имущества, которую он у них экспроприировал.

По мнению А. Д. Дмитриева, одной из целей движения агонистиков был «общий передел земли»¹³⁸. Но этот вывод никак не вытекает из данных источников и затушевывает историческую специфику рассматриваемых движений.

Процесс мобилизации земли, как правило, сопровождался в IV в. не обезземеливанием сельчан, но их закабалением и превращением в зависимых работников крупных имений. Экспроприация колонов была завуалирована тем фактом, что они продолжали сидеть на своей земле и пользоваться своим индивидуальным хозяйством. В силу естественной в тех исторических условиях ограниченности классового сознания колонов они не могли ставить своей целью уничтожение крупного землевладения. Они боролись лишь против очевидной для них несправедливости — перехода продукта их труда в чужие руки. По-видимому, восставшие даже не выгоняли землевладельцев из имений и, судя по сообщению Оптата, применяли к ним насилие только в тех случаях, когда те отказывались выполнять их требования («...если медлили с исполнением их приказаний, внезапно налетала безумная толпа»). Такой же характер носили восстания конца IV в., о которых рассказывает Августин. Восставшие ограничивались тем, что отбирали у землевладельцев присвоенные ими продукты своего труда и, очевидно, именно с этой целью разрушали винные погреба, в которых хранилось вино, полученное в виде оброка с колонов.

Таким образом, африканские восстания IV в. выражали прежде всего стихийный протест сельского населения против растущей эксплуатации колонов и рабов. По-

¹³⁸ А. Д. Дмитриев. Социальные движения в Римской империи... Черновцы, 1949 (докторская диссертация, машинопись) стр. 235.

скольку для крупных имений поздней Римской империи было характерно тесное переплетение крепостнических и сохранявшихся еще рабовладельческих отношений, борьба колонов совместно с рабами против крупных землевладельцев была в то же время борьбой против рабовладения.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные источников не позволяют судить ни о том, насколько часто вспыхивали восстания сельского плебса Римской Африки, ни об их территориальном распространении. Во всяком случае из сообщений Оптата и Августина явствует, что в отдельных сельских районах Нумидии восставшие в течение известного периода целиком контролировали территории, на которых было расположено много крупных имений. Однако эти восстания всегда носили локальный характер и в конечном счете без особого труда подавлялись римскими войсками.

По своим экономическим предпосылкам и классовому содержанию африканские аграрные восстания имеют много общего с другими движениями сельских тружеников эпохи поздней античности. Такие черты, как объединение рабов и колонов в общей борьбе, протест против налоговой эксплуатации и оброчных повинностей, свойственны, например, и восстаниям багаудов в Галлии. Однако в идеологическом отношении африканские восстания отличаются определенным своеобразием. Вряд ли можно сомневаться, что фактическими идеологами и руководителями борьбы колонов и рабов против поссессоров и кредиторов были агонистики. Уже то обстоятельство, что агонистики обладали сплоченной боевой организацией, должно было поставить их во главе стихийно возникавших восстаний. Но, помимо этой организации, они привносили в движение еще свое религиозное учение, которое давало восстанию оправдание и моральный стимул. Борьба против социальной несправедливости разворачивалась под религиозным знаменем; как с ужасом пишет Августин, освобождение рабов, экспроприация собственников и уничтожение долгов производились агонистиками во имя «славы божьей».

У нас нет оснований приписывать агонистикам какую-то четкую социальную программу. Высказывавшиеся в литературе предположения, что в основе их учения лежала

«идея равенства всех и общности имущества»¹³⁹ либо что их идеалом было «основанное на уравнительных началах патриархальное крестьянское хозяйство»¹⁴⁰, не находят опоры в источниках. Участвуя в социальной борьбе, агонистики прежде всего стремились осуществить на практике свои религиозные идеалы. Вооруженные выступления против представителей господствующего класса были для них одним из высших проявлений «агона» — борьбы за чистоту веры. В основе этой борьбы лежали, несомненно, настроения угнетенных классов, но выраженные и опосредствованные определенными христианскими концепциями. Именно в этих концепциях следует искать ответа на вопрос, какие цели ставили перед собой агонистики, участвуя в восстаниях.

Сведения источников, относящиеся непосредственно к агонистикам, слишком скудны, чтобы дать сколько-нибудь полное представление об их идеологических построениях. Однако мы можем исходить из тесной связи учения агонистиков с идеями демократического африканского христианства III в. Если донатизм активно защищал такие стороны этого христианства, как проповедь мученичества, идею церкви как сообщества «святых», отделенного от грешников и «предателей», то агонистики, примыкая к донатизму, выражали те же требования в наиболее крайней и непримиримой форме. Следовательно, будет справедливо предположить, что и социальные мероприятия агонистиков вдохновлялись теми социальными идеями, которые были свойственны этому направлению в христианстве. По этой причине нам представляется вполне закономерной попытка Бриссона сблизить идеологию африканских восстаний IV в. с тем толкованием христианства, которое всего полнее и ярче выражено в произведениях Коммодиана¹⁴¹. Мы не будем здесь пересматривать сложный вопрос о датировке и локализации творчества этого христианского поэта. Бриссон, в противоположность мнению большинства исследователей, относит его не к III, а к V в. и считает Ком-

¹³⁹ А. Д. Дмитриев. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах, стр. 71.

¹⁴⁰ Н. А. Машкин. Агонистики, или циркумцеллионы..., стр. 92.

¹⁴¹ Brisson. Op. cit., p. 378—410.

модиана донатистом ¹⁴². Бриссон защищает также широко распространенный в литературе тезис о принадлежности Коммодиана к африканской христианской литературе. Мы думаем, что последнее заключение является правильным. Однако, независимо от датировки произведений Коммодиана, кажется несомненным, что они являются ценным источником для изучения взглядов христиан, выступавших против Римского государства и существующего общественного строя.

Социальные позиции Коммодиана исследованы Е. М. Штаерман ¹⁴³, а также Бриссоном. Мы укажем здесь лишь наиболее существенные моменты. Моральное осуждение богатства, обычное для раннехристианской литературы, дополняется у Коммодиана требованием возмездия богачам и «сильным мира сего» за совершенные ими прегрешения. Это возмездие наступит по истечении 6 тыс. лет, когда мир сгорит в огне, а мертвые воскреснут. По воскрешении «начальники, первые и знатные» станут рабами «святых». «Святые» возьмут у богачей их золото и серебро. По прошествии тысячелетнего периода искупления богатыми и сильными своих грехов они будут ввергнуты в вечный огонь ¹⁴⁴.

Можно с большой долей уверенности полагать, что идеи, отраженные в произведениях Коммодиана, имели широкое хождение среди христиан из числа эксплуатируемых слоев. чьи настроения выражали секты, подобные агонистикам. Нельзя не видеть родственной связи между этими идеями и мероприятиями агонистиков во время восстаний. Если Коммодиан предрекал, что богатые и знатные будут обращены в рабство, то агонистики осуществляли это пророчество на практике, запрягая господ в коляски вместо рабов или заставляя их вращать мельничные жернова. Агонистики считали, что, отнимая у землевладельцев их богатства, они восстанавливают христианскую справедливость, поправленную ненасытностью богачей.

При всей острой социальной направленности творчества Коммодиана, при характерной для него непримиримой

¹⁴² Ibid., p. 390 sqq. В своей датировке творчества Коммодиана Бриссон следует П. Курселю [P. Courcelle. Commodien et les invasions du V-e siècle. «Revue des études latines», 24 (1946), p. 227—246].

¹⁴³ См. Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 148 сл.

¹⁴⁴ См. Comtois, Instr., II, 1; 3; 39; Carpi., 987, 988.

враждебности к господствующим классам, мы все же не найдем у него ни сколько-нибудь четкой программы социального переустройства, ни призыва к немедленной борьбе угнетенных за свое освобождение. Установление справедливой жизни он относит — вполне в духе эсхатологических идей своей эпохи — ко времени после конца света и воскрешения мертвых. Этот переворот должен произойти в результате непосредственного вмешательства Христа в земные дела¹⁴⁵. Социальный идеал Коммодиана не выходит за рамки перемены мест между грешными богачами и угнетенными праведниками, причем определяющим мотивом этого общественного переустройства является возмездие господам за их грехи.

Все эти особенности мировоззрения Коммодиана представляют значительный интерес для правильного понимания идеологии угнетенных масс римской Северной Африки. Отрицая и ненавидя существующий общественный строй, они не ощущали в себе достаточной силы, чтобы самим изменить этот строй, освободиться от его ига. Поэтому в рисовавшейся им картине освобождения центр тяжести переносился на вмешательство божественной либо какой-то иной внешней силы. Чрезвычайно интересно в этой связи, что победу над Римом и знатными Коммодиан в одном из своих пророческих стихотворений приписывает готам¹⁴⁶. Нельзя не видеть в этом явного доказательства того факта, что надежды эксплуатируемых слоев империи обращались к «варварам», сотрясавшим с III в. Римское государство.

Выступая с оружием в руках против землевладельцев и римских властей, агонистики не дожидались исполнения хилиастических пророчеств о конце света и пытались уже на этой земле активно содействовать правому делу. Но было бы ошибкой полагать, что агонистики сознательно

¹⁴⁵ C o m m o d., Instr., II, 39, 6:

{Hoc placuit Christo resurgere mortuos imo
Cum suis corporibus, et quod ignis ussit in aevo,
Sex milibus annis completis mundo finito.

На хилиастическую оболочку идеологии Коммодиана, а также на свойственные ему противоречия и колебания справедливо указал Л. Варцл («К вопросу о характеристике Коммодиана». ВДИ, 1959, № 2, стр. 165—167).

¹⁴⁶ C o m m o d., Carm., 809:

Ecce iam ianuam pulsatur cogitur ense,
Qui cito traiciet Gothis inrumpentibus amne.

стремились установить некий новый социальный порядок. Их представление о победоносном исходе борьбы против земной несправедливости прочно связывалось, как и у Коммодиана, с эсхатологическими христианскими чаяниями. Это ясно следует из того, что одновременно с выступлениями против господствующих классов они продолжали практиковать самоубийства. Августин пишет, что во время восстаний агонистиков никто не смел мстить за людей, убитых ими, «кроме тех, от кого они в безумии сами требовали наказания. Ведь некоторые из них, чтобы заставить нанести себе удар мечом, угрожали людям смертью, другие повсюду добровольно умирали..., то ли бросаясь в различные стремнины, то ли в воду, то ли в огонь» ¹⁴⁷. Таким образом, экспроприация господ и обращение их в рабство были для агонистиков таким же проявлением «агона», как и самоубийства, которые позволяли им скорее предстать перед судом божьим. Из этого видно, что разрушая ненавистный им мир социальной несправедливости, агонистики не надеялись установить «господство праведных» уже на этом свете. Одержатъ полную победу над греховным миром можно было, лишь уйдя из него и возродившись в новом справедливом мире, созданном божественной волей. Но для того, чтобы приблизить конец света и торжество праведных, надо было стремиться исполнять волю бога уже на этом свете — таковы были примерно религиозные мотивы социальных выступлений агонистиков. Что касается будущего социального устройства, то оно окутывалось в мистическую дымку эсхатологических пророчеств и связывалось с непосредственным вмешательством бога в земные дела. Можно целиком согласиться с метким замечанием Бюттнер, что «в социальных действиях агонистиков акцент делается на *подготовке* божьего суда» ¹⁴⁸. Считая себя непосредственными исполнителями божественной воли, агонистики видели свою миссию в том, чтобы начать ту борьбу за торжество правого дела, которая завершится лишь после конца света, и, таким образом, обеспечить себе вечное блаженство. В атмосфере того религиозного экстаза, которым были охвачены агонистики, для них было совершенно естественно по выполнению своей земной

¹⁴⁷ Aug., Ep., 185, 4, 15.

¹⁴⁸ Büttner. Op. cit., S. 51.

миссии добиваться скорейшего переселения в иной мир и, освободив рабов и должников, бросаться на обнаженные мечи. Понятно, что в этих условиях не могло быть речи о стремлении к последовательному и прочному преобразованию существующих общественных отношений, о реальном закреплении побед, одержанных в борьбе с господствующим классом.

В те периоды, когда агонистики принимали участие в выступлениях сельских тружеников, в рядах их противников оказывались не только римские власти и католическая церковь, но и донатистский клир. Епископы донатистской церкви предавали своих вчерашних союзников и призывали против них римские войска. В своей полемике с католиками они всячески стремились отмежеваться от связей с циркумцеллионами ¹⁴⁹. Даже такой противник донатистов, как Августин, не решался возложить на них ответственность за выступления агонистиков против землевладельцев и лишь отмечал, что подобные факты возбуждают против донатистской церкви императорские законы ¹⁵⁰.

В этой тактике донатистского клира проявлялась противоположность социальных позиций различных направлений, представленных в донатистском движении. Если африканских колонов и рабов влекла к донатизму их ненависть к существовавшему социальному и политическому строю, то донатистская церковь проявляла открыто враждебное отношение к борьбе масс против эксплуатации. Следует в то же время подчеркнуть, что, несмотря на боевой характер социальных выступлений агонистиков, они все же не привели к разрыву между этими двумя направлениями в донатизме. В этих выступлениях следует видеть скорее отдельные эпизоды в деятельности агонистиков, чем выражение ее главного и постоянного направления. Совершенно несомненно, что католические писатели, стремясь скомпрометировать донатистов, старались перечислить все известные им «противозаконные» действия агонистиков. Между тем в их произведениях, за исключением трех приведенных выше отрывков, мы не встретим больше упоминаний об участии агонистиков в восстаниях. Подав-

¹⁴⁹ Opt., III, 4; Aug., Ep., 108, 5, 14; C. ep. Parmen., I, 11, 17.

¹⁵⁰ Aug., Ep., 108, 6, 18.

ляющее большинство приводимых у Оптата, Августина и в других источниках фактов о деятельности циркумцеллионов относится к чисто религиозной борьбе. Лишь на короткие периоды агонистики вступали в противоречие с политикой донатистской церкви. После подавления восстаний они вновь действовали в полном согласии с волей своих епископов. Так было, например, в 40-х годах IV в., когда после восстания, подавленного с помощью донатистского духовенства, агонистики, оказывая сопротивление миссии Павла и Макария, выступали лишь как боевая сила донатистской церкви. Так было, несомненно, и во времена Августина, когда отряды агонистиков широко использовались донатистским клиром для террора против католической церкви.

Неспособность агонистиков осознать враждебность своих социальных устремлений классовым позициям донатистской церкви, освободиться от влияния донатистского епископата во многом объяснялась абстрактно-религиозным характером их идеологии. Их религиозные идеалы в значительной мере совпадали с теми, которые проповедовались донатистской церковью. Это побуждало агонистиков видеть в этой церкви не только своего естественного союзника, но и духовного пастыря.

При всей непоследовательности социальных выступлений агонистиков, при всем мистицизме, окутывавшем цели их деятельности, эти выступления представляли собой громадный шаг вперед в развитии классовой борьбы народных масс Северной Африки. Впервые пассивный протест против господствующего строя, характерный для демократического христианства III в., сменился вооруженной борьбой с этим строем, религиозный фанатизм вышел за рамки аскетизма и добровольного мученичества и устремился против богачей и «сильных мира сего». Появление этих новых элементов в деятельности и идеологии одной из христианских сект, несомненно, отражало дальнейший рост социальных противоречий и новый подъем стихийного движения масс. Именно в атмосфере острой социальной борьбы, создаваемой восстаниями сельского плебса, агонистики развивали свои религиозные идеи применительно к потребностям этих восстаний. Исторически агонистики принадлежали к наиболее ранним представителям еретической христианской идеологии, которая в своем

дальнейшем развитии стала, по характеристике Энгельса, «прямым выражением потребностей крестьян и плебеев и почти всегда сочеталась с восстанием»¹⁵¹.

Нечеткость целей, характерная для восстаний агонистиков, в конечном счете коренилась в особенностях положения сельского плебса поздней Римской Африки. В восстаниях багаудов в Галлии довольно ясно выступает стремление к восстановлению свободных сельских общин¹⁵². В Африке же, во всяком случае в ряде ее районов, сельская община была разрушена довольно рано благодаря сравнительно широкому вовлечению сельского населения в сферу товарных отношений и, возможно, индивидуальному характеру землепользования (ср. *usus proptius* и «виллы» колонов из *Ilex Manciana*). Возможно, именно этим обстоятельством объясняется раннее распространение христианства в африканской деревне. Отсутствие каких-либо элементов реального общественного идеала в существующем мире заставляло африканских сельчан искать этот идеал в мире потустороннем. Это создавало благоприятную почву для успеха раннехристианской проповеди с ее эсхатологическими обещаниями. С этим связана и весьма туманная «позитивная программа» агонистиков, и отличия африканских восстаний от движения багаудов¹⁵³. Мистический налет, свойственный идеологии этих восстаний, был в исторических условиях той эпохи вполне закономерным явлением. Но этот налет не должен скрывать от нас той непримиримой вражды к существующим социальным отношениям, той готовности к активной борьбе, которая отразилась и в религиозном фанатизме агонистиков, и в их вооруженных выступлениях против господствующего класса. Малейшее ослабление римской власти или появление сильного союзника, о котором мечтал Коммодиан, предвещая вторжение готов, должно было расширить перспективы этой борьбы, дать ей новый стимул. Римская империя не имела в Северной Африке сколько-нибудь прочного тыла, и это решило в конце концов судьбу ее власти в данном районе.

¹⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 362.

¹⁵² См. А. Р. Корсунский. Движение багаудов. ВДИ, 1957, № 4, стр. 71—87.

¹⁵³ Ср. Büttner. Op. cit., S. 52.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ БОРЬБА во второй половине IV — начале V в.

1. Восстания Фирма и Гильдона

С начала правления Валентиниана I в. вновь усилился натиск берберских племен на римскую территорию. В этот период они угрожали прежде всего Триполитании и Цезарейской Мавретании. Аммиан Марцеллин подробно рассказывает о вторжении в 365 г. племени австуриан на территорию Триполитании. Сам Аммиан никогда не был в Африке, его рассказ об этих событиях основан, очевидно, на документах расследования, предпринятого позднее правительством империи¹. Поэтому он уделяет основное внимание деятельности различных должностных лиц, их интригам и взаимоотношениям с триполитанскими городами и почти ничего не говорит об общественном строе племен этого района и причинах их войны с империей. Все же Аммиан приводит один интересный факт, проливающий некоторый свет на характер этой войны. По его сообщению, непосредственным поводом к началу военных действий явилась казнь римскими властями некоего Стахаона из племени австуриан. Этот Стахаон якобы разъезжал по римской территории, подстрекая жителей провинции к измене, за что и был схвачен и казнен². Сообщение это, если в нем есть зерно истины, указывает на известную связь между вторжением племен и настроениями оппозиционных

¹ Амм. Марс., XXVIII, 6, 28; ср. В. Н. Warmington, *The Career of Romanus comes Africae*. «Byzant. Zeitschrift», 49 (1956). I, S. 55—56.

² Амм. Марс., XXVIII, 6, 1—4.

по отношению к империи слоев провинциального населения. К этим слоям вряд ли могли принадлежать жители триполитанских городов или прилегающих к ним районов, поскольку, как явствует из дальнейшего рассказа Аммиана, эти группы населения были в наибольшей степени заинтересованы в защите от австуриан. Мы знаем из сообщения, относящегося, правда, к более позднему времени, что в районе триполитанского лимеса жили «варвары», принадлежавшие к племени арзугов, многие из которых были колонатами в имениях местных землевладельцев, а многие подчинялись непосредственно военным властям лимеса и, таким образом, состояли, очевидно, на римской военной службе³. Можно предположить, что именно к этим в той или иной мере эксплуатируемым римлянами представителям племенного населения была обращена агитация австуриан. Во всяком случае рассказ Аммиана создает впечатление, что австуриане совершенно беспрепятственно перешли римскую границу, несмотря на наличие здесь хорошо укрепленного лимеса⁴, что, возможно, было связано с той поддержкой, которую они получили от живших на римской территории племен.

Как известно из рассказа Аммиана, триполитанские города не получили военной помощи от комита Романа, так как отказались предоставить ему затребованное количество провианта и верблюдов для армии. Австуриане захватили и разграбили города Эю и Сабратху, опустошили сельские территории этих городов, а также Лептиса, который им не удалось взять штурмом. После неудачной осады Лептиса они возвратились на свою территорию⁵.

Значительно больший размах и более существенные последствия имело восстание мавретанских племен, развернувшееся в 70-х годах IV в. В отличие от остальных африканских провинций, большая часть территории Цезарейской Мавретании — особенно ее внутренние районы — в IV в. была занята многочисленными берберскими племенами. Автор «*Expositio totius mundi*», характеризуя население

³ Aug., Ep., 46.

⁴ См. Goodchild and Ward Perkins. The «Limes Trinolitanus» in the Light of Recent Discoveries. JRS, 39(1949), 40 (1950). Еще в правление Константа в Триполитании производились работы по строительству оборонительных сооружений (ILAf, 11).

⁵ Amm. Marc., XXVIII, 6; 1—15; ср. IRT, 23.

африканских провинций, выделяет Мавретанию как область с варварским (по образу жизни и нравам) ⁶ населением. Аммиан Марцеллин, рассказывая о событиях в Африке, упоминает большое количество отдельных мавретанских племен, специально отмечая, что они различались между собой в религиозном отношении и по языку ⁷ (т. е. сохраняли свои племенные культы и языки). Археологические и эпиграфические данные подтверждают чрезвычайно слабое распространение христианства среди этих племен ⁸.

Вместе с тем ряд фактов свидетельствует о том, что у многих племен к этому времени сравнительно далеко зашел процесс имущественного расслоения, выделилась богатая родоплеменная аристократия. Аммиан Марцеллин упоминает нескольких племенных предводителей, располагавших крупными денежными богатствами (которые они использовали для подкупа других племен во время войны с римлянами), имевших собственные крупные имения, рабов ⁹. Эти сообщения Аммиана подтверждаются археологическими данными о богатых мавзолеях представителей племенной знати и надписями из их имений ¹⁰. Римские власти, стремясь нейтрализовать военную активность берберов, пытались опереться — там, где это было возможно, — на эту состоятельную родоплеменную верхушку. Племена, окончательно утратившие свою независимость и использовавшиеся в качестве федератов, были подчинены префектам, назначенным римлянами из числа представителей местных знатных родов ¹¹. Другие более многочисленные и сильные племена сохраняли свою собственную организацию во главе с вождями или царьками, которых империя старалась подчинить своему влиянию. Этот верхушечный слой племен

⁶ «Expositio totius mundi et gentium», 60.

⁷ Аммиан Марц., XXIX, 5, 28: ...dissonas cultu et sermonum varietate nationes plurimas.

⁸ Mesnage. Le christianisme en Afrique, p. 632.

⁹ Аммиан Марц., XXIX, 5, 13; 28; 31; 34; 36.

¹⁰ St. Gsell. Monuments..., t. II, p. 412—417; CIL, VIII, 9011; 9613; CRAI, 1901, p. 170—172.

¹¹ Ауг., Ep., 199, 12, 46: quidam eorum (gentium) rarissimi atque paucissimi, qui pacati Romanis finibus adhaerent, ita ut non haberent reges suos, sed super eos praelecti... constituentur. Cp. CIL, VIII, 9613: надпись на мавзолее префекта племени мадигов (или мазиков), упоминаемого также Аммианом (XXIX, 5, 25).

был, по-видимому, в какой-то степени романизован, некоторые его представители приняли христианство ¹².

В середине IV в. одним из наиболее могущественных мавретанских «царьков» был Нубель, объединявший под своей властью ряд племен Западной Кабилии ¹³. После его смерти разгорелась борьба между его сыновьями за племенное предводительство. Римский комит Роман поддерживал в этой борьбе Саммака. Саммак в надписи, происходящей из его укрепленного имения *fundus Petrensis* (о котором упоминает также Аммиан) ¹⁴, заявляет о своей верности империи (*rem quoque Romanam fida tutat undique dextra*) и сообщает, что в союзе с ним находятся многие племена (*Denique finitimae gentes deponere bella in tua concurrunt curientes foedera, Sammac*) ¹⁵. Впоследствии Саммак был убит другим сыном Нубеля Фирмом, который и унаследовал власть отца. В 372 г. племена, объединенные Фирмом, начали военные действия против Рима на территории Цезарейской Мавретании. В ходе первого этапа войны Фирм, по-видимому, без особых затруднений захватил значительную часть этой провинции. Город Цезарея был взят Фирмом и в значительной мере разрушен ¹⁶. Часть африканской римской армии перешла на сторону Фирма. В их числе была 4-я когорта сагиттариев и часть Константина легиона вместе с ее трибунами, один из которых по словам Аммиана Марцеллина, возложил на голову Фирма свою шейную цепь вместо диадемы. Римские провинциальные власти были охвачены паникой. Правители провинций бежали из своих резиденций и укрылись в тайных убежищах ¹⁷.

Римское правительство смогло подавить восстание Фирма, лишь перебросив в Африку войска из Нижней Паннонии и Мезии ¹⁸ во главе с *magister equitum praesentalis* Феодосием, которому была передана вся полнота военной

¹² Aug., Ep., 199, 12, 46; ср. Mesnage. Op. cit., p. 547—548.

¹³ Amm. Marc., XXIX, 5, 2: Nubel velut regulus per nationes Mauricas potentissimus.

¹⁴ Amm. Marc., XXIX, 5, 13.

¹⁵ St. Gsell. Note sur une inscription d'Ighzer-Amokrane (Kabylie). CRAI, 1901, p. 170—172.

¹⁶ Amm. Marc., XXIX, 5, 15—19; Symm., Ep., I, 64; Oros., Adversum paganos, VII, 33, 5.

¹⁷ Amm. Marc., XXIX, 5, 19 sqq.

¹⁸ Zosim., Hist. nova, IV, 16.

власти в африканских провинциях. Созданный Фирмом сюз множества мелких племен, возглавляемых вождями, которые часто заботились лишь о военной добыче, не был достаточно прочным. Многих племенных предводителей Фирм склонил на свою сторону с помощью подкупа¹⁹. Тот же метод широко применял в борьбе с Фирмом римский командующий Феодосий. По сообщению Аммиана, он не упускал случая посылать посредников к различным племенам, чтобы привлечь их к союзу то страхом, то деньгами, иногда обещанием оставить безнаказанными их набеги²⁰. С помощью такой тактики Феодосию постепенно удалось лишить Фирма большинства его союзников. Долше всего верность Фирму сохраняло племя исафлензиев, но в результате предательства его вождя Игмазена Фирм был схвачен и покончил жизнь самоубийством²¹.

Аммиан Марцеллин видит в восстании Фирма результат неблагоприятной деятельности комита Африки Романа. Роман интриговал против Фирма, писал на него ложные доносы императору Валентиниану, использовал против него свои связи при дворе. «Фирм,— пишет Аммиан,— не будучи в состоянии выносить ненасытное чванство военных должностных лиц,— поднял восстание маврских племен, восприимчивых ко всяким раздорам»²². Итак, по Аммиану, существовали две главных причины восстания: деятельность Романа, направленная против Фирма, и мятежные настроения берберских племен. У нас нет оснований сомневаться в подлинности фактов, приводимых им в этой связи, тем более что они подтверждаются другими источниками. Следует, однако, учитывать, что подчеркивая личную ответственность Романа за события в Африке, Аммиан руководствовался не только фактами, но и своим крайне отрицательным отношением к этому военному чиновнику, причинившему тяжелые бедствия триполитанским куриалам — представителям социальной группы, привлекающей наибольшие симпатии историка²³. Изложение истории самой войны с Фирмом Аммиан в значи-

¹⁹ A m m. M a r c., XXIX, 5, 28; 34.

²⁰ Ibid., 5, 33.

²¹ Ibid., 5, 51—55.

²² A m m. M a r c., XXIX, 5, 2; XXX, 7, 10.

²³ Cp. E. A. T h o m p s o n. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947, p. 129; W a r m i n g t o n. The Career of Romanus..., p. 55 sq.

тельной мере подчинил цели прославления деятельности Феодосия Старшего (которое вообще весьма характерно для его труда)²⁴. Поэтому главное внимание здесь уделяется военным операциям Феодосия, его стараниям разложить союз племен и т. п. В силу этих причин в рассказе римского историка отступают на задний план некоторые весьма существенные особенности восстания Фирма, которые можно проследить частично по другим источникам, частично по отдельным беглым замечаниям самого Аммиана.

Зосим определенно связывает восстание Фирма с недовольством населения Римской Африки (Λίβυες) налоговой политикой Валентиниана и вымогательствами комита Романа²⁵. Отсюда можно заключить, что это восстание было поддержано не только берберскими племенами, но и широкими слоями населения африканских провинций. Это подтверждается и другими данными. Союзником Фирма была донатистская церковь. Августин пишет, что донатисты видели в Фирме представителя законной власти (*in legitimis potestatibus numerent*)²⁶. Католики сбивали донатистских епископов в том, что они с помощью Фирма подавили отколовшуюся от донатизма секту рогатистов²⁷. Донатистский епископ мавретанского муниципия Рузики Виктор открыл перед Фирмом городские ворота и отдал ему на разграбление имущество католиков²⁸. Донатистские священники, по-видимому, играли активную роль в движении Фирма, даже когда под давлением римских войск он вынужден был отступить в горные районы Магретании. По сообщению Аммиана Марцеллина, посольство, которое Фирм направил к Феодосию с просьбой о мире, состояло из христианских священников²⁹, т. е. очевидно, из донатистов. В союзе донатистского духовенства с Фирмом отразились, разумеется, не только его заинтересованность в разгроме католической церкви, но и политические настроения тех слоев, которые поддерживали донатизм.

²⁴ Cp. Thompson. *Op. cit.*, p. 89 sqq.

²⁵ Zosim. *Hist. nova*, IV, 16: Ουλεντινιανός... βαρύτατος ἦν καὶς ἀπαιτῶσαι τῶν εἰσφορῶν σφοδρότερον ἐπιχειρῶν... Διὰ ταῦτα καὶ Λίβυες οὐκ ἐγχεχόντες τὴν Ῥωμανοῦ πλεονεξίαν..., Φίρμῳ τὴν ἀλουργίδα δόντες ἀνέδειξαν βασιλέα.

²⁶ Aug., *Adversus Fulgentium*, 24.

²⁷ Aug., *C. ep. Parmen.*, I, 10, 16; *Ep.*, 87, 10.

²⁸ Aug., *Ep.*, 87, 10.

²⁹ Amm. *Marcell.*, XXIX, 5, 15.

В ходе восстания Фирм занял ряд небольших мавретанских городов, в том числе Икозиум, Ламфоктум, Контензе, Медианум³⁰. Несомненно, и в этих городах, и в других было немало его сторонников. Аммиан сообщает о казни Феодосием влиятельного муниципала Эвасия (*Euasium potentem municipem*), его сына Флора и других лиц, уличенных в тайном содействии Фирму. После взятия города Контензе Феодосий покарал «предателей — сателлитов Фирма»³¹. О. Зеек относит к Фирму одну посвященную надпись, поставленную *ordo* нумидийского города Каламы во главе с куратором в честь некоего «августа», имя которого было впоследствии выскоблено³². Если это предположение справедливо, то из него следует, что восстание Фирма распространилось далеко за пределы Мавретании и было поддержано некоторыми кругами нумидийских городов.

В этой связи представляют интерес некоторые политические мероприятия Феодосия, осуществленные им во время войны с Фирмом. Высадившись в Ситифенской Мавретании, Феодосий, по сообщению Аммиана, приобрел себе большую популярность запрещением взимать с провинциалов провиант для армии. Это распоряжение, — отмечает Аммиан, — с радостью было встречено землевладельцами (*cum laetitia possessorum*)³³. Впоследствии Феодосий арестовал комита Романа и распорядился казнить его подчиненных, прославившихся своими вымогательствами³⁴. Оба эти мероприятия, несомненно, находятся в тесной связи: они должны были показать провинциальному населению, что отныне покончено с теми обременительными поборами римских чиновников, которые более всего ассоциировались в Африке с именем Романа³⁵. *Possessores*, о которых

³⁰ *A m m. M a g c.*, XXIX, 5, 13; 16; 28; 37; 39; 45.

³¹ *Ibid.*, 5, 39; 43.

³² *CIL*, VIII, 5347. Ср. О. Зеек, in: *MGH AA*, VI, 1, p. XLVIII. Зеек основывается на датировке надписи 373 годом, когда восстание Фирма достигло наивысшего подъема.

³³ *A m m. M a g c.*, XXIX, 5, 10—11.

³⁴ *A m m. M a g c.*, XXIX, 5, 6—7; 50.

³⁵ Уормингтон (*The Career of Romanus...*, p. 61) объясняет арест Романа тем, что к этому времени его покровитель Ремигий был удален с поста *magister officiorum*. Однако этого предположения совершенно недостаточно, чтобы объяснить, почему понадобилось арестовывать Романа в самый разгар напряженных военных действий.

говорит здесь Аммиан — это, несомненно, муниципальные землевладельцы, куриалы ³⁶. Стремление Феодосия приобрести популярность в этих кругах в начале войны с Фирмом, очевидно, показывает, что их настроение внушало ему известные опасения.

Наши источники сообщают, что Фирм присвоил себе царский титул ³⁷. Из африканских надписей известно, что берберские племенные князья, часто называли себя *reges*, что признавалось и римлянами. Таким «царем» был отец Фирма Нубель ³⁸. Очевидно, царская титулатура Фирма не могла бы рассматриваться римскими историками как присвоение или захват царской власти, если бы речь шла о его отношении к подчиненным ему племенам. По Зосиму, Фирма провозгласило царем именно население римских провинций (*Λιβυες*) ³⁹, а не варвары-мавры. По-видимому, речь шла о присвоении Фирмом какого-то титула, который был призван выразить его власть не только над «варварскими» племенами, но и над всеми африканскими подданными Римской империи, выставить его как преемника власти римских императоров ⁴⁰. Такой же смысл имела, очевидно, описанная Аммианом Марцеллином церемония возложения римским трибуном на голову Фирму своей шейной цепи, заменявшей в данном случае царскую диадему ⁴¹. Фирм как бы получал свою власть из рук римлян, что придавало ей законный характер.

Приведенные данные не позволяют согласиться с мнением тех исследователей, которые видят в восстании Фирма «национальное» движение берберских племен ⁴². Эти племена были основной силой восстания, но, очевидно, более справедливо мнение тех историков, которые видят в нем также проявление антиимперских настроений широких

³⁶ Cp. Thompson. Op. cit., p. 91, 129; Warmington. The Career of Romanus..., p. 60.

³⁷ «Epitome de Caesaribus», 45, 7; Oros. Adv. pag., VII, 33, 5; Zosim. Hist. nova, IV, 16.

³⁸ Amm. Marc., XXIX, 5, 2.

³⁹ Zosim., Hist. nova, IV, 16.

⁴⁰ Если упомянутая выше надпись из Каламы относится к Фирму, то из нее следует, что он носил титул августа.

⁴¹ Amm. Marc., XXIX, 5, 19.

⁴² Ch. Julien. Histoire de l'Afrique... p. 219; Warmington. The North African Provinces..., p. 10, 13.

слоев населения римских провинций ⁴³. К числу сторонников Фирма в той или иной степени принадлежали массы эксплуатируемых сельчан и городского плебса, поддерживавшие донатистскую церковь, а также часть муниципальных землевладельцев, надеявшихся, что Фирм освободит их от тяжелого налогового гнета. Характерно, что сопротивление Фирму было оказано только в более крупных мавретанских городах: Цезарее и Типасе ⁴⁴, где, очевидно, пользовалась большим влиянием зажиточная и лояльная по отношению к империи муниципальная аристократия ⁴⁵.

Одним из результатов восстания Фирма было усиление роли племенной берберской знати в политической жизни африканских провинций. Тяжелое военно-политическое положение империи в конце 70—80-х годах IV в., особенно обострившееся после разгрома римской армии готами в 378 г., отразилось и на африканских провинциях. Восстание Фирма показало ненадежность римской военной системы в Африке, усиление же африканских войск за счет новых контингентов в условиях напряженной борьбы с варварами на европейских границах империи было совершенно невозможным. В период правления Феодосия (379—394 гг.) правительство империи все шире привлекает «варваров» на военную службу и назначает вождей племенных объединений на ведущие посты в государстве. Эта политика, наиболее активным вдохновителем которой стал впоследствии Стилихон, проводилась и в Африке. С 385 г. главой римской армии в Африке был брат Фирма Гильдон, очевидно, унаследовавший от него предводительство над рядом мавретанских племен ⁴⁶. Гильдон стал комитом Африки в период острой борьбы между Феодосием и Магном Максимом. В этих условиях центральное правительство не могло сколько-нибудь активно вмешиваться в африканские дела, что, очевидно, способствовало усилению власти Гильдона. По некоторым данным, во время правления Гильдона Магн Максим получал продовольствие из

⁴³ Ср. Thompson. Op. cit., p. 129—130; Friend, in JRS, 45 (1955), p. 203.

⁴⁴ Passio Salsae.

⁴⁵ Данные о развитии Типасы в IV в. см. в главе II настоящей работы.

⁴⁶ C. Pallu de Lessert. Vicaires et comtes d'Afrique (de Dioclétien à l'invasion vandale). Constantine — Paris, 1892, p. 107—108.

Африки ⁴⁷, но Гильдон сохранил свое положение в провинции и после разгрома Магна Максима Феодосием (388 г.) ⁴⁸. В период борьбы Феодосия с узурпатором Евгением (392—394 гг.) Гильдон отказывал императору в военной поддержке ⁴⁹, а впоследствии стал препятствовать регулярной доставке в Рим африканской анноны ⁵⁰. После смерти Феодосия, в 397 г. он вообще прекратил доставку хлеба, и сенат объявил его врагом римского народа ⁵¹.

В войне с Гильдоном, как и в борьбе с Фирмом, римское правительство использовало внутренние распри среди племенной знати. Против Гильдона в 398 г. был направлен его брат Масцезель, еще в начале восстания бежавший в Италию. В первом же сражении часть армии Гильдона, состоявшей из мавританских племен, перешла на сторону Масцезеля. Гильдон потерпел полное поражение и вскоре погиб ⁵².

В источниках сохранились две версии мотивов, которыми руководствовался Гильдон, поднимая мятеж против империи. Согласно одной из них, он намеревался присоединить Африку к только что образовавшейся Восточной империи Аркадия ⁵³. По другой версии, Гильдон, воспользовавшись слабостью малолетних императоров (Гонория и Аркадия), пытался подчинить Африку собственному господству ⁵⁴. Впрочем, вряд ли можно считать эти версии сильно противоречащими одна другой. Очевидно, Гильдон использовал в своих целях разделение империи, рассчитывая, что подчинение Аркадию в условиях отдаленности

⁴⁷ P a s a t u s. Panegyricus, 38, 2.— Panegyrici veteres XII, ed. Baehrens.

⁴⁸ Императорский указ на имя Гильдона, датированный 393 г. (CTh, IX, 7, 9), называет его comes et magister utriusque militiae per Africam.

⁴⁹ C l a u d i u s C l a u d i a n u s. De bello Gildonico, 245—50; De sexto Honorii consulatu, 128—30.

⁵⁰ S y m m., Ep., VI, 1; C l a u d., De b. Gild., 70—74.

⁵¹ S y m m., Ep., IV, 5 (397 г.); cp. Chronica Gallica, ad an. 397 (MGH AA, IX, p. 650).

⁵² O r o s., Adv. pag., VII, 36.

⁵³ Z o s i m., Hist. nova, V, 11; C l a u d. De b. Gild., 4—6; In Eutropium, I, 399—400; De consulatu Stilichonis, I, 271—3; cp. W a r m i n g t o n. The North African Provinces..., p. 12.

⁵⁴ I o r n a n d e s. De regnorum et templorum successione romana, 320 (MGH AA, V, 1, p. 41); M a r c e l l i n i comitis chronicon, ad an. 398 (MGH AA, XI, p. 65). Орозий (Adv. pag., VII, 42) передает обе эти версии, сам не высказываясь ни за одну из них.

Восточной империи примет характер чисто номинальной зависимости⁵⁵. Во всяком случае весьма характерно, что мятеж Гильдона рассматривался римской историографией не как война варваров с Римом, но как проявление определенной политической линии, проводившейся одним из представителей правящих римских кругов. Орозий, который сравнительно подробно рассказывает о восстании Гильдона, описывает его в совершенно иных тонах, чем мятеж Фирма, являвшийся, с его точки зрения, обычным варварским нашествием. О Гильдоне он говорит, что тот возлагал слишком мало надежды на правление мальчиков-императоров. Интересно в этой связи отметить, что Гильдон чеканил свою монету, на которой он сохранил изображение Гонория, подчеркивая тем самым римское происхождение своей власти, ее связь с империей⁵⁶.

Приведенные данные позволяют предположить, что восстание Гильдона было связано с интересами какой-то части римского или романизованного населения африканских провинций. Прекращение выплаты африканской анноны Риму вряд ли можно рассматривать только как символический акт, означавший неподчинение Гильдона империи. Напомним, что аннона была основным налогом, взимавшимся в африканских провинциях, и ее отмена или снижение являлись мерой, в которой были кровно заинтересованы различные группы землевладельцев.

О внутренних отношениях в Африке в период правления Гильдона мы знаем крайне мало. Известно, что Гильдона, так же как и Фирма, поддерживала донатистская церковь. Судя по произведениям Августина, донатистский епископ города Тамугади Оптат был ближайшим сподвижником Гильдона. «Каков был Оптат,— пишет Августин о донатистах,— таковы и вы все, ибо вы присоединились к этому вашему коллеге..., когда вся Африка провозгласила его сообщником Гильдона»⁵⁷. Августин отмечает, что «несчастье всей Африки под властью гильдонианца Оптата» продолжалось 10 лет⁵⁸, что примерно совпадает

⁵⁵ Cp. F r e n d. The Donatist Church..., p. 221.

⁵⁶ Chr. C o u r t o i s. Les monnaies de Gildo. «Revue numismatique», V, 16 (1952), p. 71—75.

⁵⁷ A u g., C. ep. Parmen., II, 4, 8; cp. ibid., II, 35, 82; C. lit. Petil., II, 83, 184.

⁵⁸ A u g., C. lit. Petil., I, 24, 26.

с временем пребывания Гильдона на посту комита Африки. Деятельность Оптата, очевидно, не ограничивалась областью церковных интересов, он непосредственно руководил проведением ряда внутриполитических мероприятий Гильдона.

Сообщения источников о политике Гильдона и Оптата в Африке отличаются крайней тенденциозностью. Поэма придворного поэта Клавдия Клавдиана «О войне с Гильдоном» отражает те панические настроения, которые господствовали в Риме после прекращения поступления хлеба из Африки, и прославляет деятельность Стилихона, организовавшего военную экспедицию против узурпатора. Чтобы ярче оттенить заслуги Стилихона, Клавдиан, описывая «ужасы гильдонианского правления», прибегает к явной гиперболизации, кстати, вообще характерной для его поэтического стиля. В тех же мрачных тонах описывает Августин деятельность Оптата Тамугадского — этой, вероятно, наиболее одиозной для католиков фигуры. Клавдиан пишет, что Гильдон владел пашнями, добытыми ценой ран римского народа, и продавал римские нивы; Африка приносила ему богатый урожай и была опустошена ссылками⁵⁹. Августин обвиняет епископа Оптата в том, что он разорял вдов и сирот, раздавал, продавал и разделял чужие имения⁶⁰. Из этих сообщений источников явствует, что при Гильдоне в Африке был осуществлен какой-то переворот в имущественных отношениях, но характер этого переворота остается недостаточно ясным. Большинство исследователей полагает, что Гильдон и Оптат проводили радикальные реформы в интересах сельского населения, экспроприировали имения крупных собственников и раздавали их циркумцеллионам или вообще мелким держателям⁶¹. Однако такого рода заключения не подтверждаются источниками⁶². Конфискации, производившиеся Гильдоном, обогащали прежде всего его самого и его ближайших сподвижников. Земельные владения самого

⁵⁹ Claud. De b. Gild., 75—76: Romuleas vendit segetes et possidet arva vulneribus quaesita meis; 153: Gildoni fecunda fui; 199: exiliis dispersa feror.

⁶⁰ Aug. C. lit. Petil., II, 23, 53; 35, 82; 44, 103; 103, 237.

⁶¹ Н. А. М а ш к и н. Движение агонистиков...; F r e n d. The Donatist Church..., p. 209; Chr. C o u r t o i s. Les Vandales et l'Afrique, p. 146.

⁶² Cp. B ü t t n e r. Op. cit., S. 62—63.

Гильдона были настолько велики, что после подавления его восстания правительство империи учредило специальную должность управляющего конфискованными у него имениями ⁶³ В последующие годы был издан ряд императорских указов, посвященных управлению недвижимым имуществом, ранее принадлежавшим Гильдону или его «сателлитам». Это имущество состояло из имений (*praedia*), сдававшихся в данный период крупным съемщикам (поссессорам или кондукторам), и городских домов ⁶⁴. В 403 г. был издан специальный указ на имя комита Африки, посвященный имуществу некоего Мархариды. Этот Мархарид, очевидно, участник восстания Гильдона, был проскрибирован, но перевел значительную часть имущества на имя различных лиц, которых указ обязывал под угрозой ссылки в течение двухмесячного срока передать эти имущества фиску ⁶⁵ Характерно, что, хотя восстание Гильдона было подавлено в 398 г., еще через 10 лет императорское правительство вынуждено было приказать проконсулу Африки заключить сателлитов Гильдона под стражу и конфисковать их имущество ⁶⁶. Этот факт, по-видимому, свидетельствует о том, что прежние распоряжения такого рода выполнялись далеко не в полной мере. Очевидно, сподвижники Гильдона пользовались значительным влиянием в африканских провинциях даже после его поражения.

Приведенные данные создают впечатление, что лица, поддерживавшие Гильдона и, очевидно, получившие от него землю, были не мелкими держателями, но собственниками более или менее крупных имений. Вряд ли можно также полагать, что продажа императорской и частной земли, которую практиковали Гильдон и Опат, производилась в интересах трудящихся слоев сельского населения или мелких землевладельцев. Покупать землю стремились прежде всего крупные собственники, обладавшие значительными денежными ресурсами. Об этом свидетельствует, в частности, известный рассказ «Жития св. Мелании» о распродаже Меланией и ее мужем их громадного патримония ⁶⁷ Сообщение Клавдиана, что Гильдон

⁶³ comes Gildoniaci patrimonii (*Notitia dignit. occ.*, XII, 5).¹

⁶⁴ CTh, VII, 8, 7 (400 г.); IX, 42, 19 (405 г.); VII, 8, 9 (409 г.).

⁶⁵ Ibid., IX, 48, 18.

⁶⁶ Ibid., IX, 40, 19.

⁶⁷ «Vita s. Melaniae»: *nobiles essent qui emerent.*

изгонял из сел старых колонов (*veteres detudit rure colonos*— v. 198), также вряд ли свидетельствует о политике, благоприятной для мелких держателей. Такого рода мероприятия скорее могли быть связаны с переходом крупных имений в собственность новых владельцев, которые по тем или иным причинам были заинтересованы в удалении колонов, ранее обрабатывавших эти имения ⁶⁸.

Какая-то часть имущих классов африканских провинций, несомненно, пострадала во время мятежа Гильдона, подверглась конфискациям, ссылкам и т. д. Сенаторы, жившие в Риме, явно опасались за судьбу своих африканских владений ⁶⁹. В то же время сообщение Августина, что Оптат Тамугадский раздавал чужие патримонии, скорее всего, имеет в виду раздачу земли и денег сторонникам донатистской церкви. Оптат, воспользовавшись ситуацией, сложившейся во время мятежа Гильдона, укреплял влияние своей церкви за счет имуществ католиков. Возможно, что от этих мероприятий выиграла часть городского плебса, нередко кормившаяся за счет церковных раздач.

Все эти весьма фрагментарные и неясные данные источников все же позволяют заключить, что Гильдон не опирался преимущественно на какую-либо определенную социальную группу в ущерб интересам всех других групп. В числе его сторонников, возможно, были африканские крупные землевладельцы, менее связанные с Римской империей как политическим целым и стремившиеся освободиться от фискальных требований центрального правительства. К ним примыкала земельная знать берберских племен, расширившая свои владения и политическое влияние благодаря мятежу Гильдона ⁷⁰. Гильдона и Оптата поддерживала также та часть городского населения, которая была настроена более оппозиционно по отношению к Римской империи и объединялась вокруг донатистской церкви. Мы не знаем ничего об участии широких масс эксплуатируемого сельского населения в мятеже Гиль-

⁶⁸ Императорское законодательство, например, запрещало лицам, получившим имения в аренду, изгонять из них старых колонов и заменять их своими рабами или другими колонами (CJ, XI, 63, 3).

⁶⁹ Symm., Ep., IV, 5.

⁷⁰ Клавдиан (*De b. Gild.*, 196) говорит о *reges — clientes* Гильдона, которых обогатила добыча, взятая у римлян.

дона, но можно предполагать, что его борьба с империей вызвала сочувствие и в этой среде, находившейся под значительным влиянием донатистской церкви. Но у нас нет никаких оснований связывать восстание Гильдона с каким-то «социальным переворотом»⁷¹. Несмотря на различие между восстаниями Фирма и Гильдона, в последнем также проявилось усиление самостоятельной политической роли слоя крупных землевладельцев, вышедших из берберской родоплеменной аристократии, а также рост оппозиционных Римской империи настроений в различных кругах провинциального общества. Однако это движение не было ни достаточно сильным, ни политически сколько-нибудь четко оформленным. В африканских восстаниях IV в. мы не находим ни признаков стремления к образованию суверенного государства, ни попыток разрыва с представлением, что Африка является частью Римской империи. Политические «программы» этих восстаний не выходили за рамки выдвижения местных «августов» (что вполне соответствовало в принципе государственной системе, введенной Диоклетианом, и традициям узурпаций III века) либо присоединения к Восточной империи. Экономическая потребность — стремление освободиться от имперского налогового гнета — не воплотилась в последовательную сепаратистскую программу. В военном отношении африканские восстания опирались главным образом на берберские племена, но знать, руководившая этими племенами, еще не полностью порвала с Римом, а возникавшие в этот период племенные союзы не носили сколько-нибудь прочного характера. В силу этих причин оба крупных восстания в африканских провинциях IV в. были без большого труда подавлены правительством империи.

2. Донатизм в конце IV — начале V в.

Вторая половина IV в. была периодом непрерывного роста влияния донатизма в Северной Африке. Преследования, которым подверг донатистскую церковь Констант, могли только повысить в массах ее авторитет церкви «мучеников». С приходом к власти Юлиана в 361 г. гонения на

⁷¹ F r e n d, The Donatist Church..., p. 209,

донатистов прекратились, император-язычник и его представители в Африке оказали им даже известную поддержку в борьбе с ортодоксальной церковью. Донатистские епископы были возвращены из ссылки. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, донатисты из Нумидии с помощью вооруженных отрядов и при поддержке провинциальных властей захватили католические церкви в мавретанских городах Типасе и Лемеллефензе и изгнали оттуда католических клириков⁷². Участие донатистов в восстании Фирма привело к изданию декрета Валентиниана от 373 г., запрещающего исповедание донатизма (вторичное крещение) и лишавшего клириков оппозиционной церкви налогового иммунитета⁷³. При последующих императорах конца IV в. издавались все новые и новые антидонатистские декреты: были запрещены богослужебные собрания донатистов, членам их церкви запрещалось наследовать и принимать дарения, за исповедание донатизма был установлен денежный штраф. Законы, направленные против донатизма, стали издаваться особенно часто после подавления мятежа Гильдона. Однако все эти мероприятия правительства империи, относящиеся к концу IV и первому десятилетию V в., не дали значительного эффекта. Напротив, донатистская церковь продолжала крепнуть, а позиции ортодоксального христианства были основательно подорваны.

По данным католических авторов, относящимся к последним десятилетиям IV в., донатизм был в это время религией подавляющего большинства населения Северной Африки⁷⁴. Католические клирики во многих районах подвергались систематическим преследованиям. Августин пишет о «тираническом владычестве донатистов в отдельных африканских областях, городах и больше всего в чужих имениях»; десятилетие между 388 и 398 гг. в его изображении было периодом власти донатиста Оптата Тамугадского над всей Африкой⁷⁵. Но и после подавления восстания

⁷² Opt., II, 16—18.

⁷³ CTh, XVI, 6, 1.

⁷⁴ Possid., Vita s. Augustini, 7: Convalescentibus haereticis praecipueque rebaptizante Donati parte majorem multitudinem Afrorum; Opt., VII, 1: ecclesia catholica... sufficiebat et in Africa, licet in paucis.

⁷⁵ Aug. C. lit. Petil., I, 24, 26: omitto tyrannicas in civitatibus et maxime in fundis alienis dominationes..., et sub Optato decennalem totius Africae gemitum. Cp. Ep., 43, 8, 24.

Гильдона и казни Оптата отправление католического культа по-прежнему было опасным делом. Еще в конце IV в. православная церковь испытывала острый недостаток в клириках ⁷⁶, а на Карфагенском соборе 401 г. католический епископ Аврелий заявлял: «Многие церкви до того пусты, что не имеют ни одного хотя бы малограмотного диакона» ⁷⁷. В дальнейшем католики пытались добиться примирения с донатистами: Карфагенский собор 403 г. выступил с предложением созвать совещание представителей обеих церквей для обсуждения разделявших их разногласий. Донатисты ответили на это усилением борьбы с католической церковью ⁷⁸. В 404 г. католический собор направил делегацию к императору Гонорию с просьбой об оказании помощи в защите от вооруженных нападений донатистов. Были изданы еще более строгие, чем ранее, антидонатистские законы, донатизм официально был объявлен ересью, но четыре года спустя католические епископы вновь были вынуждены просить императора о защите ⁷⁹.

Приведенные факты показывают, что в конце IV — начале V в. значительно возросла популярность донатизма в широких слоях провинциального населения. Ничем иным нельзя объяснить то обстоятельство, что православная церковь, которая большую часть этого периода пользовалась активной поддержкой государственной власти, терпела столь сокрушительные поражения от донатизма. Значительный интерес для сравнительной оценки того влияния, которым обладали обе соперничавшие церкви в различных районах Римской Африки, представляют данные о количестве епископов, присутствовавших на совместном соборе обеих церквей 411 г. ⁸⁰. По этим данным, к моменту собора в Проконсульской провинции из 137 епархий в 42 были и католические, и донатистские епископы, в 62 — только католические и в 33 — только донатистские. В Бизацене, где было примерно 100 епархий, 92 епископские кафедры занимали католики и 98 — донатисты (в 30 епархиях были епископства обеих церквей).

⁷⁶ PL, II, col. 1185 (акты Гиппонского собора).

⁷⁷ PL, II, col. 1196.

⁷⁸ M a n s i, III, col. 791—794.

⁷⁹ Ibid., III, col. 794—798; 810; CTh, XVI, 5, 37, 38; 6, 4; 11, 2.

⁸⁰ Данные приводятся по подсчетам M e s n a g e. Op. cit., p. 526.

Таким образом, в Проконсульской Африке влияние католической церкви оставалось преобладающим, а в Бизацене силы были примерно равны при небольшом преобладании донатистов⁸¹. Иным было положение в Нумидии и Мавретании. Из 124 нумидийских епархий 58 имели только донатистские епископства, 46 — и католические, и донатистские, и только 20 были исключительно католическими. В Ситифенской Мавретании 13 донатистских епархий и 9 совместных приходилось только на 5 католических, в Мавретании Цезарейской 11 епархий разделялись между двумя церквями, 16 принадлежали донатистам и 8 — католикам. Эти цифры показывают абсолютное преобладание донатистской церкви в Мавретании и особенно в Нумидии (для последней этот вывод подтверждается также данными церковных авторов)⁸².

Некоторые исследователи объясняют распространённость донатизма в Нумидии и Мавретании этническим фактором — преобладанием в этих провинциях нероманизованного берберского населения, а в самом донатизме видят выражение «национальной оппозиции» берберов римскому господству⁸³. При этом обычно ссылаются на известные пережитки туземных языческих культов, в особенности культа Сатурна, в африканском христианстве, воспринятые впоследствии донатизмом, что якобы свидетельствует о его связи с воспоминаниями о былой нумидийской независимости или даже о пуническом Карфагене⁸⁴. Не приходится отрицать сравнительно слабую степень романизации сельских районов Нумидии и Мавретании и распространённость здесь ещё в V в. финикийского или ливийского языка⁸⁵. В то же время вполне возможна

⁸¹ Подсчёты Меняжа для Проконсульской Африки и Бизацены приблизительны. Френд («The Donatist Church...», р. 50) приводит для Проконсульской провинции следующие цифры: 62 католических епархии, 36 донатистских, 61 совместная.

⁸² A u g., Ep. ad cathol., 19, 51 (...Numidia, ubi vos prepolletis); Col. Cart., I, 165.

⁸³ См. T h ü m m e l. Op. cit. F r e n d. The Donatist Church..., р. 56 sqq., 97 sq. a. o.

⁸⁴ Тюммель полагает, что к донатизму примыкали не только берберы, но и остатки финикийского населения прибрежных городов.

⁸⁵ Данные Августина (Ep., 108, 5, 14; 209, 3) свидетельствуют, например, о распространённости «пунийского» языка (lingua Punica) среди сельского населения Нумидии. Некоторые исследователи (Куртуа, Френд) полагают, что речь идет не о финикийском, а о ливийском языке.

известная преемственная связь между отдельными моментами местных языческих культов и христианством (что, кстати, характерно отнюдь не только для Африки). Однако подобная связь все же не позволяет видеть в христианстве лишь «трансформацию народной религии» и отрицать его принципиально новый характер по сравнению с язычеством, как это делает, например, Френд. Языческие культы уступали свое место христианству не только благодаря тому, что многие из них приобрели в период империи официально-государственное значение и утратили поэтому популярность в массах (хотя этот фактор и играл известную роль). Не меньшее значение имело то обстоятельство, что благодаря изменившимся социальным условиям исчезла объективная основа этих культов. Еще задолго до IV в. в Нумидии шел процесс разрушения старых родовых и общинных связей, бывшие кочевники-берберы превращались в колонов крупных имений либо в жителей римских муниципиев. Массовое распространение здесь христианства в III в. свидетельствует прежде всего о том, что в настроениях трудящихся слоев на первый план постепенно выступала не угасшая мечта о восстановлении независимости давно ушедших в прошлое племенных коллективов, а протест против социальной несправедливости, порожденной развитием эксплуататорских отношений. Та же часть провинциального населения, которая в III—IV вв. сохраняла свою племенную организацию и боролась за независимость от Рима, почти не подверглась влиянию христианства и отстаивала свои традиционные культы⁸⁶. Но если в африканском христианстве нельзя усматривать лишь трансформировавшуюся туземную религию, то и донатизм, объединявший как раз наиболее широкие слои христиан, вряд ли мог быть «национальной религией» берберов. К тому же донатисты были наиболее воинствующими борцами против языческих культов. Сознание этнической общности может получить определенное идеологическое оформление только в том случае, если налицо имеются реальные социально-экономические институты, в защите которых заинтересованы представители данной этнической группы. Но у берберов, населявших территорию

⁸⁶ См. CTh, XVI, 5, 63 (425 г.) — проконсулу Африки: запрещение *superstitiones gentilium*.

римских провинций и давно утративших свою племенную организацию, таких институтов не существовало, поэтому не было и факторов, которые способствовали бы их идеологическому объединению на этнической основе.

Более детальное ознакомление с данными о распределении влияния католической и донатистской церковей в отдельных провинциях убеждает в том, что среди адептов донатизма были представители различных этнических групп. В такой сильно романизованной провинции, как Проконсульская Африка, оппозиционная церковь имела много последователей среди населения Карфагена, а также в таких никак не связанных с берберами городах, как Утика, Курубис, Лептис Минор или Гадрумет в Бизацене. В то же время Нумидия и Мавретания отнюдь не были сферой исключительного влияния донатистов. В ряде городов этих провинций — Каламе, Куикуле, Тагасте, Заттаре — в 411 г. вообще не было донатистских епископств, а в большинстве более или менее крупных городов — Цирте, Милеве, Тевесте, Ситифе, Цезарее и многих других — католические епископства существовали наряду с донатистскими. Интересно отметить, что католики пользовались известным влиянием в городе *Thubursicum Numidarum* (возникшем на месте поселения туземного племени *Numidae*), а в *Diana Veteranorum*, возникшем некогда из колонии римских ветеранов, был только донатистский епископ!⁸⁷ Подобные факты показывают неприменимость чисто этнического критерия при исследовании причин распространения донатизма. Наличие в той или иной степени последователей донатизма в подавляющем большинстве романизованных городов Северной Африки требует какого-то иного объяснения⁸⁸.

⁸⁷ Mesnage. Op. cit., p. 526.

⁸⁸ Френд («The Donatist Church...», p. 66) объясняет этот факт ростом неромапизованного туземного элемента в составе городского населения. Он ссылается на небольшой размер построек в ремесленных кварталах IV в., на отсутствие в них четкой планировки, на характер церковной архитектуры этого времени. Но все эти факты гораздо проще объяснить имущественным положением низшего слоя населения городов, чем его этнической принадлежностью. Мы не имеем, с другой стороны, никаких данных о распространении ливийского языка в нумидийских и мавретанских городах. Проповеди в городских церквях произносились по-латыни, и епископам бывал нужен переводчик с «пунийского»

Во время епископской деятельности Августина в Гиппоне-Регии там, по его словам, было мало католиков. Донатистский епископ Фаустин запретил членам своей паствы выпекать хлеб для католических клириков. «Пекарь — инквилин какого-нибудь нашего диакона, — пишет Августин, — выбрасывал ему сырой хлеб»⁸⁹. Отсюда следует, что к донатистской церкви примыкала в Гиппоне основная масса городского населения, в том числе мелкие ремесленники. В то же время среди гиппонских католиков были представители имущих групп и городской знати — *navicularii*, *honogati*, которые вносили в католическую церковь крупные дарения, в том числе виллы и даже целые имения⁹⁰. Сходные данные о поддержке донатизма большинством городского населения мы имеем также для Цирты, Рузикаде, Каламы⁹¹. Очевидно в более или менее крупных городах, где существовали острые социальные противоречия, влияние донатистов распространялось на эксплуатируемые и малоимущие слои — ремесленников, мелких землевладельцев, разорявшихся куриалов и т. п., а католическая церковь опиралась в основном на городскую верхушку⁹². В маленьких, большей частью эпиграфически не засвидетельствованных городках, представлявших собой коллективы мелких землевладельцев, где процветающий слой богатых куриалов не получил развития, донатистская церковь пользовалась исключительным влиянием⁹³. Напротив, там, где этот слой, судя по эпиграфическим и археологическим данным, был особенно значителен (например в Куикуле, Типасе, Булле Регии), католическая церковь была гораздо сильнее донатистской. В эти наблюдения могут быть, разумеется, внесены

только в тех случаях, когда они выступали перед сельской аудиторией или перед циркумцеллионами (Aug., Ep., 108, 5, 14; ср. 209, 3).

⁸⁹ Aug., C. lit. Petil., II, 83, 184.

⁹⁰ Possid., Vita s. Augustini, 23; Aug., Serm., 356; 365; Ep., 124—126.

⁹¹ Aug., Sermo ad Caesariensis ecclesiae plebem, 8; pars Donati quando praevalerat Constantinae; C. lit. Petil., III, 57, 69.

⁹² Например Lambaesis, Madauros, Mascula, Milev, Satafis, Sitifis, Thamugadi, Theveste, Thubursicum Numidarum, Zarai, города Цезарейской Мавретании.

⁹³ Например Sigus, Tubusuptu, Bagai и многочисленные castella; см. Mesnage. Op. cit., p. 526; Friend. «The Donatist Church...», p. 51—55.

отдельные поправки, которые не изменяют, однако, общей картины. В целом приведенные данные позволяют предположить, что донатистов объединяла не этническая общность, а прежде всего моменты социально-политического порядка.

В специальной литературе не вызывает сомнения тот факт, что наиболее многочисленную категорию донатистов составляло эксплуатируемое сельское население — колоны крупных имений⁹⁴. Этот вывод подтверждается многочисленными данными Августина и актов церковных соборов⁹⁵. Именно в сельской местности донатистский клир и циркумцеллионы-агонистики чувствовали себя наиболее прочно, а священники ортодоксальной церкви подвергались наибольшему преследованиям. Типичным для крупных, в том числе сенаторских, имений было такое положение, при котором их собственники были католиками, а все колоны — донатистами⁹⁶. Этот факт позволяет, на наш взгляд, объяснить большую распространенность донатизма в Нумидии, Мавретании и Бизацене, чем в Проконсульской Африке. В этих провинциях удельный вес крупного землевладения и колоната был относительно более высок, в то время как Проконсульская провинция была наиболее урбанизированной областью Римской Африки. Соответственно в ней более значительную роль играла зажиточная муниципальная знать и те круги городского населения, которые находились под ее влиянием⁹⁷.

Мы можем заключить, что как в городах, так и в сельской местности донатистское движение объединяло различные группы эксплуатируемых классов. Выше уже отмечались некоторые черты донатизма, обеспечившие ему массовую поддержку в начале IV в. Для второй половины IV и начала V в. мы располагаем более многочисленными и определенными данными о тех аспектах учения донатистов, которые привлекали к нему симпатии эксплуатируемого слоя христиан.

⁹⁴ См. W a r m i n g t o n. The African Provinces..., p. 100; F r e n d. The Donatist Church..., p. 50 sqq.; B r i s s o n. Op. cit., p. 28.

⁹⁵ A u g., Contra Cresconium, III, 43, 47; 47, 51; 48, 53; C. lit. Petil., I, 24, 26; Ep., 58, 3; 66; 139, 2; 209, 2; Col. Cart., I, 181.

⁹⁶ A u g., Ep., 58, 3; 66; 139, 2.

⁹⁷ Cp. B r i s s o n. Op. cit., p. 200, not. 5.

Участие донатистской церкви в восстаниях Фирма и Гильдона окончательно придало ей значение силы, враждебной власти Римской империи. В трудах донатистских авторов конца IV — начала V в. разрабатывается теория невмешательства государства в церковные дела. Карфагенский епископ донатистов Пармениан (70-е годы IV в.) доказывал, что ортодоксальная церковь изменила христианским принципам, призвав против «истинной церкви» вооруженную силу мирской власти. «*Quid Christianis cum regibus, quid episcopis cum Palatio*», — писал он, осуждая союз католиков с империей ⁹⁸. В 403 г. глава донатистской церкви Петилиан, отвечая на призыв католического собора к донатистам собраться вместе для обсуждения разногласий, заявлял, что между католиками и представителями его церкви нет ничего общего, так как первые водружают «идолы многих императоров», а вторые — одно лишь евангелие ⁹⁹. В одном из своих полемических произведений Петилиан писал об исконной враждебности светской власти христианской вере и доказывал, что союз католиков с этой враждебной силой направлен против христианства ¹⁰⁰. Таким образом, с точки зрения донатистов, союз с государством несовместим с верностью христианству, такой союз является признаком язычества, обожествлявшего носителей императорской власти. Донатистский епископ Гауденций в 420 г. развивал ту идею, что светская власть вообще не может быть божественным орудием, лишь пророки представляют волю бога ¹⁰¹.

Для того, чтобы оценить значение подобных высказываний, необходимо учитывать, что к концу IV в. ортодоксальная церковь в Африке окончательно превратилась в ревностного апологета императорской власти. В произведениях Августина принудительное обращение еретиков и схизматиков в «истинную веру» прославлялось как выполнение христианским государством своего религиозного

⁹⁸ Opt., I, 22.

⁹⁹ Aug., Contra partem Donat., 31, 53: Illi portant multorum imperatorum sacras, nos sola offerimus euangelia.

¹⁰⁰ Aug., C. lit. Petil., II, 92, 202: Quid autem vobis est cum regibus saeculi, quos numquam christianitas nisi invidos sensit?

¹⁰¹ Aug., C. Gaud., I, 34, 44: Ad docendum populum Israel omnipotens deus prophetis praeconium dedit, non regibus imperavit; cp. 35, 45: mundanae militiae numquam deus expectavit auxilium.

долга ¹⁰². По мнению Августина, «нет более сильного воина Христа, чем император» ¹⁰³. Католические соборы и сам Августин осуществляли эту теорию на практике, постоянно обращаясь за помощью к государственным властям в борьбе против донатизма. Для ортодоксальной церкви не существовало каких-либо сомнений в соответствии существующего социального и политического строя принципам христианской морали. Для Августина подчинение подданных императору, а рабов господам — подлинно христианская добродетель. Он осуждает отказ платить подати, который является, по его словам, нарушением заповеди «воздайте богу богово, а кесарю кесарево» ¹⁰⁴. В этих условиях понятно, что акцентируя вопрос об отношениях церкви и государства, донатистские епископы получали в свои руки важное средство агитации против католиков и демонстрации «святости» своей церкви, не запятнанной союзом с империей. Такое же значение имело прославление мучеников, погибших во время религиозных преследований. Поддержание памяти о мучениках помогало донатистским епископам изображать католическую церковь как сообщество «преследователей» (*persecutores*) ¹⁰⁵ и тем успешнее подрывать ее позиции среди масс верующих.

Основной аргумент, который выдвигали католики в своей полемике с донатистами, состоял в том, что последние являются врагами «единства церкви». Поэтому важнейшая цель «теоретических» построений донатистов сводилась к оправданию самостоятельного существования их церкви, доказательству невозможности ее объединения с католиками, которые ссылались на свою общность с римской и другими церквями империи. С этим связана разработка донатистскими авторами учения о церкви как «сообществе избранных», святых, куда нет доступа грешникам или еретикам (церковь — запертый сад, *hortus conclusus*) ¹⁰⁶. За пределами этой истинной церкви, которая отождествлялась, разумеется, с церковью донатистской, находится греховный мир, к которому принадлежит и

¹⁰² A u g., Ep., 34; 35; 185, 1, 7; 5, 19; 7, 29; см. также B r i s s o n. Op. cit., p. 269 sqq.

¹⁰³ A u g., Enar. in psalm., 21, 4.

¹⁰⁴ A u g., C. Gaud., I, 19, 20; C. ep. Parmen., I, 10, 16.

¹⁰⁵ Col. Carth., III, 258.

¹⁰⁶ См. B r i s s o n. Op. cit., p. 153—174.

каголическая церковь — сообщество «предателей» и «преследователей». Поэтому ее клирики не являются подлинными клириками¹⁰⁷, а крещение, совершенное ими, не имеет силы. Объединение с этой церковью равносильно измене истинной вере. При разработке этой теории донатистские богословы умело использовали теологическое наследство Киприана, а также традицию африканской церкви III в. вторично крестить еретиков. Поскольку вторичное крещение было отвергнуто римской и ортодоксальной африканской церковью, оно оказалось в руках донатистов превосходным орудием доказательства исключительности, «святости» их церкви, соблюдения ею ригористических норм раннего христианства и ее враждебности «предателям». Ортодоксальные авторы, полемизируя с этим принципом донатистов и доказывая единство крещения, утверждали, что святость церкви определяется таинствами, т. е. в данном случае самим актом крещения, а не «святостью», на которую претендуют донатисты. Сама эта совершенная «святость» вообще недостижима, с их точки зрения, на земле, ее носителем является только Христос¹⁰⁸. Поэтому личная святость священнослужителя не может рассматриваться как критерий его принадлежности к истинной церкви, и совершенное им крещение действительно независимо от его личных достоинств. В этой концепции, несомненно, сказывалось стремление католических теологов лишить вопрос о связи их церкви с епископами-«предателями» той остроты, которую он приобрел в начале IV в. и все еще сохранял в конце IV — начале V в. Таким образом, полемика между двумя направлениями в африканском христианстве неизбежно разворачивалась — хотели того или нет участники этой полемики — главным образом вокруг проблемы отношений церкви с окружающим ее миром. Эта проблема стала центральной для широких слоев верующих в период интенсивного изменения социально-политической роли христианства, поэтому любой церковный конфликт, если он принимал достаточно широкий характер, не мог не затронуть ее в той или иной степени. Если представители ортодоксальной теологии

¹⁰⁷ Один из донатистских авторов конца IV в. Тиконий писал: *non... omnes sacerdotes sacerdotes sunt, non omnes diaconi diaconi sunt*. См. F r e n d . The Donatist Church..., p. 315.

¹⁰⁸ O p t., II, 1; 20.

в Африке разрабатывали теории, соответствующие изменившемуся положению их церкви, то руководители донатизма использовали ту оппозицию, которую вызывали эти изменения. Следовательно, и в чисто теологическом плане конфликт между донатистской и ортодоксальной церквями отражал в известной мере борьбу различных социальных тенденций внутри христианства.

Необходимо вместе с тем отметить, что донатистская церковь не ограничивалась выдвиганием идей и лозунгов, импонирующих эксплуатируемым слоям христиан, но и прямо подчеркивала свою близость к «беднякам». Донатистские епископы провозглашали свою церковь «церковью бедных», а говоря о своих единоверцах, они применяли термин *contrairegi* ¹⁰⁹.

Указанные особенности идеологии донатизма обстоятельно и во многих случаях глубоко изучены Бриссоном. Однако мы не можем согласиться с тенденцией этого исследователя изображать донатизм второй половины IV — начала V в. как «религию бедных» и видеть в нем последовательное продолжение и развитие религиозных концепций Тертуллиана и Киприана. Бриссон полагает, что такой характер донатизму придали «революционные циркумцеллионы», которым руководители донатизма, нуждавшиеся в их поддержке, в конце концов позволили превратить свою церковь в «церковь бедных», «слить их попытку революции с защитой оппозиционной церкви» ¹¹⁰. Вместе с тем Бриссон не сомневается в искренней и последовательной враждебности донатистского епископата римскому государству ¹¹¹. Каждое из этих положений вызывает, на наш взгляд, серьезные оговорки и возражения.

Вряд ли можно согласиться с тем, что в развитии африканского христианства существовала некая единая линия: Тертуллиан — Киприан — донатизм. Во-первых, было бы неправомерно отождествлять концепции Тертуллиана и Киприана. Выше уже говорилось о влиянии на идеологию Киприана изменений социального состава христианских общин; добавим, что этого писателя вообще трудно считать сторонником некоей строгой и последовательной доктрины. Взгляды, которые им высказывались, зависели от кон-

¹⁰⁹ A u g., C. lit. Petil., II, 92, 202; Col. Carth., III, 258.

¹¹⁰ B r i s s o n. Op. cit., p. 352 sqq.

¹¹¹ Ibid., p. 376—377.

кретных условий религиозной борьбы в тот или другой период. Так, настаивая на вторичном крещении еретиков и идя на конфликт с римской церковью, он в отдельные моменты требовал терпимого отношения к «падшим», призывал примириться ради единства и мира с недостойными прелатами, заявляя, что бог сам разделит праведных и неправедных в должное время ¹¹². Донатисты использовали в своей полемической литературе наиболее подходящие им высказывания Киприана, но в то же время на другие стороны его учения опирались католики, ведя полемику с донатистами ¹¹³. Еще менее возможно сближать донатизм с идеями Тертуллиана. Декларации донатистов о «бедности» их церкви так же далеки от резких выступлений Тертуллиана против богатства, как их иерархическая церковная организация от примитивных христианских общин его времени. Бриссон думает, что донатисты отождествляли разделение между богатыми и бедными с разделением между греховностью и святостью ¹¹⁴. Если это предположение, может быть, в какой-то степени оправдано применительно к неимущим донатистам или агонистикам, то нет никаких оснований приписывать подобные взгляды епископам или донатистской церкви в целом. Отношение донатистского клира к борьбе трудящихся против социальной несправедливости видно достаточно отчетливо из его позиции во время восстаний агонистиков. Эти восстания неизменно приводили к тому, что донатистская церковь оказывалась в одном лагере с государством и имущими классами и вместе с ними вела борьбу против своих вчерашних союзников.

Отношение руководителей донатизма к государственной власти вообще далеко не всегда определялось провозглашенным ими принципом невмешательства государства в церковные дела. В период правления Юлиана донатистские епископы не только обратились к языческому императору с просьбой о разрешении их вероисповедания, но и воспользовались помощью провинциальных властей для разгрома католической церкви в Мавретании. Этот факт

¹¹² С у р г., De lapsis, 6; Ep., 54, 3; ср. F r e n d. The Donatist Church..., p. 133—134.

¹¹³ A u g., C. Cresconium, II, 31, 39 sq. III, 41, 45; De baptismo, IV, 8, 11.

¹¹⁴ B r i s s o n. Op. cit., p. 371.

неоднократно использовался впоследствии против них католическими полемистами¹¹⁵. В 90-х годах IV в. донатистский карфагенский епископ Приммиан, преследуя группу епископов своей церкви, не признававших его полномочий, опирался на поддержку городских магистратов и провинциальных властей. Впоследствии, желая лишить сана некоторых оппозиционных ему епископов, он передал это дело на рассмотрение проконсула язычника Герода, который подтвердил притязания Приммиана¹¹⁶. Таким образом, когда ситуация это позволяла, руководители донатизма точно так же опирались на поддержку императорских властей и отдавали на их суд свои церковные дела, как это делали католики.

Донатистская церковь не была также вполне последовательной в отстаивании своих собственных религиозных принципов. На одном из донатистских соборов было решено разрешить прием в церковь «предателей» без вторичного крещения. По-видимому, это решение обуславливалось позицией мавретанских епископов-донатистов, так как в Мавретании обычай вторичного крещения вообще не был популярен¹¹⁷.

Все эти факты из истории донатистского движения позволяют заключить, что такие черты его идеологии, как провозглашение своей церкви «церковью бедных», принципиальное противопоставление ее императорской власти и связанные с этим конфессиональные принципы пропагандировались донатистским епископатом в значительной мере в расчете на привлечение на свою сторону трудящихся и малоимущих слоев христиан и носили на себе заметный отпечаток социальной демагогии. Отмечая отличия донатистской церкви от ортодоксальной, заключающиеся главным образом в ее иной политической позиции, нельзя в то же время преувеличивать эти различия и не видеть моментов, определявших сходство социальной роли обеих церквей.

С точки зрения Бриссона, основной причиной изменения социально-политических позиций ортодоксальной церкви в IV в., по сравнению с более ранним временем,

¹¹⁵ O p t., II, 16; A u g., C. lit. Petil., II, 97, 224; Ep., 105, 2, 9.

¹¹⁶ A u g., C. Cresconium, III, 56, 62; 59, 65; IV, 4, 4; 47, 57; C. lit. Petil., II, 58, 132; M a n s i, III, col. 847.

¹¹⁷ A u g., Ep. 93, 10, 43; cp. B r i s s o n. Op. cit., p. 218—219.

явилась религиозная политика Поздней империи. Всячески подчеркивая это обстоятельство, он не видит в то же время тех процессов внутри самой церкви, которые подготовили ее союз с государством, сделали возможным признание христианства официальной религией. Этим в значительной мере определяется и его понимание роли донатизма. По мнению Бриссона, донатизм отказался принять те сдвиги, которые произошли в христианстве IV в.¹¹⁸ Автор подчеркивает близость донатизма к раннему христианству со **всей характерной** для него идеологией социального протеста и соответственно сближает учение донатистов с идеями, развивавшимися Тертуллианом. Между тем по своему социальному положению и внутренней организации донатистская церковь столь же глубоко отличалась от ранних христианских общин, как и церковь ортодоксальная, и в этом плане она вовсе не оказалась в стороне от общих процессов развития христианства. В экономическом отношении донатистская церковь была крупным собственником, владела имениями¹¹⁹, следовательно, эксплуатировала труд зависимого сельского населения. Высший клир донатистской церкви имел мало общего с демократическими слоями африканского населения. Среди его членов были собственники и арендаторы крупных имений¹²⁰. Таким образом, «бедность» донатистской церкви была чисто декларативной. Принцип церковной иерархии и епископской власти не подвергался какому-либо сомнению донатистскими теоретиками и весьма последовательно осуществлялся на практике. Когда в 393 г. группа донатистских епископов во главе с диаконом Максимианом выступила против автократической власти карфагенского примаса Примиана, они были осуждены подавляющим большинством остальных епископов¹²¹.

Все эти черты внутренней структуры и экономического положения донатистской церкви легко объясняют то обстоятельство, что, несмотря на ее связь с городским и сельским плебсом, она все же не воспринималась в Северной Африке как некая организация демократических

¹¹⁸ B r i s s o n. Op. cit., p. 374.

¹¹⁹ A u g. In Iohan. evang. tract., VI, 25; Ep., 185, 9, 36.

¹²⁰ A u g., C. lit. Petil., II, 84, 184: Crispinus vester Calamensis... emisset possessionem et hoc emphyteuticam.

¹²¹ M a n s i, III, col. 855—858.

слоев населения, враждебная «социальному порядку» и имущим классам. В последней четверти IV и в начале V в. немало представителей этих классов было последователями донатизма. Донатистская церковь увеличивала свою собственность в значительной мере за счет их пожертвований. Об этом свидетельствует установление имперского законодательства, согласно которому донатистской церкви запрещалось получать какое-либо имущество по завещанию или путем дарения, а также упоминания Августина о богатых и знатных людях, поддерживавших оппозиционную церковь¹²². В указе Грациана от 377 г. говорится о собраниях донатистов в больших домах и имениях (*loca magna domorum seu fundorum*) и предписывается конфисковать такие имения¹²³. В одном из антидонатистских декретов Гонория рассматривается вопрос о рабах, принудительно обращенных в донатизм их господами¹²⁴. В другом декрете Гонория (от 414 г.) среди лиц, подлежащих штрафу за исповедание донатизма, упоминаются высшие чиновники провинциального управления и военного командования, сенаторы, декურიоны¹²⁵. Особенно примечательно, что в последних десятилетиях IV в. донатизм активно поддерживали многие представители бюрократической и военной верхушки африканских провинций. После подавления восстания Фирма викарием Африки был ярый донатист Флавий¹²⁶. Проконсул Африки Целер, сенатор и собственник нескольких крупных имений, населенных колонами-донатистами, сам был донатистом¹²⁷. Значительную поддержку донатистскому епископу Приммиану во время его конфликта с максимианистами оказал проконсул Герод. В 397 г. другой проконсул — Серан — подтвердил решение донатистского собора в Багаи, осудившего максимианистов¹²⁸.

Факты участия в донатистском движении сенаторов и крупных чиновников неоднократно отмечались в литературе, но не получили удовлетворительного объяснения. Вряд ли, например, можно считать таким объяснением

¹²² A u g., С. ер. *Parmen.*, I, 12, 19; *Ер.*, 43, 9, 26.

¹²³ CTh., XVI, 6, 2.

¹²⁴ Ibid., 6, 4.

¹²⁵ Ibid., 5, 54.

¹²⁶ A u g., *Ер.*, 87, 8.

¹²⁷ Ibid., 56; 57.

¹²⁸ A u g., С. *Cresc.*, III, 56, 62; IV, 4, 4; 48, 58.

политически тенденциозную параллель Френда между римскими сенаторами и... современными французскими крупными землевладельцами в Северной Африке, которые, живя среди своих арендаторов, якобы «оказываются ближе к их точке зрения, чем революционные идеалисты из Французской метрополии, желающие освободить их»¹²⁹ Между тем эти факты свидетельствуют о близости каких-то сторон донатистской идеологии интересам определенного слоя господствующего класса Римской Африки. Если проконсулы и викарии, назначаемые в Африку, считали целесообразным переходить в донатизм (как Флавиан) или, оставаясь язычниками, оказывать поддержку донатистской церкви (как Герод), то это едва ли объяснялось наличием среди адептов этой церкви колонов или городских плебеев. Скорее всего, эти чиновники считались в подобных случаях с религиозными настроениями тех кругов провинциального общества, с которыми им приходилось ближе всего соприкасаться и которые были ближе к ним в социальном отношении. В первую очередь к этим кругам могли принадлежать представители senatorской аристократии, крупные земельные собственники — донатисты, — те *clarissimi*, которые упоминаются в декрете Гонория. Наиболее ярким свидетельством приверженности определенной части крупных землевладельцев к донатизму является жалоба Августина комиту Бонифацию на трудности борьбы с ересью в тех местах, где ее защищают «толпы людей, подчиненные влиянию немногих могущественных лиц»¹³⁰.

Разумеется, далеко не все африканские сенаторы были донатистами. Значительная, вероятно, даже большая их часть принадлежала к ортодоксальной церкви или оставалась верной язычеству. Но приведенные выше соображения и данные источников убеждают в том, что земельный магнат-донатист все же не был каким-то редким исключением в Римской Африке конца IV — начала V в. Очевидно, враждебность донатизма императорской власти привлекала к нему те группы господствующего класса, которые были настроены наиболее оппозиционно к позднеримскому

¹²⁹ F r e n d. *The Donatist Church...*, p. 235. Всю неуместность этого заявления Френда доказывают события последних лет в Алжире.

¹³⁰ A u g., Ep., 185, 7, 30: *turbæ auctoritatī paucorum potentiorum subditæ in malam partem obtemperant.*

государству и более или менее осознанно стремились освободиться от его обременительной власти. Выше мы пытались показать, что в какой-то мере эти группы были связаны с мятежом Гильдона. Поскольку к концу IV в. власть римских императоров идеологически все больше сближалась с христианством, наиболее целесообразной формой протеста против этой власти была враждебная ей христианская схизма. Поэтому те представители сенаторского сословия, которые более или менее активно выступали против господствующей идеологии, не могли удовлетвориться противопоставлением язычества христианству¹³¹, они должны были использовать против официального «другое христианство», оппозиционное, которое было представлено в Северной Африке донатизмом. Но, помимо этой идеологической подоплеку симпатий данной группы господствующего класса к донатизму, они имели под собой еще более существенное практически-политическое основание. Донатистская церковь, не посягая на существующие социальные отношения, была в то же время организацией, сплачивавшей вокруг себя мощное антиимперское движение народных масс и вооруженные отряды циркумцеллионов. Возможность использовать эту организацию в своих собственных политических интересах, очевидно, представлялась оппозиционным земельным магнатам весьма привлекательной. Не случайно в одном из официальных документов, посвященных борьбе с донатизмом, говорится о толпах циркумцеллионов, которые держат в своих имениях отдельные землевладельцы¹³².

Все это, разумеется, не означает, что какие-то группы крупных землевладельцев поднялись в изучаемый период на активную борьбу с Римским государством. Их приверженность к донатизму далеко не всегда была последовательной, в источниках упоминаются отдельные случаи перехода состоятельных донатистов в католичество под угрозой конфискации их имущества или под влиянием политических соображений¹³³. Само положение этой социальной группы, подвергавшейся известному экономическому дав-

¹³¹ О взаимоотношении язычества и христианства в религиозных взглядах сенаторского сословия см. выше, стр. 152—153.

¹³² *Sententia cognitoris* (Mansi, IV, col. 264): qui in praediis suis circumcellionum turbas se habere cognoscunt.

¹³³ Aug. Ep., 57; 89; 93, 5, 16.

лению со стороны государства и в то же время нуждавшейся в защите этого государства, когда речь шла о поддержании «социального порядка» и борьбе с варварами, было двойственным и противоречивым, что исключало последовательное участие крупных землевладельцев в антиимперском движении. К тому же, как уже отмечалось выше, сенаторское сословие было неоднородным, и лишь та его часть, которая экономически была связана преимущественно с Африкой, могла проявлять какие-то сепаратистские настроения. Но во всяком случае участие этой социальной группы в донатистском движении является признаком охватившего ее серьезного идеологического и политического брожения, ее растущих противоречий с Римской империей.

В целом изучение истории донатизма приводит к тому выводу, что в этом религиозном движении отразились весьма разнородные социальные и политические устремления: протест эксплуатируемых классов против социальной несправедливости и враждебной им власти Римской империи, настроения разоряемых налогами и притеснениями властей муниципальных слоев, наконец, оппозиция империи со стороны отдельных групп господствующего класса. В ходе своего исторического развития донатизм превратился в идеологию всех тех групп африканского общества, которые в той или иной мере выступали против Римского государства. Поскольку донатистская схизма не нашла себе сторонников за пределами Африки, она приняла явно выраженный «африканский» характер. Чтобы оправдать эту ее особенность, донатистские богословы стремились доказать, что еще священным писанием было предрешиено пребывание истинной церкви только в Африке, толкуя соответственно различные места Библии¹³⁴. Но за пределы этих абстрактных противопоставлений Африки и своей церкви другим частям империи донатисты не выходили. Ни одна из социальных групп, поддерживавших донатизм, не могла выработать сколько-нибудь конкретной политической программы отделения от империи. Сепаратистские настроения донатистов практически выражались в IV в. главным образом в присоединении к восстаниям берберской родоплеменной аристократии,

¹³⁴ Aug., *Epistula ad catholicos*, XIII, 33; XV, 37; XVI, 40; *Serm.* 46, 15, 35—38; 138, 6—10; ср. *Brisson. Op. cit.*, p. 205—207.

в лозунгах которых сохранялось представление об Африке как о части Римской империи. Лишь в более поздний период под влиянием усилившегося натиска на империю «варварских» народов в политических идеях донатизма появляются некоторые новые элементы. В 417 г. Августин сообщал римскому командующему в Африке Бонифацию, что некоторые донатисты теперь рассчитывают на поддержку готов и в связи с этим пытаются сблизить свои религиозные взгляды с арианством¹³⁵. Таким образом, развитие сепаратистских настроений в рамках донатистского движения шло по линии поисков каких-то форм союза с «варварами». В этом отразилась политическая слабость тех групп этого движения, от которых исходили подобные устремления: эти группы могли решиться на открытую борьбу с империей, лишь опираясь на помощь сил находившихся за пределами африканского общества.

В начале V в. значительно возрос удельный вес африканских провинций в политической жизни Западной империи. Африка оставалась единственной областью Западно-римского государства, которой пока не угрожало непосредственно варварское завоевание. Это ее значение, очевидно, стало ощущаться особенно остро после взятия Рима Аларихом в 410 г. В этих условиях для правительства Западной империи разгром оппозиционного сепаратистского движения в африканских провинциях превратился в насущную необходимость. В идеологическом, а возможно, и в организационном плане это движение ассоциировалось с донатизмом. О том, насколько высоко оценивали при императорском дворе политическое влияние донатистской церкви, свидетельствует тот факт, что в период борьбы с Аларихом римские власти сочли необходимым предоставить донатистам свободу вероисповедания¹³⁶, пытаясь, таким образом, сгладить противоречия между африканским населением и империей в наиболее критический для нее момент. Однако, когда положение Гонория в Италии несколько упрочилось, он решил покончить с донатизмом.

¹³⁵ А u g., Ep., 185, 1,1: aliquando autem, sicut audivimus, nonnulli ex ipsis [Donatistis] volentes sibi Gothos conciliare, quando eos vident aliquid posse, dicunt hoc se credere, quod et illi credunt.

¹³⁶ См. L. L e s c h i. Le dernier proconsul païen de la province Afrique. EЕАНА, p. 132—135.

С этой целью в Африку был направлен трибун и нотариус Флавий Марцеллин, под председательством которого в 411 г. в Карфагене был организован совместный собор донатистской и ортодоксальной церквей. После того, как представители обеих сторон изложили свои позиции, Марцеллин официально объявил о запрещении донатизма и донатистам под страхом жестоких репрессий было приказано присоединиться к ортодоксальной церкви. Гонорий утвердил решение Марцеллина, под непосредственным руководством которого было организовано широкое преследование донатистов, на сей раз более эффективное, чем в предшествующие годы. Многие донатисты перешли в ортодоксальную церковь, однако значительная часть клира и донатистов-мирян продолжала оказывать ожесточенное сопротивление императорскому эдикту. По словам Августина, после собора 411 г. и законов Гонория много людей вернулось в лоно «истинной церкви», но «остались еще упорные толпы»¹³⁷. В основном в католичество переходили донатисты из числа городского населения, а жители сел оставались верными своей религии¹³⁸. Но и в некоторых городах донатистская церковь сохранила свои позиции. В 414 г. собор 30 донатистских епископов принял решение не отдавать католикам церквей и отказываться идти в ссылку, а в случае применения властями силы кончать жизнь самоубийством¹³⁹. Спустя шесть лет Гауденций, донатистский епископ Тамугади, успешно применил эту тактику, отказавшись выполнить требование трибуна Дульциция покинуть собор. Запершись в цитадели, он угрожал сжечь себя вместе с собором, и в конце концов Дульциций был вынужден отказаться от своего намерения¹⁴⁰.

О позиции, которую занимали в этот период донатисты из среды господствующего класса, свидетельствует приведенный выше отрывок из письма Августина Бонифацию о *potentiores*, защищающих донатизм, а также, может

¹³⁷ Aug., Ep., 185, 7, 30: *remanserunt turbae durae*; cp. Ep., 139, 2; 4.

¹³⁸ См. Friend. The Donatist Church..., p. 290 sqq.

¹³⁹ Mansi, IV, col. 305—306.

¹⁴⁰ Aug., C. Gaudent.; cp. Friend. The Donatist Church..., p. 296.

быть, казнь Марцеллина комитом Африки Марином. Наши источники связывают этот факт о деятельностью донатистов¹⁴¹.

Таким образом, меры, принятые Гонорием, не смогли подавить сопротивление различных групп донатистов официальной идеологии. В последние десятилетия римской власти в Африке идеологическая борьба с империей продолжала развиваться и охватывала широкие слои населения африканских провинций.

3. Кризис римской власти в Африке и вандальское завоевание

Острый политический кризис, который переживала Западная империя в начале V в., ослаблял позиции императорской власти в Северной Африке. Каждый политический переворот в Италии создавал благоприятную обстановку для самостоятельных выступлений классов и групп африканского общества, недовольных существующим положением. Казнь всесильного префекта претория Стилихона (408 г.) послужила сигналом для активизации донатистов. Отряды циркумцеллионов умножили свои атаки на ортодоксальную церковь, многие католические епископы и клирики были убиты или изгнаны из своих епархий¹⁴². К 408 г. относится сообщение Галльской хроники, что комит Африки Иоанн был убит народом¹⁴³. Это сообщение позволяет предполагать, что борьба донатистов с официальной церковью сопровождалась массовыми вооруженными выступлениями против имперских властей. Правительство империи чувствовало шаткость своих позиций в Африке, несмотря на отсутствие в этом районе крупных варварских объединений. Стремясь сохранить африканские провинции в период, когда им угрожало вторжение войск Аттала и Алариха, оно в 410 г. отменило все фискальные недоимки африканских землевладельцев¹⁴⁴. Политическая цель этого мероприятия была недвусмысленно

¹⁴¹ A u g., Ep., 151, 3—9; O r o s., Adv. pag., VII, 42, 19. Орозий передает, что Марин был «подкуплен золотом». Это могло быть делом богатых донатистов.

¹⁴² M a n s i, III, col. 810; A u g., Ep., 97, 2; 105, 2, 3; 108; 111.

¹⁴³ Chronica Gallica, ad ann. 408. MGH AA, IX, p. 652.

¹⁴⁴ CTh, XI, 26, 5; 6.

подчеркнута ссылкой на «преданность Африки» императорам.

При всей скудости и неконкретности подобных данных источников они все же убеждают в том, что острая религиозная борьба, развернувшаяся в Северной Африке в этот период, была тесно связана с борьбой социальной и политической. Вряд ли правительству Гонория пришлось бы идти на такой необычный шаг, как резкое уменьшение налогов, если бы оно действительно было уверено в преданности африканского населения. Очевидно, риск того, что Аттал найдет сторонников в африканских провинциях, был достаточно велик.

На место убитого Иоанна комитом Африки в 409 г. был назначен Гераклиан. Он поддерживал Гонория в борьбе с Аларихом и Атталом, но после победы Гонория произвел, по выражению некоторых источников, переворот (*novages*) и прекратил в 412 или 413 г. выплату анноны. Затем он высадился с армией в Италии, но был разбит римскими войсками в сражении под Утрикулом, после чего бежал в Африку и впоследствии был убит ¹⁴⁵. Восстание Гераклиана продолжило серию африканских узурпаций, начатую мятежом Гильдона. Мы не знаем, на какие социальные силы опирался Гераклиан, но вряд ли можно сомневаться в том, что, как и Гильдон, он пользовался поддержкой каких-то слоев провинциального населения. Судя по одному указу Гонория, призывавшему всех *honorati et provinciales* Африки доносить на «сателлитов» Гераклиана, дабы они не могли скрыть свое имущество, подлежащее конфискации ¹⁴⁶, его сторонники среди имущих классов были довольно многочисленны.

Следующая попытка отделения Африки от империи связана с именем Бонифация. В начале 20-х годов V в. Бонифаций был, по-видимому, одним из видных офицеров римской армии. Проспер Аквитанский называет его человеком, достаточно известным своим военным искусством. В 422 г. он принимал участие в походе в Испанию под командованием Кастина. Вследствие конфликта с Кастином Бонифаций бежал в Африку. Проспер считает это

¹⁴⁵ Oros., Adv. pag., VII, 42; Zosim., Hist. nova, VI, 7—11, Prosperi Tironis Epitoma Chronicon, ad ann. 413—MGH AA, IX; p. 467; ср. C. Pallu de Lessert. Op. cit., p. 131—139.

¹⁴⁶ CTh, IX, 40, 21.

событие началом многих бедствий и трудностей для государства ¹⁴⁷

В 423 г. умер император Гонорий. Его законным наследником считался малолетний Валентиниан III, интересы которого представляла его мать Галла Плацидия. Однако при поддержке командующего армией (*magister militum*) Кастина императорский престол узурпировал некто Иоанн, Плацидия была выслана в Константинополь. В источниках, освещающих этот период, Бонифаций упоминается уже как фактически самостоятельный правитель Африки. В литературе распространено мнение, что к моменту смерти Гонория Бонифаций был утвержден императорским правительством в должности комита Африки ¹⁴⁸. В источниках нет данных, которые подтверждали бы это заключение. Проспер сообщает, что в 424 г. Бонифаций владел Африкой (*Africam obtinebat*) ¹⁴⁹. Олимпиодор также пишет о Бонифации как о фактическом правителе Африки, не упоминая о каком-либо его официальном титуле ¹⁵⁰. По словам Прокопия, Бонифаций был назначен на пост комита Африки (*στρατηγὸν Ἀφρῆς ἀπὸς τῆς*) Плацидией ¹⁵¹, что могло произойти лишь после смерти Гонория. По-видимому, вскоре после своего прибытия в Африку Бонифаций получил поддержку местных влиятельных кругов и, не имея каких-либо официальных полномочий от императорского правительства, достиг положения фактического правителя африканских провинций.

Африканские крупные собственники были заинтересованы в сильной вооруженной власти для отражения усилившегося в этот период натиска берберских племен. На центральное правительство, ослабленное войнами в Европе, в этом отношении рассчитывать не приходилось. Из данных церковных писателей можно заключить, что Бонифаций опирался на значительные вооруженные силы, состоявшие из наемников. В письме к Бонифацию, относящемся к 428 г., Августин сетует на грабежи и разорение, которым

¹⁴⁷ *Prosperi Tironis Epitoma Chronicon*, ad ann. 422.

¹⁴⁸ *Pallu de Lessert. Op. cit.*, p. 145; *L. Schmidt. Geschichte der Wandalen. Leipzig, 1942, S. 55 ff.*; *Ch.-A. Julien. Op. cit.*, p. 234.

¹⁴⁹ *Prosper.*, ad ann. 424.

¹⁵⁰ *Olympiodori fr. 40 (FHG, IV, p. 66).*

¹⁵¹ *Procop., De bello Vandalico, I, 3.*

подвергают африканское население солдаты Бонифация. «Когда ты сможешь — не говорю уже насытить, ибо это совершенно невозможно,—но хотя бы отчасти удовлетворить стремления столь многих вооруженных людей..., страшных своей жестокостью»¹⁵². Для содержания такой значительной армии нужны были крупные денежные суммы, которыми вряд ли мог обладать дезертировавший из армии офицер. Эти суммы, скорее всего, могли предоставить наиболее состоятельные слои африканского общества, видевшие в Бонифации человека, подходящего для защиты их интересов в условиях сложной политической ситуации в центре империи и на границах африканских провинций.

Бонифаций предпринял энергичные и во многом успешные военные действия против берберов. По словам Олимпиодора, он был доблестным человеком, много раз отличившимся в сражениях с варварами. «Он освободил Африку от многих варварских племен..., любил правосудие, не был предан корыстолюбию»¹⁵³. Эта панегирическая характеристика деятельности Бонифация, очевидно, восходит к настроениям господствующего слоя африканских провинций. Проспер Аквитанский пишет о «могуществе и славе» Бонифация в Африке (*intra Africam potentia gloriae*)¹⁵⁴.

Бонифаций пришел к власти в Африке, воспользовавшись смертью Гонория и неустойчивым положением центрального правительства. В период кратковременного правления Иоанна он оказывал поддержку Плацидии, даже посылал ей деньги¹⁵⁵. В 424 г. Иоанн начал войну с Бонифацием с целью присоединения Африки к империи¹⁵⁶. Союз Бонифация с Плацидией, не имевшей реальной власти, не умалял независимости его правления и в то же время придавал ему некоторую видимость законности: в глазах романизованных кругов африканского общества Бонифаций выступал как представитель власти законного императора и борец с узурпатором Иоанном.

¹⁵² Aug., Ep., 220, 6. По данным Посидия (*Vita s. Augustini*, 28), в состав войска Бонифация входили готы-федераты.

¹⁵³ Olympiodori fr. 42 (FHG, IV, p. 67).

¹⁵⁴ Prosp., ad ann. 427.

¹⁵⁵ Olympiodori fr. 40.

¹⁵⁶ Prosp., ad. ann. 424.

В 425 г. Иоанн, основные силы которого были отвлечены войной с Бонифацием, был свергнут армией восточного императора Феодосия. К власти пришла Пластидия. Бонифацию были присвоены титулы комита Африки и *comes domesticorum*. Однако через два года отношения между Бонифацием и императорским двором обострились. Он отказался явиться в Италию на вызов императрицы, вследствие чего против него в 427 г. были начаты военные действия. Шмидт, основываясь на сообщении Проспера, объясняет отказ Бонифация от повиновения центральному правительству его соперничеством с Феликсом из-за поста *magister militum*. Бонифаций надеялся получить этот пост от Пластидии, но вследствие интриг, связанных с женитьбой Бонифация на арианке, он достался Феликсу¹⁵⁷.

Личные и карьеристские мотивы, разумеется, могли играть роль в деятельности Бонифация, однако нельзя только ими объяснять борьбу, которую он вел с империей. В политике Бонифация четко прослеживается определенная линия: и при Иоанне, и при сменившей его Пластидии он стремился добиться независимости Африки от центральной императорской власти. Разумеется, Бонифаций не мог проводить такую политику только в своих карьеристских целях, не опираясь на поддержку влиятельных групп господствующего класса африканских провинций. Проспер определенно связывает выступление Бонифация против императорского правительства с его влиянием в Африке.

Против Бонифация была направлена армия под командованием трех полководцев: Маворция, Галлиона и Сенеки. Сенека перешел на сторону Бонифация, римские войска были разбиты. Руководство военными действиями против Бонифация было передано комиту Сегисвульту¹⁵⁸. В своей борьбе за воссоединение Африки с империей императорское правительство пыталось привлечь на свою сторону широкие слои местного городского населения. Об этом свидетельствует ряд указов, изданных в 429 г. на имя проконсула Африки Целера. В одном из них запрещается ограбление африканских посессоров сборщиками налогов и поставщиками военного провианта. Другие указы требуют пресечь практику принуждения куриалов к вы-

¹⁵⁷ Schmidt. Op. cit., S. 55 f.

¹⁵⁸ Prosp., ad ann. 427.

полнению уже выплаченных повинностей или к уплате налогов за чужие земли¹⁵⁹. Составители одного из указов ссылаются на то, что разорительным сборам подвергаются даже наиболее преданные куриалы. Подсбными мероприятиями правительство пыталось укрепить свою все более расшатывавшуюся социальную базу в Африке.

В 429 г. императорское правительство, видимо, чувствуя себя не в силах подавить сопротивление, которое оно встречало в Африке, решило пойти на компромисс с Бонифацием. В Африку был направлен императорский уполномоченный Дарий с официальной целью установить мир между враждующими войсками Бонифация и Сегисвульта¹⁶⁰. Переговоры с Бонифацием привели к воссоединению африканских провинций с империей. За Бонифацием было сохранено его официальное положение: в 430 г. он вновь выступает в качестве комита Африки¹⁶¹. В 432 г. ему было присвоено звание *magister militum*¹⁶².

Изменение позиции Бонифация по отношению к империи, очевидно, было связано с резким ухудшением внешнеполитического положения Африки. В 428 г. Августин написал письмо Бонифацию, в котором, упрекая его за междоусобную войну с империей, возлагал на него ответственность за захват берберами значительной части римской территории. Письмо Августина отражает настроения африканских собственников, испытывавших страх перед «варварским» вторжением, для которого благоприятным фактором была борьба Бонифация с Римом. Августин призывает Бонифация к христианскому смирению, убеждает его не отвечать Римской империи злом на зло, указывает, что из-за междоусобной войны Африка испытала громадные несчастья. В другом письме Августин приветствует миротворческую миссию Дария¹⁶³.

Важнейшим фактором, определившим изменение политической позиции Бонифация и поддерживавших его кругов африканского общества, явилась угроза вандальского вторжения. В 429 г. вандалы и аланы во главе с

¹⁵⁹ CTh, XI, 1, 34; XII, 1, 185; 186.

¹⁶⁰ Aug., Ep., 229.

¹⁶¹ Possid., Vita s. Augustini, 28.

¹⁶² Prosp., ad ann. 432.

¹⁶³ Aug., Ep., 220; 229.

Гейзерихом переправились с Пиренейского полуострова на территорию Африки. Некоторые источники связывают вторжение вандалов с тем обстоятельством, что Бонифаций якобы прибег к их помощи в своей борьбе с Римом. По сообщению Прокопия, Бонифаций заключил с вандалами договор, согласно которому в их владение отходила третья часть Африки, а они должны были оказывать военную поддержку Бонифацию¹⁶⁴. По словам Иордана, Бонифаций пригласил вандалов в Африку и переправил их на своих кораблях через Гибралтарский пролив¹⁶⁵.

В историографии версия Прокопия и Иордана долгое время не подвергалась критическому разбору. Между тем современник описываемых событий Проспер Аквитанский, чьи сведения имеют, немомненно, большую ценность, чем сообщения писавших в VI в. Прокопия и Иордана, а также другие западные хронисты (Марцеллин, Гидаций) не упоминают об обращении Бонифация к вандалам. Проспер сообщает, что после разгрома первого похода римской армии против Бонифация в 427 г. племена, не умевшие пользоваться кораблями, были призваны на помощь сражающимися партиями, а Сегисвульт возглавил борьбу с Бонифацием. Далее следует сообщение о переправе вандалов в Африку, никак не связанное у Проспера с рассказом о войне между Бонифацием и Сегисвультом¹⁶⁶. Версия Прокопия плохо вяжется с данными о дальнейшей деятельности Бонифация. В 430 г. он возглавлял борьбу с вандалами¹⁶⁷, впоследствии был призван к императорскому двору и удостоен высшего воинского звания империи. Рассказ Прокопия о том, что Бонифаций раскаялся в заключении договора с варварами в результате просьбы Плацидии, вряд ли можно считать сколько-нибудь достоверным. В ряде современных работ версия Прокопия и Иордана подвергнута сомнению. Шмидт рассматривает рассказ об обращении Бонифация к вандалам, как легенду, возникшую при византийском дворе. По его мнению, сообщение Проспера о призыве племен, не умеющих пользоваться кораблями, относится не к вандалам, а к готам-

¹⁶⁴ Procop., De b. V., I, 3.

¹⁶⁵ Jordan., Getica, 33.

¹⁶⁶ Prosp., ad ann. 427.

¹⁶⁷ Possid., Vita s. Augustini, 28.

федератам¹⁸⁸. Жюльен считает возможным, что и Бонифаций, и Сегисвульт призвали вандалов уже после появления последних в Африке. Воспользовавшись междоусобной борьбой в римских провинциях, они приступили к завоеванию римской территории¹⁸⁹.

Противоречивые и недостаточно четкие данные источников не дают возможности воссоздать полную картину политических событий, связанных с вторжением вандалов в Африку. Несомненно, что борьба Бонифация с империей создавала благоприятную ситуацию для их наступления на римскую территорию. Возможно, что Бонифаций действительно намеревался использовать в войне с Сегисвултом отдельные вандальские контингенты и имел соответствующую договоренность с Гейзерихом. Однако совершенно очевидно, что вторжение в Африку всей массы вандалов, грозившее экспроприацией широких слоев африканских собственников, явилось для Бонифация неожиданностью и заставило его пересмотреть свои позиции. Угроза «варварского» нашествия со стороны сначала берберов, а потом вандалов вызвала сплочение различных слоев господствующего класса африканских провинций вокруг Римского государства. Бонифаций возглавил вооруженное сопротивление вандалам.

Кратковременное воссоединение Африки с империей ввиду угрозы «варварского» завоевания не должно заслонять того основного факта, что завоевание это было неразрывно связано с обострением противоречий внутри господствующего класса империи, с той оппозицией, которую оказывали позднеимперскому государству некоторые слои африканских землевладельцев.

Переpravившись через Гибралтар, вандалы двинулись на восток через территорию мавретанских провинций. Очевидно, именно в период продвижения вандалов по Мавретании прекратилась война между Бонифацием и Сегисвултом и Бонифаций был восстановлен в должности комита Африки. В 430 г. произошло сражение армии Бонифация с вандалами. Римская армия потерпела поражение, что привело к отступлению Бонифация с войском

¹⁸⁸ Schmidt. Op. cit., S. 55 ff., cp. «The Cambridge Medieval History», I, 1924, p. 409.

¹⁸⁹ Julien. Op. cit., p. 235 sqq.

готов-федератов в Гиппон-Регий, который затем был осажден вандалами ¹⁷⁰.

Осада Гиппона-Регия продолжалась свыше года. По видимому, она отвлекала основные силы вандалов, что дало римлянам определенный выигрыш времени и позволило сохранить в своих руках Карфаген и значительные территории Проконсульской провинции, Бизацены и Триполитании. Осаду с города вандалы в конце концов сняли, однако впоследствии Гиппон-Регий был оккупирован ими после ухода из него жителей. На помощь римской армии в Африку был направлен из Восточной империи контингент войск под командованием Аспара, который наголову был разбит вандалами ¹⁷¹. В 432 г. Бонифаций был отозван в Италию ¹⁷², однако война с вандалами продолжалась.

В 435 г. в Гиппоне-Регии был заключен мир между Римской империей и вандалами. По сообщениям Проспера и Кассиодора, вандалам была предоставлена для поселения часть Африки ¹⁷³. На основании сообщения Проспера об убийстве Гейзерихом в 437 г. католического епископа г. Каламы *intra habitationis suae limites* Шмидт устанавливает, что местом поселения вандалов была проконсульская (восточная) Нумидия ¹⁷⁴. Об оккупации Гейзерихом в течение трех лет до 439 г. Гиппона-Регия сообщает «*Laterculus regum Wandalorum et Alanorum*» ¹⁷⁵. К договору 435 г., очевидно, относится сообщение Прокопия, что Гейзерих обязался ежегодно платить императору Валентиниану подать за оккупацию Африки и предоставил римлянам в качестве заложника своего сына Хунирика, который впоследствии вернулся в Африку ¹⁷⁶.

Видимо, истощение сил вандалов в затяжной войне вынудило Гейзериха пойти на сравнительно умеренные условия договора 435 г. Важнейшим результатом этого договора было создание вандалами своего плацдарма в са-

¹⁷⁰ Possid., Vita s. Augustini, 28; Procop., De b. V., I, 3.

¹⁷¹ Procop., De b. V., I, 3.

¹⁷² Prosp., ad ann. 432.

¹⁷³ Prosp., ad ann. 435; Cassiodori senatoris Chronicon, ad ann. 435.

¹⁷⁴ Schmidt. Op. cit., S. 65.

¹⁷⁵ MGH AA, XIII, p. 458.

¹⁷⁶ Procop., De b. V., I, 9.

мом центре Римской Африки. В последующие годы Гейзерих использовал этот плацдарм для дальнейшего наступления на римскую территорию. В 439 г. неожиданно для римлян и в нарушение договора 435 г. вандалы заняли Карфаген¹⁷⁷. В 440 г. они вторглись в Сицилию. Римская армия под командованием зятя Бонифация Себастьяна перешла из Испании в Африку, что заставило Гейзериха оставить Сицилию, однако не принесло римлянам дальнейшего успеха. Себастьян, по сообщению Проспера, был соблазнен богатствами Гейзериха и больше хотел иметь его другом, чем врагом. Данные Виктора Витенского свидетельствуют, что Себастьян перешел на сторону Гейзериха¹⁷⁸. Совершенно безрезультатной была также морская экспедиция, организованная против вандалов правительством Восточной империи в 441 г.¹⁷⁹ В 442 г. между Гейзерихом и Валентинианом III был заключен новый мирный договор, согласно которому Африка была разделена между вандалами и Римской империей¹⁸⁰. По сообщению Виктора Витенского, к вандалам отошли Проконсульская провинция, Бизацена, Абаритана, Гетулия и часть Нумидии, а к римлянам — остальные провинции, разделенные между собой вандалскими владениями¹⁸¹. По-видимому, вандалы получили проконсульскую Нумидию с центром в Гиппоне-Регии, а Циртенская Нумидия (Numidia Cirtensis)

¹⁷⁷ Prosp., ad ann. 439.

¹⁷⁸ Prosp., ad ann. 440; Victor Vitensis. Historia persecutionis..., I, 19.

¹⁷⁹ Prosp., ad ann. 441.

¹⁸⁰ Ibid. ad ann., 442.

¹⁸¹ Vict. Vit., I, 4; Гетулия составляла южную часть Бизацены. Положение Абаританы недостаточно ясно. Шмидт (Op. cit., S. 71) считает, что под Абаританой подразумевалась Тингитанская Мавретания (не входившая в диоцез Африки), которая имела большое стратегическое значение для вандалов как ключевая позиция на пути из Европы в Африку (через Гибралтар). Он выступает против распространенного представления об Абаритане как районе г. Абары в Проконсульской провинции поскольку, по его мнению, сообщение Виктора говорит о том, что это была или целая провинция, или по крайней мере ее большая часть. Последнее соображение неубедительно: Виктор перечисляет сначала районы, оставленные Гейзерихом в собственном владении (в том числе Абаритану), а затем указывает, что Проконсульскую провинцию он уступил войску. Таким образом, можно предположить, что Абаритана была районом Проконсульской провинции, который был выделен Гейзерихом в особый округ, не подлежащий разделу между вандалами.

сохранила римское управление ¹⁸². В 455 г. после смерти Валентиниана III Гейзерих захватил те районы, которые по договору 442 г. оставались за Римской империей, т. е. Мавретанию, Циртенскую Нумидию и Триполитанию ¹⁸³. Этим закончился процесс завоевания вандалами африканских провинций империи.

Несомненно, различные слои населения Римской Африки по-разному относились к нашествию вандалов. В период войны наиболее жестокий урон от вандалского нашествия испытывали африканские города: вандалы были заинтересованы в захвате и разграблении городов как центров скопления различных материальных благ и как военных крепостей, которые могли быть использованы римской армией. Городские курии, боясь грабежей, нередко организовывали вооруженное сопротивление «варварам». Виктор сообщает, что многие города вандалы не могли взять штурмом и, окружив их стадами скота, резали животных, чтобы задушить горожан запахом падали ¹⁸⁴. О вооруженной борьбе городов с вандалами свидетельствует также надгробная надпись из Алтавы (Цезарейская Мавретания), относящаяся к 429 г., в которой говорится о смерти неизвестного жителя этого города «от меча варваров» ¹⁸⁵.

Для характеристики настроений эксплуатируемых слоев африканского населения по отношению к вандалскому завоеванию существенный интерес представляют данные Сальвиана Марсельского, посетившего Римскую Африку в период борьбы между империей и вандалами (до захвата ими в 439 г. Карфагена). Описывая тяжелое положение африканских бедняков, тяготевшее над ними бремя податей, конфискации имущества должников властями и т. д., Сальвиан замечает: «Тяжелее всего то, что они (бедняки. — Г. Д.), прося под влиянием слишком больших тягот даже прихода врагов, молят бога, чтобы им было дано сообща переносить от варваров то разорение, которое

¹⁸² Это подтверждается относящейся к 454 г. надписью из Куикуля, датированной римским летоисчислением (по консулам). См. Schmidt. Op. cit., S. 71.

¹⁸³ Vict. Vit., I, 4.

¹⁸⁴ Ibid., I, 3.

¹⁸⁵ O. Fiebig. Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen. «Denkschriften der Akademie der Wissenschaften zu Wien», phil.-hist. Klasse, 1939, № 6.

раньше они поодиночке переносили от римлян»¹⁸⁶. В декрете Валентиниана III от 445 г., относящемся к Циртенской Нумидии и Мавретании, которые еще находились в тот период под властью Рима, говорится о малочисленности колоннов (*garitas colonoium*) в этих провинциях. Военнопленных, относительно которых провинциалы докажут, «что они их потеряли» (т. е. беглых рабов и колоннов), декрет требовал возвращать прежним владельцам¹⁸⁷. Хотя эти отрывочные данные источников не позволяют судить в достаточной мере об участии различных слоев провинциального населения в борьбе между вандалами и империей, они все же свидетельствуют об обострении классовых противоречий в провинциях, связанном с вандалским вторжением. Если имущим слоям африканского общества нашествие «варваров» грозило экспроприацией и разорением, то массы эксплуатируемых тружеников — рабы, колонны, городской плебс — воспринимали его как средство освобождения от давившего на них экономического и социального гнета. Когда Нумидия и Мавретания после ухода вандалов с их территории вновь вернулись под власть империи, колонны и рабы массами бежали из этих провинций, а многие из них, как свидетельствует положение декрета 445 г. о военнопленных, присоединились к вандалам и сражались вместе с ними против империи. В этот период обострилась также религиозная борьба. В районе *Ala Miliaria* в Цезарейской Мавретании сохранились остатки донатистской церкви, построенной между 434 и 439 гг. и относящиеся к 30-м годам эпитафии донатистских «мучеников»¹⁸⁸. Очевидно, восстановление римской власти в Мавретании вызвало активизацию донатистского движения, враждебного империи.

В свете этих данных вряд ли можно сомневаться в том, что нашествие вандалов вызвало новый подъем массового движения против империи. Мы не имеем прямых данных об участии агонистиков в событиях этого периода, но вся предшествующая деятельность и идеология этой секты неизбежно должны были вовлечь ее в активную борьбу на стороне «варваров». Судя по произведениям Коммодиана,

¹⁸⁶ S a l v., De gub. Dei, VII, 21.

¹⁸⁷ Valentin. Nov. XIII.

¹⁸⁸ M o n c e a u x. Histoire littéraire de l'Afrique..., IV, p. 472.

среди эксплуатируемого слоя африканских христиан была популярна идея, что варварское вторжение явится божественным орудием в борьбе с богачами и властью Римской империи. Сближение с арианством, к которому стремились некоторые круги донатистов, рассчитывавшие на помощь готов, теперь оказывалось прекрасным религиозным оправданием для союза с арианами-вандалами. Мы видели, сколько боевого духа проявляли агонистики и шедшие за ними массы сельских тружеников в условиях IV в., когда сколько-нибудь прочная победа над Римом была невозможна. Теперь, когда в Африке появилась мощная сила, постепенно сокрушавшая власть Римской империи, когда одалась реальная перспектива низвержения старого врага, антиримское движение эксплуатируемых классов неминуемо должно было принять еще большие размах и энергию. Это обстоятельство, очевидно, объясняет отсутствие сколько-нибудь заметного сопротивления вандалам, до тех пор пока они не входили в непосредственное соприкосновение с римской армией или не наталкивались на укрепленные города. С этим связана быстрота их продвижения по территории африканских провинций и легкость, которой они удерживали обширные районы в тылу своих войск. Правительство империи опиралось в этой войне главным образом на воинские контингенты, присланные из других провинций; сформировать сколько-нибудь значительную армию из африканцев, очевидно, не представлялось возможным.

В целом мы можем заключить, что, каково бы ни было соотношение военных сил вандалов и римской армии в Африке, решающим условием, обеспечившим успех вандальского завоевания, была та поддержка, которую оказали ему широкие слои населения африканских провинций. В этом сказалась враждебность этих слоев императорской власти и всему защищаемому ею социальному строю.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ «ВАРВАРСКОГО» ЗАВОЕВАНИЯ

История вандалов до завоевания ими африканских провинций требует специального исследования. Однако для выяснения характера влияния, которое оказало вандальское завоевание на социально-экономическое развитие Северной Африки, необходимо дать хотя бы краткий анализ общественных отношений у вандалов к моменту их вторжения в Африку.

С середины II до начала V в. н. э. вандалы проделали под давлением сначала готского, а затем гуннского нашествия длинный путь по Европе: от среднего течения Одры до Пиренейского полуострова. В 30-х годах IV в. вандалы были поселены Константином на правах федератов в Паннонии. В начале V в. они вторглись в Галлию. В 409 г. вместе с аланами они вступили в Испанию и захватили значительную часть страны. По договору между вандальским королем Годигисклом и императором Гонорием вандалам была предоставлена для поселения часть испанского диоцеза¹.

Насколько позволяют судить данные источников, уже в III в. первобытно-общинный строй у вандалов находился на стадии разложения. В «Истории вандалов» Шмидта суммированы археологические данные, относящиеся к районам, которые населяли вандалы. Судя по этим данным, вандалы торговали с римлянами еще задолго до III в. В III—IV вв. значительного развития достигла имущественная дифференциация: могилы рядовых членов племени отличаются от могил знати — в последних находят много ввозных

¹ Prosop., ad ann. 409.

предметов². Интересные данные об общественном строе вандалов в конце III в. сообщает Дексипп Афинский, рассказывая о переговорах с вандалами императора Аврелиана. По его словам, цари и старейшины (*βασιλεῖς καὶ ἄρχοντες*) варваров, выделявшиеся своим почетным положением и богатством, предоставили римлянам в качестве заложников своих детей. При этом Дексипп характеризует знатных вандалов как лиц, мало отличающихся по своему положению от царей³. Перед нами предстают, таким образом, отношения, характерные для развивающейся из родового строя военной демократии. Король — пока только военный предводитель. Дексипп с трудом отличает королей от представителей выделившейся уже из состава племени и отличающейся своим богатством родовой знати.

Усилению власти вандальских королей способствовало присоединение к вандалам под влиянием общих военных интересов племен аланов и свевов⁴.

Ко времени завоевания Испании у вандалов уже установилась наследственная королевская власть. После смерти короля Годигискла власть унаследовали его сыновья Гонтарис и Гейзерих (внебрачный сын Годигискла). Впоследствии Гейзерих узурпировал единоличную королевскую власть. Гонтарис был или умерщвлен Гейзерихом, или (по более поздней официальной вандальской версии) погиб в войне с вестготами⁵.

Важным толчком к дальнейшему развитию у вандалов государственной власти, по-видимому, явилось их поселение в Испании. Исследуя образование государства у германцев, Энгельс писал, что германские народы, завоевавшие римские провинции, не могли господствовать над римлянами с помощью родовых организаций. «Органы родового строя должны были поэтому превратиться в государственные органы, и притом, под давлением обстоятельств, весьма быстро»⁶. Описанные Энгельсом условия создались в ре-

² Schmidt. Op. cit., S. 37—38.

³ Dexippi fr. 24, FHG, III, p. 685: Οἱ τε γὰρ βασιλεῖς τοὺς παῖδας ἑκάτεροι διδάσιν ἐς τὴν ὁμερείαν... καὶ ἕτεροι ἅμα αὐτοῖς οὐ μίλα πόρρω ἱξιώσεως.

⁴ Прокоп., De b. V., I, 3; Isidori Junioris Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum, 72 (MGH AA, XI, p. 295).

⁵ Прокоп., De b. V., I, 3.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 128.

зультате завоевания вандалами Испании. Под властью вандалов оказались значительные массы местного романизированного населения⁷. Земли и имущество состоятельных римлян были, по сообщению Орозия, разделены по жребии между вандалами⁸, причем можно предположить, что представители вандальской родоплеменной знати стали собственниками крупных римских имений. В результате войн вандалов в Испании было захвачено большое количество пленных, которые превращались в рабов⁹. Очевидно, в крупных вандальских имениях, образовавшихся в завоеванной стране, использовался труд рабов и римских колонов. Все эти изменения в общественном строе вандалов должны были способствовать быстрому созреванию государственной организации. Одним из признаков того, что в период пребывания вандалов в Испании у них сложились основы государственной организации, является принятие Гейзерихом арианства в качестве официальной религии¹⁰. Это было вызвано, очевидно, потребностью в особой государственной идеологии, не связанной с санкционировавшей власть Римской империи ортодоксальной церковью.

Несмотря на сравнительно быстрое развитие у вандалов под влиянием завоевания Римской Испании классов и государства, в вандальском обществе к моменту вторжения в Африку далеко еще не были изжиты черты военной демократии. Главы знатных родов занимали в этот период независимое положение по отношению к королевской власти, функции короля только начинали выходить за рамки военного предводительства. Превращение родоплеменной знати в королевских подданных, связанное с внутренней борьбой в среде господствующей верхушки, относится к более позднему времени — к периоду укрепления вандалов в Африке. По сообщению Орозия, вандалы, завоевав Испанию и разделив между собой земли богатых римлян, «обратились к плугам (*ad aratras*) и к остальным римлянам благоволили как к друзьям и союзникам, так как

⁷ Oros., *Adv. pag.*, VII, 41.

⁸ *Ibid.*, 40.

⁹ При переселении в Африку вандалы привели с собой много рабов (*Vict. Vit.*, I, 1).

¹⁰ *Hydatii Lemici Continuatio chronicorum Hieronymianorum* (MGH AA, XI, p. 21); *Isidori Junioris Historia...*, 74.

находились среди них некоторые римляне, которые предпочитали бедную свободу среди варваров податным тяготам среди римлян»¹¹. Это сообщение, по-видимому, показывает, что большинство вандалов возделывали землю самостоятельно или с помощью немногочисленных рабов. Эксплуатация римского населения, в частности бывших колонов, очевидно, была развита слабо.

При изучении влияния вандалского завоевания на социально-экономическое развитие Северной Африки необходимо учитывать, что его последствия были неодинаковыми в различных районах страны.

По сообщению Виктора Витенского, Гейзерих выделил в наследственное владение войску Зевгитану, или Проконсульскую провинцию, а за собой сохранил Бизацену, часть Нумидии, а также Абаритану и Гетулию¹². Районы, разделенные между вандалскими воинами-общинниками, составляли в административном отношении особую область — *sortes Wandalorum*¹³. Прокопий Кесарийский, посетивший Африку в VI в. уже после изгнания вандалов, сообщает, что в его время земли, разделенные между вандалским народом, еще назывались «наделами вандалов» (*κλήροι Βανδύλων*)¹⁴. Поскольку массовое наделение земель вандалских воинов было осуществлено Гейзерихом в Проконсульской Африке, очевидно, именно в этой провинции «варварское» завоевание привело к наиболее резким и значительным изменениям структуры земельной собственности и социального состава землевладельцев.

Какие слои местных земельных собственников лишились своих владений в результате вандалского завоевания? Несомненно, в их числе была значительная часть крупных африканских землевладельцев-сенаторов. По сообщению Прокопия, Гейзерих отдал тех африканцев, которые отличались знатностью и богатством, вместе с их землями и имуществом в рабство своим сыновьям Хунирику и Гензону¹⁵. Виктор Витенский говорит об известных и почтенных людях, которые являются рабами вандалов¹⁶. По

¹¹ Oros., Adv. pag., VII, 41.

¹² Vict. Vit., I, 4.

¹³ Ibid., III, 2.

¹⁴ Procop., De b. V., I.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Vict. Vit., I, 4.

словам Проспера Аквитанского, Гейзерих «особенно сильно свирепствовал против знати и религии» (*praecipue nobilitati et religioni infensus*)¹⁷. В составленной в Африке в VI в. биографии Фульгенция, епископа города Руспе, рассказывается, что Гейзерих, захватив Карфаген, вынудил многих сенаторов отплыть в Италию, отняв у них все имущество. В числе этих эмигрантов был дед Фульгенция Гордиан¹⁸.

Репрессии, проведенные Гейзерихом против части африканской земельной знати, очевидно, объяснялись не только стремлением к захвату ее богатств, но и определенными политическими соображениями. Римские аристократы, потерявшие свои владения в результате вандалского завоевания, в условиях незавершенной борьбы вандалов с Римской империей за Африку могли оказаться опасным противником еще неокрепшего вандалского государства. Вместе с тем сообщения Виктора и Прокопия о порабощении знатных африканцев, несомненно, крайне преувеличены¹⁹. Подавляющее большинство африканских аристократов сохранили личную свободу и имели возможность эмигрировать в другие провинции. Об этом свидетельствует приведенное выше сообщение биографа Фульгенция, а также содержащиеся в кодексах и письмах Феодорита Киррского упоминания о знатных людях, вынужденных покинуть Африку вследствие вандалского нашествия²⁰.

Несмотря на то, что земельные конфискации Гейзериха значительно подорвали крупное римское землевладение (главным образом в Проконсульской провинции), они не привели к его полному уничтожению. Виктор Витенский рассказывает о выдающихся людях (*insignes viri*), которые, оставшись в провинциях, разделенных Гейзерихом между вандалами, обратились к королю с просьбой о разрешении отправлять католический культ²¹. По-видимому, это

¹⁷ Pros p., ad ann. 439.

¹⁸ «Vita Fulgentii» (PL, 65), I, 4.

¹⁹ Следует учитывать крайнюю тенденциозность обоих этих авторов, первый из которых, очевидно, писал свое произведение с целью добиться византийского вторжения в Африку, а второй прославлял это вторжение, когда оно действительно осуществилось. Ср. Chr. Со u r t o i s. Victor de Vita et son oeuvre. Etude critique. Alger, 1954, p. 22, 87.

²⁰ Valentin. Nov. II, VI, XXXIV; Theodoret i ep. 29—36 (PG, 83).

²¹ Vict. Vit., I, 5.

означает, что даже в Проконсульской провинции, где были расселены вандалы, римские землевладельцы сохранили определенные позиции. Данные Виктора Витенского свидетельствуют о том, что при Гейзерихе и его преемниках многие знатные римляне занимали различные видные посты при дворе вандалских королей, в вандалской армии и в провинциальном управлении²². Римские сенаторы сохранялись в вандалском государстве как особое сословие. В направленном против католицизма декрете преемника Гейзериха короля Хунирика (477—484 гг.) сенаторы упоминаются как одна из категорий лиц, подлежащих штрафу за отказ от перехода в арианство²³.

Виктор Витенский упоминает о знатных римлянах, состоявших на службе у вандалских королей, главным образом в связи с преследованиями, которым они подвергались из-за своей приверженности к католицизму. Очевидно, среди крупных римских землевладельцев было много и таких, которые сохранили свое имущество и различные посты ценой перехода в арианство. Виктор рассказывает о некоем Прокле, который по приказу Гейзериха преследовал католических клириков Проконсульской провинции²⁴. При короле Тразамунде (496—523 гг.) в Карфагене было немало римских поэтов, которые воспевали в своих стихах вандалского короля и носили титул *viri clarissimi*, т. е. принадлежали к сенаторскому сословию: Люксорий, Коронат, Флавий Феликс и др.²⁵

Приведенные факты показывают, что вандалские короли вовсе не исходили в своей политике из какого-то принципиально враждебного отношения к римской аристократии, как это считает, например, Гзель²⁶. В период завоевания Африки противоречия между вандалами и римской земельной знатью порождались потребностью вандалского короля, знати и рядовых общинников в земле и борьбой за эту землю с ее собственниками — римскими землевладельцами. Для решения вопроса о земле вандалам ввиду обширности завоеванной ими страны не было

²² Vict. Vit., I, 6; 12; 14; 16; III, 4; 10.

²³ Ibid., III, 2.

²⁴ Ibid., I, 12.

²⁵ Codex Salmasianus. Anthologia latina, ed. A. Riese, 1894, I.

²⁶ St. Gsell, G. Marçais, G. Yver. Histoire d'Algérie. Paris, 1929, p. 73.

необходимости сгонять всех ее прежних владельцев. Вместе с тем вандалские короли нуждались в поддержке римского бюрократического аппарата и правящего слоя африканского общества для организации своего господства над завоеванным населением. Этим, очевидно, в значительной мере объясняется сближение части римской знати с «варварской» верхушкой, которое, как правильно подметила З. В. Удальцова²⁷, должно было усиливаться по мере развития вандалской земельной аристократии²⁸.

Какой же слой африканских землевладельцев оказался наиболее пострадавшим в результате расселения нескольких десятков тысяч вандалов²⁹ на территории Проконсульской Африки?

Прокопий отмечает две категории африканских землевладельцев, экспроприированных Гейзерихом: наиболее знатных и богатых, земли которых были переданы сыновьям короля, и «остальных африканцев», у которых Гейзерих «отобрал их многочисленные и лучшие земли (τοὺς ἀγροὺς, οἱ πλεῖστοι τὴ ἡσάν καὶ ἄριστοι) и разделил их между народом вандалов»³⁰.

При определении социального состава второй — наиболее многочисленной — категории землевладельцев, лишившихся своих имений в результате завоевания, необ-

²⁷ З. В. Удальцова. Политика византийского правительства... ВВ, т. VI, 1953, стр. 93 сл.

²⁸ Преследования католиков обычно расцениваются как свидетельство враждебности вандалских королей к римской знати. На наш взгляд, эти преследования носили, скорее, политический, чем социальный характер. Пытаясь опереться на римскую аристократию, Гейзерих и его преемники стремились в то же время разорвать связи господствующего класса африканских провинций с Римской империей. Арианство было для вандалов идеологическим оправданием создания суверенного «варварского» государства. В этом, как нам кажется, следует искать причины религиозной политики первых вандалских королей. Эта политика в известной мере, разумеется, обостряла отношения между вандалами и римскую знатью, но не могла в конечном счете помешать установлению между ними определенного *modus vivendi*. Со времени короля Тразамунда (496—523 гг.) преследования католиков вообще прекратились.

²⁹ По данным Прокопия (*De b. V.*, I, 5), число вандалов и аланов при переходе в Африку не превышало 50 тыс. Более близким к истине, очевидно, является свидетельство современного автора (Виктора), который пишет, что во времена Гейзериха насчитывалось всего 80 тыс. вандалов (вероятно, мужского пола), в том числе стариков, юношей, детей и рабов (*Vict. Vit.*, I, 1)

³⁰ Прокоп., *De b. V.*, I, 5.

ходимо учитывать, что Проконсульская Африка была наиболее урбанизированной областью африканских владений Римской империи. В условиях этой провинции Гейзерих мог производить наделение земель вандалов главным образом за счет территорий, приписанных к городам. Этот вывод подтверждается материалом источников, относящихся к периоду завоевания вандалами Северной Африки. По сообщениям ряда авторов, Гейзерих конфисковал имущество всех богатых горожан Карфагена — крупнейшего города Римской Африки, в котором имела наиболее широкая прослойка состоятельной муниципальной знати³¹. Феодорит Киррский рассказывает в нескольких письмах об африканце Целестиане, принадлежавшем к верхушке карфагенских куриалов. Он обладал большими деньгами и поместьями, был членом городского совета. Лишившись всего имущества в результате вторжения вандалов, Целестиан был вынужден переселиться в Восточную империю³². О массовом разорении африканских куриалов в результате вандалского завоевания свидетельствуют также некоторые посвященные регулированию их экономического положения указы Валентиниана III. В 440 г. африканские поссессоры, изгнанные из своих имений, были освобождены от уплаты сбора за рекрутов³³. В 443 г. императорское правительство призвало провинциальные власти оказывать помощь африканцам, лишенным врагами своих состояний³⁴. В 451 г. Валентиниан III предписал выделить африканским поссессорам, ограбленным в результате вражеского опустошения, земли из состава императорских владений в Мавретании и Нумидии, а также выдавать им ежегодное денежное пособие. В указе говорится, что эти мероприятия относятся к *honorati*, т. е. к представителям городской знати Проконсульской провинции и Бизацены, которые были лишены своих имений и изгнаны «варварами» из собственных домов³⁵.

Выше приводились данные, которые показывают, что уже до вторжения в Африку в вандалском обществе интенсивно проходил процесс классообразования. Естествен-

³¹ Isidori Junioris Historia..., 75; Prosp., ad ann. 439.

³² Theodoret i ep., 29—36.

³³ Valentin. Nov. VI, 3.

³⁴ Ibid., II, 3.

³⁵ Ibid., XXXIV.

но, что различия в имущественном положении между основной массой членов племени и знатью должны были сказаться при разделе африканских земель между вандалами, осуществленном при Гейзерихе. Из данных Прокопия можно заключить, что имения наиболее крупных римских землевладельцев, экспроприированных вандалами, достались членам королевского рода.

Крупными землевладельцами стали, очевидно, и другие представители родоплеменной знати. Данные Виктора Витенского свидетельствуют, что уже при втором вандальском короле — Хунирике — в Африке имелась значительная прослойка богатой вандальской знати, представители которой занимали различные посты в королевском государственном аппарате. Так, Виктор сообщает, что Хунирик лишил служивших при его дворе вандалов, заподозренных в приверженности к католицизму, обычной анноны и стипендии и посылал «знатных и до того времени изнеженных людей на ужасные поля, где они... собирали урожай под палящим солнцем» ³⁶.

Виктор упоминает в своем труде некоего миллениария (так назывались командиры подразделений вандальской армии — «тысяч»), у которого было много скота, рабы (*familia*). Среди его рабов были поместные ремесленники, в том числе оружейник (*armifactor*). Одна из рабынь — Максима — была домоправительницей ³⁷. Очевидно, этот миллениарий был крупным землевладельцем.

В стихах африканских поэтов конца V — начала VI в. говорится о крупных имениях знатных вандалов, где были расположены прекрасные сады, а иногда даже воздвигались амфитеатры и устраивались пышные представления ³⁸.

По словам Прокопия, вандалы вели самый роскошный образ жизни по сравнению со всеми известными ему народами. Многие из них жили в садах, имевших хорошие бассейны, проводили время в театрах, на ипподромах, устраивали роскошные пиры ³⁹.

³⁶ Vict. Vit., II, 9—10.

³⁷ Ibid., I, 11.

³⁸ Codex Salmasianus, carm. 369, 376.

³⁹ P. Gosch. De b. V., II, 6. В одной из надписей вандальского времени говорится о постройке терм для некоего Гебумандиака, происходившего из королевского рода (*regalis origo*) — J. Renauld. Cahiers d'archéologie tunisienne, I. Tunis, 1908, p. 9.

В результате экспроприации владений католической церкви и имений епископов крупными собственниками, очевидно, стали также и представители вандалского арианского духовенства. В биографии Фульгенция рассказывается об арианском священнике одного из имений в районе г. Сикки в Проконсульской провинции, который обладал большими богатствами ⁴⁰.

Укреплению вандалской земельной знати способствовало то обстоятельство, что в период существования Вандалского королевства, как показывают данные источников, в основном сохранились торговые связи, установившиеся между Африкой и различными странами Средиземноморья во времена империи. Рыночный спрос на африканские продукты должен был даже увеличиться в связи с прекращением поступления в Италию натуральных податей с африканского населения. Об оживленной внешней торговле Вандалского королевства свидетельствует тот факт, что в Карфагене имелся целый район, населенный местными и иностранными купцами ⁴¹.

Центром транзитной торговли с Африкой были Сиракузы. Когда во время экспедиции византийского флота в Африку Прокопий был направлен Велизарием в Сиракузы, чтобы собрать сведения о вандалах, он встретился там с уроженцем своего города, который жил в Сицилии, ведя морскую торговлю. Этот сиракузский купец поддерживал постоянные отношения с вандалской Африкой, благодаря чему Прокопий смог получить интересующие его сведения ⁴².

Африканские сельскохозяйственные продукты сбывались в Италию и Испанию. Король Вестготского государства в Испании Тевдис узнал о вторжении византийской армии в Африку раньше, чем вандалский король Гелимер успел направить к нему посольство с просьбой о помощи. Это известие передали Тевдису испанские купцы с торгового судна (олкады), прибывшего из Карфагена ⁴³. Регулярные торговые отношения поддерживались также между Африкой и Восточной империей. Об этом свидетельствует сообщение Прокопия, что Гелимер преследовал некоторых

⁴⁰ «Vita Fulgentii», IX, 17.

⁴¹ P r o c o p., De b. V., I, 20.

⁴² Ibid., I, 14.

⁴³ Ibid., I, 24.

восточных купцов, обвиняя их в том, что они побудили Юстиниана к войне с вандалами ⁴⁴.

Вандальские короли, обладавшие крупным земельным доменом, были заинтересованы в сбыте сельскохозяйственных продуктов и поэтому покровительствовали внешней торговле. Судя по сообщению византийского историка Малха, во время мирных переговоров посольства Хунирика с императором Зеноном в 478 г. одним из основных был вопрос о возмещении убытков, которые понесли карфагенские купцы, во время войны вандалов с Византией ⁴⁵.

Приведенные данные, характеризующие внешнеторговые связи Вандальского государства, свидетельствуют, что африканское сельское хозяйство в исследуемый период, как и во времена Римской империи, в значительной мере ориентировалось на внешний рынок. Это обстоятельство не могло не оказывать влияния на ход социально-экономического развития Северной Африки в период вандальского господства. В частности, оно способствовало быстрому обогащению вандальской земельной знати и усилению эксплуатации зависимого от вандалов трудового населения. Эта особенность африканской экономики была подмечена Прокопием Кесарийским во время его пребывания в Африке. Остановливаясь на источниках богатства вандалов, Прокопий пишет, что, поскольку Африка — «страна богатая и в высшей степени обильная необходимыми продуктами, то денежные доходы, собранные от произведенных там благ, не тратились в других странах для покупки продуктов, но владельцы имений копили их все 95 лет, в течение которых вандалы господствовали в Африке» ⁴⁶.

Мы располагаем лишь крайне незначительными данными о производственных отношениях в крупных имениях короля, вандальской и римской земельной знати. Императорские имения перешли в собственность вандальских королей и сохранили свою прежнюю организацию и способы эксплуатации непосредственных производителей. В передаваемом Виктором декрете Хунирика фигурируют *conductores regalium praediorum* ⁴⁷. Тот же король, выслав часть

⁴⁴ Ibid., I, 20.

⁴⁵ Malch. fr. 13 (FHG, IV).

⁴⁶ Procop., De b. V., II, 3.

⁴⁷ Vict. Vit., III, 2.

католических епископов из их городов, предоставил им для обработки землю на основе колоната (*colonus iure*)⁴⁸. Таким образом, вандальское государство, подобно Римской империи, очевидно, эксплуатировало труд колонов не только на уже освоенной территории фискальных поместий, но и для разработки пустошей.

Декрет Хунирика подвергает штрафу поссессоров, прокураторов и кондукторов, не преследующих католиков, находящихся в их имениях, т. е. рабов и колонов. Поскольку декрет относится к территории Проконсульской Африки (*sortes Wandalorum*), где было в основном сосредоточено вандальское землевладение, речь здесь может идти о крупных имениях вандальской знати. Упоминание о кондукторах свидетельствует о сохранении римской системы использования крупных имений — сдачи их в аренду крупным съемщикам, эксплуатировавшим труд колонов. В то же время данные источников говорят о массовом использовании в Вандальском королевстве рабов из числа военнопленных (см. ниже). Исходя из сказанного, можно думать, что для крупных имений вандальской Африки было характерно сочетание различных форм колоната и рабства, подобное тому, какое имело место и в Поздней Римской империи.

Рост богатств у владельцев крупных имений увеличивал имущественные различия и углублял социальные противоречия между вандальской знатью и рядовыми членами племени. Вряд ли можно считать обоснованным мнение ряда исследователей, что все вандалы в Африке являлись собственниками более или менее крупных римских поместий⁴⁹. Для суждения о размерах земельных наделов рядовых воинов мы вообще не имеем сколько-нибудь определенных данных. С большей уверенностью можно судить о характере рабочей силы, использовавшейся в их хозяйствах. Во время вторжений вандалов в Сицилию и Италию они захватили там громадное количество пленных. Эти пленные превращались в рабов и делились между вандалами и союзными с ними берберскими племенами⁵⁰. По сообщению Малха,

⁴⁸ Ibid., III, 3.

⁴⁹ Julien. Op. cit., p. 239; F. Martroye. Genséric. Paris, 1907, p. 275; Schmidt. Op. cit., S. 151—152.

⁵⁰ Vict. Vit., I, 8; Victoris Tonnennensis Chronica (MGH AA, XI, p. 186): *captivorum multa milia tollit*. См. также Prosop. ad. ann. 455.

посол императора Зенона Север попросил Гейзериха освободить пленных римлян. Король согласился освободить тех из них, которые достались ему и его детям, но заявил, что не может принудить отпустить на свободу даже за выкуп пленных, доставшихся на долю войску⁵¹. Из этого рассказа следует, что рабы в качестве военной добычи разделялись между всеми воинами-вандалами. По-видимому, в хозяйствах рядовых вандальских воинов в большем или меньшем объеме использовался труд рабов.

На основании проведенного исследования мы можем сделать некоторые выводы относительно тех изменений, которые внесло вандальское завоевание в структуру земельной собственности в Проконсульской Африке. Эти изменения произошли в основном за счет экспроприации средних слоев землевладельцев — главным образом рядовых куриалов, а также городской верхушки — *honorati*. Часть наиболее крупных римских имений перешла к вандальской знати, часть осталась в руках прежних собственников. В связи с наделением земель вандальских воинов широкое распространение получили неотчуждаемые частные владения, уже никак не связанные с античной городской формой собственности, но сохранявшие в известной мере рабовладельческий характер.

Указанные изменения в аграрных отношениях имели место на территории Проконсульской Африки. Остальные районы Римской Африки, поскольку они не были захвачены берберами, вошли в результате завоевания в домен вандальского короля. В этих районах не произошло массового расселения племен завоевателей. В Мавретании, Нумидии, Бизацене и Триполитании имелись лишь небольшие вандальские гарнизоны, размещенные в наиболее важных в стратегическом отношении городах⁵². Положение этих провинций в системе Вандальского королевства определялось тем, что они являлись поставщиком денежных и натуральных податей, в то время как *sortes Wandalorum*,

⁵¹ Malchi fr. 3.

⁵² Надгробные надписи вандалов найдены только в некоторых городах этих провинций (O. Fiebig er und L. Schmidt. *Inscriptionsammlung zur Geschichte der Ostgermanen*. «Denkschriften der Akademie der Wissenschaften zu Wien», phil.-hist. Klasse, t. 60, 1917, № 58—61; t. 70, 1939, № 17). См. также Courtois. *Les Vandales et l'Afrique*, p. 181.

совпадавшие с территорией Проконсульской Африки, обладали налоговым иммунитетом. Такой вывод можно сделать на основании рассказа Виктора Витенского об антикатолических мероприятиях вандальских королей. По данным этого автора, королевские законы, издаваемые против католиков, относились только к территории *sortes Wandalorum*⁵³. В то же время Виктор рассматривает как выходящее за рамки обычных антикатолических мероприятий вандалов преследование Гейзерихом тех католических священников, которые находились в районах, плативших подати королевскому двору (*etiam illis sacerdotibus, qui in his regionibus versabantur, quae regiones palatio tributa pendebant*)⁵⁴. Очевидно, в этом случае речь идет о районах, находившихся за пределами *sortes Wandalorum*. Верховное право собственности вандальского короля на эти районы, видимо, и выражалось в основном во взимании с них налогов.

Мы располагаем некоторыми данными о положении различных слоев африканских землевладельцев в провинциях, составлявших домен вандальских королей. Наиболее интересный в этом отношении материал содержится в биографии Фульгенция.

Как упоминалось выше, дед Фульгенция сенатор Гордиан из-за преследований Гейзериха был вынужден эмигрировать в Италию. После его смерти двое его сыновей, в том числе отец Фульгенция Клавдий, надеясь получить наследство, вернулись в Африку. По распоряжению короля им была возвращена часть их владений в Бизацене. Имение Клавдия было расположено в районе города Теллепте⁵⁵. Рассказывая об основании Фульгенцием монастыря в одном из плодородных районов Бизацены, биограф отмечает, что многие достойные люди (*plurimi honesti*), оставшиеся в соседних имениях (*per vicinas possessiones*), часто делали приношения монахам⁵⁶. Город Руспе в Бизацене, где Фульгенций был епископом, характеризуется в биографии как *nobile oppidum clarissimis habitatoribus illustre*⁵⁷.

⁵³ Vict. Vit., III, 2.

⁵⁴ Ibid., I, 7.

⁵⁵ «Vita Fulgentii», I, 4.

⁵⁶ Ibid., XIV, 28.

⁵⁷ Ibid., XVII, 35.

Относящиеся к Бизацене данные биографии Фульгенция показывают, что в этой провинции многие крупные африканские землевладельцы фактически сохранили собственность на свои имения. Тот факт, что высшим собственником территории Бизацены считался вандалский король, не означал какого-либо коренного переворота в имущественных отношениях.

Имение Фульгенция рассматривается в биографии как его патримоний⁵⁸. Даже те крупные римские землевладельцы, которые потеряли свои владения в результате крайних мер, предпринятых Гейзерихом непосредственно после захвата Африки, могли, как показывает пример Клавдия, при условии сохранения лояльности по отношению к вандалскому королю получить их обратно.

Данные, содержащиеся в биографии Фульгенция, очевидно, относятся к экономически наиболее состоятельному слою африканских землевладельцев. Иначе характеризуется в источниках положение средних муниципальных землевладельцев-куриалов в провинциях, вошедших в домен вандалского короля. Хотя в этих провинциях не было произведено массового расселения вандалов, однако и здесь одним из наиболее существенных результатов «варварского» завоевания был упадок городов и подрыв городского землевладения. Многие города были захвачены и разграблены вандалами в период их продвижения на восток по территории Мавретании и Нумидии⁵⁹. Из декрета Валентиниана III от 445 г., посвященного налогообложению Ситифенской Мавретании и Нумидии, можно сделать вывод, что города этих провинций в результате войны с вандалами обезлюдели, советы городских землевладельцев (*ordines*) во многих случаях фактически прекратили свое существование. Декрет устанавливает, что муниципальные акты имеют законную силу, если их заверяют хотя бы три куриала, «так как благодаря общественному бедствию к немногим свелась численность *ordinum*»⁶⁰.

В указе Валентиниана III от 451 г., наряду с нуждающимися в помощи куриалами Проконсульской провинции, ограбленными вандалами, упоминаются также *honorati*

⁵⁸ Ibid., I, 5.

⁵⁹ Vicf. Vit., I, 1; Possid., Vita s. Augustini, 28.

⁶⁰ Valentin. - Nov. XIII.

Бизацены ⁶¹. Отсюда видно, что массовая экспроприация состоятельных горожан приводила нередко к тому, что муниципальные землевладельцы покидали свои имения даже в тех случаях, когда они не переходили непосредственно в собственность вандалской знати или рядовых вандалских воинов. Помимо грабежей вандалов, упадку городов способствовало также принятое Гейзерихом решение скрыть все городские стены, кроме карфагенских ⁶². Это мероприятие Гейзериха облегчило военные набеги берберских племен (под угрозой которых постоянно находились многие города Африки) и разграбление городов этими племенами.

«Многочисленные города,— пишет Виктор Витенский,— или совсем не заселены, или заселены немногими обитателями» ⁶³. Это сообщение нельзя считать чрезмерно преувеличенным, оно подтверждается, например, данными о судьбе города Лептис Магна, который еще в период Поздней империи был одним из наиболее крупных городских центров африканских провинций. Когда берберы в конце V в. или в начале VI в., тесня вандалов, подошли к Лептису, город был уже давно заброшен жителями и в значительной своей части засыпан песком ⁶⁴.

Косвенным свидетельством подрыва городского землевладения может также служить тот факт, что в вандалский период почти совершенно прекратилось сооружение городских памятников с надписями. Те слои городского населения, которые были связаны с торговлей, прежде всего купцы и судовладельцы (*negotiatores, navicularii*) портовых городов, по-видимому, пострадали от завоевания меньше, чем средние землевладельцы-куриалы.

Подрыв городского строя и обезземеливание средних муниципальных землевладельцев явились одним из важнейших последствий вандалского господства в Северной Африке. Историческое значение этого процесса заключалось в разрушении земельной собственности античного типа, игравшей сравнительно большую роль в поздней Римской Африке.

⁶¹ Valentin. Nov. XXXIV.

⁶² Procop., De b. V., I, 5; De aedif., VI, 5.

⁶³ Vict. Vit., I, 3.

⁶⁴ Procop. De aedif., VI, 4.

Для выяснения влияния «варварского» завоевания на социально-экономическое развитие бывших римских провинций чрезвычайно важно проследить, какие отношения возникали в Северной Африке в результате разложения городского землевладения. Поскольку во всех африканских провинциях, кроме Проконсульской, отсутствовал такой сильный «внешний» фактор, как раздел земли между «варварами», первостепенное значение в социально-экономическом развитии этих районов в вандальский период имело изменение общих социально-политических условий, прежде всего изменение характера политической надстройки.

«Варварское» государство, возникшее в Северной Африке в результате вандальского завоевания, по своей структуре и социальной сущности представляло иной тип политической надстройки по сравнению с Римской империей. Вандальское королевство, которое защищало классовые интересы земельной знати, эксплуатировавшей труд рабов и зависимого сельского населения и приближавшейся по своему положению к римским крупным землевладельцам, восприняло многие черты римской политической организации. Сходные с римскими эксплуататорские отношения обусловили сохранение ряда старых политических институтов⁶⁵ Однако необходимо учитывать, что основной социальной опорой вандальского государства, в отличие от Римской империи, являлось войско свободных крестьян-дружинников.

Поздняя Римская империя была вынуждена компенсировать отсутствие сколько-нибудь прочной общественной поддержки мобилизацией в своих руках громадной массы материальных средств — денежных и натуральных, что позволяло ей содержать оторванную от народа армию и громоздкий бюрократический аппарат. Поэтому Поздняя империя не могла существовать без чрезвычайно жестоких форм фискальной эксплуатации.

Разумеется, государство вандалов также нуждалось в деньгах и натуральных поступлениях, которые использова-

⁶⁵ Государственный аппарат Вандальского королевства был организован по образцу римского. Существовал штат королевских чиновников (*officiales*), разделенный на различные ведомства (*officia*). Центральное управление возглавлял *praepositus regni*. Имелся личный королевский совет (*domestici*). Чиновники получали жалованье натурой и деньгами (аннону и стипендию) (*Vic. l., Vit., II, 4; 5; 8; III, 2*).

лись как в военных целях (например для постройки и содержания крупного флота), так и для оплаты королевских чиновников. Однако для Вандальского королевства, располагавшего войском, состоявшим из обязанных королю службой за пользование землей крестьян и не требовавшим больших расходов на свое содержание, налоговая эксплуатация не могла играть столь важной роли, как для позднеримского государства.

Для характеристики налоговой системы при вандалах значительный интерес представляет следующее сообщение Прокопия, которое недостаточно учитывается в литературе. Рассказывая о фискальных мероприятиях византийских властей в Африке после разгрома вандалов, Прокопий указывает, что было невозможно определить размеры налогов с африканских земель по документам, в которые в прежние времена записывали их римляне, так как Гейзерих с самого начала все уничтожил⁶⁶.

Уничтожение цензовых документов Гейзерихом свидетельствует о важном отличии вандальской фискальной системы от римской: вандальское государство не ставило своей целью максимальное выжимание податей путем строгого учета всех сельскохозяйственных площадей, находившихся на различном статусе: земель городов, экзимирированных имений и т. д. Как известно, в период Поздней империи взимание налогов с тех категорий земель, которые рассматривались как объект собственности коллективов (в первую очередь, с городских земельных владений, было тесно связано с такими явлениями, как коллективная ответственность налогоплательщиков перед фиском и вытекающие из нее прикрепление куриалов к курии и консервация городской земельной собственности. Налоговая система Вандальского королевства носила значительно), более примитивный характер; она представляла собой скорее нерегулярный сбор «дани» с завоеванного населения, чем тщательно разработанную организацию выжимания податей. Судя по данным биографии Фульгенция, сбор налогов осуществляли прокураторы, которые назначались по отдельным городам из числа состоятельных римлян. Таким прокуратором был одно время сам Фульгенций. Биограф упоминает также о прокураторе-католике в г. Руспе⁶⁷.

⁶⁶ Прокоп., De b. V., II, 8.

⁶⁷ «Vita Fulgentii», I, 4—5; XVII, 35.

Поскольку вандалское завоевание разрушило римскую податную систему, в которой величина фискальных платежей землевладельца определялась размерами его хозяйства, произвол и диспропорция в распределении налогов, имевшие место уже в римский период, должны были принять особенно большие масштабы. Вандалское государство, видимо, не вмешивалось в порядок сбора податей прокураторами. Крупные землевладельцы, из числа которых назначались прокураторы, имели полную возможность переносить тяжесть фискальных платежей на экономически более слабых земельных собственников. Можно думать, что сообщение Прокопия о поглощении всего дохода владельцев имений податными повинностями⁶⁸ отражает положение средних городских землевладельцев тех провинций, в которых производилось налогообложение.

Изложенные соображения позволяют, как нам кажется, объяснить, почему данные о полном упадке городов сочетаются в источниках времени Вандалского королевства со сведениями о процветании крупных частных имений.

В условиях фактического невмешательства государственной власти во внутреннюю жизнь бывших римских провинций процесс развития частного землевладения протекал более свободно, чем во времена Римской империи, заинтересованной в сохранении муниципального землевладения.

Выше отмечалось, что вторжение вандалов в западные африканские провинции (несколько позже вновь вошедшие на известное время в состав Римской империи) сопровождалось массовым разорением городских землевладельцев.

Любопытно вместе с тем отметить, что земельные магнаты Мавретании и Нумидии, по-видимому, не только сохранили свои владения, но и значительно расширили их за счет подорванной вандалским нашествием земельной собственности городов. Об этом свидетельствует содержащееся в декрете 445 г. упоминание о том, что отдельные частные лица используют собственные вооруженные отряды для захвата и грабежа чужой собственности. Декрет требует возвращения нумидийскому городу Цирте захваченных у него в частное пользование системы водоснабжения и

⁶⁸ P. G. O. r., De b. V., I, 5.

городских земельных участков (*lota publica*)⁶⁹. В другом указе Валентиниана III, относящемся к 451 г., говорится о захвате «после вандалского опустошения» императорских земель в Нумидии и Мавретании частными лицами⁷⁰.

Поскольку столь характерная для позднеримского законодательства забота о сохранении городских *ordines* была чужда вандалскому государству, средние и мелкие землевладельцы — куриалы оказались беззащитными перед лицом крупных земельных собственников. Одно из произведений Драконция, африканского поэта времени вандалского господства, представляет собой рассуждение на тему о могуществе богатых граждан в городе. «Богатство, — пишет Драконций, — всегда делает тиранов..., богача окружают слуги, друзья, к его услугам толпа клиентов... Что за свобода? Требуют, чтобы гражданину было позволено разорять граждан,... лишать жен мужей, а отцов — их детей... Другом домов могущественных людей (*potentes*) будет тот, кто, являясь свободным, захочет быть сателлитом». Это рассуждение Драконция, отражающее картину имущественного расслоения в африканских городах при вандалах и рост могущества крупных городских землевладельцев, свидетельствует о тяжелом положении, в котором находились в этот период средние африканские собственники. Произведение Драконция обращено к главе римского самоуправления в Карфагене, — *proconsul almae Carthaginis* — и ставит своей целью доказать опасность усиления власти богатых и необходимость поддержки бедняков. «Незначительного бедняка надо любить», — говорит Драконций⁷¹. Видимо, Драконций выражал в данном случае настроения среднего слоя городских землевладельцев, протестовавших против засилья *potentes*.

Для выяснения характера влияния вандалского завоевания на аграрные отношения в африканских провинциях ценный материал дают «Таблички Альбертини» — архив документов, датированных 493—496 гг. (царствование короля Гунтамунда) и фиксирующих главным образом продажу земельных участков⁷².

⁶⁹ Valentin. Nov. XIII.

⁷⁰ Ibid., XXXIV.

⁷¹ Dracontius. Romulea, lib. V (MGH AA, XIII).

⁷² «Tablettes Albertini. Actes privés de l'époque vandale...» Paris, 1952.

Большая часть актов, содержащихся в «Табличках Альбертини», регистрирует продажу небольших земельных участков. Один из наиболее интересных вопросов, встающих перед исследователем этих документов, заключается в определении владельческих прав продавцов земли на отчуждаемые ими участки. С одной стороны, они свободно совершают акт продажи земли, причем право каждого из них на данный участок квалифицируется в документах как право *habere, tenere, possidere*. Вместе с тем все участки находятся, как специально отмечено в документах, *sub dominio* третьего лица, не принимающего никакого участия в акте купли-продажи. Это третье лицо — Флавий Геминий Катуллин — является собственником определенного земельного комплекса — *fundus Tuletianensis*, в который входят все продаваемые участки. Некоторый свет на юридическое положение мелких землевладельцев, фигурирующих в «Табличках Альбертини», проливает определение их земельных участков как *culturae mancipiae*. Это обстоятельство, естественно, наводит на мысль о какой-то связи их правового статуса с *lex Manciana* или *consuetudo Manciana*, известным по африканской эпитафике II в.

В научной литературе последних лет высказывалось мнение, что владельческие права обладателей «манциевых участков», согласно данным «Табличек Альбертини», вытекают из положений *lex Manciana*⁷³. Однако, как мы пытались показать выше, в надписи II в. из Хенхир-Меттиха, содержащей устав крупного имения, составленный по образцу *lex Manciana*, мы не найдем подтверждений этому выводу. Наименование земельных участков, о которых идет речь в «Табличках Альбертини», *culturae mancipiae* свидетельствует о том, что их владельцы в римское время были колонами⁷⁴, т. е. принадлежали к категории населе-

⁷³ Julien. Op. cit., p. 240; Ch. Saumagne. Le droit («Tablettes Albertini», p. 81—188); J. Carcopino. Les tablettes Albertini. «Journal des savants», 1952, p. 145—169; E. Levy. Tablettes Albertini. «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Rom. Abt.», 1953, S. 499—507; W. H. C. Friend. North Africa and Europe in the Early Middle Ages. «The Transactions of the Royal Historical Society», 5th Series, vol. 5, 1955, p. 69.

⁷⁴ М. Паллас выдвинул предположение, что в «Табличках Альбертини» фигурируют две категории земледельцев: колоны, которые, по его мнению, владели землей на основе эмпитевзиса в пределах имения, и *cultores mancipiani*, обрабатывавшие неосвоенные ранее земельные

ния, которая в условиях Поздней империи не обладала какими-либо собственническими правами и тем более правом отчуждения земли. Очевидно, развитие владельческих прав колонов, с которым мы встречаемся в «Табличках Альбертини», каким-то образом связано с крушением римского господства в Африке и завоеванием ее вандалами.

По мнению одного из издателей «Табличек Альбертини» — Куртуа, земельные участки, фигурирующие в документах, были захвачены в собственное владение колонами ~~имения~~ после того, как собственник имения Флавий Геминий Катуллин был изгнан во время вторжения вандалов. Впоследствии потомки Геминия Катуллина ~~вернулись в Африку~~, воспользовавшись смягчением политики вандальских королей по отношению к римлянам. Застав свою землю в чужой собственности, они постепенно начали скупать крестьянские участки и таким образом ~~восстанавливать~~ свое ~~имение~~ ⁷⁵.

Рассмотрим данные документов Альбертини ⁷⁶. Приводимая ниже таблица показывает соотношение между количеством покупок земельных участков, осуществлявшихся различными покупателями.

Покупатели земельных участков	Количество покупок
Геминий Феликс	20
Геминий Кресконий и Крескония . . .	4
Юлий Викторин и Доната	2
Бальзамий и Максима	1

Мы можем констатировать, что в подавляющем большинстве случаев (в 24 из 27) в качестве покупателей земли вы-

участки (M. P a l l a s s e. Les «Tablettes Albertini» intéressent-elles le colonat romain du Bas-Empire? «Revue historique du droit français et étranger», 1955, № 2, p. 267—281). Автор ссылается на то обстоятельство, что в некоторых актах продаваемые земельные участки не названы *culturae mancipia*е. Между тем легко установить полную идентичность правового положения *cultores mancipiani* и тех продавцов участков, которых Паллас выделяет в особую группу «колонов», если учесть, что часто это одни и те же лица (ср., например, акты 7 и 12, 14, 20, 22; 18 и 11).

⁷⁵ «Tablettes Albertini», p. 208—211.

⁷⁶ Ссылки на акты, опубликованные в издании «Tablettes Albertini», даются в соответствии с нумерацией актов, принятой в издании.

ступают представители семейства Геминиев, главным образом Геминий Феликс, а также Геминий Кресконий и его жена Крескония ⁷⁷. Предположение Куртуа о том, что эти Геминии были потомками и наследниками собственника имения *fundus Tuletianensis* Флавия Геминия Катуллина, опровергается следующим соображением. Флавий Геминий Катуллин именуется в документах *flamen perpetuus*. Отсюда следует, что он сам и его потомки принадлежали к сословию куриалов. Архив Альбертини был найден примерно в 100 км к югу от Тебессы и в 65 км к западу от Гафсы ⁷⁸. Этот район расположен неслышком от крупного римского города провинции Бизацены Телепте. Возможно, что «пожизненный фламий» Флавий Геминий Катуллин принадлежал к муниципальной знати этого города. Что касается Геминия Феликса, скупавшего в конце V в. земельные участки *in fundo Tuletianensi*, то он не был куриалом. Это видно из одного документа, где он именуется *civis Tuletianensis* ⁷⁹. Мы можем заключить, что Геминий Феликс был по своему происхождению сельским жителем и принадлежал к населению деревни, расположенной *in fundo Tuletianensi*.

Совпадение поппен Геминия Феликса с родовым именем «пожизненного фламийа» Флавия Геминия Катуллина, очевидно, объясняется тем фактом, что сам Феликс или, скорее всего, один из его предков был вольноотпущенником либо клиентом семейства Геминиев, владевшего землей *in fundo Tuletianensi*. По-видимому, уже предки Феликса значительно отличались по своему имущественному положению от большинства местных сельчан, а к концу V в. представители этой семьи, несомненно, превратились в богатых людей, располагавших крупными денежными суммами и большим количеством земельных участков. Можно думать, что «Таблички Альбертини» представляют собой архив документов семьи Геминиев (наиболее влиятельным членом которой был Геминий Феликс). Об этом свидетельствует тот факт, что Геминии являются покупателями подавляющего большинства земельных участков, упоминаемых в документах, а также наличие в архиве списка при-

⁷⁷ Геминий Феликс и Геминий Кресконий были братьями — сыновьями Геминия Фортуна («*Tablettes Albertini*», 2, 3, 15, 29, 31).

⁷⁸ «*Journal des savants*», № 1, 1930, p. 23—24.

⁷⁹ «*Tablettes Albertini*», 2.

даного Геминии Януриллы и акта, регистрирующего покупку раба Геминием Феликсом⁸⁰. Приданое Геминии Януриллы наиболее полно характеризует имущественное положение этой семьи. В состав приданого входит ряд дорогих предметов туалета, ткацкий станок на общую сумму 3500 фоллисов и, кроме того, 8500 фоллисов деньгами. Общая сумма приданого достигает, таким образом, 12 тыс. фоллисов⁸¹. По подсчетам Куртуа, основанным на данных таблиц о продаже участков, засаженных оливами, эта сумма составляла цену примерно 750 оливковых деревьев⁸².

В документах Альбертини регистрируется продажа небольших земельных участков, возделанных главным образом под оливы, а также под финиковые пальмы. На одном из продаваемых участков находилось 35 олив⁸³, в остальных случаях количество олив на участке не превышало 20, а чаще всего не достигало и десятка. Акты продажи земли позволяют проследить процесс постепенного обезземеливания и разорения отдельных крестьянских семей. Так, Процессан продал 17 октября 493 г. Геминию Феликсу участок своего поля (*particella agri*). Через год — 16 ноября 494 г. — он был вынужден продать тому же лицу другой участок, а затем пресс для выжимки оливкового масла. Через некоторое время Процессан умер, материальное положение его семьи после этого, очевидно, резко ухудшилось. 18 февраля 496 г. вдова Процессана Сиддина и двое его сыновей продали Геминию Феликсу сразу шесть земельных участков⁸⁴.

Другой житель села Тулетиапензис Юлий Викторин в течение пяти месяцев — с ноября 493 г. по март 494 г. — продал Геминию Феликсу и Геминию Кресконию восемь земельных участков. За такой же срок — с января по май

⁸⁰ «Tablettes Albertini», 1—2. Куртуа («Tablettes Albertini», p. 12) выдвигает против подобного вывода то соображение, что три документа (№ 16, 18, 26) регистрируют покупку земли не Геминиями, а другими лицами — Юлием Викторином и Бальзамием. Однако наличие этих документов в архиве легко объяснить зависимостью, в которой, очевидно, находились от Геминиев многие крестьяне Тулетиапензиса. Геминий Феликс мог впоследствии купить участки Юлия Викторина и Бальзамия (о покупке Геминиями земли у Юлия Викторина свидетельствуют документы 7, 12, 14, 22), либо присвоить их за долги.

⁸¹ «Tablettes Albertini», 1.

⁸² «Tablettes Albertini», p. 205.

⁸³ «Tablettes Albertini», 6.

⁸⁴ Ibid., 13, 15, 17, 31.

494 г. — продала два участка вдова Сербуна Адеудата ⁸⁶. Семья Кводвульдевса и Юлия Реститута продала 19 ноября 493 г. участок своего поля Геминию Кресконию. После смерти одного из членов семьи (Кводвульдевса) Юлий Реститут только в январе 494 г. продал три земельных участка ⁸⁶.

Данные «Табличек Альбертини» позволяют, как нам кажется, представить в общих чертах историю отношений, сложившихся в крупном имении состоятельного городского землевладельца Флавия Геминия Катуллина в период вандальского завоевания. Можно думать, что Геминий Катуллин или его наследники в период составления документов сохраняли известные права на землю *in fundo Tuletianensi*. Земледельцы, сидевшие на этой земле, были колонами и выполняли по отношению к собственнику имения определенные повинности в соответствии с традиционным поместным уставом *lex* или *consuetudo Manciana*. Если бы земледельцы, как думает Куртуа, по каким-либо причинам действительно отторгли занимаемые ими участки в свою собственность, то было бы трудно объяснить упоминание во всех документах Флавия Геминия Катуллина в качестве *dominus fundi* и наименование крестьянских держаний *culturae mancianae*. Вместе с тем в одном из документов мы встречаем прямое указание на оброчные повинности, которые обязуется платить покупатель земли. Эти повинности вносятся согласно условию держания, записанному в описи поместья и в соответствии с количеством финиковых и оливковых деревьев, растущих на данном участке (... *ita placuit, ut secundum quod est in conditionem, quod in polepticos clarit*: ⁸⁷ *fici arbores qui(n)decim annos quinque et olibe arbores quindecim ut exsudet solvat*) ⁸⁸.

Несмотря на сохранение собственником имения некоторых прав на оброчные повинности колонов, колонатные отношения в имении Тулетианензис претерпели весьма значительные изменения по сравнению с римским временем. Колоны свободно отчуждают свои участки. Собственнические права *dominus fundi* приобрели, таким образом, в значительной мере формальный характер.

⁸⁶ Ibid., 8, 11, 12, 14, 18, 20, 22.

⁸⁶ Ibid., 4, 8, 19.

⁸⁷ «Clarit» вместо «claret».

⁸⁸ «Tablettes Albertini», 26.

Как отмечалось выше, одним из важных результатов образования Вандальского королевства был небывалый для римского времени упадок городов и деградация сословия муниципальных землевладельцев. Очевидно, в условиях вандальского государства многие даже наиболее состоятельные и не подвергшиеся экспроприации куриалы не имели возможности сохранить в неприкосновенности в своих поместьях те отношения крепостной зависимости колонов от землевладельцев, которые были характерны для Поздней империи. В римской период муниципальная знать использовала для защиты своих интересов на городских землях вспомогательные вооруженные отряды городских куриий. Обезлюдение городов, о котором сообщают источники вандальского времени, видимо, в ряде случаев делало невозможным функционирование таких отрядов. Римский государственный аппарат был дезорганизован вандальским завоеванием, а вандальское государство мало вмешивалось во внутреннюю жизнь провинций, лежавших вне пределов *sortes Wandalarum*.

На основании данных «Табличек Альбертини» мы можем констатировать, что в результате ослабления социальных позиций муниципальных землевладельцев и слома власти бюрократического Римского государства в Африке в вандальский период значительно расширились реальные владельческие права некоторых групп колонов⁸⁹. Вместе с тем отношения, сложившиеся *in fundo Tuletianensi*, показывают, что известное укрепление мелкого землевладения сопровождалось развитием имущественной дифференциации среди сельчан и быстрым обезземеливанием наиболее бедных семей. В этом сказывалось влияние на мелкое земледельческое хозяйство товарно-денежных отношений, проникших сравнительно глубоко в экономику Северной Африки. Основу хозяйств сельчан Тулетианензиса составляло производство оливкового масла, которое, очевидно, шло главным образом на продажу. Повинности в пользу юридических собственников земли и вандальского государства,

⁸⁹ Несмотря на частный характер документов Альбертини, относящихся только к одному селу, нельзя преуменьшать их значения как источника. Отношения, сложившиеся в селе Тулетианензис, не были исключением: процесс освобождения колонов вообще был характерен для вандальской Африки, о чем свидетельствуют законодательные памятники византийского времени (см. ниже).

трудности сбыта, неурожаи, наконец, смерть одного из работников — все это в любой момент могло поставить семью земледельца перед необходимостью продажи отдельных участков своего поля или превращения в должника более крупного землевладельца.

Мелкие участки беднейших земледельцев в Тулетиа-нензисе скупала семья Геминиев. Согласно предположению Альбертини, в основе этих продаж лежали ростовщические ссуды Геминия Феликса находящимся в затруднительном положении земледельцам⁹⁰. Это предположение представляется вполне вероятным. Возможно, что один из документов, который издатели «Табличек» рассматривают как какой-то счет⁹¹, на самом деле представляет собой список долгов сельчан Тулетианензиса Геминиям. Против различных денежных сумм, обозначенных в этом документе, стоят имена лиц, многие из которых совпадают с именами продавцов земельных участков (Процессан, Реститут, Адеудата, Викторин и др.)⁹². Задолженность этих земледельцев Геминиям, возможно, приводила к передаче их участков в собственность этой семьи.

Концентрация земли в руках зажиточных сельчан Геминиев отражает, с нашей точки зрения, интересную закономерность в развитии аграрных отношений в Северной Африке. Геминии постепенно скупают участки, формально находящиеся в собственности муниципального землевладельца Флавия Геминия Катуллина либо его наследников. Таким образом, на городской земле, в имени одного из представителей городской знати, создается крупное хозяйство, принадлежащее лицам, не связанным с коллективом городских землевладельцев-куриалов, возможно, вчерашним колонам или отпущенникам. Если городские Геминии и сохраняли какие-то права на мелкие участки своих колон, то по мере присоединения таких участков к земле сельских Геминиев эти права, очевидно, превращались в фикцию.

Разрушение последних пережитков коллективной собственности на землю античного города вело к развитию мелких свободных владений, из среды которых постепенно выделялись сравнительно крупные и зажиточные хозяйства.

⁹⁰ «Journal des savants», 1930, № 1, p. 23 sqq.

⁹¹ «Tablettes Albertini», p. 12—13.

⁹² «Tablettes Albertini», 33.

Мы можем, таким образом, констатировать, что «варварское» завоевание значительно ускорило процесс вытеснения античных форм собственности более развитой и полной частной собственностью на землю.

Сделанный выше вывод о значительных изменениях в положении африканских колонов в результате вандалского завоевания подтверждается также данными более позднего времени. В двух относящихся к Африке распоряжениях Юстиниана предоставляется свобода колонам, вышедшим из-под колонатной зависимости во времена вандалов⁹³. Землевладельцам запрещалось возвращать в положение колонов земледельцев, ушедших из имений до завоевания Африки Византией, а также их потомков. В одном из распоряжений Юстиниана специально указывалось, что общие положения имперского законодательства о колонате не должны распространяться на такого рода колонов. Для нарушителей этого постановления устанавливался штраф в пять фунтов золота.

Основываясь на данных декретов Юстиниана об африканских колонах, З. В. Удальцова приходит к справедливому выводу о серьезном улучшении положения непосредственных производителей Африки в результате вандалского завоевания⁹⁴. Несомненно, что издание этих декретов объяснялось опасениями, которые испытывало византийское правительство за прочность своих политических позиций в Африке. В связи с этими опасениями оно было вынуждено пойти на уступки тем слоям сельского населения африканских провинций, которые добились во времена вандалов освобождения от колонатной зависимости.

В декретах Юстиниана речь идет о колонах, бежавших из имений, к которым они были приписаны. Очевидно, особенно широкие возможности для бегства колонов создались в первые годы господства вандалов в Африке, когда экспроприации и высылки крупных римских землевладельцев приводили к фактическому освобождению зависимых работников их имений. Вместе с тем, освобождению колонов и рабов способствовали общие социально-политические условия, сложившиеся на большей части территории Ван-

⁹³ Appendix constitutionum dispersarum, VI, IX.

⁹⁴ З. В. Удальцова. Политика византийского правительства..., стр. 104.

дальского королевства; ослабление позиций средних муниципальных землевладельцев, изменение характера политической надстройки по сравнению с римским временем. Землевладелец недостаточно крупный и влиятельный, чтобы обладать собственными средствами принуждения, видимо, часто не мог задержать своих колонов, желавших уйти из имения. Такой уход мог вызываться чрезмерно жестокой эксплуатацией со стороны собственника земли, которая побуждала колонов искать других мест для поселения. Вместе с тем данные «Табличек Альбертини» показывают, что расширение владельческих прав колонов на занимаемые ими участки часто приводило к их обезземеливанию. Мелкий землевладелец, продавший свою землю или лишенный ее за долги, очевидно, предпочитал бегство из своей деревни кабале у более крупного местного собственника.

На основании одного из указов Юстиниана (*App. const. dispers.*, VI) можно заключить, что многие колоны, ушедшие из имений после вандальского завоевания, превратились в свободных людей (*inter liberos commorati sunt*). Некоторые группы беглых колонов, возможно, поселились на незанятых землях, некоторые искали других способов освобождения от эксплуатации. Юстиниан запретил африканским землевладельцам возвращать в свои поместья в качестве колонов клириков, выполняющих церковные должности (*App. const. dispers.*, IX). Из этого видно, что многие беглые колоны становились клириками католической церкви.

Освобождение зависимых категорий сельского населения зачастую носило временный характер⁹⁵. Можно думать, что многие беглые колоны или их потомки попадали в конце концов в зависимость от крупных римских или вандальских землевладельцев. По-видимому, одной из целей декретов Юстиниана было закрепление за крупными африканскими земельными собственниками колонов, которые перешли под их патронаж в период господства вандалов. По мнению Соманя, Юстиниан запрещал возвращать землевладельцам лишь тех колонов, которые продали свои участки и сохранили положение свободных, а беглые колоны, осевшие на земле, возвращались прежним владель-

⁹⁵ Ср. там же, стр. 105.

цам. В этом смысле он толкует положение одного из декретов Юстиниана (*App. const. dispers.*, VI) о том, что те, кто будет пренебрегать своей землей и стремиться к чужой земле, должны быть возвращены⁹⁶. Однако здесь речь идет лишь о тех колонах, которые покидают имения после восстановления в Африке власти Римской империи. Это следует из другого декрета (*App. const. dispers.*, IX), который прямо разрешает возвращать колонов, ушедших после прихода в Африку римского войска. Очевидно, многие африканские колоны в вандальский период попали в зависимость от наиболее крупных земельных собственников. Византийское правительство, запрещая старым владельцам возвращать себе колонов, тем самым закрепляло то положение, которого добились при вандальском господстве некоторые группы римских земельных магнатов.

Относящиеся к африканскому колонату мероприятия Юстиниана показывают, какое глубокое влияние оказало вандальское завоевание на социально-экономический строй Северной Африки. С его последствиями вынуждено было считаться даже проводившее в целом реставраторскую политику византийское правительство.

К середине V в. Вандальское королевство превратилось в сильнейшее государство Среднеземноморья. В 455 г. вандалы захватили Рим, откуда они вывезли громадное количество золота и рабов. В 468 г. они разгромили большой флот, направленный против них Восточной империей. В 476 г. восточноримский император Зенон официально признал за Гейзерихом права на Африку, Сицилию, Корсику, Сардинию и Балеарские острова. Однако, добившись крупных успехов в борьбе с империей, Вандальское королевство все же не смогло обеспечить себе сколько-нибудь прочные позиции в Северной Африке. В последних десятилетиях V в. основную угрозу вандальскому господству составляла уже не разваливавшаяся Западная империя и не византийский флот, а растущий натиск берберских племен на сухопутные границы королевства.

В период правления Гейзериха многие берберские племена выступали как союзники вандалов в борьбе против Римской империи. Данные источников говорят о массовом участии берберов в походе Гейзериха на Рим в 455 г. и в

⁹⁶ *RAfr*, 1936, p. 485 sqq.

других экспедициях вандалов в Италию⁹⁷. Аполлинарий Сидоний в панегирике в честь Майорина перечисляет маврские племена, участвовавшие в походах вандалов (V, 335 слл.) и обитавшие в различных районах Африки. Он упоминает гарамантов и арзугов, населявших южную часть Триполитании и Бизацены, автололов, живших в Мавретании, гетулов⁹⁸. В основе союзных отношений между вандалами и берберами лежала взаимная заинтересованность в борьбе с Римской империей, в которой и те и другие видели своего главного врага. Однако, когда в результате войн 439—485 гг. вандалы окончательно укрепились в Африке и фактически стали преемниками власти Римской империи, военная активность берберских племен, естественно, направилась против новых властителей наиболее плодородных районов страны.

В царствование короля Хунирика (477—484 гг.) вспыхнуло крупное восстание берберского населения, населявшего горный район Нумидии⁹⁹. В дальнейшем наступление берберов на территорию африканских провинций приняло чрезвычайно широкий характер. При Тразамунде (496—523 гг.) вандалы были наголову разбиты племенным вождем Каваоном в Триполитании¹⁰⁰. По данным биографии Фульгенция, большая часть провинции Бизацены была захвачена берберами (*tota paene provincia captivitatem sustineret horribilem*)¹⁰¹. Берберы полностью вытеснили вандалов из Ситифенской и Цезарейской Мавретаний, а также со значительной части территории Нумидии¹⁰². Нумидийский город Багаи был совершенно опустошен в результате вторжений берберских племен. Такую же судьбу испытали, по-видимому, Тевесте, Тамугади, Ламбесис¹⁰³.

Мы обладаем лишь крайне скудными сведениями о внутренней истории берберских племен в V — начале VI в. Несомненно, что вторжение вандалов в Африку и участие туземного племенного населения в войнах Гейзериха

⁹⁷ Prisci fr. 29; Paul. Diacon., Hist., XV; Vict. Vit., I, 24—27.

⁹⁸ Cp. Schmidt. Op. cit., S. 83.

⁹⁹ Procop., De b. V., I, 8.

¹⁰⁰ Ibidem.

¹⁰¹ «Vita Fulgentii», XXIX, 65.

¹⁰² Procop., De b. V., II, 8; 10; 19—20.

¹⁰³ Procop. De b. V., II, 19; De aedif., VI, 7.

с Римской империей значительно усилили процесс разложения родоплеменного строя у этих племен. В результате этих войн у берберов значительного развития достигло рабовладение: множество пленных италийцев было разделено между вандалами и союзными им племенами¹⁰⁴. Множество пленных из числа местного населения уводилось берберами во время их набегов на территорию провинций¹⁰⁵. Вандальские короли передавали союзным племенам в качестве рабов население целых монастырей¹⁰⁶.

В основе войн берберов с вандалами лежала не их «страсть к грабежам», как утверждают некоторые авторы¹⁰⁷, но стремление к заселению наиболее плодородных земель, захваченных сначала римлянами, а потом вандалами. Судя по данным Кори́па, африканского поэта времени Юстиниана, большинство мавретанских племен уже перешло в это время к земледельческому хозяйству. Кори́п пишет, что все они обрабатывают бесплодную почву в гористых местах. Каждый мавр-земледелец (*Maurus agans*) дважды в год вспахивает поле под ячмень, но сухой песок не приносит урожая. Набеги берберов Кори́п прямо связывает со скудостью земли, которую они населяют¹⁰⁸.

Захват берберами значительной территории романизованных областей Африки, очевидно, сопровождался их расселением на этих землях и дальнейшим развитием органов государственной власти. Эти органы возглавлялись разбогатевшей племенной аристократией. По сообщению Прокопия, богатства одного из племенных вождей — Иауды — были настолько велики, что на захваченные у него деньги византийские власти построили укрепления для многих африканских городов¹⁰⁹.

Некоторое представление о характере берберских «государств», возникших в Мавретании и Нумидии в V—начале VI в., дает эпиграфический материал. Надпись из Алтавы (Цезарейская Мавретания) воздвигнута в 508 г. в честь

¹⁰⁴ *Vict. Vit.*, I, 24—27.

¹⁰⁵ *Procop.*, *De b. V.*, II, 8.

¹⁰⁶ *Passio beatissimorum martyrum... sub rege Hunirico*, 5; *Vict. Vit.*, III, 67.

¹⁰⁷ Например, Шмидт пишет о маврах, что «они видели цель своей жизни только в разбое и разрушении» (*Op. cit.*, S. 151).

¹⁰⁸ *Corip.*, *Iohann.* II, 144 sqq.

¹⁰⁹ *Procop.*, *De b. V.*, II, 20.

«царя мавров и римлян» Масуны — *reg(is) Masunae gent(i-um) Maur(or)um et Romanor(um)*. Она сообщает о постройке укрепленного лагеря, которую осуществил префект Сафара и прокуратор Масигивин, назначенный Масуной в Алтаву¹¹⁰. В другой надписи, опубликованной и комментированной Каркопино, восхваляется Мастиес, вождь (*dux*) в течение 67 лет, император в течение 40 лет, который никогда не совершил клятвопреступления и не нарушил верности ни по отношению к римлянам, ни по отношению к маврам¹¹¹. В недавно опубликованной Куртуа надписи из *Begeouaghia* (Цезарейская Мавретания) говорится о закладке церкви, которую осуществил в 474 г. префект Югмена. В надгробной надписи из *Albulae*, как и в надписи в честь Масуны из Алтавы, упоминается префект Сафара¹¹².

Об одном из берберских «государств», расположенном в Цезарейской Мавретании, рассказывает Прокопий. Его возглавлял Мастигас, который обложил всю страну налогом¹¹³. Представителями власти берберских «королей» на местах были, как и в вандальском государстве, прокураторы, назначавшиеся, подобно Масигивину, из среды предводителей (префектов) отдельных племен.

Титулатура Масуны и Мастиеса отражает двойственный характер их власти. Они являются одновременно племенными вождями и преемниками власти римских императоров над романизованным населением («*rex gentium Maurorum et Romanorum*», «*dux*» и «*imperator*»). Здесь нельзя не видеть определенной политической тенденции к слиянию римлян и берберов в единую массу подданных берберского «короля». Римляне рассматриваются не как завоеванные данники, но как группа населения, равноправная с завоевателями — маврами. Эта тенденция особенно явно выступает в надписи в честь Мастиеса.

Очевидно, переход Мавретании и Нумидии под власть берберов проходил, подобно восстанию Фирма, при поддержке определенных слоеместного населения. С одной стороны, это могло быть зависимое крестьянство, которому вандальское

¹¹⁰ CIL, VIII, 9835.

¹¹¹ J. Carcopino. Un «empereur» maure inconnu. REA, XLIV (1944), p. 94—120.

¹¹² Courtois. Les Vandales et l'Afrique. Appendice II, № 68, 173.

¹¹³ Procop., De b. V., II, 20.

завоевание не принесло освобождения. В то же время развитие берберской земельной знати создавало известную почву для сближения между родоплеменной верхушкой и некоторыми группами римских землевладельцев. Можно предполагать, что в областях, занятых берберами, происходили процессы, сходные с теми, которые были отмечены для вандальского королевства: значительное повышение удельного веса мелкого крестьянского землевладения благодаря поселению «варваров» на бывшей римской территории и вместе с тем дальнейшее укрепление позиций крупных земельных собственников.

Наступление берберских племен на завоеванные вандалами территории чрезвычайно ухудшило внешнеполитическое положение Вандальского королевства. Уже Хунирик отказывается от всяких претензий к Римской империи и добивается дружественного союза с императором Зеноном. Византийский историк Малх объясняет политику Хунирика тем, что вандалы боялись войны ¹¹⁴. В дальнейшем все силы Вандальского королевства уходят на борьбу с берберами, его активность во внешнеполитических делах больше не возрождается. Король Тразамунд пытался компенсировать ослабление политических позиций своего государства союзом с Остготским королевством Теодорика в Италии. Союз был закреплен браком Тразамунда с сестрой Теодорика Амалафридой ¹¹⁵.

Вандальские короли пытались упрочить свою власть в Африке путем более тесного союза с господствующим слоем романизированного населения. Уже преемник Хунирика Гунтамунд (484—496) прекратил преследования католической церкви ¹¹⁶. Он разрешил вновь открыть церкви, закрытые при Хунирике, и вернул из ссылки католических клириков ¹¹⁷. При Тразамунде арианство продолжало оставаться официальной религией, однако он, по словам Прокопия, не преследовал католиков, но убеждал их переменить

¹¹⁴ Malchi fr. 13.

¹¹⁵ Prosop., De b. V., I, 8.

¹¹⁶ Вопрос о положении и роли донатистской церкви в период вандальского господства в значительной мере остается открытым. Имеются лишь немногочисленные данные, свидетельствующие о распространении донатистского вероисповедания в это время, особенно в Нумидии и Мавретании. См. Мопсеах. Op. cit., IV, p. 97—103.

¹¹⁷ Victoris Tonnennensis Chronica; Laterculus regum Vandalorum et Alanorum.

веру, прельщая почестями и деньгами. Прокопий характеризует Тразамунда как человека, отличавшегося разумом и величием духа ¹¹⁸. Очевидно, эта оценка отражает политику покровительства римским элементам населения, проводившуюся Тразамундом более последовательно, чем его предшественниками. Тразамунд в какой-то мере возобновил приемы приобретения политической популярности, известные в Римской империи: он организовал в Карфагене римскую школу, строил термы в городах ¹¹⁹.

В царствование преемника Тразамунда Хильдерика (523—530 гг.) берберы разгромили вандалов в Бизацене. В условиях крайне напряженного внешнеполитического положения вандальского государства Хильдерик пошел на значительные уступки Римской империи. Полностью была восстановлена свобода вероисповедания для католиков. Союз с Остготским королевством был разорван, а Амалафрида заключена в тюрьму ¹²⁰. Хильдерик начал выпускать монеты с именем императора Юстина ¹²¹, что, очевидно, означало признание вассалитета Вандальского королевства от Византии. Политика Хильдерика вызвала отпор со стороны вандальской знати и войска, видевших в ней ущемление своих привилегий в интересах римлян. Хильдерик был свергнут, а королевский престол занял следующий по возрасту член королевского рода Гелимер. По словам Прокопия, власть Гелимера поддерживала вандальская знать (εἰ τι ἄριστον ἦν) ¹²². Переворот Гелимера означал оживление в Вандальском королевстве тенденций к самостоятельной политике, что не могло не встретить сопротивления со стороны укрепившейся при Юстиниане Византии. В 534 г. в результате военных действий византийской армии Вандальское королевство было полностью разгромлено.

¹¹⁸ Procop., De b. V., I, 8.

¹¹⁹ Codex Salmasianus, 210—214; Dracontius. Romulea, lib., I.

¹²⁰ Procop., De b. V., I, 9; Victor. Tonnen., ad ann. 523; Laterculus reg. Vand. et Alan.; «Vita Fulgentii».

¹²¹ Friedländer. Die Münzen der Vandalen. Leipzig, 1849, S. 32.

¹²² Procop., De b. V., I, 9; Iord., Getica, 33; Victoris Tonnenensis, ad ann. 531.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основное содержание истории Северной Африки IV—V вв. н. э. составляют кризис и разложение античного рабовладельческого строя в тех его модификациях, которые были характерны для общества Римской империи. Еще во II в. этот строй находился в африканских провинциях на высокой стадии своего развития: рабовладельческое хозяйство и основанные на землевладении города получали здесь все более широкое распространение. Но в течение всего лишь нескольких десятилетий эта картина относительного подъема сменяется хозяйственным застоєм и упадком античных форм общественной организации.

Было бы неправильно, как это делают многие историки, объяснять это явление исключительно политическими условиями Поздней империи. В основе кризиса муниципального землевладения и городского строя лежали те процессы имущественной и социальной дифференциации внутри городских общин, которые образуют характерную закономерность определенной стадии развития любого античного города. Вместе с тем уже в эпоху Ранней империи в Северной Африке сложились условия, определившие особенности ее социально-экономического развития в более поздний период. Эти условия были созданы специфическим характером римской колонизации африканских провинций. Помимо поселений солдат и ветеранов, создававших предпосылки для развития муниципального землевладения, в этот период здесь возникали многочисленные крупные экзими-рованные имения сенаторской аристократии и императоров. Наиболее простое и выгодное средство хозяйственного использования этих громадных владений состояло в эксплуатации жившего на их территории либо поселенного на ней туземного населения. Крупное экстерритори-

альное землевладение и колонат развивались в Африке параллельно с интенсивным ростом городов и характерным для них рабовладельческим хозяйством. Рано или поздно оба эти процесса должны были прийти в столкновение друг с другом. Туземные земледельческие поселения составляли основную питательную среду муниципального развития, но включение все большего числа этих поселений в состав крупных имений, разумеется, исключало перспективу их превращения в города. Если императорские сальтусы и имения римской знати ограничивали возможности возникновения новых муниципиев, то владения сенаторов, вышедших из муниципальных кругов, сокращали объем сельскохозяйственной территории уже существовавших городов. Самое наличие крупных имений на границах городской территории или в ее пределах создавало ситуацию, неблагоприятную для городов: собственники таких имений располагали различными возможностями оказывать давление на города и расширять свои владения за счет их общественных земель и земельных имуществ мелких и средних муниципальных поссессоров. Таким образом, уже в период Ранней империи в Римской Африке создались условия, ограничивавшие развитие муниципального землевладения и городских форм жизни. Во второй половине III в. и в период Поздней империи эти условия придавали дополнительную остроту кризису городов, вызванному внутренними процессами их развития.

Крупное императорское и частное землевладение вызвало к жизни характерную черту социально-экономического строя Римской Африки: широкое распространение здесь уже в сравнительно ранний период колонатных отношений. Эксплуатация рабов сочеталась в Африке с эксплуатацией масс туземных земледельцев, приобретавшей все больший охват по мере проникновения римлян в новые районы. Ко времени Поздней империи в африканских провинциях, если исключить их окраинные районы, практически не осталось свободного сельского населения. Основная масса тружеников оказалась оттесненной в ряды эксплуатируемых и закрепощенных работников имений. Их эксплуатация принимала особенно разорительный характер благодаря влиянию товарно-денежных отношений, возможности вывоза африканских сельскохозяйственных продуктов на внешние рынки.

Основу экономического расцвета античных обществ составляли средних размеров рабовладельческие хозяйства, обычно связанные с городской земельной собственностью, либо мелкое крестьянское землевладение. Но в поздней Римской Африке оба эти типа хозяйства находились в условиях, делавших их экономическое положение крайне непрочным и исключавших их дальнейшее развитие по восходящей линии. Признаки экономического упадка, с которыми мы встречаемся в памятниках III—V вв., — и прежде всего сокращение обрабатываемой сельскохозяйственной территории — являются естественным результатом этих условий.

Из всего этого видно, насколько неоправданными и односторонними являются представления о «благотворной роли» римского влияния в Северной Африке и сожаления по поводу упадка «римской цивилизации». Несомненно, на первых порах римское завоевание создало дополнительные стимулы для роста производства в африканском сельском хозяйстве и ремесле, для развития товарно-денежных отношений и городской культуры. Но именно это завоевание превратило Африку и ее население в объект растущей эксплуатации со стороны сил, находившихся за пределами африканского общества — сенаторской аристократии и Римского государства, что привело к тяжелым формам экономического и социального угнетения широких масс трудящихся, создало определенные рамки для развития городов античного типа и вызвало в течение относительно короткого периода явления упадка в африканском хозяйстве.

Состояние экономики Северной Африки в значительной мере зависело от общей социально-экономической и политической ситуации в Римской империи, для которой африканские провинции были одним из важнейших источников продовольственных ресурсов. Кризис империи, начавшийся в III в., изменения в ее политической и военной организации в период домината, внешние и внутренние войны — все это самым отрицательным образом влияло на экономическое положение африканских провинций. В IV—V вв. непомерная налоговая эксплуатация Африки Римским государством резко ухудшила положение трудящихся масс и мелких и средних собственников и в конечном счете сделала невозможным какое-либо поступательное развитие экономики.

В тех социальных условиях, которые сложились в Римской Африке, можно видеть и предпосылки относительно узкого распространения здесь римской культуры и латинского языка. Основным проводником романизации были города, но образование уже в ранний период римского господства многочисленных экзимирированных салтусов ограничивало влияние городских форм жизни на широкие слои сельского населения. Кроме того, эксплуатация, которой подвергали берберов Римское государство и крупные землевладельцы, способствовала быстрому созреванию в их среде настроений резкого протеста против римского господства и связанного с ним социального строя. В этом кроются причины интенсивного распространения христианства в широких слоях туземного сельского населения и той массовой поддержки, которую впоследствии они оказывали оппозиционной империи донатистской церкви.

Падение власти Римской империи в Северной Африке было неразрывно связано с малочисленностью и слабостью тех общественных сил, которые готовы были оказать ей активную поддержку. О настроениях трудящихся слоев достаточно отчетливо свидетельствует их участие в донатистском движении, поддержка, которую они в той или иной степени оказывали восстаниям Фирма и Гильдона и вторжению вандалов, наконец, стихийные вооруженные выступления колонов и рабов против власти империи и социального гнета. В городах императорская власть опиралась главным образом на наиболее состоятельный слой куриалов. Средние и мелкие муниципальные землевладельцы, хотя они и редко выступали в качестве самостоятельной политической силы и, несомненно, опасались варварских вторжений, все же не могли быть активными сторонниками разорявшего их Римского государства. И даже отдельные группы крупных землевладельцев — слоя, наиболее тесно связанного с римским господством, — проявляли все большее стремление освободиться от обременительной власти империи.

Отмечая причины и особенности кризиса античного общества в Северной Африке, мы можем в то же время сделать некоторые заключения относительно степени этого кризиса и его социально-экономических последствий в IV—V вв. Рабовладельческие отношения продолжали в данный период играть значительную роль в мелком и сред-

нем землевладении, которое еще не было полностью вытеснено крупной земельной собственностью. Несмотря на явную деградацию классического городского строя и муниципального землевладения, эти институты все же сохраняли большое значение в социально-экономическом строе африканских провинций Поздней империи и были далеки от полного разложения. Их консервированию до известной степени способствовала политика, проводимая позднеримским государством.

Мелкие и средние хозяйства, расположенные на городских землях, испытывали растущий упадок, но крупные имения сенаторской и муниципальной знати и христианской церкви продолжали приносить большие доходы своим владельцам. Очевидно, именно эти крупные имения обладали в условиях Поздней империи известными возможностями экономического развития. По мере того, как их собственники в большей или меньшей степени освобождались от обременительного налогового гнета, давившего на другие категории земельных владений, они могли организовать эксплуатацию колонов и посаженных на землю рабов в таких размерах, которые не подрывали окончательно их хозяйств и не уничтожали полностью условий, стимулировавших развитие производства. В наиболее независимых от фиска имениях создавались максимально возможные для той исторической эпохи предпосылки развития феодальных отношений.

Было бы, однако, неверно переоценивать значение экзимирированных имений и колоната как форм феодализации социально-экономического строя. Организация и структура крупного землевладения во многом еще определялись условиями, сложившимися в античном рабовладельческом обществе. Наиболее распространенной формой использования различных категорий имений была крупная аренда, которая препятствовала концентрации земельной собственности и увеличивала объем эксплуатации непосредственных производителей. Полный налоговый иммунитет был, скорее, исключением, чем правилом, и фискальные сборы, идущие на содержание громоздкого государственного аппарата, армии и римского плебса, продолжали поглощать значительную часть дохода большинства крупных собственников и разорять работников их имений. Все это в большой мере ослабляло те преимущества колоната перед рабством,

которые создавало наличие у работника производства его личного хозяйства.

Падение римского господства в Северной Африке и переход ее под власть вандалов и берберов не устранили форм эксплуататорских отношений, характерных для времени Поздней империи. В связи с развитием рабства у племен-завоевателей роль рабовладельческих отношений в Северной Африке в этот период, по-видимому, даже увеличилась. В условиях Вандальского королевства сохранились крупные имения, сдававшиеся в аренду и обрабатывавшиеся колонами и рабами. Однако эти имения были освобождены от обременительного налогового гнета, подрывавшего заинтересованность непосредственных производителей в труде. Одним из важнейших результатов падения власти Римской империи было более полное и интенсивное, чем раньше, разложение античных форм земельной собственности, связанных с муниципальным строем.

Результаты массового разорения городских землевладельцев были неодинаковыми в различных районах и, видимо, определялись в каждом конкретном случае соотношением социальных сил, прежде всего ролью крупного землевладения. С одной стороны, наиболее крупные земельные собственники получили возможность более свободно расширять свои владения за счет земель куриалов. Вместе с тем подрыв социально-политических позиций городских землевладельцев способствовал известному укреплению мелкого крестьянского землевладения. В том же направлении действовали и другие факторы: освобождение части африканских колонов и рабов в период борьбы вандалов с Римской империей, а также раздел земли между вандалами, осуществленный в Проконсульской Африке.

Укрепление мелкого крестьянского хозяйства способствовало выделению из среды сельского населения новой социальной группы более или менее крупных земельных собственников, уже не связанных генетически ни с римской рабовладельческой аристократией, ни с муниципальным землевладением. Таким образом, в этот период в Северной Африке начали проявляться те же процессы социального и имущественного расслоения крестьянства, которые вели в Европе к развитию феодальных отношений. При этом в Африке эти процессы, вероятно, отличались сравнительно большей интенсивностью, поскольку в данный период

здесь не играла заметной роли земельная община, столь характерная для Западной Европы в эпоху, последовавшую за германским завоеванием.

Мы имеем основания думать, что берберские племена Северной Африки переживали в этот период разложение общинных отношений и превращение родоплеменной знати в класс феодализирующихся крупных собственников. Однако наши данные об истории образовавшихся в V—VI вв. независимых берберских государств слишком ограничены, чтобы можно было настаивать на каких-либо определенных выводах по данному вопросу.

В целом те изменения, которые были внесены в социально-экономическое развитие Северной Африки «варварским» завоеванием, можно рассматривать как один из этапов распада рабовладельческой и генезиса новой феодальной формации. Но и к началу VI в. этот процесс был еще далек от своего завершения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ Византийский временник
 ВДИ Вестник древней истории
 ЖМНП Журнал Министерства народного просвещения
 АЕр Année épigraphique
 AJPh American Journal of Philology
 CIL Corpus inscriptionum latinarum
 CRAI Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
 CJ Codex Justinianus
 CSEL Corpx scriptorum ecclesiasticorum latinorum
 CTh Codex Theodosianus
 ЕЕАНА Л. Leschi. Etudes d'épigraphie, d'archéologie et d'histoire africaines. Paris, 1957
 ESAR An Economic Survey of Ancient Rome, ed. by T. Frank, vol. I—V. Baltimore. 1933—1940
 FHG Fragmenta historicorum graecorum, ed. C. Müller
 ILA^f R. Cagnat et A. Merlin. Inscriptions latines d'Afrique. Paris, 1923
 LAI St. Gsell. Inscriptions latines de l'Algérie. I, Paris, 1922; II, Paris, 1957
 ILS H. Dessau. Inscriptiones latinae selectae
 ILT A. Merlin. Inscriptions latines de la Tunisie. Paris, 1944
 JRS Journal of Roman Studies
 IRT J. M. Reynolds and J. B. Ward Perkins. The Inscriptions Roman Tripolitania. Rome—London, 1952
 Mansi Conciliorum amplissima collectio, ed. J.-D. Mansi
 MGH AA Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi
 PG Patrologiae cursus completus, ed. J.-P. Migne. Series graeca
 PL Patrologiae cursus completus, ed. J.-P. Migne. Series latina
 RAfr. Revue africaine
 RE Pauly—Wissowa—Kroll's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
 REA Revue des études anciennes
 SEHRE M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of Roman Empire. Oxford, 1926
 SHA Scriptores Historiae Augustae

УКАЗАТЕЛИ

1. УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абаритана 245, 252
Абитина 156
Август 22
Августин 31—33, 39, 44, 48—
58, 61, 64, 73, 75—77, 81, 87—
89, 97, 109, 133—138, 141,
143—146, 150, 152, 160, 168,
174—177, 179, 180, 182, 185—
190, 192, 193, 197—199, 206,
211, 218, 221—224, 230, 231,
234, 235, 238, 241
Аврелиан 250
Аврелий (епископ карфагенский)
217
Аврелий Виктор 17
Аврелий Литуа (презид Мавре-
тании) 13
австуриане (племя) 76, 201, 202
автололы (племя) 279
Агинеzis (актор имения) 135
Адеудата (жительница Туле-
тианензиса) 273, 275
Адриан 23, 41, 96, 103, 117,
122, 123, 127, 128
Ad Turres 116
Айн-Вассель 122
Айн-эль-Джемала 116, 122, 127,
128, 132
Аквилея 14
Аксидо (предводитель агонисти-
ков) 188
Ala Miliaria 247
аланы 241, 249, 250
Аларих 234, 236, 237
Albulae 42, 46, 281
Алжир 5, 43, 231
Алипий (викарий Африки) 89
Алипий (гражданин Тагасты) 53
Алтава 246, 280, 281
Альбертини Э. (E. Albertini) 275
Амалафрида (сестра короля Тео-
дорика) 282, 283
Аммедара 81
Аммиан Марцеллин 27, 66, 76,
86, 201—208
Анний Ануллин Геминий Пер-
цепсиан (сенатор) 82
Антиохия 48
Анулин (проконсул Африки) 162
Аппиан 130
Аполлинаруй Сидоний 279
Апулей 115, 143
Арелат 164
арзуги (племя) 32, 87, 202, 279
Аркадий 68, 74, 100, 105, 106,
108, 210
Аррии (сенаторская семья) 83
Арсакал 82
Аспар (римский полководец) 244
Аттал (император) 236, 237
Aunobaris 80
Бабурий Ювенис (сенатор) 82
бавары (берберское племя) 12
Багаи (Bagai) 167, 168, 174, 185
188, 221, 230, 279
Баграда (река, совр. Меджерда)
21, 79, 80, 130
бакватии (берберское племя) 12
Балеарские острова 278
Бальзамий (житель Тулетнанен-
зиса) 270, 272

Барадэ Ж. (J. Baradez) 96
берберы 6—9, 11—14, 18, 32,
41, 45, 72, 76, 201—206, 208—
210, 214, 215, 219, 233, 238,
239, 241, 243, 264, 278—283,
289, 290

Bergouaghia 281

Бертье А. (A. Berthier) 7, 8
Бизацена 15, 16, 21, 38, 44, 81,
83, 100, 101, 116, 217, 218,
220, 222, 244, 245, 252, 256,
261—264, 271, 279, 283

Бонифаций (комит Африки) 189,
231, 234, 235, 237—244

Бриссон Ж.-П. (J.-P. Brisson)
6, 9, 10, 30, 37, 118, 154, 170,
176, 181, 190, 194, 195, 226—
229

Британия 90

Булла Региа (Bulla Regia) 42,
45, 80, 221

Бурунитанский сальтус 131, 133

Бюттнер Т. (T. Büttner) 154, 155,
179, 181, 197

Vaga 42, 79

Валент (диплом в Гиппоне-Ре-
гии) 52, 146

Валент (император) 27, 99, 107,
134, 136

Валентиниан I 24, 32, 66—68,
70, 72, 76, 107, 134, 136, 201,
206, 216

Валентиниан II 68, 105, 140

Валентиниан III 103, 238, 244—
247, 256, 263, 268

Валерий (актор имения) 135

Валерий Целиан (куратор г Са-
ради) 47

Валерия Аттицила 81, 84

Ван Ностранд Д. (J. J. Van
Nostrand) 117, 129

Ван Сикл К. (C. E. Van Sickle)
40, 63

вандалы 4—7, 9, 10, 76, 241—
248; гл. VI—passim; 287, 289

Варил Л. 196

Велизарий (византийский пол-
ководец) 258

Veresunda 42, 94

Верин (викарий Африки) 166

Веспасиан 127

Вестготское королевство 258

Вибий Аниан Геминий (дуум-
вир Лептиса) 47

Византия — см. Восточная Рим-
ская империя

Виктор (донатистский епископ
Рузики) 206

Виктор Витенский 245, 246,
252—255, 257, 259, 260, 262,
264

Vicus Bobius 56

Vicus Lambafundensium 94

Вилла Магна Вариана 119, 128,
138

Вильманс Г (G. Willmanns) 81

Vina 43, 46

Вителлий Афф (донатистский пи-
сатель) 169

Восточная Римская империя 36—
37, 210, 211, 215, 244, 245,
256, 258, 276, 278, 282, 283

Vofricenses (жители села) 94

Вулкаций Руфин (патрон Та-
мугади) 65

Габиний Сальвиан (гражданин
Thuburbo Maius) 46

Гадрумет 81, 220

Газр-Мезуар 133

Галла Плацидия 238—240, 242

Галлион (римский полководец)
240

Галлия 90, 193, 200, 249

гараманты (племя) 279

Ghardimau 46

Гауденций (донатистский епи-
скоп Тамугади) 223, 235

Гебумандиак (знатный вандал)
257

Гейзерих (король вандалов) 241,
243—246, 250—257, 260, 262,
264, 266, 278, 279

Гелимер (король вандалов) 258,
283

Геллпидий (проконсул Африки)
88, 89

Геннадий (церковный писатель
IV в.) 169

Геминий Кресконий (житель Ту-
летиянензиса) 270—273

Геминий Феликс (житель Туле-
тианензиса) 270—272, 275

Геминий Фортун (житель Тулет-
ианензиса) 271
Геминия Янурилла (жительница
Тулетианензиса) 272
Гензон (сын Гейзериха) 252
Геракл 150, 151
Гераклиан (комит Африки) 237
Гераклии (знатное семейство в
Лептисе) 47, 61
Гераклий (диакон в Гиппоне-Ре-
гии) 52, 146
Герод (проконсул Африки) 228,
230, 231
Гесихий Милетский 100
Гесперий (народный трибун) 85
Гетулия 245, 252
гетулы (племя) 279
Гзель С. (St. Gsell) 89, 142, 254
Гиббон Э. (E. Gibbon) 3
Гибралтар 242, 243, 245
Gightis 94
Гидаций (хронист) 242
Гильдон 209—217, 222, 232, 237,
287
Гиппон-Регий 16, 31, 32, 48,
49, 52, 54, 56, 58, 65, 81, 109,
144, 146, 221, 244
Годнискл (король вандалов) 249,
250
Гонорий 54, 68, 74, 87, 97, 100,
106, 108, 152, 181, 183, 186,
190, 210, 217, 230, 231, 234—
239, 249
Гонтарис (король вандалов) 250
Гордиан I 11
Гордиан III 85
Гордиан (карфагенский куриал)
253, 262
Гордианы (императорская ди-
настия) 11, 12, 17, 85
готы 196, 209, 234, 239, 242, 244
Грат (епископ карфагенский) 173
Грациан 40, 68, 152, 230
Гудчайлд Р. (R. Goodchild) 98
Гунтамунд (король вандалов) 268,
282

Дамасий (папа) 109
Дарий (императорский эмиссар)
241
Дексипп Афинский 250
Делеаж А. (A. Déléage) 26

Дессау Г. (H. Dessau) 84, 119
Деций 157
Дженан-эз-Зайтуна 123
Diana Veteranorum 220
Диоклетиан 14—16, 22, 24, 30,
40—42, 45, 56, 80, 97, 155,
156, 158, 159, 161, 163, 165,
170, 215
Дмитрев А. Д. 5, 153, 154, 176,
181, 184—186, 192, 194
Домициан 79
Домиций Александр 16—18, 158
Домиций Целс (викарий Африки)
165
Домиций Юст Эмилиан (кура-
тор Лептиса) 47
Донат (епископ Баган) 167, 174,
185, 188
Донат (епископ Казы Нигры) —
См. Донат Карфагенский
Донат Карфагенский 163, 167,
171, 173, 185
Доната (жительница Тулетиа-
нензиса) 270
Допш А. (A. Dopsch) 27, 28
Драконций (поэт) 268
Дульций (трибун) 235
Дунай 12

Евгений (император) 210
Египет 14

Жюльен III.-А. (Ch.-A. Ju-
lien) 10, 243

Zagai 221
Заттара (Zattara) 42, 46, 220
Зевгитана — см. Проконсуль-
ская Африка
Зеек О. (O. Seek) 207
Зенон (император) 259, 260, 278,
282
Зенофил (консуляр Нумидии) 165
Зосим 16, 17, 206, 208
Zubedi (имение) 85

Иауда (берберский племенной
вождь) 280
Ибн Абд эль Хаким 37
Игмазен (вождь племени исаф-
лензиев) 205
Икознум 207

- Иллирик 67
 Иоанн (комит Африки) 236
 Иоанн (претендент на императорский престол) 238—240
 Иордан 242
 Исаак (донатистский «мученик») 171
 исафлензии (племя) 205
 Испания 90, 237, 245, 249—251, 258
 Hispania Citerior 83
 Италия 11, 19, 23, 30, 31, 90, 102, 129—131, 234, 236, 240, 244, 253, 258, 260, 262, 279, 282
Кабилля 204
 Каваон (племенной вождь в Триполитании) 279
 Каждан А. П. 78, 119
 Каза Нигра 163
 Casae (vicus) 95
 Калама (Calama) 42, 43, 46, 82, 150, 207, 208, 220, 221, 244
 Caldis 83
 Кальт-эс-Сенам 81
 Капса (совр. Гафса) 109, 116, 271
 Каркопино Ж. (J. Carcopino) 7—9, 122, 123, 281
 Карфаген 12, 14, 18, 21, 22, 26, 37, 42, 44, 46, 53, 56, 156, 157, 159, 160, 167, 220, 235, 244—246, 253, 254, 256, 258, 268, 283
 Кассиодор 244
 Castellum Biracsaccarensium 43, 45
 Castellum Ma... 42, 45
 Кастин (magister militum) 237, 238
 квинквегентаней (союз берберских племен) 12—14
 Квиринал 14
 Кводульдевс (житель Тулетиянензиса) 273
 Киприан 12, 85, 115, 157, 158, 163, 225—227
 Клавдий (отец Фульгенция, собственник имения в Бизацене) 262, 263
 Клавдий Клавдиан 212—214
 Клодий Альбин 84
 Колумелла 131
 Коммод 84
 Коммодиан 194—197, 200, 247
 Кондураки Э. 28, 29, 59
 Конкордия 150
 Константин 51, 71, 167, 168, 171—173, 202
 Константин 18, 23, 24, 57, 63, 66, 68, 69, 81, 99, 105, 109, 112, 118, 138, 141, 151, 161—166, 168—171, 173, 186, 249
 Константинополь 19, 92
 Констанций II 27, 66, 71, 86, 141
 Контензе 207
 Коронат (поэт) 254
 Корип 280
 Корсика 278
 Котула Т. (T. Kotula) 79, 85
 Крескония (жителиница Тулетиянензиса) 270, 271
 Криспин (донатистский епископ Каламы) 138, 229
 Кункуль 16, 42, 43, 46, 56, 82, 220, 221, 246
 Курма (куриал municipium Tullianense) 56
 Курсель П. (P. Courcelle) 195
 Куртуа Кр. (Chr. Courtois) 6, 7, 218, 270—273, 281
 Курубис (Curubis) 46, 220
 Курцилий Манция (консул-суффект) 127
 Ламбесис (Lambaesis) 42, 46, 82, 221, 279
 Ламбрехт П. (P. Lambrechts) 84
 Ламфокт 207
 Леви Э. (E. Levy) 104, 106
 Лемеллефензе 216
 Ленин В. И. 34, 35, 39
 Лептис Магна (Leptis Magna) 42, 43, 45, 47, 61, 65, 76, 202, 264
 Лептис Минор 220
 Либаний 48
 Лициний 161
 Лоллии (сенаторская семья) 83
 Луций Африкан (сенатор) 81, 95
 Луцилла 159, 160
 Люксорий (поэт) 254

- Маворций (римский полководец) 240
 Мавретания 11—15, 21, 44, 46, 65, 72, 87, 90, 94, 141, 151, 203, 206, 207, 218, 220, 222, 227, 228, 243, 246, 247, 256, 261, 263, 267, 268, 279—282
 Мавретания Ситифенская (Mauretania Sitifensis) 15, 46, 83, 142, 207, 218, 263, 279
 Мавретания Тингитанская 245
 Мавретания Цезарейская (Mauretania Caesariensis) 15, 43, 83, 89, 96, 201, 202, 204, 218, 221, 246, 247, 279—281
 мавры 14, 202—205, 208—210, 279—281 (см. также берберы)
 Магн Максим (император) 209, 210
 Мадавр (Madauros) 42—47, 59, 82, 221
 мадики или мазики (племя) 203
 Майорин (епископ) 159—163, 171
 Макарий (эпископ Константа) 167, 171, 173, 174, 185, 188, 199
 Масомеды 42
 Макробий (донатистский епископ) 187
 Максенций 16—18, 158
 Максима (жительница Тулетиянензиса) 270
 Максима (рабыня) 257
 Максимиан Дая 13, 14, 16
 Максимиан (донатистский диакон) 229
 Максимиан (донатистский «мученик») 171
 Максимин (император) 11, 84
 Мактар 42, 47, 81
 Малх (византийский историк) 259, 260, 282
 Марин (комит Африки) 235, 236
 Маркс К. 38, 126
 Маркул (донатистский «мученик») 171
 Мартруа Ф. (F. Martroye) 154
 Мархарид (сподвижник Гильдона) 213
 Марцеллин (хронист) 242
 Mas...genses (жители села в районе Тагасты) 56
 Mascula 221
 Масигвин (префект Сафара и прокуратор) 281
 Мاستигас (племенной предводитель в Цезарейской Мавретании) 281
 Мастиес (dux et imperator) 281
 Масуна (rex gentium Maurorum et Romanorum) 281
 Масцезель (племенной предводитель в Мавретании) 210
 Маццарино С. (S. Mazzarino) 28
 Машкин Н. А. 5, 153, 183, 184, 194
 Mediani (жители села в районе Ситифа) 56
 Медианум 207
 Мезия 14, 204
 Мелания 37, 86, 87, 90, 143, 213
 Меммий Фид Юлий Альбий (патрон Буллы Регии) 80
 Мензурий (епископ карфагенский) 155, 158, 159
 Меньяж Ж. (J. Mesnage) 218
 Mididi 42, 45
 Миквиц Г. (G. Mickwitz) 27, 28
 Милев (Milev) 82, 220, 221
 Мильтиад (епископ римский) 162
 Моммзен Т. (T. Mommsen) 55
 Мунаций Сабина (патрон Буллы Регии) 80
 Mustis 42, 47, 109
 мусулами (племя) 84, 93, 95
 Напоций Феликс Антониан (дуумвир Тугги) 46
 Нахман Ф. М. 119, 120
 Невии (сенаторская семья) 82
 Нероп 78—79
 Nybgenii (племя) 94
 Нил 19
 Новациан 157
 Нонний Марцелл Геркулий (житель г. Thubursicum Numidarum) 46
 Нубель (племенной предводитель в Мавретании) 204, 208
 Нумидия 11, 12, 15, 16, 21, 34, 43, 44, 46, 55, 65, 72, 82, 83, 85, 87, 88, 90, 94, 96, 97, 109, 130, 134, 137, 141, 151, 156, 159, 173, 174, 180, 185, 188, 189, 191, 193, 207, 216, 218—

222, 245, 247, 252, 256, 261,
263, 267, 268, 279—282
Нумидия Проконсульская 244,
245

Нумидия Циртенская (Numidia
Cirtensis) 16, 245—247

Numidae (племя) 93, 94, 220

Одра (река) 249

Октавензис 189

Олимпиодор 238, 239

Оплат Милевитанский 39, 141,
160, 168, 169, 173, 174, 176,
177, 182, 185, 187—193, 199

Оплат Тамугадский 211—214, 216,
217

Орозий 210, 211, 236, 251

Остготское королевство 282, 283

Павел (юрист) 92

Павел (эmissар Константа) 167,
171, 173, 174, 185, 188, 199

Pagus Mercurialis veteranorum Me-
delitanorum 94

Pagus Fortunalis 94

Пактумен (сенаторская семья) 82

Палестина 179

Паллас М. (M. Pallasse) 134, 269,
270

Паммахий (сенатор) 88

Паннония 204

Пармениан (донатистский епис-
коп карфагенский) 223

Патриций (субдиакон в Гиппо-
не-Регии) 52

Пертинакс 103

Петилиан (донатистский епископ
карфагенский) 223

Пиганьоль А. (A. Piganiol) 63,
75, 140

Пиренейский полуостров 241, 249

Плиний Младший 131

Плиний Старший 78

Pisidiaci (жители села близ Куи-
куля) 56

Покагуппин (куратор г. Vina) 46

Полибий 130

Помпей Сосии (сенаторская се-
мья) 82

Понтикан (актер имения) 135

Поссидий (епископ) 109, 175, 184,
185, 239

Примиан (донатистский епископ
карфагенский) 228—230

Пробин (проконсул Африки) 87

Прокл (приближенный Гейзериха)
254

Проконсульская Африка (Africa
proconsularis, provincia pro-
consularis) 15, 16, 21, 38, 41—
47, 80, 87, 90, 100, 101, 116,
156, 217, 218, 220, 222, 244,
245, 252—256, 258, 260, 261,
263, 265

Прокопий Кесарийский 36, 37,
238, 242, 244, 252, 253, 255,
257—259, 266, 267, 280—283

Проспер 237—240, 242, 244, 245,
253

Процессан (житель Тулетнанен-
зиса) 272, 275

Публикола (сенатор, отец Ме-
лани) 32, 87, 89, 137

Публилий Цейоний Цецина Аль-
бин (консуляр Нумидии) 66,
152

Ранович А. Б. 107

Рапидум 41, 94

Regio Arzugum 32

Рейн 12

Ремигий (magister officiorum) 207

Рим (город) 11, 14, 17—20, 23—
26, 30, 31, 53, 91, 92, 163, 210,
214, 278

Роман (комит Африки) 76, 202,
205, 207

Романиан (гражданин и патрон
Тагасты) 53

Ромул (собственник имения) 135,
137

Ростовцев М. И. 79, 104, 118,
120, 123—125, 127, 130, 133

Росций Руфин Сатурнин (пат-
рон Буллы Регии) 80

Рузикаде (или Рузика) 82, 206,
221

Руспе 253, 262, 266

Рутилий Сатурнин (vir claris-
simus) 46

Sabarbares (племя) 93

Сабратха (Sabratha) 42, 202

Салама П. (P. Salama) 16

- Saldae 83
 Саллюстий 130
 Сальвиан (гражданин Thuburbo Maius) 46
 Сальвиан Марсельский 30, 50, 74, 152, 153, 246
 Saltus Beguensis 81, 84, 95
 Saltus Massipianus 81
 Саммак (племенной предводитель в Мавретании) 204
 Saradi 47
 Сардиния 278
 Сатаф (Satalis) 43, 46, 83, 221
 Сатурн 150, 218
 Сафар 281
 свевы (племя) 250
 Себастьян (римский полководец) 245
 Север (диакон в Гиппоне-Регии) 52
 Север (посол императора Зенона) 260
 Северы (императорская династия) 62
 Сегисвульт (комит) 240—243
 Секунд (примас Нумидии) 159
 Сенека (римский полководец) 240
 Септимий Север 19, 20, 84, 97
 Серан (проконсул Африки) 230
 Сербун (житель Тулетиианензиса) 273
 Servaei (сенаторская семья) 81
 Сергеев В. С. 123
 Сиддина (жительница Тулетиианензиса) 272
 Sigus 94, 221
 Sicca Veneria 80, 258
 Сильван (епископ) 165, 166
 Симмах 83, 87—92
 Сиракузы 258
 Сирия 179
 Ситиф (Sitifis) 83, 220, 221
 Сицилия 90, 245, 258, 260, 278
 Сомань Ш. (Ch. Saumagne) 8, 26, 117—123, 181, 182, 184, 277
 Sortes Wandalorum 252, 260—262, 274
 Стахаон (из племени австуриан) 201
 Стилихон (префект претория) 209, 212, 293
 Suppenses (жители села) 94
 Суфес 150
 Суфетула 81
 Тарагаста (Thagaste) 44, 53, 56, 87, 220
 Thagora 42
 Тамугади (Thamugadi) 24, 29, 30, 42, 43, 46, 55, 60, 69, 70, 82, 211, 221, 235, 279
 Тарраций (verna vectigalis) 142
 Таурин (комит Африки) 189
 Тебесса (хребет) 81
 Тевдис (король вестготов) 258
 Тевесте (Theveste, совр. Тебесса) 42—44, 56, 82, 220, 221, 271, 279
 Телленте 262, 271
 Таенае 81
 Теодорик (король остготов) 282
 Тертуллиан 156—158, 172, 226, 227, 229
 Thibilis 82, 94
 Tigisi 94
 Тиздр 81
 Тиконий (донатистский писатель) 177, 225
 Типаса 43, 83, 209, 216, 221
 Тразамунд (король вандалов) 254, 255, 279, 282, 283
 Траян 81
 Триполитания 15, 21, 32, 45, 47, 65, 70, 76, 87, 89, 96—98, 136, 137, 146, 201, 202, 244, 246, 261, 279
 Tubernuc 42, 45
 Thuburbo Maius 42, 43, 46, 47
 Thubursicum Bure 81
 Thubursicum Numidarum 42, 46, 56, 94, 220, 221
 Tubusuptu 221
 Тугга (Thugga) 42, 46, 62, 79—81
 Тулетиианензис (Tuletianensis — именование и село) 269, 271—275
 Tullienae municipium 56
 Turris Tamalleni 94
 Тутен Ж. (J. Toutain) 40, 41, 123
 Тюммель В. (W. Thümmel) 154, 218
 Удальцова З. В. 5, 255, 276
 Узарра 42
 Уормингтон Б. (B. H. Warming-

топ) 5, 6, 8, 9, 40, 41, 48, 65—
 67, 207
 Утика 80, 220
 Утрикул 237
 Фафир (предводитель агонистиков)
 188
 Фаустин (донатистский епископ
 Гиппона-Регия) 221
 Феликс (епископ аптунгский) 160,
 164
 Феликс (magister militum) 240
 Феодорит Кирский 187, 253, 256
 Феодосий I 105, 106, 204—210
 Феодосий II 54, 103, 152, 240
 Филастрий из Бриксии 176
 Фирм 204—211, 215, 216, 222,
 230, 281, 287
 Флавий Вибиан (куратор и ду-
 умвир Лептиса) 47
 Флавиан (викарий Африки) 230,
 231
 Флавий Геминий Катуллин (fla-
 men perpetuus) 116, 269—271,
 273, 275
 Флавий Марцеллин (трибун и
 нотарий) 235
 Флавий Феликс (поэт) 254
 Флавий Фронтин Гераклий (ав-
 гур в Лептисе) 47
 Флор (журнал) 207
 Френд У. (W. C. H. Friend) 6,
 8, 154, 156, 177, 178, 181, 218—
 220, 231
 Фрэнк Т. (T. Frank) 118, 120,
 123, 130
 Фронтин 79, 114
 Фульгенций (епископ г. Руспе)
 253, 258, 262, 263, 266
 Fundus Petrensis 204
 Fundus Sallustianus 83
 Fussala 85
 Хейвуд Р. (R. M. Haywood) 9,
 40, 45, 57, 62, 84, 123
 Хейтленд У. (W. E. Heitland) 122
 Хенхир-Меттих 21, 114, 116—
 119, 125, 128, 129, 132, 138, 269
 Хильдерик (король вандалов) 283
 Хис Р. (R. His) 139
 Horiga Caelia 81
 Христос 152, 153, 173, 175, 196,
 224, 225

Хунирик (король вандалов) 244,
 252, 254, 257, 259, 279, 282

Цезаря 42, 45, 83, 204, 209, 220
 Цейонии (патроны Буллы Регии)
 80

Цейоний Руф Волюзиан (сена-
 тор) 81

Целер (проконсул Африки) 230,
 240

Целеста 150, 152

Целестиан (карфагенский жур-
 нал) 256

Целлия Максима (собственница
 имени) 83

Цецилиан (епископ карфаген-
 ский) 158—165, 170

Цецилий Север (чиновник пре-
 фектуры претория) 65

Cinithii, племя 93, 94

Цирта 16, 42, 71, 82—85, 109,
 166, 221, 267

Шмидт Л. (L. Schmidt) 240, 242,
 244, 245, 249, 280

Штаерман Е. М. 11, 147, 195

Шультен А. (A. Schulten) 117,
 120, 122, 123, 125, 127

Эвазий (журнал) 207

Элий Юлиан (патрон Тамугади)
 65

Энгельс Ф. 178, 200, 250

Эя 202

Югена (префект в Цезарейской
 Мавретании) 281

Юлнан (император) 27, 29, 65,
 66, 72, 74, 92, 107, 150, 152,
 215, 216, 227

Юлий (собственник имени) 37,
 137

Юлий Викторин (житель Туле-
 тианензиса) 270, 272, 275

Юлий Регилл (собственник име-
 ния) 80

Юлий Реститут (житель Туле-
 тианензиса) 273, 275

Юний Фаустин Постумиан (кон-
 суляр) 81

Юстин (император) 283

Юстиниан 259, 276—278, 283

2. ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агон** (в христианской идеологии) 175, 194, 197
агонистики 5, 141, 154, 155; 174—200; 212, 221, 222, 226, 232, 236, 247
adaeratio 28, 29
акторы — см. управители имений
album муниципальный 24, 55, 60, 65, 69, 70
аннона 19, 20, 24—26, 30, 63, 67, 68, 74, 210, 211, 237, 257, 265
аренда земельная 10, 31, 32, 57, 87—91, 93, 101—109, 112, 122, 125, 130, 137—140, 142, 214, 260, 288, 289
аскетизм 175, 178, 179, 188, 199
aurum lustrale 32, 38
- Багауды** 193, 200
бюрократия провинциальная 24, 27, 29, 45, 55, 64—66, 69, 80, 104, 108, 149, 151, 207, 228, 230, 231, 255, 265
- Вилик** 89, 119—121
вилла 10, 38, 51—52, 54, 55, 73, 78, 97, 109, 114, 119, 120, 147, 200
восстания сельского населения 39, 137, 141, 154, 180, 188—200
вторичное крещение (как конфессиональный принцип) 163, 164, 173, 216, 225, 227, 228
- Gleba senatoria** 26
гражданство городское 60, 61, 73
- Defensores scholastici** 113
дуумвиры 45, 47, 55, 56, 60—62, 68—70, 75
- Exactores** 25, 63, 70, 190
- Землевладение**
 — ветеранов 94, 95, 220
 — императорское 10, 32, 38, 77, 78, 81, 85, 93, 99—108, 113, 115, 117, 122, 125, 127, 128, 133, 137—140, 222, 256, 268, 284, 285
 — в лimesах 95—99
 — муниципальное 10, 13, 15, 26, 39, 60—62, 71, 75, 85, 94, 95, 98, 99, 148, 202, 256, 261, 263—268, 273—275, 284—286, 288; частное 32, 39, 51—56, 58, 60, 62, 67, 68, 73, 76, 79, 83—86, 109, 137, 146—148, 256, 261, 263, 264, 267, 268, 273—275; общественное 60, 61, 63, 66, 72, 83, 85, 105, 109, 267, 268
 — крупное частное (экспропрированное) 10, 13, 17, 24, 26, 29, 32, 38, 65—68, 76—93, 98, 104, 107, 108, 111, 113—117, 125—127, 130, 148, 191—193, 213—215, 222, 257, 261, 263, 284, 285
 — парцеллярное (в городах) 51, 52, 55—57, 62, 146
 — церковное 31, 32, 50, 63, 109—113, 141, 229, 258
знать родоплеменная 203—205, 208—210, 214, 215, 233, 249—251, 257, 261, 280—282, 290
- Имение (fundus)** 10, 11, 21, 26, 32, 34, 37, 52, 73; гл. III — passim; 191—193, 203, 204, 212—214, 216, 219, 222, 229, 230, 251, 256, 257, 259, 262, 264, 266, 267, 269, 271, 273, 275, 277, 284, 285, 288, 289
ирригация 21, 22, 42, 43, 46, 96, 101, 126, 138, 139, 267
- Castella** 43, 45, 82, 94, 221
клиента 73, 74, 268, 271
колонат, колонь 9—11, 32, 33, 37, 39, 82, 88, 90, 91, 93, 95, 109, 111, 113—140, 143, 147, 149, 180, 190—193, 200, 202, 214, 219, 222, 230, 231, 247, 251, 260, 269, 273—278, 285, 287—289
кондуктор имения, conductio 10, 57, 87, 89—93, 102, 103, 106,

107, 109, 119—122, 127, 133,
137, 138, 182, 183, 213, 259
culturae mancipianae 116, 123, 269,
270, 273

кураторы городские 45—47, 55,
63, 64, 69—71, 80, 207

курналы 11, 13, 24, 31, 32; гл. II—
passim; 105, 109, 112, 152, 156,
157, 160, 181, 205, 207—209,
221, 230, 240, 241, 256, 263,
264, 266—268, 271, 274, 275,
289

курия 13, 15, 42, 45, 54, 61, 63,
67, 69, 71—76, 95, 105, 246,
266, 274

Lex Hadriana de rudibus agris,
101, 103, 122, 123, 127, 128,
132, 142

lex Manciana 101, 116—130, 132,
138, 140, 142, 200, 269, 273

лимес 14, 86, 87, 95—99, 146, 147,
202

литургии 47, 48, 64, 71, 72, 75,
113

Милленарий (у вандалов) 257
монашество, монахи 57, 135, 176,
179, 262, 280

мученичество, мученики 156, 158,
160, 171, 172, 174, 176—179,
187, 188, 194, 197—199, 215,
224, 235, 247

Navicularii 26, 30, 31, 57, 58,
221, 264

налоги 11, 17, 23—30, 32, 50, 63,
66—70, 72, 74, 87, 89, 91, 96,
101, 109—111, 134, 137, 139,
161, 166, 190, 191, 193, 206,
209, 211, 215, 224, 233, 236,
237, 240, 241, 246, 261, 265—
267, 286—289

натуральное хозяйство 27, 29,
33, 34, 36—39, 126

negotiatores 33, 34, 38, 54, 57,
59, 181, 258, 264

нундины 34, 174, 189

Оброчные повинности (колонов
и рабов) 32, 33, 37, 93, 121,
126, 128—131, 135—137, 142,
192, 193, 273

обычай (как правовая основа
колонатных отношений) 123—
129, 136—138

оливки 10, 20, 21, 37, 81, 96,
128, 132, 142, 272, 273

оливковое масло 19, 20, 30, 31,
34, 35, 37, 59, 96, 97, 143, 272,
274

ordo 47, 61, 62, 64, 67, 69, 70,
207, 263

отработки колонов 132, 133

Пар 56, 94, 95

passiones донатистские 171, 172

патроны городские 53, 55, 64, 65

плебс городской 19, 28, 51, 54,
55, 57, 62, 64, 161, 162, 181,
209, 214, 229, 231, 247

— сельский 95, 112, 114, 115,
147, 158, 188, 193, 199, 200,
209, 229

племена см. берберы, мавры
префект племени 97, 203, 281

praefectus annonae Africae 19, 55
principales (в городе) 54

провинциальные собрания 68, 70,
71

прокуратор (у вандалов и бер-
беров) 266, 267, 281

прокураторы имений см. управ-
вители имений

Рабство, рабы 10, 11, 26, 51, 57,
58, 78, 88, 98, 99, 109, 111, 112,
115, 130, 134, 135, 139—148,
157, 180, 189—193, 195, 198,
203, 224, 230, 247, 251—253,
257, 260, 261, 265, 272, 278,
280, 285, 287—289

relevata praedia 100, 108

reliqua colonorum 131

ремесло, ремесленники 22, 33—
35, 37, 56—59, 143, 157, 220,
257

ростовщичество, ростовщики 33,
38, 39, 137, 180, 188—191, 275

рустики (*rustici*, *rusticani*) 39,
56, 57, 115, 136, 143, 147, 175,
177, 180, 189, 190, 192

Sacerdos provinciae, *sacerdotalis*
47, 54, 55, 65, 68—71

село (vicus) 21, 34, 56, 93—95, 114, 115, 143, 180

сенаторы 10, 11, 17, 18, 24, 26, 32, 65, 67—69, 71, 77—93, 104, 110, 115, 137, 149, 151, 181, 214, 230—233, 252—255, 262, 284—286

сепаратизм провинциальный 15, 17, 215, 233, 234, 240, 243

скотоводство 20, 143

строительство (в городах) 13—15, 22, 38, 41—48, 58, 61, 62, 66, 72, 75, 150, 220, 221, 264

subsiviva 118—121, 132, 138

summae legitimaе 61, 62

susceptores 63, 67

«Таблички Альбертини» 5, 9, 116—118, 124, 142, 268—275, 277

товарно-денежные отношения 3, 22, 27—39, 58, 59, 62, 90, 131, 136, 137, 200, 258, 259, 274, 285

traditio, traditores (в церкви) 155, 156, 158—161, 163, 165, 166, 170—173, 225

Usus proprius 118—122, 200

управители имений (actores, procuratores) 57, 81, 83, 88, 89, 93, 127, 135, 145, 182, 183

Феодализм 3, 5, 36, 90, 104, 111, 112, 288—290

flamines perpetui 45—47, 55, 62, 68, 69, 70, 75, 271

Хлеб 10, 17, 19—23, 25, 28, 29, 31, 33—35, 37, 59, 96, 97, 137, 210, 212, 221, 280

honorati 54, 221, 237, 263

Церковь католическая 13, 32, 33, 49, 50, 63, 87, 108—113, 149, 150, 155, 157—166, 168—171, 173, 178, 186, 187, 199, 217, 218, 220, 221, 223—226, 228, 235, 236, 258, 277, 282
— донатистская 87, 149, 163—174, 184—187, 198, 206, 211, 214—218, 220—230, 232, 235, 282

циркумцеллионы см. агонистики

Эмфитевзис, эмфитевты 102—108, 122, 138—140, 229, 269

Jus perpetuum salvo canone 102—106

jus possidendi ac fruendi hereditate suo relinquenti 103, 118, 119, 122, 123

jus privatum salvo canone 100, 107

Язычество 150—153, 171, 172, 177, 203, 218, 219, 232

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. <i>Основные черты экономики африканских провинций</i>	19
Глава II. <i>Города</i>	40
Глава III. <i>Аграрные отношения</i>	77
1. Структура земельной собственности	77
2. Колонат и рабство в сельском хозяйстве	113
Глава IV. <i>Социальная и религиозная борьба в первой половине IV в.</i>	149
1. Донатистское движение в первой половине IV в.	155
2. Агонистики и восстания сельского населения	174
Глава V. <i>Социально-политическая и религиозная борьба во второй половине IV — начале V в.</i>	201
1. Восстания Фирма и Гильдона	201
2. Донатизм в конце IV — начале V в.	215
3. Кризис римской власти в Африке и вандальское завоевание	236
Глава VI. <i>Социально-экономические последствия «варварского» завоевания</i>	249
Заключение	284
Список сокращений	291
Указатели	292

Дилигенский Герман Германович
Северная Африка в IV—V вв.

Утверждено к печати
Институтом истории АН СССР

Редактор издательства *В. М. Смирин*
Технический редактор *Т. А. Прусакова*
Художник *А. Я. Михайлов*

РИСО АН СССР 35-4Р. Сдано в набор 12/X 1960 г.
Подписано к печати 27/XII 1960 г. Формат 70×108 ¹/₁₆.
Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 16,4
Тираж 1800 экз. Т-16302. Изд. № 4872. Тип. зак. 1110.

Цена 1 р. 18 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР
Москва Г-93, Шубинский пер., 10

О п е ч а т к и

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
155	20 сн.	первой	в первой
266	11 сн.	значительно),	значительно
266	16 сн.	владений,	владении),
283	16 сн.	ἦν	ἦν
291	11 св.	Corpiх	Corpus
291	18 сн.	LAI	ILAI
291	12 сн.	Inscriptions	Inscriptions of

Г. Г. Дилигенский, Северная Африка в IV—V вв.

